ЛЕВ ТОЛСТОЙ

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

ТОМ 28

ЦАРСТВО БОЖИЕ ВНУТРИ ВАС

Лев Николаевич

ТОЛСТОЙ

Полное собрание сочинений. Том 28.
Царство Божие внутри вас 1890—1893

Государственное издательство
«Художественная литература», 1957

Ч 224
67

Л. Н. ТОЛСТОЙ

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

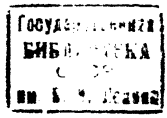
ИЗДАНИЕ ОСУЩЕСТВЛЯЕТСЯ ПОД НАБЛЮДЕНИЕМ
ГОСУДАРСТВЕННОЙ РЕДАКЦИОННОЙ КОМИССИИ

СЕРИЯ ПЕРВАЯ
ПРОИЗВЕДЕНИЯ

ТОМ
28

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА 1957

Перепечатка разрешается безвозмездно



57-95636-2

ЦАРСТВО БОЖИЕ ВНУТРИ ВАС

1890—1893

ПОДГОТОВКА ТЕКСТА И КОММЕНТАРИИ

Н. В. ГОРБАЧЕВА

ПРЕДИСЛОВИЕ К ДВАДЦАТЬ ВОСЬМОМУ ТОМУ

I

Публицистический, религиозно-философский труд Толстого «Царство божие внутри вас» завершает собой его публицистику восьмидесятых — начала девяностых годов XIX в. Этот труд явился итогом идейных исканий и теоретических исследований писателя, начатых им еще в шестидесятые годы XIX в. В нем поставлены «конкретные вопросы демократии и социализма», выражен искренний «протест против всякого классового господства». [1]

Значение книги состояло в том, что, вопреки религиозно-философским взглядам ее автора, в ней на первом плане оказалось гневное и страстное обличение буржуазного государственного строя, затмившее своей политической остротой и значительностью и его философию непротивления и его религиозное учение.

Проблемам мировоззрения Толстого, его общественному значению В. И. Ленин отвел большое место в своих статьях. Он показал, что идеология Толстого, сложившаяся в пореформенный период, явилась своеобразной реакцией на бурный рост «капитализма снизу и насаждения его сверху», [2] что Толстой выражал точку зрения патриархального, наивного крестьянина и переносил «его психологию в свою критику, в свое учение». [3]

Гениальные работы В. И. Ленина о Толстом впервые раскрыли социальные основы творчества и учения великого писателя. Народническая критика в лице Н. К. Михайловского,

---

[1] В. И. Ленин, Сочинения, т. 16, стр. 297.
[2] Там же, стр. 300.
[3] Там же, стр. 302.

не видя никакой связи между учением Толстого и настроениями миллионов русского крестьянства, упрекала его в отходе от насущных проблем современности. Подобную ошибку допускал и Г. В. Плеханов, чьи статьи о Толстом сыграли значительную роль в разоблачении реакционных сторон толстовщины и ее апологетов из либерального лагеря. Однако и Г. В. Плеханов не смог до конца разобраться в противоречиях мировоззрения и учения Толстого. В первых своих статьях Плеханов отрицал публицистику Толстого вообще, не видя в ней сильных, положительных сторон. В письме к П. Б. Аксельроду 28 сентября 1908 г. он писал по поводу юбилея Л. Н. Толстого: «Я вошел даже в комитет, категорически заявив о том, что я не желаю ни одним действием давать кому бы то ни было понять, что я сочувствую публицистической деятельности Толстого. Это значило, что я немедленно выйду из комитета, если тот выскажет сочувствие Толстому не как художнику, а как публицисту». [1] Правда, в последних работах, возможно под влиянием ленинских статей о Толстом, Плеханов изменил свое отношение к его публицистике. В статье «Карл Маркс и Лев Толстой» (1911) он признавал, что «значение толстовской проповеди... заключалось... в ярком изображении той эксплоатации народа, без которой не могут существовать высшие классы». В той же статье Плеханов отозвался и о «Царстве божием внутри вас»: «Что хорошего в книге «Царство божие внутри вас»? — То место, где описывается истязание крестьян губернатором». Есть в цитированной статье и новые, более общие выводы о публицистике Толстого. Ссылаясь на статьи «Какова моя жизнь?» [2] и «Не могу молчать!», Плеханов заключает: «Он проповедует непротивление злу насилием, а те его страницы, которые подобны только что указанным мною, будят в душе читателя святое стремление выставить против реакционного насилия революционную силу. Он советует ограничиваться *оружием критики*, а эти его превосходные страницы безусловно оправдывают самую резкую *критику посредством оружия*. Вот что — и только это — дорого в проповеди гр. Л. Толстого». [3]

---

[1] «Переписка Г. В. Плеханова и П. Б. Аксельрода», изд. Р. М. Плехановой, М. 1925, т. II, стр. 262.

[2] Первые двадцать глав книги Л. Н. Толстого «Так что же нам делать?», напечатанные в Женеве в 1886 г.

[3] Г. В. Плеханов, «Искусство и литература», Гослитиздат, М. 1948, стр. 707.

Книга «Царство божие внутри вас», вопреки своему подчеркнуто религиозно-философскому названию, является документом громадного общественного значения, в котором Толстой одним из первых заклеймил буржуазный агрессивный милитаризм, его экспансию против колониальных народов, всех трудящихся и друзей мира и братства народов.

Противоречивость мировоззрения Толстого сказалась в этом труде с особой силой. Мыслитель и проповедник, принципиально игнорировавший «внешние» условия жизни человеческого общества, его экономическое положение, вынужден был перед лицом трагических бедствий русского крестьянства, постигшего его в начале девяностых годов страшного голода, отступить от догмы своего учения и вступить в битву за жизнь тысяч и тысяч голодающих крестьян. Работа среди голодающих крестьян оказала серьезное влияние на литературно-публицистическую деятельность и учение Толстого. Ее результатом и явилось «Царство божие внутри вас», в котором отразились настроения широких крестьянских масс накануне первой русской революции, их мощный протест против современной социальной действительности.

Эта книга писалась в то время, когда «критические элементы учения Толстого могли на практике приносить иногда пользу некоторым слоям населения *вопреки* реакционным и утопическим чертам толстовства». [1] В «Царстве божием внутри вас» нашло свое выражение реакционное учение Толстого, которое, по утверждению Ленина, все же обладало «критическими элементами, способными доставлять ценный материал для просвещения передовых классов». [2]

Ленин критиковал реакционную идеологию патриархального крестьянства, борющегося за сохранение своего положения, «стараясь задержать, повернуть назад общее развитие страны в буржуазном направлении». [3] Вместе с тем он подчеркивал двойственную природу крестьянства, являющегося «прогрессивным, поскольку выставляет общедемократические требования». [4] Отражая эту прогрессивную тенденцию в крестьянском движении, Толстой критикует господствующие классы, по словам

---

[1] В. И. Ленин, Сочинения, т. 17, стр. 32.
[2] Там же.
[3] Там же, т. 1, стр. 270.
[4] Там же.

Плеханова «почти как социалист». Он утверждал, что «его главным доводом был довод об эксплоатации человека человеком, и, несомненно, настойчивое обращение Толстого к этому доводу доказывает сильное влияние на него социализма». [1] И хотя Толстой не смог объяснить той же эксплуатации человека человеком и указать верные пути ее уничтожения, он тем не менее, проповедуя идею «права на землю» крестьян и «уравнительного раздела земли», выражал «революционные стремления к равенству со стороны крестьян, борющихся за полное свержение помещичьей власти, за полное уничтожение помещичьего землевладения». [2]

Как известно, В. И. Ленин, истолковывая учение Л. Н. Толстого, его «разум» и «предрассудок», исходил из конкретных исторических условий, в которых жил и творил Толстой. Ибо «историко-экономические условия объясняют и необходимость возникновения революционной борьбы масс и неподготовленность их к борьбе, толстовское непротивление злу, бывшее серьезнейшей причиной поражения первой революционной кампании» [3]

II

Во вступлении к «Царству божию внутри вас» Толстой, объясняя читателю тему и проблематику книги, связывает ее со своим трактатом «В чем моя вера?». Содержание критических выступлений по поводу трактата «вместе с историческими явлениями последнего времени, — писал Толстой, — выяснило для меня очень многое и привело к новым выводам и заключениям, которые я и хочу высказать».

Книга Толстого «В чем моя вера?», написанная в мрачное время реакции, наступившее после разгрома царским правительством «славной плеяды революционеров 70-х годов», затронула многие великие вопросы. В ней Толстой с позиции идеолога патриархального крестьянства громил господствующие классы, изобличал их паразитизм, вскрывал всю ложь

---

[1] Г. В. Плеханов, «Искусство и литература», Гослитиздат, 1948, стр. 722.
[2] В. И. Ленин, Сочинения, т. 18, стр. 11—12.
[3] Там же, т. 15, стр. 185.

и фальшь государственных и церковных порядков в России. Он обнажал всю антинародную сущность церковного мракобесия, доказывал, что церковь враждебна всему тому, чем «истинно живет теперь мир: социализму и коммунизму, политико-экономической теории и утилитаризму, свободе и равенству людей и сословий и женщин, всем нравственным понятиям людей, святости труда, святости разума, науки, искусства».[1]

С таким же негодованием осудил тогда Толстой буржуазную мораль. Он тщетно искал «в нашем цивилизованном мире каких-нибудь ясно выраженных нравственных основ для жизни. Их нет. Нет даже сознания, что они нужны». [2]

Выступая против буржуазной морали, он закладывал основы своего учения, которое при всех своих реакционных и утопических чертах никогда не было классово-корыстным, сознательно направленным во вред освободительному движению. Попытка «найти нравственные основы для жизни» народа отражала гуманистические устремления Толстого. Недаром он с такой искренностью отдавал предпочтение своим теоретическим писаниям во вторую половину своей творческой жизни и вложил в них гигантский труд исследователя.

Если критические и одобрительные отзывы на книгу «В чем моя вера?» укрепили Толстого в правоте его убеждений относительно официальной церкви и ее роли в многовековой борьбе против прогрессивной мысли, то «исторические явления» восьмидесятых и начала девяностых годов XIX в. «выяснили» для него многое и привели к действительно *новым* выводам и заключениям. Они позволили Толстому глубже вникнуть в сложные процессы современности и разоблачить виновников бедствий, бесправия, нищеты и отсталости народа. В «Царстве божием внутри вас» Толстой перешел от проблем этических и социальных общенационального значения к проблемам межгосударственных отношений, колониализма, национально-освободительной борьбы против ига империализма, к проблемам мирового христианства и освященных им эксплуататорского строя, войн и правительственных насилий.

Книге «Царство божие внутри вас» предшествовали не только серьезные, широко известные теоретические труды, но и такие

---

[1] «Полное собрание сочинений, запрещенных в России Л. Н. Толстого» т. VII, изд. В. Г. Черткова, 1902, стр. 185.

[2] Там же, стр. 192.

художественные произведения, как «Смерть Ивана Ильича», «Власть тьмы», «Плоды просвещения», «Крейцерова соната», «Послесловие» к ней и, наконец, первые наброски романа «Воскресение». Книга писалась в тревожной обстановке: в России свирепствовал страшный голод, малейший протест крестьян подавлялся специальными карательными экспедициями. Толстой после опубликования своих «Писем о голоде» подвергся настоящей травле и гонениям. Эти «Письма» и их автор получили в редакционной статье «Московских ведомостей» от 22 января 1892 г. такой политический отзыв, который обычно служил основанием для ссылки в Сибирь. «Письма о голоде» объявлялись «открытой пропагандой к ниспровержению всего существующего во всем мире социального и экономического строя. Пропаганда графа есть пропаганда самого крайнего, самого разнузданного социализма, перед которым бледнеет даже наша подпольная пропаганда».

Это выступление реакционных «Московских ведомостей» писатель оставил без внимания: «Я пишу, что думаю, и то, что не может нравиться ни правительству, ни богатым классам, уж 12 лет, и пишу не нечаянно, а сознательно... То же, что я писал в статье о голоде, есть часть того, что я 12 лет на все лады пишу и говорю, и буду говорить до самой смерти, и что говорит со мной всё, что есть просвещенного и честного во всем мире». [1]

К девяностым годам критика общественного строя, экономических и политических порядков приобрела у Толстого особую остроту и содержание. 20 декабря 1888 г. он записал в своем Дневнике: «...надо записывать две вещи: 1) весь ужас настоящего, 2) признаки сознания этого ужаса. И брать отовсюду». [2] Для содержания книги «Царство божие внутри вас» и характерен именно такой подход к действительности, использование таких источников, в которых вскрываются самые больные, самые острые вопросы современности.

Проблема народа и его судеб встала по-новому перед Толстым в годы работы над «Царством божием внутри вас», в годы, когда он близко сталкивался с крестьянскими массами голодавшей деревни. Замечательным свидетельством настроений Толстого, его мыслей и чувств, вызванных голодавшей русской деревней,

---

[1] Т. 84, стр. 128.
[2] Т. 50, стр. 16.

является письмо его к Н. Н. Страхову от 24 апреля 1892 г., в котором он выступает как подлинный защитник крестьянских интересов: «...копаясь в этих внутренностях в утробе народа, мучительно видеть то унижение и развращение, до которого он доведен. — И они всё его хотят опекать и научать. Взять человека, напоить пьяным, обобрать, да еще связать его и бросить в помойную яму, а потом, указывая на его положение, говорить, что он ничего не может сам и вот до чего дойдет предоставленный самому себе — и, пользуясь этим, продолжать держать его в рабстве. Да только перестаньте хоть на один год спаивать его, одурять его, грабить и связывать его и посмотрите, что он сделает и как он достигнет того благосостояния, о котором вы и мечтать не смеете. Уничтожьте выкупные платежи, уничтожьте земских начальников и розги, уничтожьте церковь государственную, дайте полную свободу веры, уничтожьте обязательную воинскую повинность, а набирайте вольных, если вам нужно, уничтожьте, если вы правительство и заботитесь о народе, водку, запретите — и посмотрите, что будет с русским народом через 10 лет... вся деятельность правительственная не улучшает, а ухудшает положение народа».[1] Это письмо Толстого воспроизводит думы и настроение автора «Царства божия внутри вас» в период его работы над книгой, объясняет, почему она написана в таком страстном тоне обличения самодержавия и милитаризма, с такой остротой взгляда на растущие противоречия между трудовым народом и господствующими классами.

То обстоятельство, что книга создавалась под впечатлением трагедии голодающей крестьянской России, наложило на нее свой отпечаток, осветило ее светом надвигавшейся революции. Раздумье над большими событиями своего времени, живое участие в борьбе с голодом затягивали работу над книгой. Судя по записи в Дневнике, Толстой только в мае 1891 г., спустя несколько месяцев после начала работы над книгой, «уяснил всё в целом и написал конспект 9 глав» (запись 22 мая 1891 г.). Эта запись предшествует не менее выразительному замечанию писателя: «Хочется написать всю перечувствованную правду, как перед богом» (запись 3 апреля 1892 г.). Русская действительность, ее гримасы, социальные уродства и язвы давали Толстому материал для

[1] Т. 66, стр. 204—205.

его труда. Дневниковая запись 15 сентября 1892 г. сохранила «мучительно тяжелое впечатление» от «поезда администрации и войск, ехавших на усмирение» голодающих крестьян. Тут же запись: «Сколько было сил, работал над 8, 9 и 10 главами». Работа над книгой так поглотила Толстого, что он с 6 ноября 1892 г. по 5 мая 1893 г., то есть полгода, не вел своего Дневника. «Всё это время был напряженно занят своей книгой: последней главой, и то еще не совсем кончил» (запись 5 мая 1893 г.). Публикация за границей выдержек из книги Толстого, дающих описание действий карательной экспедиции тульского губернатора Зиновьева против крестьян, вызвала в России кампанию клеветы и нападок на писателя. «Началась суета, и воздействия, и ложные понимания, и клевета» (дневниковая запись 20 июля 1893 г.). Тогда же в письме к Лёвенфельду Толстой сообщал, что описание это «подняло бурю в русских правительственных сферах». Озлобление и поход правительственной реакции против Толстого объяснялись невиданной популярностью за границей его книги, появившейся в переводах в Париже, Риме, Лондоне, Женеве, Штутгарте, Берлине, Нью-Йорке и других городах мира. «Толстой теперь другой и опасен», — объяснили Ф. А. Страхову при обыске у него на квартире (Дневник Толстого, 8 октября 1894 г.).

Письма Л. Толстого хранят многие мысли, высказанные им в связи с работой над «Царством божием внутри вас». Завершая работу по оказанию помощи голодающим крестьянам, он в письме к Н. Н. Страхову от 13 июля 1893 г. выражал свое возмущение «людьми нашего круга», которые могут «жить спокойно, зная, что они погубили и догубляют целый народ, высосав из него всё, что можно, и досасывая теперь последнее, рассуждать о боге, добре, справедливости, науке, искусстве. — Я свою статью кончил, — писал Толстой, — она переводится. Я уже теперь смотрю на нее со стороны и вижу ее недостатки и знаю, что она пройдет бесследно (пока я писал, я думал, что она изменит весь мир)... хочется теперь написать о положении народа, свести итоги того, что открыли эти два года». [1]

Из переписки Н. Н. Страхова с Толстым известно, что русская цензура для иностранных изданий встретила французский перевод книги Толстого «тихо, но враждебно». Цензура при-

---

[1] Т. 66, стр. 366.

знала книгу «самой вредной из всех, которые когда-либо просматривались ею» [1], и отказалась допустить ее в Россию.

Работа над книгой вызывала у Толстого необыкновенный прилив творческой энергии и упорства. Заканчивая книгу, он 25 февраля 1893 г. писал Страхову: «Я в жизни никогда с таким напряжением и упорством не работал, как я теперь работаю над всей моей книгой и в особенности над заключительными главами ее. Должно быть, я поглупел или, напротив, ослабел творчеством, а поумнел критическим умом». [2] Такое же вдохновение испытывал Толстой и в начале работы над книгой. В письме к сыну известного художника Н. Н. Ге от 12 сентября 1891 г. он писал: «Я очень много работаю над своей статьей о воинской повинности и христианстве... Какая удивительная вещь — работа! Ведь мы думаем, что работаем, чтоб есть, чтоб одеться, чтоб услужить людям, чтоб похвалили; неправда: все мы работаем для того, чтобы уйти из себя в работу.» [3] И действительно, Толстой «уходил» в свой труд, он вложил в него и свой ум, и сердце, знание жизни, о чем так хорошо сказал М. Горький: «Как много жизни обнял этот человек, какой он не по-человечьи умный и жуткий». Толстой обнажил неприглядную картину дореволюционной России, ее мрачную действительность, гнетущую творческие силы человека, унижающую его достоинство. Трагедия Толстого-мыслителя состояла в том, что в своей критике современного общественного строя, в демократических тенденциях своего учения он опирался на бурный протест крестьянских масс, а в выводах—на теорию непротивления злу насилием. Но когда Толстой обращался к жгучим вопросам народной жизни, он не мог не становиться на путь разрушительной критики царизма и церкви. В письме к Д. А. Хилкову, говоря о своей книге, он называет ее «сочинением о насилии и самой жестокой форме его, о воинской повинности», которое он все не может кончить, ибо «всё кажется не так сильно и убедительно, как оно у меня в сердце и в голове. Хочется так выразить, чтобы было несомненно для всех. И надеюсь, что выражу... Там всё есть и о церкви, всё. от чего мы не то что страдали, но то, обо что мы бьемся». [4]

---

[1] Т. 87, стр. 234.
[2] Т. 66, стр. 299.
[3] Там же, стр. 43.
[4] Там же, стр. 147.

III

Основная идея книги «Царство божие внутри вас» — обличение буржуазного государства, его классовой сущности и его роли в проведении политики милитаризма и подавления сопротивления народа. Оно проникает всю книгу и получает наиболее сильное выражение в ее заключительной главе, где пафос разоблачения всех институтов современного буржуазного государства достигает предельного напряжения и где Толстой выносит ему свой беспощадный приговор. И хотя взгляды Толстого на государство были противоречивы и не во всем правильны, его критика милитаристского государства отвечала задачам освободительной борьбы и имела прогрессивное значение.

Толстой обрушился на ученых и публицистов, апологетов буржуазного общества и государства, доказывавших извечность и необходимость его существования. В книге разоблачается обман и несостоятельность правовой науки, изображающей буржуазное государство как наилучшую форму общественного устройства, утверждается, что государству всегда был присущ деспотизм и подавление угнетенных классов: так было «при Нероне и Чингис-хане и так это и теперь при самом либеральном правлении в Америке и Французской республике». Толстой отвергает доводы идеологов буржуазии, объясняющих гонку вооружений и введение всеобщей воинской повинности в Германии, а затем и в других странах, якобы угрозой внешнего нападения, и доказывает, что массовые армии в большой мере потребовались для борьбы с народом внутри страны. Причина их появления, пишет Толстой, в «коммунистическом, социалистическом, анархическом и общем рабочем движении». Классовую сущность буржуазного государства писатель иллюстрирует убедительными фактами положения народных масс и господствующих классов, тем, что государство охраняет собственность помещиков и фабрикантов и насилиями удерживает крестьян и рабочих в состоянии нищеты и голода, тормозит «решение вопросов рабочего, земельного, политического, религиозного». Ему было очевидно, что при современном государственном устройстве созданы условия «вечного праздника» для одних и «вечного труда» для других.

Обрисовав угнетенное положение народа в буржуазном государстве и признав справедливым стремление рабочих изменить существующую систему социальных отношений, Толстой остановился перед вопросом, как избавиться народу от гнета, бесправия и нищеты. Он отрицал путь революционного освободительного движения, ставившего своей целью свержение буржуазного общества и его государства. В условиях деспотического государства и милитаризма писатель не видел возможности его разрушения и проповедовал «внутреннее» «освобождение человека» через изменение «понимания жизни». Ему казалось, что единичные случаи отказов людей от военной службы, порожденные такой «внутренней свободой», страшнее правительствам, чем все формы освободительной борьбы. В этом заключалось одно из самых «кричащих противоречий» Толстого.

Отрицая буржуазное государство, Толстой считал, что человеку вообще никакое государство не нужно, так как современное человечество «выросло» из государственной формы общежития. Сущность буржуазного государства, как «ненужной тяжести», «бедствия» для народа, писатель обобщал и считал его свойством государства вообще, в том числе и «хорошего», которым, говорил он, революционеры стремятся заменить «плохое» современное государство. Эксплуататорскую сущность и деспотизм государств досоциалистического типа Толстой ошибочно переносил и на государство будущего, которое создаст народ, победив своих угнетателей. Толстому казалось, что и такое государство неизбежно окажется еще деспотичнее прежнего, так как ему придется изобретать новые формы борьбы с поверженным ранее господствовавшим классом.

В книге «Царство божие внутри вас» Толстой показал, что современный буржуазный строй держится военной силой и лицемерным общественным мнением, которое он называет «языческим» в отличие от проповедуемого им «христианского». Вся сила буржуазного общества и заключается в этом «столпе», в «целой армии людей, призванных к тому, чтобы обманывать и гипнотизировать народ».

Намечая историческую перспективу борьбы двух общественных мнений, языческого, постепенно отмирающего, и христианского, Толстой верит в возможность победы «христианского» общественного мнения, при котором государство и все его институты — армия, полиция, суд, чиновники, тюрьмы,

казни, — окажутся ненужными. Развивая такой утопический взгляд на отмирание буржуазного государства под влиянием христианской морали, он для обоснования своей точки зрения привлекает факты и события современной жизни. Толстой замечает, что деспотизм стал жестче, но он — как «сухое дерево», подтачиваемое в сердцевине и готовое к падению; богатые и правители больше не являются «цветом общества и тем идеалом человеческого благополучия и величия, к которому стремились прежде всего насилуемые». Следовательно, люди начинают стыдиться участия в насилиях. Одна статья, пишет Толстой, может более изменить положение дел, чем «десятки свиданий монархов и сессий парламентов»: государство становится таким же ненужным, как «короли и императоры», которые «почти ничем не управляют». Толстой видит симптомы разрушения «языческого» общественного мнения, на котором держится государство, в том, что палачи отказываются от свершения казней, в неповиновении солдат, призванных для усмирения крестьян, в филантропии фабрикантов, в отказах отдельных помещиков от земли, в либерализме некоторых прокуроров и судей, смягчающих наказания, в отказе иных священников благословлять государственные насилия. Такие симптомы представлялись Толстому не случайностью, а результатом какой-то «общей» причины, которую он склонен был усматривать в отрицании народом общественного «языческого» мнения и в переходе людей на позиции «христианского» общественного мнения. Принимая желаемое за действительность, Толстой предсказывал в ближайшем будущем переход собственности из частных рук в общее достояние, отказ народа «кормить и содержать королей, императоров, президентов» и полчища их чиновников. Люди, писал он, откажутся «содержать все эти ставшие бесполезными учреждения».

Как глубокий наблюдатель народной жизни, Толстой заметил коренные изменения в буржуазном обществе на заре его империалистической стадии: нараставшее возмущение и протест масс против буржуазного государства и всего строя; революционные стремления к его разрушению, возникавшие под могучим влиянием идей социализма во второй половине XIX в. Но, замечая эти изменения, Толстой давал им свою интерпретацию и выводил их не из развития капитализма и роста противоречий между трудом и капиталом, а находил эту общую

причину в «христианском» общественном мнении и его морали. Здесь сказывались противоречия и реакционные черты толстовского учения, в принципе отрицавшего революционные методы преобразования буржуазного общества.

Критика современного государства тесно переплетается у Толстого с разоблачением лицемерия и лжи как одной из самых характерных черт буржуазного общества. Толстой показал «всеобщее лицемерие, вошедшее в плоть и кровь...» современного общественного устройства. Типичен лицемер-помещик, устраивающий общество трезвости или «рассылающий через жену и детей фуфайки и бульон трем старухам», чтобы показать евангельскую или гуманную любовь к тому самому народу, который он «не переставая мучает и угнетает». Таким же «благотворителем» для народа является купец, истративший одну тысячную из украденных им денег на «больницу, музей, учебное заведение», фабрикант, доход которого «весь составляется из платы, отнятой у рабочих», губящий принудительным трудом «целые поколения людей» «для своих барышей» и строящий искалеченным на его работе людям «домики с двухаршинными садиками». Буржуазия, пишет Толстой, лицемерно заявляет, что никто не принуждает народ работать: «это дело свободного выбора», что бедность народа не зависит от гнета капиталистов, а только от «необразования, грубости, пьянства народа». Наоборот, иронизирует Толстой, капиталисты и правительство полагают, что «мудрым управлением» они противодействуют обеднению масс. С таким же лицемерием духовенство помогает народу «религиозным обучением», а либералы — распространением образования. Лицемерие правящих классов доведено до предела: даже карательные экспедиции против крестьян, пишет Толстой, объясняются «выгодой» тех же крестьян, бунтующих, «не понимая своей выгоды».

Отвергая борьбу за преобразование общественного и экономического строя, Толстой считал неразумными заботы о «нашей временной, плотской жизни, жизни общества или государства». Все дела творятся через человека «высшею силою», а человек «не творец жизни»; забота людей «о делах внешних» и общих, в которых они не свободны, закрывает им путь к истине, «в чем они свободны».

В заключительной главе книги Толстой подчеркнул «два неотвратимые условия нашей жизни, уничтожающие весь

смысл ее» — смерть и «непрочность всех совершенных нами дел», ибо «всё проходит, не оставляет следа». И «смысл жизни нашей... ни в нашем личном плотском существовании... ни в каком-либо мирском учреждении или устройстве». С помощью этих «идей» Толстой стремился пробудить у господствующих классов «совесть» и понудить их отречься от лицемерия, участия в насилиях и казнях, заставить осознать свою человеческую обязанность, которая выше службы правителя и чиновника.

Толстой разоблачал ложь и лицемерие буржуазных идеологов, грозивших народу в случае разрушения капитализма, неисчислимыми жертвами, гибелью науки, искусства, цивилизации, культуры. Отвечая на подобные пророчества, Толстой выразил ту мысль, что вместе с капиталистическим строем погибнут его ложь и лицемерие, а подлинная наука и культура «только более процветет и усилится».

IV

Милитаризм как орудие угнетения колониальных народов и подавления освободительного движения является одной из центральных проблем книги «Царство божие внутри вас». Толстой, свидетель современных ему исторических событий, не мог не заметить растущего милитаризма, гонки вооружений и надвигающейся на человечество мировой войны. С каким негодованием обрушился он на лицемерный обман народа лжепатриотическими лозунгами, «конгрессами мира», «третейскими судами», которыми буржуазные правительства маскировали подготовку к войне и усыпляли бдительность народа! Обличая милитаризм, Толстой выступает как величайший гуманист, проповедник мира и братства людей и как смелый обличитель империалистического заговора против мира и жизни миллионов людей. «Что может быть безумнее и мучительнее того положения, в котором живут теперь европейские народы, тратя бо́льшую часть своих богатств на приготовление к истреблению своих соседей», — писал Толстой.

Его выступления укрепляли силы русского освободительного движения и помогали его борьбе за свержение царской монархии. Все прогрессивное человечество с затаенным дыханием читало гневные и страстные слова Толстого. Протест Толстого

против надвигающейся империалистической войны был вместе с тем одним из первых могучих протестов русских писателей против милитаризма. Понимая всю чудовищность грозящей катастрофы, всю ее бессмысленность для человечества, он указывал на ее виновников, прикрывавших разговорами о мире гигантскую подготовку к войне. В своей книге Толстой выступил как смелый обличитель империалистической политики буржуазных правительств, жестокостей милитаризма, всеобщей воинской повинности.

Большое место в книге и ее черновых вариантах отведено теме разоблачения всеобщей воинской повинности как самому крайнему выражению насилия милитаризма и деспотизма над человеческой личностью. Он дает ряд выдержек из речей и документов, из книг и статей о военном положении Европы, о численности армий и военных расходов, о гонке вооружений, несостоятельности разговоров о мире, о бедствиях войны. «И это не отдаленная случайность, а это то самое, к чему мы все готовимся, и есть не только вероятное, но неизбежное событие». Толстой считал, что человечество стоит на пороге «ужасающей по бедственности и истребительности войны, внутренних революций». Цитируя сильные и гневные слова о войне, ее ужасах и бессмысленности, взятые у Мопассана, Гюго, Э. Рода и других, Толстой ополчается против проповедников милитаризма, потерявших совесть, здравый смысл и человечность. На первом плане он ставит зловещую фигуру Мольтке, названного Мопассаном «гениальным убийцей», Э. Вогюэ и других пропагандистов милитаризма. Писатель, иллюстрируя рост милитаризма и эксплуатации народа, ссылается на действие «железного закона», по которому рабочие «имеют столько, сколько им нужно, чтобы быть постоянно побуждаемыми нуждой к работе и быть в силе работать на своих хозяев».

Толстой следил за политической жизнью на Западе. Об этом свидетельствуют цитаты из речей Каприви, Вильгельма и других политических деятелей, приводимые в «Царстве божием внутри вас». Толстой уличает германского канцлера, объяснявшего необходимость громадных военных расходов какой-то опасностью для Германии, но проговорившегося в рейхстаге, где он «прямо объявил, что нужны надежные унтер-офицеры для того, чтобы бороться против социализма». «Смысл речи

Каприви... тот, что деньги нужны не для противодействия внешним врагам, а для подкупа унтер-офицеров, с тем чтобы они были готовы действовать против подавленного рабочего народа». Яростное негодование Толстого вызвала речь кайзера Вильгельма перед рекрутами в 1891 г., в которой он заявил: «При теперешних социалистических происках может случиться, что я прикажу вам стрелять в ваших собственных родственников, братьев, даже родителей... и тогда вы обязаны беспрекословно выполнять мои приказы».

Толстой подчеркивал рост антивоенных настроений в народе, особенно против воинской повинности, объясняя эти настроения растущим проникновением «в низшие слои рабочего народа» социалистических, коммунистических и анархических теорий, хотя «всеми правительствами без исключения скрывается в народе всё, могущее освободить его».

Толстой показал роль армии в осуществлении государственных насилий над народом. Судя по письму к Чарльзу Тернеру (от 1 августа 1892 г.), Толстой считал эту тему одной из главных идей «Царства божьего внутри вас». Русская и западноевропейская действительность давала обширный материал для таких разоблачений. Толстой не мог забыть о встрече на железной дороге с поездом «солдат с розгами и боевыми патронами», ехавших «усмирять тех голодных», с которыми он прожил «последний год» работы на голоде.

Писатель искренне возмущался необыкновенной покорностью, с которой в Европе, гордящейся своей свободой, люди «приняли одну из самых не только деспотических, но и позорных мер, когда-либо изобретенных тиранами, — общую воинскую повинность».

Подчеркивая «наглость насильников», Толстой много справедливых слов сказал в своей книге и о «подлости насилуемых», которую он находил в поведении образованной толпы, с пафосом и лицемерием толкующей «о гуманности», «о свободе», «правах» и «неприкосновенности жизни человека», а на деле покорно повинующейся милитаристам.

Толстой был глубоко прав, осуждая разжигание правительствами национальной вражды и шовинизма под видом патриотизма и защиты отечества. Но он заблуждался, когда отождествлял шовинизм с патриотизмом, игнорируя его конкретно-историческое содержание.

Огромное политическое значение книги Толстого определялось ее злободневным содержанием, вызвавшим необычайный интерес во всех странах. Книга будила у читателя мысли, чувства и настроения, направленные против готовившейся империалистической войны. В этом смысле труд Толстого был исключительно своевременным: он появился как раз в период усиления империалистической экспансии. Толстой высмеивал тех, кто полагал, что гонкой вооружений можно обеспечить мир: «Пишут: война погубит сама себя, так страшны ее орудия; неправда, будь они еще страшнее — будь они таковы, что 0,99 погибнут наверное, и люди все-таки пойдут и будут идти, пока не проснется человек — религиозный человек». [1] Толстой не верил в плодотворность «конгрессов мира» и прочих пацифистских затей либерально-буржуазной интеллигенции, которые лишь усыпляли бдительность народов и играли на руку милитаризму. История империалистических войн подтвердила справедливость взглядов Толстого.

Книга «Царство божие внутри вас» резко выделялась на фоне милитаристской пропаганды, заполнившей буржуазную прессу. Не удивительно, что именно антивоенный пафос книги вызвал живейший отклик у читателей всего мира. Так, организация «Молодые друзья мира» обратилась из Франции к Л. Н. Толстому 23 ноября 1893 г. с письмом, в котором просила прислать статью для ее журнала «La paix par le droit», органа международной молодежи, пропагандировавшего мир посредством третейских судов. Отвечая на это письмо (10 декабря 1893 г.), Толстой выражал сомнение в возможности достичь такими средствами поставленной цели — сохранения мира, но вместе с тем поддержал и ободрил руководителей «Молодых друзей мира», заявив, что он любуется «смелостью мысли этих юношей, которые в противоположность тому, что им проповедуют их старшие и их учителя, имеют смелость верить, что война не есть нормальное состояние человечества». «Идея международности этого органа мне чрезвычайно симпатична», — писал в этом же письме Толстой; рекомендовал «печатать такой журнал на трех или четырех языках параллельно». В заключение письма он выразил готовность «служить этому прекрасному делу». Толстой обещал журналу послать свою

[1] Т. 52, стр. 53.

статью по поводу франко-русских демонстраций, «а пока, — писал он, — если вы сделаете для этого журнала краткое изложение всего, что касается войны из «Царства божия внутри вас», я буду очень этому рад, потому что знаю, что вы сделаете это превосходно». [1] Редакция журнала последовала совету Толстого и поместила выдержки из его книги в январском номере 1894 г.

Толстой горько сетовал на покорность и смирение народных масс, повинующихся военной силе, то есть на те самые качества, которые сам же внушал, проповедуя свое учение о непротивлении злу. Но, веря в разум человечества, он все же надеялся, что наступит время, когда «пушки, сабли, крепости, мундиры, ордена» будут показывать народу так, как теперь показывают «памятники древности». [2]

V

Ярко выраженное антицерковное направление составляет своеобразие публицистики Толстого. Разоблачив официальную церковь, как серьезную опору социального, а в ряде случаев национального и колониального гнета, Толстой нанес сокрушительный удар идеологии господствующих классов. В силу этого публицистика Толстого вызвала в России и во всем мире со стороны духовенства яростное озлобление и целый поток статей, брошюр, книг, в которых мракобесы клеветали на великого художника, изображая его врагом всего человечества, дерзким разрушителем моральных устоев и обычаев, освященных вековыми традициями религии, церкви и общества.

В «Царстве божием внутри вас» антицерковная тема занимает одно из центральных мест. Толстой видел, что церковь затемняет сознание народа. Отсюда возникало стремление писателя разоблачить обман народных масс, вскрыть социальную подоплеку и корыстную заинтересованность приверженцев официальной церкви в оправдании эксплуататорского, буржуазного строя. В анализе закономерности общественного развития Толстой не стоял на материалистических позициях, тем не менее его критика многовековой работы церкви по оправданию

---

[1] Т. 66, стр. 444.
[2] Т. 52, стр. 155.

насилий, казней и преступлений господствовавших классов была убедительна. Она аргументировалась громадным фактическим материалом из жизни русского народа и народов других стран, подкреплялась превосходной эрудицией. Не напрасно затратил Толстой целые десятилетия гигантского труда, чтобы разобраться в сложных и запутанных вопросах догматического богословия, в текстах священного писания, в истории церкви и ересей. Свои исследования он использовал в труде «Царство божие внутри вас». Ссылаясь на знаменитое сочинение чеха Хельчицкого «Сеть веры», написанное в XV в. и признаваемое им одним «из замечательнейших произведений мысли и по глубине содержания, и по удивительной силе и красоте народного языка, и по древности», Толстой подчеркивает обличение Хельчицким войн и смертной казни, разоблачение им сращивания церкви с государственной властью, начавшегося еще при Константине Великом, наделившим папу Сильвестра богатством и светской властью. «С тех пор обе власти постоянно помогали друг другу». История церкви, — писал Толстой, — это история «величайших жестокостей и ужасов». Именно церковь была «всегда одной из главных причин разъединения людей, ненависти... войн... инквизиций». Не менее подлую роль она играет в политической жизни России, где деятельность «огромного, напряженно действующего учреждения, состоящего из полумиллионного полчища, стоящего народу десятки миллионов», сводится лишь к затемнению сознания и защите существующего строя.

Антицерковные сочинения Толстого вызывали открытое противодействие со стороны официальной церкви, полиции и Синода. В отзыве на корректурные листы «Исповеди» и «В чем моя вера?» Московский духовный цензурный комитет писал Синоду, что Толстой высказывает самые «дерзкие суждения о существующем строе государственного управления, представленные в выражениях сильных и картинных»[1] (отзыв от 12 декабря 1885 г.). Отказывая С. А. Толстой (16 декабря 1885 г.) в цензурном разрешении Синода на издание книги «В чем моя вера?», К. П. Победоносцев ссылался на то, что эта книга произвела бы «вредное действие на умы», подобно действию «первых проповедников революции». [2]

---

[1] Архив синодальной канцелярии. Дело № 2255.

[2] Н. Н. Гусев, «Летопись жизни и творчества Л. Н. Толстого», Academia, 1936, стр. 342.

Теоретические работы Толстого, написанные в восьмидесятые годы, имели, по его признанию, большое значение для книги «Царство божие внутри вас». В письме к Джону Кенворти Толстой писал 10 июля 1895 г., что его сочинение «Соединение и перевод четырех Евангелий» было «поворотным пунктом» всей его жизни и «легло в основание» всего написанного после него. Другому корреспонденту, Феликсу Шредеру, он писал (21 мая 1893 г.), что в его книге, [1] посвященной анализу теоретических работ Толстого, написанных им в восьмидесятые годы XIX в., заключение, выведенное «из всего предыдущего... могло бы служить предисловием» к «Царству божьему внутри вас» (т. 66, 336). Надо иметь в виду огромное общественное значение трудов Толстого, разоблачавших фальсификацию текстов Евангелия с целью оправдания насилий над народом и церкви и государства. Он в своей книге показал, что в буржуазных государствах официальная церковь никак не противодействовала гнету и эксплуатации народных масс.

Антицерковная тема в публицистике и в гениальных художественных творениях Толстого, например в «Воскресении», вызывала бешеную злобу в правительственных сферах и среди высшего духовенства, предавшего Толстого анафеме. В публичной проповеди 2 марта 1891 г. харьковский протоиерей Буткевич просил царя «пресечь» деятельность Толстого, ибо он «больше всех волнует умы образованного и необразованного общества» своими сочинениями, заключающими «разрушительную силу». В таком же духе произносились проповеди во всех церквах, печатались в церковных изданиях и в органах реакционной печати. Официальная церковь находилась в крайне враждебных отношениях с Толстым. В его лице она встретила критика и обличителя с мировым именем, выступления которого имели огромный общественный резонанс. К. П. Победоносцев обращал внимание царя Александра III на усиление «умственного возбуждения» под влиянием сочинений Толстого, что «угрожает распространению странных, извращенных понятий о вере, о церкви, о правительстве и обществе». Духовная цензура подвергла запрету книгу Толстого «О жизни» лишь потому, что в ней проводилась идея о том, что всем руководит «не слово

---

[1] Felix Schroeder, Le Tolstoïsme, Paris, 1893.

божие, а единственно и исключительно человеческий разум». Толстого не смущали цензурные запреты его произведений и преследования. Он продолжал борьбу с царизмом и церковниками, работая над своей книгой. 11 февраля 1889 г., после чтения книги Э. Рода «Le sens de la vie», Толстой записал в Дневнике: «Надо, надо писать и воззвание и роман, т. е. высказывать свои мысли, отдаваясь течению жизни». Еще интереснее запись в Дневнике 7 июня 1889 г.: он собирается выписывать и группировать «всё, что поражает в 2-х направлениях: 1) обвинительный акт (против церкви и государства); 2) наступление царства божия». Следовательно, книга должна была стать «обвинительным актом» против церкви и государства и изложением мировоззрения Толстого. Отрицательное отношение к официальной церкви Толстого возникло у него еще в молодости. Почти за 40 лет до выхода книги «Царство божие внутри вас» у него созрела «великая, громадная мысль» — посвятить свою жизнь основанию «новой религии... очищенной от веры и таинственности» (дневниковая запись 4 марта 1855 г.). Эта идея не принесла пользы человечеству, но толстовская критика поколебала устои и авторитет церкви. «Борьба с казенной церковью совмещалась с проповедью новой, очищенной религии, т. е. нового, очищенного, утонченного яда для угнетенных масс». [1] Немало такого «очищенного яда» внесено и в книгу «Царство божие внутри вас». В ней дается апологетический обзор непротивленческой литературы Америки и Англии, движения непротивленцев, в котором преобладали вредные, реакционные идеи, осуждалось революционное движение. Проповедуя «начало и источник жизни — бога», «совершенствование своей души», «христианское жизнепонимание», он выражал уверенность в том, что народы, принявшие это учение, немедленно обретут такие перемены в жизни, «о которых мы не смеем мечтать и через столетия». Разумеется, не философия непротивления вызывала восхищение книгой Толстого у прогрессивного читателя. Бессмертно в этой книге чувство негодования и пылкого возмущения всем, что препятствовало человеку в его движении к светлому будущему.

---

[1] В. И. Ленин, Сочинения, т. 16, стр. 295.

VI

В незавершенном «Послесловии» Л. Н. Толстой выразил «три главные мысли», составляющие, по его мнению, сущность книги «Царство божие внутри вас»: изложение своего «христианского» жизнепонимания, «изменяющего весь строй жизни»; необходимость усвоения его людьми; определение деятельности, вытекающей из этого жизнепонимания. Развивая эти мысли, Толстой исходит из того убеждения, что «существующие основы рушатся» и их надо «подломить». Речь идет прежде всего о мировоззренческих основах, которым Толстой придавал решающее значение в изменении всего строя жизни.

Рассматривая различные типы жизнепонимания, порожденные историческим развитием человеческого сознания, Толстой последовательно отвергает их и утверждает лишь свое, чисто толстовское жизнепонимание, которое он называет «истинно христианским».

Толстой отвергает «языческое» жизнепонимание, утверждающее, что мир совершенен и разумен и существует для блага человека; существующее в мире совершенно и разумно, но человек несовершенен, его задача — совершенствоваться; все существующее совершенно и разумно кроме человека, потому что он пал и может быть спасен сверхъестественным образом. Не одобряется и буддийское жизнепонимание, считающее, что все существующее неразумно и несовершенно и потому для человека лучшее состояние есть уничтожение. Толстой защищает то жизнепонимание, которое признает существующее неразумным и несовершенным, но благо человека видит в движении от неразумности к разумности, от несовершенства к совершенству. Считая, что «разумно» совершенствовать мир и себя как часть этого мира, Толстой решительно отрицает философское положение «все существующее разумно» как несправедливое и безнравственное. «Напротив, — утверждает Толстой,— всё существующее, всё, что есть, то всегда неразумно». Разумным является лишь идеал, то, к чему стремятся люди: «разумно движение от неразумного к разумному». В подтверждение своей мысли он ссылается на гегелевскую философию: «если существует государственное устройство, говорили гегелианцы, то задача философии в том, чтобы найти разумное назначение этой формы жизни; если существует угнетение бедных богатыми,

говорят экономисты, то задача науки наити законы этого подчинения».

Разоблачая философию, стремившуюся оправдать во что бы то ни стало буржуазный строй, Толстой писал: «По жизнепониманию этому жизнь всего мира такова, какою она и должна быть, т. е. разумна, и потому задача каждого отдельного человека, живущего в мире, состоит в том, чтобы подчиняться законам этого мира или, выраженной в откровении, воле творца мира, найти для себя наибольшее доступное благо в этой жизни или хоть в будущей». Но наряду с критикой Толстого буржуазной науки и философии проявляются и слабые стороны его учения, отрицающего активное отношение человека к действительности, его стремление и реальные возможности изменить внешние условия своего бытия. Он не отводит человеку прав хозяина жизни. Цель человека не может состоять «в своем личном благе или в благе семьи, общества, человечества», ибо «человек не принадлежит себе, а той силе, которая послала его в мир», он — «орудие высшей силы», «странник, работник хозяина». Отсюда утверждение решающей роли человеческого сознания. Судя по словам Толстого, высказанным им в «Послесловии», целью книги «Царство божие внутри вас» являлась не только критика отрицаемых типов жизнепонимания, но и позитивная программа, окончательно сформировавшаяся в сознании Толстого.

Напряженные раздумья над сложными явлениями жизни, выводы и глубокие обобщения явлений современности запечатлены в труде «Царство божие внутри вас». Толстой много думал о государстве и его общественной роли. В одной из записей в Дневнике (14 февраля 1891 г.) читаем: «Прекрасно бы было, если бы правительство организовало труд; но для этого оно должно быть бескорыстным, святым». Но «где же они, эти святые?» Несмотря на очевидную для Толстого чудовищность насилий над массами, совершаемых государством, он тем не менее был убежден в бессмысленности борьбы против них. Усматривая господство в капиталистическом мире «самого пагубного принципа» индивидуализма, Толстой утверждал, что столь же пагубен и противоположный принцип «блага многих людей вместе». Он допускает, что люди достигнут «кооперации, коммунизма, общественности вместо индивидуализма» не путем организации (а следовательно, и не путем освободи-

тельной борьбы), а только «следованием каждым из людей незатемненному побуждению сердца, совести, разума, веры, как хотите назовите, закона жизни». «В этом одном сознании закона есть нечто и меньшее и большее рассуждения. И только оно дано приводить на тот узкий единственный путь истины, по которому следует идти человеку и человечеству... Это очень важно, и это-то хотелось бы мне сказать в моей статье». [1] В записи 16 февраля 1891 г. Толстой критикует несостоятельность либеральных публицистов и буржуазной науки, с легкостью обещающих народу благоденствие и прогресс: «На слова либерала, который скажет, что наука, свобода, культура исправит всё это, можно отвечать только одно: «устраивайте, а пока не устроено, мне тяжелее жить с теми, которые живут с избытком, чем с теми, которые живут с лишениями. Устраивайте, да поскорее, я буду дожидаться внизу». Ох, ох! Ложь-то, ложь как въелась. Ведь что нужно, чтобы устроить это? Они думают — чтоб всего было много, и хлеба, и табаку, и школ. Но ведь этого мало». [2] Разоблачая лживую болтовню либералов, Толстой сам становится на ошибочный путь отрицания «внешних», материальных условий, и все сводит к задаче переделки сознания: «Мало материально всё переменить, увеличить, надо душу людей переделать, сделать их добрыми, нравственными». И он предлагает все усилия направить «на изменение сознания своего и других людей», ибо «сила не в тюрьмах, кандалах, виселицах, пушках, порохе, а в сознании людей, запирающих в тюрьмы, вешающих, стоящих над пушками». Такая идеалистическая оценка роли сознания в духе своего учения о добре и нравственности вызывала протест не только политических борцов, но и представителей русской прогрессивной культуры.

Работая над книгой и «Послесловием» к ней, Толстой часто обращается к основной проблеме своей эпохи — проблеме революции, которая, по его мнению, неотвратима. Он недоумевает, почему «люди, теперь живущие на шее других, не поймут сами, что этого не должно, и не слезут добровольно, а дождутся того, что их скинут и раздавят». [3] В этих недоумениях Толстого находила свое выражение наивность взглядов пат-

[1] Т. 52, стр. 10.
[2] Там же, стр. 10—11.
[3] Там же, стр. 51.

риархального крестьянства. Мысли Толстого о несовершенстве мира, пессимизм, отсутствие веры в возможность избавления от социально несправедливого капиталистического строя нередко опровергались его же гениальными догадками о возможности преобразования этого мира. «Это один из вечных миров, который прекрасен, радостен и который мы не только можем, но должны сделать прекраснее и радостнее для живущих с нами и для тех, кто после нас будет жить в нем». [1] Любовь к человеку рождала в Толстом не только чувство сострадания к его судьбе в эксплуататорском обществе, но и смелые мысли, вселявшие в него непокорность и его бунтарство, которые «везде проскакивают» в его книге.

Любопытен в этом смысле отзыв Толстого в письме к Черткову от 17 декабря 1893 г. на свою же книгу, прочитанную во французском переводе. В этом отзыве есть мысли, подчеркивающие «противленческие» тенденции и черты характера великого писателя. Читая книгу, Толстой «не мог оторваться, несмотря на местами перевранный перевод, и, — замечает он, — многое мне было очень приятно; но именно те места, где я отступал от христианского приема мягкой и любовной рассудительности, а таких много, почти *все*, — мне были противны и совестны. Несмотря на то, что таков *мой характер* (подчеркнуто мною — *М. З.*), а он везде проскакивает, я знаю, что он скверный, и желал бы и надеюсь изменить его». [2] О том же писал он Черткову и в письме от 26 февраля 1894 г.: «...там так много этого злого, что я не знаю, что—главное». Толстому «понравился» отзыв на его книгу английского критика, подметившего противоречие между христианской проповедью и тоном его критики: «Он говорит, что я отступаю от того, что я проповедую, т. е. любовь, жестоко и грубо нападая на духовенство, упрекая его в лжи и корысти». [3] Под влиянием таких упреков у Толстого и появился замысел написать послесловие к своей книге, в котором, по совету Черткова, «несколько сухой общий тон всех обличений... вполне уравновесился бы мягким, любовным тоном... несколькими словами признания и раскаяния» (письмо Черткова Л. Н. Толстому от 3 марта 1894 г.). Однако начатое послесловие так и не

---

[1] Т. 52, стр. 121.
[2] Т. 87, стр. 248.
[3] Там же, стр. 255.

было закончено. Как видно, автор его не нашел в себе сил «смягчить» тон и остроту, с которыми он критиковал современный социальный порядок, милитаризм и его защитников.

Толстой понимал (и писал об этом), что необходимо изменить современное капиталистическое общественное устройство (дневниковая запись 5 мая 1896 г.), что надо найти средство облегчения положения рабочих («изучать законы природы и придумывать приемы для облегчения работы: машины, пар, электричество») (запись 28 апреля 1895 г.). Сталкиваясь с деревенским людом, глядя на «мужичков-заморышей», ростом с двенадцатилетнего мальчика, Толстой с грустью и негодованием замечал, как «вырождаются поколения людей», и искал возможностей употребить остаток своей жизни «на то, чтобы разрушить это ужасное рабство» (из письма Л. Л. Толстому от 28 января 1894 г.). Целям разрушения капиталистического рабства и служила книга Толстого «Царство божие внутри вас».

VII

По языку и стилю публицистика Толстого принадлежит к лучшим классическим образцам этого жанра в русской и мировой литературе. Ей присущи глубокое общенациональное и общечеловеческое содержание, исключительная ясность и четкость мысли, логических аргументаций и возражений, придающие ей характер подлинного научного исследования. Толстого-публициста отличают приемы памфлета, полемическая острота характеристик, утверждений, выводов и обобщений, взволнованность и образность авторской речи. Все это придает теоретическим работам Толстого искренность и убедительность, эмоциональную выразительность, заражающую читателя теми чувствами, которые волновали самого автора. Эти же качества присущи трактату «Царство божие внутри вас».

Эта книга не является произведением искусства, но она написана рукой большого художника, большого мастера слова, в ней проявляется его могучая обличительная сила, многообразие и величие его таланта. И в своей публицистике Толстой пользуется различными художественными средствами и приемами, для того чтобы сделать свою речь яркой и образной. Так, с помощью антитезы он подчеркивает резкость контраста между жизнью господ и жизнью задавленного голодом и нуж-

дой народа, «поколениями без просвета умирающих невежественными, пьяными, распутными, полудикими существами в рудниках, на фабриках, заводах, в деревнях на земледельческом труде».

Лицемерие и пустословие критиков книги «В чем моя вера?», ловко уклоняющихся от обсуждения поставленных в ней вопросов, Толстой разоблачает с помощью иронической характеристики их писаний: «Хотя, с одной стороны, нельзя собственно отрицать, но, с другой стороны, опять-таки нельзя утверждать, тем более, что и т. д.». В таком же духе отзывается Толстой о статье «знаменитого, утонченного английского писателя и проповедника Фаррара, великого, как многие ученые богословы, мастера обходов и умолчаний». Уклоняясь от ответа на критические положения Толстого, подрывающие основы официальной церкви и современного общества, Фаррар пишет, что задачу доказать, «как невозможно учение коммунизма, основываемое Толстым», он не может выполнить, ибо «это потребовало бы более места», чем он имеет «в своем распоряжении». «Экое горе, — с ядовитой иронией восклицает Толстой, — места ему нет!» С такой же иронией разоблачал Толстой и других иностранных критиков, которые «тонким манером» намекали ему на невежество перед лицом европейской науки и культуры с «крупповскими пушками, бездымным порохом, колонизацией Африки, управлением Ирландии, парламентом, журналистикой, стачками, конституцией и Эйфелевой башней». Немало страниц книги посвящено ярким описаниям людей и событий. В книге даны портретные характеристики чинов воинского присутствия и старца-священника, приводящего рекрутов к присяге. В диалогической речи чиновников Толстой подчеркивает их бездушие и бюрократическую природу царского режима.

Еще сильнее и ярче раскрывается Толстым противоречие между трудом и капиталом в созданном им обобщенном образе угнетателя—правящих классов, и угнетаемого рабочих — масс, задавленного правящими классами и вечно стремящегося высвободиться и уничтожить своего противника.

Обращаясь к буржуазной литературе, Толстой подчеркивает в ней «отсутствие серьезного содержания» и «какой-то страх перед всякой определенностью мысли». Смысл литературы и искусства сведен к «грациозным ненужно-

стям» и рассуждениям, возвращающим людей «к первобытной дикости». К таким ненужностям Толстой относит праздные разговоры, конгрессы мира, на которых маскируется подготовка к войне. О лондонском конгрессе мира 1891 г. он писал, что собравшиеся, «начав молебствием в соборе», закончили «обедом со спичами», приняв решение: «Проповедовать людям каждое третье воскресенье декабря зло войны и благо мира», то есть то, что «до такой степени известно людям». Высмеивая наивных публицистов, утверждавших, что третейские суды уничтожат войну, Толстой недоумевал: «Удивительно, чем могут себя обманывать люди, когда им нужно обмануть себя». Его поражало то, что основано более ста обществ мира, что прошли конгрессы мира в Париже, Лондоне, в Риме, читаются речи, произносятся за обедом спичи, издаются журналы, доказывающие вред войны и благо мира, и что количеством исписанной на эту тему бумаги думают «согласовать всех людей... и тогда войны не будет». Это все равно, саркастически отмечал Толстой, что для того, «чтобы поймать птицу, надо посыпать ей соли на хвост».

Свое возмущение ростом гнета и эксплуатации рабочего народа капиталистами Толстой выражает меткими сравнениями, придающими его стилю живость и выразительность: «Древний раб знал, что он раб от природы, а наш рабочий, чувствуя себя рабом, знает, что ему не надо быть рабом, и потому испытывает мучения Тантала, вечно желая и не получая того, что не только могло, но должно бы быть».

Характеристика Иоанна IV, Петра I, Екатерины II, Вильгельма и других написаны Толстым живо и конкретно. Используя известную сказку Андерсена «О новом царском платье», Толстой проводит ту идею, что насильнические учреждения себя изжили и достаточно кому-нибудь не заинтересованному в их сохранении по пословице «рука руку моет» крикнуть: «а ведь люди эти уже давно ни на что не нужны», как они будут устранены.

Как известно, XII глава «Царства божия внутри вас» была написана Толстым под непосредственным впечатлением встречи на станции Узловая с карательным отрядом солдат и офицеров, следовавшим во главе с тульским губернатором Зиновьевым «усмирять» крестьян села Бобрики. Описание этой встречи принадлежит к самым волнующим страницам толстовской

публицистики. В нем дан собирательный образ солдатской массы, посылаемой с розгами и боевыми патронами против крестьян, показана крестьянская масса, согнанная губернатором для экзекуции, даны зарисовки отдельных солдат и офицеров, изображен самый процесс унизительного телесного наказания ни в чем не повинных крестьян-тружеников. Толстой подчеркивает, что этот случай не единственный, а характерный для многих губерний царской России, где всё, чем живут богачи, «приобретено и поддерживалось только истязаниями, заключениями, казнями». Характеризуя карательные экспедиции против крестьян орловского губернатора Неклюдова, нижегородского — Баранова, писатель называет царских сатрапов «палачами», «мерзавцами», не чувствующими «внутреннего отвращения к истязанию и убийству», а старающихся отличиться своим «палачеством».

Такое же волнующее впечатление производит описание рекрутского набора. Знакомая Толстому «густая толпа народа» притянула его к себе, как он писал, «какими-то злыми чарами», и то, что он увидел и услышал в этой толпе «вой матерей и жен», вызвало в нем жгучее сострадание к народному горю, и это чувство нашло свое яркое выражение в обрисованной писателем сцене.

«Царство божие внутри вас» — плод трехлетнего напряженного труда писателя, стремившегося вложить в него большое общественное содержание и выразить его в ясной и доходчивой форме. Он писал: «Предмет (книги—*М. З.*), — о новой форме жизни... мне кажется так важен, что хочется всё сказать и как могу лучше». [1]

В письмах к друзьям Толстой объяснял затяжку работы над книгой именно тем, что «всё хочется лучше. И, кажется, будет лучше, проще, яснее». [2] Толстой стремился и к тому, чтобы его книга заразила читателя чувством негодования против мерзостей господствующих классов. Выражая несогласие с предложением Черткова смягчить тон книги, Толстой отвечал: «Главное, не могу согласиться с смягчениями. Смягчать, оговариваясь, нельзя. Это нарушает весь тон, а тон выражает чувство, а чувство заражает (чувство иногда негодования) больше, чем всякие

---

[1] Т. 66, стр. 224.
[2] Там же, стр. 196.

доводы». [1] И такой цели Толстой достиг, особенно в заключительной главе.

Книга «Царство божие внутри вас» — выдающееся явление русской публицистики, в котором художественные образы и описания играют существенную идейную роль и обогащают все произведение в целом. По своему стилю публицистика Толстого особенно близка Герцену. Близость эта заметна и в характеристике русского самодержавия и западноевропейского буржуазного общества, в приемах аргументации авторских положений и даже в лексике. Толстого восхищала глубина и смелость мысли Герцена, который «своим проницательным умом уже тогда (в 1848 г. — *М. З.*) ясно видел то, что видит теперь уже всякий самый мало размышляющий человек нашего времени: невозможность продолжения жизни на прежних основах и необходимость установления каких-то новых форм жизни». Свои рассуждения и выводы о невозможности создать новое социально справедливое общественное устройство при сохранении капитализма Толстой подкрепляет цитатой из сочинения А. И. Герцена «С того берега», в котором разоблачались иллюзии французской буржуазии о возможности свободы и справедливости при существующем эксплуататорском строе и высмеивался ее страх и колебания перед будущим: «Страх берет — пустота, ширина, воля... Как идти, не зная куда, как терять, не видя приобретений!» Соглашаясь с Герценом и объективно выступая за разрушение буржуазного строя, Толстой проявлял «силу» и «разум» своего мировоззрения.

Многие выдающиеся представители русской культуры с восторгом встретили книгу Толстого. И этот восторг объяснялся ее глубоким идейным содержанием. Толстой как бы творил суд над современным капитализмом, над строем насилия и зла, угнетавшим человека и разрушавшим его внутреннюю красоту, творческие, созидательные силы. В. В. Стасов, откровенно выражавший Толстому свое недоумение (письмо от 9 июня 1894 г.) постоянной аргументацией писателем своих положений ссылками на бога: «Почти постоянно Вы опираетесь на мысли о Христе, о боге. На что это? На что нам тот и другой, когда так легко и разумно вовсе обойтись без них?» — все же признал, что книга

---

[1] Т. 87, стр. 117.

Толстого—«это самая великая книга нашего XIX века». XII главу книги он считал «бесценной», «несравненной». Эта глава, по его мнению, «сама по себе есть целый мир». Великий русский живописец И. Е. Репин, ознакомившись с книгой Толстого, писал, что это «вещь ужасающей силы». И все же взыскательный и требовательный к себе Толстой не вполне был доволен своей книгой. В письме Черткову (от 25 октября 1895 г.) он указывал на недостаток книги, который заметил при чтении ее в итальянском переводе: «ужасно много длиннот». О впечатлении, произведенном толстовской публицистикой на современников, прекрасно сказал Анатоль Франс в речи, произнесенной в Сорбонне (12 марта 1911 г.): «Когда он убеждает нас верить, страдать, терпеть, его героическое самоотречение принимает форму такой пылкой борьбы, принимает такой решительный, я бы сказал, даже сокрушительный характер, что он заставляет нас мыслить, сомневаться,— силы наши возрастают». [1]

Оценивая объективное значение «толстовской критики государства, церкви, частной поземельной собственности» [2], Ленин указывал русскому пролетариату единственно возможный путь к свержению капитализма и созданию нового общества «без нищеты народа, без эксплуатации человека человеком» [3] — путь пролетарской социалистической революции. На трудном пути к этой великой цели, заблуждаясь в выборе средств борьбы, находился и величайший русский художник, гневный и страстный публицист Л. Н. Толстой.

М. Зозуля

---

[1] «Иностранная литература», 1940, № 11-12.
[2] В. И. Ленин, Сочинения, т. 16, стр. 297.
[3] Там же.

РЕДАКЦИОННЫЕ ПОЯСНЕНИЯ

Текст, публикуемый в настоящем томе, печатается по общепринятой орфографии, но с сохранением некоторых особенностей правописания Толстого.

При воспроизведении текстов, не печатавшихся при жизни Толстого (произведения, окончательно не отделанные, неоконченные, только начатые и черновые тексты), соблюдаются следующие правила.

Текст воспроизводится с соблюдением всех особенностей правописания, которое не унифицируется.

Слова, случайно не написанные, если отсутствие их затрудняет понимание текста, печатаются в прямых скобках.

В местоимении «что» ставится знак ударения в тех случаях, когда без этого было бы затруднено понимание. Условные сокращения типа «к-рый», вместо «который», и слова, написанные не полностью, воспроизводятся полностью, причем дополняемые буквы ставятся в прямых скобках лишь в тех случаях, когда редактор сомневается в чтении.

Описки (пропуски букв, перестановки букв, замены одной буквы другой) не воспроизводятся и не оговариваются в сносках, кроме тех случаев, когда редактор сомневается, является ли данное написание опиской.

Слова, написанные ошибочно дважды, воспроизводятся один раз, но это всякий раз оговаривается в сноске.

После слов, в чтении которых редактор сомневается, ставится знак вопроса в прямых скобках.

На месте неразобранных слов ставится: [*1, 2, 3 и т. д. неразобр.*] где цифры, обозначают количество неразобранных слов.

Из зачеркнутого в рукописи воспроизводится (в сноске) лишь то, что имеет существенное значение.

Более или менее значительные по размерам зачеркнутые места (в отдельных случаях и слова) воспроизводятся в тексте в ломаных ⟨ ⟩ скобках.

Авторские скобки обозначены круглыми скобками.

Многоточия воспроизводятся так, как они даны автором.

Абзацы редактора делаются с оговоркой в сноске: «Абзац редактора».

Примечания и переводы иностранных слов и выражений, принадлежащие Толстому, печатаются в сносках петитом без скобок. Редакторские переводы иностранных слов и выражений печатаются в прямых скобках.

Обозначение * как при названиях произведений, так и при номерах вариантов означают, что эти произведения печатаются впервые.

В примечаниях приняты следующие условные сокращения:

АЧ — Архив В. Г. Черткова (Москва).

Б,III — П. И. Бирюков, «Лев Николаевич Толстой. Биография», т. III, изд. 2-е, Гиз, М. 1922.

ПС — «Переписка Л. Н. Толстого с Н. Н. Страховым. 1870—1894», изд. Общества Толстовского музея, Спб. 1914.

Л. Н. ТОЛСТОЙ

ЦАРСТВО БОЖИЕ ВНУТРИ ВАС

1890—1893

ЦАРСТВО БОЖИЕ ВНУТРИ ВАС, ИЛИ ХРИСТИАНСТВО НЕ КАК МИСТИЧЕСКОЕ УЧЕНИЕ, А КАК НОВОЕ ЖИЗНЕПОНИМАНИЕ

Познаете истину, и истина освободит вас *(Иоан. VIII, 32)*.

И не бойтесь убивающих тело, души же не могущих убить; а бойтесь более того, кто может и душу и тело погубить в геенне *(Мф. X, 28)*.

Вы куплены дорогою ценою; не делайтесь рабами человеков *(I Коринфянам, VII, 23)*.

В 1884 году я написал книгу под заглавием: «В чем моя вера?». В книге этой я действительно изложил то, во что я верю.

Излагая свою веру в учение Христа, я не мог не высказать и того, почему я не верю и считаю заблуждением ту церковную веру, которая обыкновенно называется христианством.

В числе многих отступлений этого учения от учения Христа я указывал на главное отступление, именно — на непризнание заповеди непротивления злу насилием, очевиднее других отступлений указывающее на извращение церковным учением учения Христа.

Я очень мало знал, как и все мы, о том, что делалось и было проповедуемо и писано в прежнее время по вопросу о непротивлении злу. Я знал то, что было высказано об этом предмете у отцов церкви — Оригена, Тертуллиана и других, — знал и о том, что существовали и существуют некоторые, так называемые, секты менонитов, гернгутеров, квакеров, которые не допускают для христианина употребления оружия и не идут

в военную службу; но что было сделано этими, так называемыми, сектами для разъяснения этого вопроса, было мне мало известно.

Книга моя, как я и ожидал, была задержана русской цензурой, но отчасти вследствие моей репутации как писателя, отчасти потому, что она заинтересовала людей, книга эта распространилась в рукописях и литографиях в России и в переводах за границей и вызвала, с одной стороны, от людей, разделяющих мои мысли, ряд сведений о сочинениях, писанных об этом же предмете, с другой стороны, ряд критик на мысли, высказанные в самой книге.

Как то, так и другое, вместе с историческими явлениями последнего времени, выяснило для меня очень многое и привело меня к новым выводам и заключениям, которые я и хочу высказать.

Прежде скажу о тех сведениях, которые я получил об истории вопроса о непротивлении злу; потом о тех суждениях об этом вопросе, которые были высказаны как духовными, т. е. исповедующими христианскую религию, критиками, так и светскими, т. е. не исповедующими христианскую религию; и, наконец, те выводы, к которым я был приведен и теми и другими, и историческими событиями последнего времени.

I

Одним из первых откликов на мою книгу были письма от американских квакеров. В письмах этих, выражая свое сочувствие моим взглядам о незаконности для христианина всякого насилия и войны, квакеры сообщили мне подробности о своей, так называемой, секте, более 200 лет исповедующей на деле учение Христа о непротивлении злу насилием и не употреблявшей и теперь не употребляющей для защиты себя оружия. Вместе с письмами квакеры присылали мне свои брошюры, журналы и книги. Из этих присланных мне ими журналов, брошюр и книг я узнал, до какой степени уже много лет тому назад ими неопровержимо была доказана для христианина обязанность выполнения заповеди о непротивлении злу насилием и была обличена неправильность церковного учения, допускающего казни и войны.

Целым рядом рассуждений и текстов доказав то, что с религией, основанной на миролюбии и благоволении к людям, несовместима война, т. е. калечение и убийство людей, квакеры утверждают и доказывают, что ничто столько не содействовало затемнению Христовой истины в глазах язычников и не мешало распространению христианства в мире, как непризнание этой заповеди людьми, именовавшими себя христианами, — как разрешение для христиан войны и насилия.

«Христово учение, вошедшее в сознание людей не посредством меча и насилия, говорят они, а посредством непротивления злу, посредством кротости, смирения и миролюбия, — только примером мира, согласия и любви между своими последователями и может распространиться в мире.

«Христианин, по учению самого бога, может быть руководим в отношениях к людям только миролюбием, и потому не может быть такого авторитета, который заставил бы христианина действовать противно учению бога и главного свойства христианина по отношению своих близких.

«Правило государственной необходимости, говорят они, может заставить изменить закону бога тех, которые ради житейских выгод стараются согласить несогласимое, но для христианина, который истинно верит тому, что следование учению Христа дает ему спасение, правило это не может иметь никакого значения».

Знакомство с деятельностью квакеров и их сочинениями: с Фоксом, Пэном и в особенности с книгой Даймонда (Dymond) 1827 г. — показало мне, что не только давным-давно сознана невозможность соединения христианства с насилием и войною, но что эта несовместимость давным-давно так ясно и несомненно доказана, что надо только удивляться, каким образом может продолжаться это невозможное соединение христианского учения с насилием, которое проповедовалось и продолжает проповедоваться церквами.

Кроме сведений, полученных мною от квакеров, около этого же времени я получил тоже из Америки сведения о том же предмете из совершенно другого и прежде мне вовсе неизвестного источника.

Сын Вильяма Ллойда Гаррисона, знаменитого борца за свободу негров, писал мне, что, прочтя мою книгу, в которой он нашел мысли, сходные с теми, которые были выражены его отцом

в 1838 году, он, полагая, что мне будет интересно узнать это, присылает мне составленную его отцом почти 50 лет тому назад декларацию или провозглашение непротивления — «Non-resistance».

Провозглашение это возникло при следующих условиях: Вильям Ллойд Гаррисон, рассуждая в существовавшем в 1838 году в Америке обществе для установления мира между людьми о мерах прекращения войны, пришел к заключению, что установление всеобщего мира может быть основано только на явном признании заповеди непротивления злу насилием (Мф. V, 39) во всем ее значении, так, как понимают ее квакеры, с которыми Гаррисон находился в дружеских сношениях. Придя к такому заключению, Гаррисон и составил тогда и предложил обществу следующее провозглашение, которое было подписано тогда, в 1838 году, многими членами.

ПРОВОЗГЛАШЕНИЕ ОСНОВ, ПРИНЯТЫХ ЧЛЕНАМИ ОБЩЕСТВА, ОСНОВАННОГО ДЛЯ УСТАНОВЛЕНИЯ МЕЖДУ ЛЮДЬМИ ВСЕОБЩЕГО МИРА.

Бостон, 1838 г.

Мы, нижеподписавшиеся, считаем своим долгом по отношению к себе, к делу, близкому нашему сердцу, к стране, в которой мы живем, и ко всему остальному миру, огласить это наше исповедание, выразив в нем те основы, которых мы держимся, цели, к которым мы стремимся, и средства, которые мы намерены употреблять для достижения всеобщего благодетельного и мирного переворота. Вот это наше исповедание.

Мы не признаем никакого человеческого правительства. Мы признаем только одного царя и законодателя, только одного судью и правителя над человечеством. Отечеством нашим мы признаем весь мир, соотечественниками своими признаем всё человечество. Мы любим свою родину столько же, сколько мы любим и другие страны. Интересы, права наших сограждан нам не дороже интересов и прав всего человечества. Поэтому мы не допускаем того, чтобы чувство патриотизма могло оправдывать мщение за обиду или за вред, нанесенный нашему народу...

Мы признаем, что народ не имеет права ни защищать себя от внешних врагов, ни нападать на них. Мы признаем также, что отдельные лица в своих личных отношениях не могут иметь этого

права. Единица не может иметь большего значения, чем совокупность их. Если правительство не должно оказывать сопротивления чужестранным завоевателям, имеющим целью опустошать наше отечество и избивать наших сограждан, то точно так же не должно быть оказываемо сопротивление силою отдельным лицам, нарушающим общественное спокойствие и грозящим частной безопасности. Проповедуемое церквами положение о том, что все государства на земле установлены и одобряемы богом и что все власти, существующие в Соединенных Штатах, в России, в Турции, соответствуют воле бога, столь же нелепо, как и кощунственно. Это положение представляет творца нашего существом пристрастным и устанавливающим и поощряющим зло. Никто не решится утверждать того, чтобы власти, существующие в какой бы то ни было стране, действовали по отношению к своим врагам в духе учения и по примеру Христа. А потому деятельность этих властей не может быть приятна богу и потому и власти эти не могли быть установлены богом и должны быть низвергнуты не силою, но духовным возрождением людей.

Мы признаем нехристианскими и незаконными не только самые войны — как наступательные, так и оборонительные, — но и все приготовления к войнам: устройство всяких арсеналов, укреплений, военных кораблей; признаем нехристианским и незаконным существование всяких постоянных армий, всякого военного начальства, всяких памятников, воздвигнутых в честь побед или павших врагов, всяких трофеев, добытых на поле сражения, всяких празднований военных подвигов, всяких присвоений, совершенных военной силой; признаем нехристианским и незаконным всякое правительственное постановление, требующее военной службы от своих подданных.

Вследствие всего этого мы считаем для себя невозможным не только службу в войсках, но и занимание должностей, обязующих нас принуждать людей поступать хорошо под страхом тюрьмы или смертной казни. Мы поэтому добровольно исключаем себя из всех правительственных учреждений и отказываемся от всякой политики, от всех земных почестей и должностей.

Не считая себя вправе занимать места в правительственных учреждениях, мы точно так же не считаем себя вправе и избирать на эти места других лиц. Мы также считаем себя не вправе судиться с людьми, чтобы заставить их возвратить взятое у нас. Мы считаем, что мы обязаны отдать и кафтан тому, кто

взял нашу рубашку, но никак не подвергать его насилию. Мф. V, 40.

Мы верим в то, что уголовный закон Ветхого Завета: око за око, зуб за зуб — отменен Иисусом Христом и что по Новому Завету всем его последователям проповедуется прощение врагам вместо мщения, во всех случаях без исключения. Вымогать же насилием деньги, запирать в тюрьму, ссылать или казнить, очевидно, не есть прощение обид, а мщение.

История человечества наполнена доказательствами того, что физическое насилие не содействует нравственному возрождению, и что греховные наклонности человека могут быть подавлены лишь любовью, что зло может быть уничтожено только добром, что не должно надеяться на силу руки, чтоб защищать себя от зла, что настоящая безопасность для людей находится в доброте, долготерпении и милосердии, что лишь кроткие наследуют землю, а поднявшие меч от меча погибнут.

И поэтому, как для того, чтобы вернее обеспечить жизнь, собственность, свободу, общественное спокойствие и частное благо людей, так и для того, чтобы исполнить волю того, кто есть царь царствующих и господь господствующих, мы от всей души принимаем основное учение непротивления злу злом, твердо веруя, что это учение, отвечая всем возможным случайностям и выражая волю бога, в конце концов должно восторжествовать над всеми злыми силами. Мы не проповедуем революционного учения. Дух революционного учения есть дух мести, насилия и убийства. Он не боится бога и не уважает личности человека. Мы же желаем быть преисполнены духа Христова. Следуя основному нашему правилу непротивления злу злом, мы не можем производить заговоров, смут или насилий. Мы подчиняемся всем узаконениям и всем требованиям правительства, кроме тех, которые противны требованиям Евангелия. Сопротивление наше ограничивается покорным подчинением, имеющим быть наложенным на нас за неповиновение, наказаниям. Намереваясь без сопротивления переносить все направленные на нас нападения, мы, между тем, с своей стороны, намерены не переставая нападать на зло мира, где бы оно ни было, вверху или внизу, в области политической, административной или религиозной, стремясь всеми возможными для нас средствами к осуществлению того, чтобы царства земные слились в одно царство господа нашего Иисуса Христа.

Мы считаем несомненной истиной то, что всё то, что противно Евангелию и духу его и потому подлежит уничтожению, должно быть сейчас же уничтожаемо. И потому, если мы верим предсказанию о том, что наступит время, когда мечи перекуются на орала и копья на серпы, мы сейчас же, не откладывая этого на будущее время, должны делать это по мере сил наших. И потому все те, которые выделывают, продают, употребляют оружие, содействуют всяким военным приготовлениям, этим самым вооружаются против мирного господства сына божьего на земле. Высказав наши основы, скажем теперь о том, какими путями мы надеемся достигнуть нашей цели. Мы надеемся победить «безумием проповеди».

Мы будем стараться распространять свои взгляды среди всех людей, к каким бы народам, исповеданиям и слоям общества они ни принадлежали. Для этой цели мы будем устраивать публичные чтения, распространять печатные объявления и брошюры, составлять общества и подавать прошения во всякие правительственные учреждения. Вообще будем стремиться всеми доступными для нас средствами к достижению коренного переворота во взглядах, чувствах и действиях нашего общества относительно греховности насилия по отношению к внешним и внутренним врагам. Принимаясь за это великое дело, мы вполне сознаем, что наша искренность может быть подвергнута жестоким испытаниям. Наша задача может навлечь на нас оскорбления, обиды, страдания и даже смерть. Нас ожидает непонимание, ложное толкование и клевета. Против нас должна подняться буря. Гордость и фарисейство, честолюбие и жестокость, правители и власти, — всё это может соединиться, чтоб уничтожить нас. Таким образом поступали с мессией, которому мы стремимся подражать по мере сил своих. Но нас не пугают эти ужасы. Мы надеемся не на людей, а на всемогущего господа. Если мы отказались от человеческого заступничества, что же может поддержать нас, как не одна вера, побеждающая мир? Мы не будем удивляться тем испытаниям, которым мы подвергнемся, а будем радоваться тому, что удостоимся разделить страдания Христа.

Вследствие всего этого мы передаем души свои богу, веруя тому, что сказано, что тот, кто оставит дома и братьев и сестер, или отца, или мать, или жену, или детей, или поля ради Христа, получит во сто раз больше и наследует жизнь вечную.

Итак, твердо веруя, несмотря на всё, что может вооружиться против нас, в несомненное торжество во всем мире основ, выраженных в этом провозглашении, мы прилагаем здесь свои подписи, надеясь на разум и совесть человечества, более же всего на силу божию, которой и вручаем себя.

Вслед за этим провозглашением были основаны Гаррисоном общество непротивления и журнал, называвшийся «Непротивляющимся» («Non-resistant»), в котором проповедовалось учение непротивления во всем его значении и со всеми его последствиями, как оно было выражено в провозглашении. Сведения о дальнейшей судьбе общества и журнала непротивления получены мною из прекрасной биографии В. Л. Гаррисона, составленной его сыновьями.

Общество и журнал просуществовали недолго: большинство сотрудников Гаррисона по делу освобождения рабов, опасаясь того, чтобы слишком радикальные требования, выраженные в журнале «Непротивляющемся», не оттолкнули людей от практического дела освобождения негров, — большинство сотрудников отказалось от исповедания принципа непротивления, как он был выражен в провозглашении, и общество и журнал прекратили свое существование.

Это провозглашение Гаррисона, так сильно и красноречиво выражавшее такое важное для людей исповедание веры, казалось, должно бы было поразить людей и сделаться всемирно известным и предметом всестороннего обсуждения. Но ничего подобного не было. Оно не только не известно в Европе, но среди американцев, столь высоко чтущих память Гаррисона, провозглашение это почти неизвестно.

Та же неизвестность постигла и другого борца за непротивление злу, недавно умершего, в продолжение 50 лет проповедовавшего это учение, американца Адина Баллу. До какой степени мало известно всё то, что относится к вопросу непротивления, видно из того, что Гаррисон-сын, написавший превосходную, в 4-х больших томах, биографию своего отца, этот Гаррисон-сын на вопрос мой о том, существует ли теперь общество непротивления и есть ли последователи его, отвечал мне, что, сколько ему известно, общество это распалось и последователей этого учения не существует, тогда как в то время, когда он писал мне,

жил в Массачусете, в Hopedale, Адин Баллу, участвовавший в трудах отца Гаррисона и посвятивший 50 лет жизни на проповедь устно и печатно учения непротивления. Впоследствии я получил письмо от Вильсона, ученика и помощника Баллу, и вошел в сношения с самим Баллу. Я написал Баллу, и он отвечал мне и прислал мне свои сочинения. Вот некоторые выписки из них.

«Иисус Христос — мой господь и учитель, — говорит Баллу в одной из статей, обличающей непоследовательность христиан, признающих право защиты и войны. — Я обещал, оставив всё, следовать за ним, на худое и доброе до самой смерти. Но я гражданин демократической республики Соединенных Штатов, которой я присягал в верности в том, что я буду поддерживать конституцию моей страны, если нужно жертвою жизни. Христос требует от меня, чтобы я сделал другим то, что я хотел бы, чтобы мне делали. Конституция Соединенных Штатов требует от меня, чтобы я делал двум миллионам рабов (тогда были рабы, теперь на место их смело можно поставить рабочих) как раз обратное тому, что бы я хотел, чтобы мне делали, т. е. содействовал бы тому, чтобы держать их в том рабстве, в котором они находятся. И это ничего, я продолжаю избирать или избираться, я помогаю управлять, я даже готов быть выбран на какую-либо должность управления. Это не мешает мне быть христианином. Я продолжаю исповедовать и не нахожу затруднения исполнять завет с Христом и с правительством.

«Иисус Христос запрещает мне противиться делающим зло и лишать их ока за око и зуба за зуб, крови за кровь, жизни за жизнь.

«Мое правительство требует от меня как раз противного и защиту себя основывает на виселице, ружье, мече, употребляемых против своих домашних и внешних врагов. И соответственно этому страна снабжается виселицами, тюрьмами, арсеналами, военными кораблями и солдатами.

«В поддержании и употреблении этих дорогостоящих убийственных приспособлений мы можем весьма удобно осуществить добродетель *прощения обижающих нас, любви к врагам, благословения проклинающих нас и делания добра ненавидящим нас.* Для этой цели у нас есть постоянные христианские священники, чтобы молиться за нас и призывать благословение божие на святые убийства. Я всё это вижу (т. е. противоречие

исповедания и жизни) и продолжаю и исповедовать и управлять и горжусь тем, что *я в одно и то же время и набожный христианин и преданный слуга правительству*. Не хочу я согласиться с этим безумным понятием непротивления. Не могу я отказаться от своего влияния и оставить одних безнравственных людей во главе правительства. Конституция говорит: правительство имеет право объявлять войну, и я соглашаюсь, я поддерживаю это, я клянусь, что буду поддерживать. Я от этого не перестаю быть христианином. Война тоже христианская обязанность. Разве не христианское дело убить сотни тысяч ближних, насиловать женщин, разорять и сжигать города и делать всевозможные жестокости? Пора бросить все эти выдуманные сентиментальности. Это самое настоящее средство прощать обиды и любить врагов. Если мы только делаем это в духе любви, ничего не может быть более христианского, как такое огульное убийство».

В другой брошюре, под заглавием: «*Сколько нужно людей, чтобы преобразить злодейство в праведность*», он говорит: «Один человек не должен убивать. Если он убил, он преступник, он убийца. Два, десять, сто человек, если они делают это, — они убийцы. Но государство или народ может убивать, сколько он хочет, и это не будет убийство, а хорошее, доброе дело. Только собрать побольше народа, и бойня десятков тысяч людей становится невинным делом. Но сколько именно нужно людей для этого?

Вот в чем вопрос. Один не может красть, грабить, но целый народ может. Но сколько именно нужно для этого? Почему 1, 10, 100 человек не должны нарушать закона бога, а очень много могут?»

А вот катехизис Баллу, составленный для его паствы.

КАТЕХИЗИС НЕПРОТИВЛЕНИЯ[1]

Вопр. — Откуда взято слово «непротивление»?

Отв. — Из изречения: *не противься злому*. Мф. V, 39.

Вопр. — Что выражает это слово?

Отв. — Оно выражает высокую христианскую добродетель, предписываемую Христом.

---

[1] Перевод сделан свободно, с некоторыми пропусками.

Вопр. — Следует ли слово непротивление принимать в самом его обширном смысле, т. е. что оно указывает на то, чтобы не делать никакого *сопротивления злу*.

Отв. — Нет, оно должно быть понимаемо в точном смысле наставления Спасителя, т. е. не платить *злом за зло*. Злу должно противиться всякими праведными средствами, но никак не злом.

Вопр. — Из чего видно, что Христос в таком смысле предписал непротивление?

Отв. — Из слов, которые он при этом сказал. Он говорил: Вы слышали, что сказано древним: око за око, зуб за зуб. А я говорю вам: не противься злому. Но кто ударит тебя в правую щеку твою, обрати к нему и другую, и кто захочет судиться с тобою и взять у тебя рубашку, отдай ему и верхнюю одежду.

Вопр. — О ком он говорил в словах: вы слышали, что сказано?

Отв. — О патриархах и пророках, о том, что они сказали, — что содержится в писаниях Ветхого Завета, который евреи обыкновенно называют *Закон и пророки*.

Вопр. — Какие предписания разумел Христос под словами: «вам сказано»?

Отв. — Те предписания, в которых Ной, Моисей и другие пророки дают право причинять личный вред наносителям вреда, чтобы наказывать и уничтожать злые дела.

Вопр. — Приведите такие предписания.

Отв. — «Кто прольет кровь человеческую между людьми, того самого кровь прольется». Быт. IX, 6.

«Кто ударит человека так, что тот умрет, да будет предан смерти. А если будет вред, то отдай душу за душу, глаз за глаз, зуб за зуб, руку за руку, ногу за ногу, обожжение за обожжение, рану за рану, ушиб за ушиб». Исх. XXI, 12, 23, 25.

«Кто убьет какого-либо человека, тот предан будет смерти». «А кто сделает повреждение ближнему своему, тому должно сделать то же, что он сделал». «Перелом за перелом, око за око, зуб за зуб». Лев. XXIV, 17, 19, 20.

«А судьи должны хорошо исследовать, и если свидетель тот есть свидетель ложный, ложно донес на брата своего, то поступайте с ним так, как он умышлял поступить с братом своим. Да не пощадит его глас твой: душу за душу, око за око, зуб за зуб, руку за руку, ногу за ногу». Второз. XIX, 18, 21.

Вот предписания, о которых говорит Иисус.

Ной, Моисей и пророки учили так, что тот, кто убивает, калечит или мучает своих ближних, делает зло. Чтобы противиться такому злу и уничтожать его, нужно делающего зло наказывать смертью или искалечением или каким-нибудь личным мучением. Обиде нужно противопоставить обиду, убийству — убийство, мучению — мучение, злу — зло. Так учили Ной, Моисей и пророки. Но Христос отрицает всё это. «Я говорю вам, написано в Евангелии: не противься злому, не противься обиде — обидою, но скорее перенеси повторенную обиду от делающего зло». То, что было позволено, запрещается. Поняв, какого рода противлению они учили, мы точно знаем, чему учит непротивление Христа.

Вопр. — Допускали ли древние сопротивление обиде обидою?

Отв. — Да. Но Иисус запретил это. Христианин ни в каком случае не имеет права лишать жизни или подвергать обиде делающего зло ближнего.

Вопр. — Может ли он убить, или искалечить другого при самообороне?

Отв. — Нет.

Вопр. — Может ли он войти с жалобой в суд с той целью, чтобы его обидчик был наказан?

Отв. — Нет. Ибо, что он делает через других, в сущности он сам делает.

Вопр. — Может ли он сражаться в войске против неприятелей или против домашних бунтовщиков?

Отв. — Конечно, нет. Он не может принимать никакого участия в войне или воинских приготовлениях. Он не может употреблять смертоносного оружия. Он не может противиться обиде обидой, всё равно один ли он, или вместе с другими, сам или через других людей.

Вопр. — Может ли он добровольно выбирать, или снаряжать военных людей правительству?

Отв. — Он не может делать ничего этого, если хочет быть верным закону Христа.

Вопр. — Может ли он добровольно давать деньги для помощи правительству, поддерживаемому военной силой, смертной казнью, вообще насилием?

Отв. — Нет, если только деньги не предназначены на какой-нибудь особый предмет, справедливый в самом себе, где и цель и средства добрые.

Вопр. — Может ли он платить подати такому правительству?

Отв. — Нет, он не должен добровольно платить подати, но не должен противиться взиманию податей. Подать, налагаемая правительством, взыскивается независимо от воли подданных. Ей нельзя противиться, не прибегая самому к насилию. Насилия же христианин употреблять не может, поэтому он должен предоставить прямо *свою собственность* насильственному ущербу, производимому властями.

Вопр. — Может ли христианин подавать голос при выборах и участвовать в суде или управлении?

Отв. — Нет, участие в выборах, суде или управлении есть участие в правительственном насилии.

Вопр. — В чем главное значение учения о непротивлении?

Отв. — В том, что оно одно дает возможность вырвать с корнем зло, как из своего сердца, так и из сердца ближнего. Учение это запрещает делать то, чем увековечивается и умножается зло в мире. Тот, кто нападает на другого и обижает его, зажигает в другом чувство ненависти, корень всякого зла. Обидеть другого, потому что он нас обидел, будто бы для того, чтобы устранить зло, значит повторить дурное дело и над ним и над собой, значит *породить* или по крайней мере *освободить* — *поощрить* того самого демона, которого мы будто бы хотим изгнать. Сатана не может быть изгнан сатаною, неправда не может быть очищена неправдою, и зло не может быть побеждено злом.

Истинное *непротивление* есть единственное настоящее сопротивление злу. Оно сокрушает голову змия. Оно убивает и вконец истребляет злое чувство.

Вопр. — Но если мысль учения и верна, то исполнимо ли оно?

Отв. — Так же исполнимо, как всякое добро, предписываемое законом божиим. Добро не может быть исполняемо во всех обстоятельствах без самоотречения, лишения, страдания и, в крайних случаях, без потери самой жизни. Но тот, кто дорожит жизнью более, чем исполнением воли бога, уже мертв для единственной истинной жизни. Такой человек, стараясь спасти свою жизнь, потеряет ее. Кроме того, и вообще там, где непротивление стоит пожертвования одною жизнью или каким-нибудь существенным благом жизни, противление стоит таких жертв тысячи.

Непротивление сохраняет — противление разрушает.

Несравненно безопаснее поступать справедливо, чем несправедливо; сносить обиду, чем противиться ей насилием, — безопаснее даже в отношении к настоящей жизни. Если бы все люди не противились злу злом, наш мир был бы блажен.

Вопр. — Но когда лишь немногие будут так поступать, что станется с ними?

Отв. — Если бы так поступал даже только один человек, а все остальные согласились распять его, то не более ли славно было бы ему умереть в торжестве непротивляющейся любви, молясь за врагов своих, чем жить, нося корону Цезаря, обрызганную кровью убитых? Но один ли, или тысячи людей, твердо решивших не противиться злу злом, всё равно среди просвещенных ли, или среди диких ближних, гораздо больше безопасны от насилия, чем те, которые полагаются на насилие. Разбойник, убийца, обманщик скорее оставит их в покое, чем тех, кто сопротивляется оружием. Взявшие меч от меча погибнут, а ищущие мира, поступающие дружественно, безобидно, забывающие и прощающие обиды большею частью наслаждаются миром или если умирают, то умирают благословляемыми.

Таким образом, если бы все соблюдали заповедь непротивления, то, очевидно, не было бы ни обиды, ни злодейства. Если бы таких было большинство, то они установили бы управление любви и доброжелательства даже над обижающими, никогда не противясь злу злом, никогда не употребляя насилия. Если бы таких людей было довольно многочисленное меньшинство, то они произвели бы такое исправительное нравственное действие на общество, что всякое жестокое наказание было бы отменено, а насилие и вражда заменились бы миром и любовью. Если бы их было только малое меньшинство, то оно редко испытало бы что-нибудь худшее, чем презрение мира, а мир между тем, сам того не чувствуя и не будучи за то благодарен, постоянно становился бы мудрее и лучше от этого тайного воздействия. И если бы в самом худшем случае некоторые из членов меньшинства были бы гонимы до смерти, то эти погибшие за правду оставили бы по себе свое учение, уже освященное их мученической кровью.

Да будет мир со всеми, кто ищет мира, и всепобеждающая любовь да будет негибнущим наследием всякой души, добровольно подчиняющейся закону Христа:

«Не противься злу насилием».

Баллу в продолжение 50 лет писал и издавал книги преимущественно о вопросе непротивления злу насилием. В сочинениях этих, прекрасных по ясности мысли и красоте изложения, вопрос рассмотрен со всех возможных сторон. Устанавливается обязательность этой заповеди для всякого христианина, исповедующего Библию как божеское откровение. Приводятся все обычные возражения против заповеди непротивления как из Ветхого Завета, так и из Нового, как, например: изгнание из храма и т. п. и на все выставляются опровержения; показывается независимо от писания практическая разумность этого правила, и выставляются все обычно делаемые против нее возражения и опровергаются. Так, одна глава его сочинения трактует о непротивлении злу в исключительных случаях, в которой он признает, что если бы были случаи, в которых невозможно применение непротивления злу, то это доказывало бы, что правило это вообще несостоятельно. Приводя эти исключительные случаи, он доказывает, что именно в них-то и нужно и разумно применение этого правила. Нет стороны вопроса, как для сторонников его, так и для противников, которая бы не была исследована в этих сочинениях. Всё это я говорю для того, чтобы показать тот несомненный интерес, который должны бы иметь такие сочинения для людей, исповедующих христианство, и что потому, казалось бы, деятельность Баллу должна бы была быть известной, и мысли, выраженные им, должны бы быть или признаны, или опровергнуты; но ничего подобного не было.

Деятельность Гаррисона-отца с его основанием общества непротивляющихся и декларация еще более, чем сношения мои с квакерами, убеждали меня в том, что отступление государственного христианства от закона Христа о непротивлении насилием есть дело, давно замеченное и указанное и для обличения которого работали и не перестают работать люди. Деятельность Баллу еще более подтвердила мне это. Но судьба и Гаррисона и в особенности Баллу, никому не известного, несмотря на 50 лет упорной и постоянной работы в одном и том же направлении, подтвердила для меня и то, что существует какой-то невысказанный, но твердый уговор замалчиванья всех таких попыток.

В августе 1890 года Баллу скончался, и в американском христианского направления журнале (Religio-Philosophical journal, August 23) был его некролог.

В хвалебном некрологе этом пишется о том, что Баллу был духовным руководителем общины, что он произнес от 8 до 9 тысяч проповедей, женил 1000 пар и написал около 500 статей, но ни одного слова не сказано о той цели, которой он посвятил свою жизнь, не сказано даже и слова: «непротивление».

Как всё то, что 200 лет проповедуют квакеры, как деятельность Гаррисона-отца, основание его общества и журнала, его провозглашение, так и вся деятельность Баллу точно как будто не существуют и не существовали.

Поразительным примером такой неизвестности сочинений, направленных на разъяснение непротивления злу насилием и обличение тех, которые не признают этой заповеди, служит судьба книги чеха Хельчицкого, только недавно ставшей известной и до сих пор еще не напечатанной.

Вскоре по выходе моей книги по-немецки я получил из Праги письмо от профессора тамошнего университета, сообщившее мне о существовании никогда нигде не напечатанного сочинения чеха Хельчицкого XV века, под названием «*Сеть веры*». В сочинении этом, как писал мне профессор, Хельчицкий около 4-х веков тому назад высказывал тот же взгляд на истинное и ложное христианство, который высказывал и я в сочинении «В чем моя вера?». Профессор писал мне, что сочинение Хельчицкого должно было быть издано в первый раз на чешском языке в журнале Петербургской академии наук. Не имея возможности достать самое сочинение, я постарался познакомиться с тем, что известно о Хельчицком, и такие сведения я получил из немецкой книги, присланной мне тем же пражским профессором, и из истории чешской литературы Пыпина. Вот что сказано у Пыпина:

«Сеть веры» есть учение Христово, которое должно извлекать человека из темной глубины житейского моря и его неправд. Истинная вера состоит в том, чтобы верить божьим словам; но теперь пришло такое время, что люди истинную веру принимают за ересь, и поэтому разум должен указать, в чем состоит истинная вера, если кто этого не знает. Тьма закрыла ее от людей, и они не узнают истинного закона Христа.

«Для объяснения этого закона Хельчицкий указывает на первобытное устройство христианского общества, — то устройство, которое, говорит он, считается теперь в римской церкви гнусным ересничеством.

«Эта первобытная церковь была его собственным идеалом общественного устройства, основанного на равенстве, свободе и братстве. Христианство, по мнению Хельчицкого, до сих пор хранит в себе эти основания, нужно только, чтоб общество возвратилось к его чистому учению, и тогда оказался бы излишним всякий иной порядок, которому нужны короли и папы: во всем достаточно одного закона любви...

«Исторически Хельчицкий относит упадок христианства ко временам Константина Великого, которого папа Сильвестр ввел в христианство со всеми языческими нравами и жизнью. Константин, в свою очередь, наделил папу светским богатством и властью. С тех пор обе власти постоянно помогали друг другу и стремились только к внешней славе. Доктора и магистры и духовное сословие стали заботиться только о том, чтобы покорить весь свет своему владычеству, вооружали людей друг против друга на убийства и грабежи и совсем уничтожили христианство в вере и в жизни. Хельчицкий совершенно отвергает право войны и смертную казнь: всякий воин, даже и «рыцарь», есть только насильник, злодей и убийца».

То же, с некоторыми биографическими подробностями и выдержками из переписки Хельчицкого, сказано и в немецкой книге.

Узнав, таким образом, сущность учения Хельчицкого, я с тем бо́льшим нетерпением ожидал появления «Сети веры» в журнале Академии. Но прошел год, два, три — книга не появлялась. Только в 1888 году я узнал, что начатое печатание книги приостановилось. Я достал корректурные листы того, что было отпечатано, и прочел книгу. Книга во всех отношениях удивительная.

Содержание ее совершенно верно передано Пыпиным. Основная мысль Хельчицкого та, что христианство, соединившись с властью при Константине и продолжая развиваться в этих условиях, совершенно извратилось и перестало быть христианством. Заглавие «Сеть веры» дано Хельчицким его сочинению потому, что, взяв эпиграфом стих Евангелия о призвании учеников с тем, чтобы они стали ловцами людей, Хельчицкий, продолжая это сравнение, говорит: «Христос посредством учеников захватил в свою сеть веры весь мир, но большие рыбы, пробив сеть, выскочили из нее и в поделанные этими большими рыбами дыры ушли и все остальные, так что сеть осталась почти пустая».

Большие рыбы, пробившие сеть, это властители, императоры, папы, короли, которые, не отказываясь от власти, приняли не христианство, а только личину его.

Хельчицкий учит тому же, чему учили и учат теперь непротивляющиеся менониты, квакеры, в прежние времена — богомилы, павликиане и многие другие. Он учит тому, что христианство, требующее от своих последователей кротости, смирения, незлобия, прощения обид, подставления другой щеки, когда бьют по одной, любви к врагам, — несовместимо с насилием, составляющим необходимое условие власти.

Христианин, по толкованию Хельчицкого, не только не может быть начальником или солдатом, но не может принимать никакого участия в управлении, не может быть торговцем или даже землевладельцем, а может быть только или ремесленником, или земледельцем.

Книга эта — одна из редких, уцелевших от костров книг, обличающих официальное христианство. Все такие книги, называемые еретическими, сожжены вместе с авторами, так что древних сочинений, обличающих отступление официального христианства, очень мало, и потому эта книга особенно интересна.

Но, кроме того, что она интересна, как ни смотреть на нее, книга эта есть одно из замечательнейших произведений мысли и по глубине содержания, и по удивительной силе и красоте народного языка, и по древности. А между тем книга эта остается, вот уже более четырех веков, ненапечатанной и продолжает быть неизвестной, за исключением ученых специалистов.

Казалось бы, что все такого рода сочинения и квакеров, и Гаррисона, и Баллу, и Хельчицкого, утверждающие и доказывающие на основании Евангелия, что наш мир ложно понимает учение Христа, должны бы возбуждать интерес, волнение, шум, споры в среде как пастырей, так и пасомых.

Сочинения такого рода, затрагивающие самую сущность христианского учения, должны бы были, казалось, быть разобраны и признаны справедливыми или отвергнуты и опровергнуты.

Но ничего подобного нет. Со всеми этими сочинениями повторяется одно и то же. Люди самых разных взглядов, как верующие, так и — что достойно удивления — неверующие либералы, как бы сговорившись, все одинаково упорно молчат о них, и всё то, что делается людьми для разъяснения истинного смысла учения Христа, остается неизвестным или забытым.

Но еще более удивительна неизвестность двух сочинений, о которых я узнал тоже по случаю появления моей книги. Это книга Dymond'a «On war» — «*О войне*», изданная в первый раз в Лондоне в 1824 году, и Daniel Musser'a «*О непротивлении*», написанная в 1864 году. Неизвестность этих книг удивительна особенно потому, что, не говоря о достоинстве их, обе книги трактуют не столько о теории, сколько о практическом приложении теории к жизни, об отношении христианства к военной службе, что теперь особенно важно и интересно при общей воинской повинности.

Спросят, может быть: как же обязан поступить подданный, который верит, что война несовместима с его религиею, но от которого правительство требует участия в военной службе?

Кажется, что это вопрос самый живой и такой, на который ответ при теперешней общей воинской повинности особенно важен. Все или огромное большинство людей — христиане, и все мужчины призываются к военной службе. Как же должен человек, как христианин, отвечать на это требование? Ответ Dymond'a такой:

«Обязанность его состоит в том, чтобы с кротостью, но и с твердостью отказаться от службы.

«Есть некоторые люди, которые без всякого определенного рассуждения прямо почему-то заключают, что ответственность за государственные меры ложится только на тех, которые распоряжаются, или что правительство и цари решают вопросы о том, что̀ хорошо или дурно для подданных, и что подданные обязаны только повиноваться. Я думаю, что рассуждения такого рода только отуманивают совесть людей. «Я не могу не участвовать в совете правительства и потому не ответствен в его преступлениях». Правда, мы не ответственны в преступлениях правителей, но мы ответственны в своих собственных преступлениях. И преступления правителей делаются нашими, если мы, зная, что это преступления, содействуем их совершению... Те, которые полагают, что они обязаны повиноваться правительству и что ответственность за совершаемые ими преступления переносится с них на их государей, сами себя обманывают.

«Говорят: «мы передаем свои поступки воле других людей, и наши поступки не могут быть ни дурными, ни хорошими; в наших поступках не может быть ни заслуги за доброе, ни ответственности за злое, так как они совершаются не по нашей воле».

Замечательно, что это самое выражено в наставлении солдатам, которое их заставляют заучивать: там сказано, что только начальник отвечает за последствия своего приказания.

Но это несправедливо. Человек не может снять с себя ответственности за свои поступки. И это видно из следующего:

«Если начальник велит вам убить ребенка вашего соседа, убить вашего отца, вашу мать, послушаетесь ли вы? Если же вы не послушаетесь, то и всё рассуждение никуда не годится, потому что если вы можете не послушаться правителей в одном случае, то где же вы найдете тот предел, до которого вы можете повиноваться? Нет другого предела, кроме того, который определен христианством, и предел этот и разумен и исполним.

«И потому мы полагаем, что обязанность каждого человека, считающего, что война несовместима с христианством, — кротко, но твердо отказаться от военной службы. И пусть те, которым приходится так поступать, пусть они помнят, что на них лежит великая обязанность. От их верности своей религии зависит—настолько, насколько она зависит от людей, — судьба мира в человечестве. Пускай они исповедуют свое убеждение и защищают его. И не одними словами, но и страданиями, если то будет нужно. Если вы верите, что Христос запретил убийство, не верьте ни суждениям, ни приказаниям людей, призывающих вас к участию в нем. Таким твердым отказом от участия в насилии вы привлечете к себе благословение, данное тем, которые слышат слова эти и исполняют их, и придет время, когда и мир почтит вас как участников в возрождении человечества».

Книга Мосера называется «*Утверждение непротивления*» или «*Разделение царства Христа и царства мира сего*», в 1864. «Non-resistance asserted» или «Kingdom of Christ and kingdom of this world separated».

Книга эта посвящена тому же вопросу и разъясняет его по случаю требования американским правительством от своих граждан военной службы во время междоусобной войны. И тоже имеет самое современное значение, разъясняя вопрос о том, как, при каких условиях люди должны и могут отказываться от военной службы. В вступлении автор говорит:

«Известно, что в Соединенных Штатах есть много людей, сознательно отрицающих войну. Их называют «непротивляющимися» (non-resistant) или «беззащитными» (defenceless) христианами. Эти христиане отказываются защищать свою страну,

носить оружие и, по требованию правительства, воевать против его врагов. До сих пор эта религиозная причина была уважаема правительством, и те, которые выставляли ее, были освобождаемы от службы. Но с началом нашей междоусобной войны общественное мнение возмущено этим обстоятельством. Естественно, что лица, считающие своей обязанностью нести все тяжести и опасности военной жизни для защиты своего отечества, чувствуют недоброжелательство к тем лицам, которые вместе с ними в продолжение долгого времени пользовались покровительством и выгодами правительства; во время же нужд и опасности не хотят участвовать в несении трудов и опасности для защиты его. Естественно даже и то, что положение таких людей признают неразумным, уродливым и признают его подозрительным».

«Много ораторов и писателей, — говорит автор, — восстали против такого положения и старались доказать несправедливость непротивления и по здравому смыслу и по писанию; и это совершенно естественно, и во многих случаях эти писатели правы,— правы в отношении к лицам, которые, отказываясь от трудов военной службы, не отказываются от выгод, получаемых ими от правительств, но — не правы по отношению самого принципа «непротивления». Прежде всего автор доказывает обязательность для христианина правила непротивления тем, что предписание это ясно и что оно без возможности перетолкования дано Христом всякому христианину.

«Судите сами, справедливо ли повиноваться человеку более, чем богу», — сказали Петр и Иоанн. И точно так же всякий человек, желающий быть христианином, должен относиться к требованиям идти на войну, когда Христос сказал ему: «Не противься злу насилием».

Этим вопрос о самом принципе автор считает решенным. Но другой вопрос, о том, имеют ли право отказаться от военной службы лица, не отказывающиеся от выгод, даваемых насилием правительства, автор разбирает подробно и приходит к заключению, что христианин, следующий закону Христа, если он не идет на войну, не может точно так же принимать участия ни в каких правительственных распоряжениях: ни в судах, ни в выборах, — не может точно так же и в личных делах прибегать к власти, полиции или суду. — Далее в книге разбирается отношение Ветхого Завета к Новому, значение пра-

вительства для нехристиан; представляются возражения на учение непротивления и опровержения их. Заключает свою книгу автор следующим:

«Христиане не нуждаются в правительстве и потому не могут: ни повиноваться ему в том, что̀ противно учению Христа, ни, тем менее, участвовать в нем».

«Христос избрал своих учеников из мира, — говорит он. — Они не ожидают мирских благ и мирского счастия, а, напротив, они ожидают жизни вечной. Дух, в котором они живут, делает их довольными и счастливыми во всяком положении. Если мир терпит их, они всегда довольны. Если же мир не хочет оставить их в покое, то они уйдут в другое место, так как они странники на земле и у них нет определенного места жительства. Они считают, что мертвые могут хоронить своих мертвецов, им же нужно одно: «следовать за своим учителем».

Не касаясь вопроса о том, верно или неверно определение обязанности христианина по отношению к войне, которая устанавливается в обеих книгах, нельзя не видеть практической важности и настоятельности решения этого вопроса.

Есть люди — есть сотни тысяч квакеров, есть меноиты, есть все наши духоборцы, молокане и люди, не принадлежащие ни к каким определенным сектам, которые считают, что насилие, а потому и военная служба — несовместимы с христианством, и потому каждый год у нас в России несколько призываемых людей отказываются от военной службы на основании своих религиозных убеждений. Как же поступает правительство? Отпускает их? — Нет. — Заставляет их идти и, в случае несогласия, наказывает их? — Нет. В 1818 году правительство поступило следующим образом. Вот никому почти в России не известная выписка из дневника Ник. Ник. Муравьева-Карского, не пропущенная цензурой:

2-го октября 1818 г. Тифлис.

Поутру комендант сказал мне, что недавно прислано в Грузию пять крестьян помещичьих Тамбовской губернии. Сии люди были в солдаты сданы, но не хотят служить; их уже несколько раз кнутом секли и сквозь строй гнали, но они отдают себя охотно на самые жестокие мучения и на смерть, дабы не служить. «Отпустите нас, — говорят они, — и не троньте нас, мы никого трогать не будем. Все люди равны, и государь тот же

человек, как и мы; зачем мы будем ему подати платить, зачем я буду подвергать свою жизнь опасности, чтобы убить на войне человека, мне не сделавшего никакого зла? Вы можете нас по кускам резать, а мы не переменим своих мыслей, не наденем шинели и не будем пайка есть. Тот, который над нами сжалится, даст нам милостыню, а казенного мы ничего не имели и иметь не хотим». Вот слова сих мужиков, которые уверяют, что им подобных есть множество в России. Их четыре раза водили в Комитет министров и, наконец, решились о том представить государю, который приказал для поправления отправить их в Грузию и предписал главнокомандующему доносить ему ежемесячно о постепенных успехах для приведения сих крестьян к настоящим мыслям».

Чем кончилось это поправление — неизвестно, так как неизвестен и весь эпизод, содержавшийся в глубокой тайне.

Так поступало правительство 75 лет тому назад, — так поступало оно в большом количестве случаев, всегда старательно скрываемых от народа. Так же поступает оно и теперь, за исключением немцев-менонитов, живущих в Херсонской губернии, отказ которых от военной службы признается уважительным и которых заставляют отбывать сроки службы в работах при лесничестве.

В тех недавних случаях отказа от военной службы, вследствие религиозных убеждений неменонитов, правительственные лица поступали так:

Сначала прилагают все употребляемые в наше время меры насилия для «поправления» отказывающихся и приведения их «к настоящим мыслям» и держат производство этих дел в величайшей тайне. Я знаю, что про одного из отказавшихся в 1884 году в Москве через два месяца после его отказа составилось огромное, толстое дело, хранившееся в министерстве под величайшим секретом.

Начинается обыкновенно с того, что отказывающегося посылают к священникам и, к стыду их, они всегда увещевают отказывающихся. — Но так как увещание во имя Христа — отречься от Христа бывает большей частью безуспешным, то отказавшегося после увещания духовных лиц посылают к жандармам. Жандармы обыкновенно, не находя ничего политического, возвращают его назад и тогда отказавшегося посылают к ученым, к врачам и в сумасшедший дом. Во всех этих пересылках

отказывающийся, лишенный свободы, терпит всякого рода унижения и страдания, как приговоренный преступник. (Это повторялось в четырех случаях.) Из сумасшедшего дома доктора выпускают отказавшегося, и тогда начинаются всякие тайные, хитрые меры, чтобы и не отпустить отказавшегося, поощрив тем других отказываться так же, как и он, и вместе с тем не оставить его среди солдат, чтобы и солдаты не узнали от него того, что призвание их к военной службе совершается совсем не по закону бога, как их уверяют, а против него.

Самое удобное для правительства было бы казнить отказавшегося: засечь палками или каким-нибудь иным способом, как это делалось прежде. Но казнить открыто человека за то, что он верен учению, которое мы сами исповедуем, — нельзя. Оставить же человека, отказывающегося от повиновения, — тоже нельзя. И вот правительство старается или страданиями заставить этого человека отречься от Христа, или как-нибудь незаметно избавиться от него, не казня его открыто, скрыть как-нибудь и поступок этого человека и его самого от других людей. И начинаются всякого рода уловки и хитрости и мучения этого человека. Или ссылают этого человека на окраины, или вызывают на непослушание и тогда судят за нарушение дисциплины и запирают в тюрьму, дисциплинарный батальон, где уже тайно от всех свободно мучают его, или признают сумасшедшим и запирают в дом умалишенных. Так, одного сослали в Ташкент, т. е. как будто перевели в Ташкентское войско, другого в Омск, третьего судили за непослушание и заперли в тюрьму, четвертого в дом умалишенных.

Везде повторяется одно и то же. Не только правительство, но и большинство либеральных, свободно мыслящих людей, как бы сговорившись, старательно отворачиваются от всего того, что говорилось, писалось, делалось и делается людьми для обличения несовместимости насилия в самой ужасной, грубой и яркой его форме — в форме солдатства, т. е. готовности убийства кого бы то ни было, — с учением не только христианства, но хотя бы гуманности, которое общество будто бы исповедует.

Так что сведения, полученные мною о том, в какой степени уже давно разъяснено и всё больше и больше разъясняется истинное значение учения Христа, и о том, как относятся к этому разъяснению и исполнению учения высшие, правящие классы не

только в России, но в Европе и в Америке, убедили меня в том, что существует в этих правящих классах сознательно враждебное отношение к истинному христианству, выражающееся преимущественно замалчиванием всех проявлений его.

II

Такое же впечатление желания скрыть, замолчать то, что я старался высказать в своей книге, произвели во мне и суждения о ней.

Книга по выходе ее, как я и ожидал, была запрещена и по закону должна была быть сожжена. Но книга вместо сожжения была разобрана чиновниками и распространилась в большом количестве списков и литографных оттисков и в переводах, напечатанных за границей.

И очень скоро на книгу появились критики, не только духовные, но и светские, которые правительство не только допускало, но и поощряло. Так что даже опровержение книги, которая считалась никому не известной, назначено было темой богословских сочинений в академиях.

Критики на мою книгу, как русские, так и иностранные, разделяются на два главные рода: критики религиозные — людей, считающих себя верующими, и критики светские — вольнодумные.

Начну с первых:

В книге моей я обвиняю церковных учителей в том, что они учат противно заповедям Христа, ясно и определенно выраженным в нагорной проповеди, и особенно противно заповеди о непротивлении злу и лишают этим учение Христа всего его значения. Церковные учители признают нагорную проповедь с заповедью о непротивлении злу насилием божественным откровением и потому, если они уже раз нашли нужным писать о моей книге, то, казалось бы, им необходимо было прежде всего ответить на этот главный пункт обвинения и прямо высказать, признают или не признают они обязательным для христианина учение нагорной проповеди и заповедь о непротивлении злу насилием, и отвечать не так, как это обыкновенно делается, т. е. сказать, что хотя, с одной стороны, нельзя собственно отрицать, но, с другой стороны, опять-таки нельзя утверждать,

тем более, что и т. д., а ответить так же, как поставлен вопрос в моей книге: действительно ли Христос требовал от своих учеников исполнения того, чему он учил в нагорной проповеди, и потому может или не может христианин, оставаясь христианином, идти в суд, участвуя в нем, осуждая людей или ища в нем защиты силой, может или не может христианин, оставаясь христианином, участвовать в управлении, употребляя насилие против своих ближних и самый главный, всем предстоящий теперь с общей воинской повинностью, вопрос — может или не может христианин, оставаясь христианином, противно прямому указанию Христа обещаться в будущих поступках, прямо противных учению, и, участвуя в военной службе, готовиться к убийству людей или совершать их?

Вопросы поставлены ясно и прямо, и, казалось, надобно ясно и прямо ответить на них. Но во всех критиках на мою книгу ничего подобного не было сделано, точно так же как не было сделано и по отношению всех тех обличений церковных учителей в отступлении их от закона Христа, которыми со времен Константина полна история.

Очень много было говорено по случаю моей книги о том, как я неправильно толкую те и другие места Евангелия, о том, как я заблуждаюсь, не признавая троицы, искупления и бессмертия души; говорено было очень многое, но только не то одно, что для всякого христианина составляет главный, существенный вопрос жизни: как соединить ясно выраженное в словах учителя и в сердце каждого из нас учение о прощении, смирении, отречении и любви ко всем: к ближним и к врагам, с требованием военного насилия над людьми своего или чужого народа.

Всё, что можно назвать подобиями ответов на этот вопрос, можно свести к следующим пяти разрядам. Я старался собрать в этом отношении всё, что мог, не только по критикам на мою книгу, но и по всему тому, что и в прежние времена писалось на эту тему.

Первый самый грубый способ ответа состоит в смелом утверждении того, что насилие не противоречит учению Христа, что оно разрешено и даже предписано христианам Ветхим и Новым Заветом.

Этого рода утверждения исходят большею частью от людей, находящихся на высоких ступенях правительственной или духовной иерархии и вследствие этого совершенно уверенных, что

на их утверждения возражать никто не посмеет, а если кто и будет возражать, то они не услышат этих возражений. Люди эти большею частью до такой степени, вследствие одурманения властью, потеряли представление о том, что есть то христианство, во имя которого они занимают свое положение, что всё то, что есть в христианстве христианского, представляется им сектантством; всё же то, что в писании как Ветхого, так и Нового Завета может быть перетолковано в смысле антихристианском и языческом, они считают основанием христианства. В пользу своего утверждения о том, что христианство не противоречит насилию, эти люди выставляют обыкновенно с величайшей смелостью самые соблазнительные места из Ветхого и Нового Завета, самым нехристианским образом толкуя их: казнь Анания и Сапфиры, казнь Симона Волхва и т. п. Приводятся все те слова Христа, которые можно перетолковать как оправдание жестокости: изгнание из храма, «Отраднее будет земле содомской, чем городу этому» и т. п.

По понятиям этих людей, христианское правительство нисколько не обязано руководиться духом смирения, прощения обид и любви к врагам.

Опровергать такое утверждение бесполезно потому, что люди, утверждающие это, сами себя опровергают или, скорее, отвергают себя от Христа, выдумывая своего Христа и свое христианство вместо того, во имя которого и существует и церковь и то положение, которое они в ней занимают. Если бы все люди знали, что церковь проповедует Христа казнящего и не прощающего и воюющего, то никто бы не верил в эту церковь и некому было бы доказывать то, что она доказывает.

Второй способ, несколько менее грубый, состоит в том, чтобы утверждать, что хотя действительно Христос учил подставлять щеку и отдавать кафтан и что это очень высокое нравственное требование, но... что есть на свете злодеи, и если не усмирять силой этих злодеев, то погибнет весь мир и погибнут добрые. Довод этот я нашел в первый раз у Иоанна Златоуста и выставляю несправедливость его в книге «В чем моя вера?».

Довод этот неоснователен потому, что если мы позволим себе признать каких-либо людей злодеями особенными (ракá), то, во-первых, мы этим уничтожаем весь смысл христианского учения, по которому все мы равны и братья как сыны одного отца небесного; во-вторых, потому, что если бы и было разрешено

богом употреблять насилие против злодеев, то так как никак нельзя найти того верного и несомненного определения, по которому можно наверное узнать злодея от незлодея, то каждый человек или общество людей стало бы признавать взаимно друг друга злодеями, что и есть теперь; в-третьих, потому, что если бы и было возможно несомненно узнавать злодеев от незлодеев, то и тогда нельзя бы было в христианском обществе казнить или калечить, или запирать в тюрьмы этих злодеев, потому что в христианском обществе некому бы было исполнять это, так как каждому христианину, как христианину, предписано не делать насилия над злодеем.

Третий способ ответов, еще более тонкий, чем предыдущий, состоит в утверждении того, что хотя заповедь о непротивлении злу насилием и обязательна для христианина, когда зло направлено лично против него, она перестает быть обязательной, когда зло направлено против ближних, и что тогда христианин не только не обязан исполнять заповеди, но обязан для защиты ближних противно заповеди употреблять насилие против насилующих.

Утверждение это совершенно произвольно, и во всем учении Христа нельзя найти подтверждения такому толкованию. Такое толкование есть не только ограничение заповеди, но прямое отрицание и уничтожение ее. Если каждый имеет право употреблять насилие при угрожающей другому опасности, то вопрос об употреблении насилия сводится к вопросу определения того, что считать опасностью для другого. Если же мое частное суждение решает вопрос опасности для другого, то нет того случая насилия, которого нельзя бы было объяснить угрожающей другому опасностью. Казнили и сжигали колдунов, казнили аристократов и жирондистов, казнили и их врагов, потому что те, которые были во власти, считали их опасными для людей.

Если бы это важное ограничение, в корне подрывающее значение заповеди, входило в мысль Христа, то о нем должно было быть где-нибудь упомянуто. Во всей же проповеди и жизни учителя не только не сделано этого ограничения, но, напротив, как раз дано предостережение против такого ложного и соблазнительного, уничтожающего заповедь ограничения. Ошибка и невозможность такого ограничения с особенной яркостью показана в Евангелии при рассказе о рассуждении Каиафы, сделавшего именно это ограничение. Он признавал, что не-

хорошо казнить невинного Иисуса, но видел в этом опасность не для себя, но для всего народа и потому сказал:«лучше погибнуть одному человеку, чем всему народу». И еще ярче высказано отрицание такого ограничения в словах, сказанных Петру при его попытке воспротивиться насилием злу, направленному против Иисуса (Мф. XXVI, 52). Петр защищал не себя, но своего любимого и божественного учителя. И Христос прямо запретил ему это, сказав, что поднявший меч от меча погибнет.

Кроме того, оправдание насилия, употребленного над ближним для защиты другого ближнего от худшего насилия, всегда неверно, потому что никогда при употреблении насилия против не совершившегося еще зла нельзя знать, какое зло будет больше — зло ли моего насилия, или того, от которого я хочу защищать. Мы казним преступника, избавляя от него общество, и никак не можем знать, не изменился ли бы завтра бывший преступник и не есть ли наша казнь бесполезная жестокость. Мы запираем опасного, по нашему мнению, члена общества, но с завтрашнего дня этот человек мог перестать быть опасным и заключение его напрасно. Я вижу, что известный мне разбойник преследует девушку, у меня в руке ружье — я убиваю разбойника, спасаю девушку, но смерть или поранение разбойника совершилось наверное, то же, что бы произошло, если бы этого не было, мне неизвестно. А какое огромное количество зла должно произойти, как оно и происходит, — от признания людьми за собой права предупреждать могущее случиться зло. 0,99 зла мира от инквизиции до динамитных бомб и казней и страданий десятков тысяч так называемых политических преступников основано на этом рассуждении.

Четвертый, еще более утонченный ответ на вопрос, как должно относиться христианину к заповеди Христа о непротивлении злу насилием, состоит в том, чтобы утверждать, что заповедь непротивления злу насилием не отрицается ими, а признается, как и всякая другая, но что они только не приписывают этой заповеди особенного, исключительного значения, как это делают сектанты. Приписывание этой заповеди неизменного условия христианской жизни, как это делают Гаррисон, Баллу, Даймонд, квакеры, меноиты, шекеры и как это делали моравские братья, вальденцы, альбигойцы, богомилы, павликиане, — есть одностороннее сектантство. Заповедь эта имеет ни больше,

ни меньше значения, чем и все другие, и человек, преступившии по слабости какую бы то ни было заповедь, а также и заповедь о непротивлении, не перестает быть христианином, если он правильно верит.

Изворот этот очень искусен, и многие люди, желающие быть обманутыми, легко обманываются им. Изворот состоит в том, чтобы прямое сознательное отрицание заповеди свести к случайному нарушению ее. Но стоит только сравнить отношение церковных учителей к этой и к другим действительно признаваемым ими заповедям, чтобы убедиться в том, что отношение церковных учителей к заповедям, которые они признают, и к этой — совершенно различно.

Заповедь против блуда они действительно признают и потому никогда ни в каком случае не признают того, чтобы блуд не был злом. Никогда церковные проповедники не указывают случаев, когда заповедь против блуда должна бы была нарушаться, и всегда поучают тому, что должно избегать соблазнов, вводящих в искушение против блуда. Но не то с заповедью непротивления. Все церковные проповедники знают случаи, когда заповедь эта может быть нарушена. И так и учат людей. И не только не учат избегать этих соблазнов, из которых главный есть присяга, но сами производят его. Церковные проповедники никогда ни в каком случае не проповедуют нарушения всякой другой заповеди. По отношению же заповеди о непротивлении они прямо учат тому, что не надо слишком прямо понимать это запрещение, что не только не всегда нужно исполнять заповедь, но что есть условия, положения, в которых нужно делать прямо противное, т. е. судить, воевать, казнить. Так что по случаю заповеди о непротивлении злу насилием проповедуется в большей части случаев о том, как не исполнять ее. Исполнение этой заповеди, говорят они, очень трудно и свойственно только совершенству. Но как же ей быть не трудной, когда нарушение ее не только не запрещается, но прямо поощряется, когда прямо благословляются суды, тюрьмы, пушки, ружья, войска, сражения.

Стало быть неправда то, что заповедь эта признается церковными проповедниками наравне с другими заповедями. Церковные проповедники прямо не признают ее и, только не смея сознаться в этом, стараются скрыть свое непризнание ее.

Таков четвертый способ ответов.

Пятый способ, самый тонкий, самый употребительный и самый могущественный, состоит в уклонении от ответа, в делании вида, что вопрос этот кем-то давным-давно разрешен вполне ясно и удовлетворительно и что говорить об этом не стоит.

Этот способ употребляем всеми более или менее культурными духовными писателями, т. е. такими, которые чувствуют для себя обязательными законы логики. Зная, что противоречие, существующее между учением Христа, которое мы на словах исповедуем, и всем строем нашей жизни нельзя распутать словами и, касаясь его, можно только сделать его еще очевиднее, они с большей или меньшей ловкостью, делая вид, что вопрос о соединении христианства с насилием уже разрешен или вовсе не существует, обходят его [1].

Большинство духовных критиков на мою книгу пользуются этим способом. Я бы мог привести десятки таких критик, в которых без исключения повторяется одно и то же: говорится обо всем, но только не о том, что составляет главный предмет книги. Как характерный пример таких критик приведу статью знаменитого, утонченного английского писателя и проповедника Фаррара, великого, как и многие ученые богословы, мастера обходов и умолчаний. Статья эта напечатана в американском журнале «Forum» за октябрь 1888 года.

Изложив добросовестно вкратце содержание моей книги, Фаррар говорит:

«Толстой пришел к убеждению, что мир был грубо обманут, когда людей уверили, что учение Христа «не противься злу или

---

[1] Знаю только одну не критику в точном смысле слова, но статью, трактующую о том же предмете и имеющую в виду мою книгу, немного отступающую от этого общего определения. Это брошюра Троицкого (Казань) «Нагорная беседа». Автор, очевидно, признает учение Христа в его настоящем значении. Он говорит, что заповедь о непротивлении злу насилием значит то самое, что она значит, тоже и о заповеди о клятве; он не отрицает, как это делают другие, значение учения Христа, но, к сожалению, не делает из этого признания тех неизбежных выводов, которые в нашей жизни сами собой напрашиваются при таком понимании учения Христа. Если противиться злу насилием и клясться не должно, то всякий естественно спрашивает: как же военная служба? Присяга? А вот на этот вопрос автор не дает ответа, а надо ответить. А если нельзя ответить, то лучше и не говорить, потому что умолчание производит заблуждение.

злом» совместимо с войной, судами, смертною казнью, разводами, клятвой, народными пристрастиями и вообще с большинством учреждений гражданской и общественной жизни. Он верит теперь, что царство бога наступит тогда, когда люди будут исполнять 5 заповедей Христа, именно: 1) жить в мире со всеми людьми; 2) вести чистую жизнь; 3) не клясться; 4) никогда не противиться злу и 5) отказываться от народных различий».

«Толстой, говорит он, отрицает боговдохновенность Ветхого Завета, посланий, отрицает все догматы церкви, как-то: троицы, искупления, сошествия св. духа, священства и признает только слова и заповеди Христа». «Но верно ли такое толкование учения Христа? — говорит он. — Обязаны ли все люди поступать так, как учит Толстой, т. е. исполнять 5 заповедей Христа?»

Так и ждешь, что на этот существенный вопрос, который один только и мог побудить человека писать статью о книге, человек скажет, что это толкование учения Христа верно и что надо следовать ему, или скажет, что такое толкование неверно; докажет, почему, и даст другое правильное толкование тех слов, которые я неправильно толкую. Но ничего подобного не делается. Фаррар выражает только «убеждение», что — «Толстой, хотя и руководимый самой благородной искренностью, впал в заблуждение частных и односторонних толкований смысла Евангелия и разума (mind) и воли Христа».

В чем это заблуждение, не разъясняется, а говорится только: «Входить в доказательства этого невозможно в этой статье, потому что я уже и так превзошел количество листов, предоставленных мне».

И он с спокойным духом заключает:

«Между тем, если читатель чувствует себя смущенным мыслью о том, что он обязан, как христианин, так же как и Толстой, покинуть свои привычные условия жизни и жить как простой работник, то пусть он успокоится и держится принципа: «Securus judicat orbis terrarum».[1] «За малыми исключениями, — продолжает он, — всё христианство от апостольских времен и до наших дней пришло к убеждению, что цель Христа состояла в том, чтобы дать людям великий принцип, но не в том, чтобы разрушить основы учреждения всего человеческого общества, которое утверждается на божеском установлении (sanction)

[1][Весь мир судить легкомысленно.]

и на необходимости. Если бы моей задачей было доказать, как невозможно учение коммунизма, основываемое Толстым на божественных парадоксах (sic), которые могут быть истолковываемы только на основании исторических принципов в согласии со всеми методами учения Христа, — это потребовало бы более места, чем я имею в своем распоряжении».

Экое горе, места ему нет! И странное дело, никому вот уже 15 веков нет места доказать то, что Христос, которого мы исповедуем, говорил совсем не то, что он говорил. А доказать они могли бы, если бы захотели. Впрочем, и не стоит доказывать то, что всем известно. Довольно сказать: «Securus judicat orbis terrarum».

И таковы без исключения все критики культурных верующих людей и потому понимающих опасность своего положения. Единственный выход из него для них — надежда на то, что, пользуясь авторитетом церкви, древности, святости, можно запугать читателя, отвлечь его от мысли самому прочесть Евангелие и самому своим умом обдумать вопрос. И это удается.

Кому в самом деле придет в голову то, что всё то, что с такой уверенностью и торжественностью повторяется из века в век всеми этими архидиаконами, епископами, архиепископами, святейшими синодами и папами, что всё это есть гнусная ложь и клевета, взводимая ими на Христа для обеспечения денег, которые им нужны для сладкой жизни на шеях других людей, — ложь и клевета до такой степени очевидная, особенно теперь, что единственная возможность продолжать эту ложь состоит в том, чтобы запугивать людей своей уверенностью, своей бессовестностью.

Это всё то же, что происходило последние года в воинских присутствиях: сидят за столом за зерцалом, на первых местах, под портретом во весь рост императора, старые, важные, в регалиях чиновники и свободно, развязно беседуют, записывают, приказывают и вызывают. Тут же в наперсном кресте и шелковой рясе с выпростанными седыми волосами на эпитрахили благообразный старец священник перед аналоем, на котором лежит золотой крест с кованным в золоте Евангелием.

Вызывают Ивана Петрова. Выходит юноша, дурно, грязно одетый, испуганный, с дрожащими мускулами лица и блестящими бегающими глазами и прерывающимся голосом, шепотом почти говорит: «я... по закону... я, как христианин... я не могу...»

— Что он бормочет? — спрашивает нетерпеливо, щурясь и прислушиваясь, председатель, поднимая голову от книги.

— Говорите громче! — кричит на него полковник с блестящими погонами.

— Я... я... как христианин...

И, наконец, оказывается, что юноша отказывается от военной службы, потому что он христианин.

— Не говори вздору. Ставь в мерку. Доктор, потрудитесь смерить. Годится?

— Годится.

— Батюшка, приведите к присяге.

Никто не только не смущен, но даже не обращает внимания на то, что лопочет этот испуганный, жалкий юноша. «Они все что-нибудь лопочат, а нам некогда, надо еще стольких принять».

Рекрут что-то хочет сказать еще. — «Это против закона Христа».

— Ступайте, ступайте, без вас знают, что по закону, что не по закону, а вы отправляйтесь. Батюшка, внушите ему. Следующий: Василий Никитин.

И дрожащего юношу уводят. И кому, и сторожам, и Василию Никитину, которого вводят, и всем, которые со стороны видели эту сцену, прийдет в голову, что те неясные короткие слова юноши, тотчас же замятые начальством, содержат в себе истину, а те громкие, торжественно произносимые речи самоуверенных, спокойных чиновников и священника суть ложь, обман.

Такое же впечатление производят статьи не одного Фаррара, но все те торжественные проповеди, статьи и книги, которые появляются со всех сторон, как только где-нибудь проглянет истина, обличающая царствующую ложь. Тотчас же начинаются длинные, умные, изящные, торжественные разговоры или писания о вопросах, близко касающихся предмета с искусным умолчанием о самом предмете.

В этом состоит пятый и самый действительный способ устранения того противоречия, в которое поставило себя церковное христианство, исповедуя на словах Христа и отрицая в жизни его учение и научая этому людей.

Те, которые оправдываются по первому способу, прямо, грубо утверждая, что Христос разрешил насилие: войны, убийства, — сами себя отвергают от учения Христа; те, которые защищаются

по второму, третьему и четвертому способу, сами путаются, и их легко уличить в их неправде, но эти последние, не рассуждающие, не удостаивающие рассуждать, а прячущиеся за свое величие и делающие вид, что всё это ими или еще кем-то уже давно решено и не подлежит уже никакому сомнению, — эти кажутся неуязвимыми и будут неуязвимы до тех пор, пока люди будут находиться под действием гипнотического внушения, наводимого на них правительствами и церквами, и не встряхнутся от него.

Так относились к моей книге духовные, т. е. исповедующие веру в Христа. И иначе им нельзя было отнестись: их связывает то противоречие, в котором они находятся — веры в божественность учителя и неверия в его самые ясные слова, — из которого им надо как-нибудь выпутываться, и потому нельзя было ожидать от них свободных суждений о самой сущности вопроса, о том изменении жизни людей, которое вытекает из приложения учения Христа к существующему порядку. Такого рода суждений я ожидал от светских, вольнодумных критиков, которые ничем не связаны с учением Христа и могут свободно смотреть на него. Я ожидал, что вольнодумные писатели посмотрят на Христа не только как на установителя религии поклонения и личного спасения (как его понимают церковники), а, выражаясь их языком, и как на реформатора, разрушающего старые и дающего новые основы жизни, реформа которого не совершилась еще, а продолжается и до сих пор.

Такой взгляд на Христа и его учение вытекает из моей книги. Но, к удивлению моему, из числа в большом количестве появившихся на мою книгу критик, не было *ни одной*, ни русской, ни иностранной, которая трактовала бы предмет с той самой стороны, с которой он изложен в книге, т. е. которая посмотрела бы на учение Христа как на философское, нравственное и социальное (говоря опять языком научных людей) учение. Ни в одной критике этого не было.

Русские светские критики, поняв мою книгу так, что всё ее содержание сводится к непротивлению злу, и поняв самое учение о непротивлении злу (вероятно, для удобства возражения) так, что оно будто бы запрещает всякую борьбу со злом, русские светские критики с раздражением напали на это учение и весьма успешно в продолжение нескольких лет доказывали, что учение Христа неправильно, так как оно запрещает

противиться злу. Их опровержения этого *мнимого* учения Христа были тем более успешны, что они вперед знали, что их рассуждения не могут быть ни опровергаемы, ни исправляемы, так как цензура, не пропустив книги, не пропускала и статей в защиту ее.

Замечательно при этом то, что у нас, где нельзя сказать слова о священном писании без запрета цензуры, несколько лет во всех журналах извращалась, критиковалась, осуждалась, осмеивалась прямо и точно выраженная заповедь Христа (Мф. V, 39).

Русские светские критики, очевидно не зная всего того, что было сделано по разработке вопроса о непротивлении злу, и даже иногда как будто предполагая, что это я лично выдумал правило непротивления злу насилием, нападали на самую мысль, опровергая, извращая ее и с большим жаром выставляя аргументы, давным-давно уже со всех сторон разобранные и опровергнутые, доказывали, что человек непременно должен (насилием) защищать всех обиженных и угнетенных и что поэтому учение о непротивлении злу насилием есть учение безнравственное.

Всем русским критикам всё значение проповеди Христа представлялось только в том, что она как будто им назло мешает известной деятельности, направленной против того, что ими в данную минуту считается злом, так что выходило, что на принцип непротивления злу насилием нападали два противоположные лагеря: консерваторы потому, что этот принцип препятствовал их деятельности противления злу, производимому революционерами, их преследованиям и казням; революционеры же потому, что этот принцип препятствовал противлению злу, производимому консерваторами и их ниспровержению. Консерваторы возмущались тем, что учение о непротивлении злу насилием препятствует энергическому подавлению революционных элементов, могущих погубить благосостояние народа; революционеры возмущались тем, что учение о непротивлении злу насилием препятствует ниспровержению консерваторов, губящих благосостояние народа. Замечательно при этом то, что революционеры нападали на принцип непротивления злу насилием, несмотря на то, что он самый страшный и опасный для всякого деспотизма, так как с тех пор, как стоит мир, на противоположном принципе, необходимости противле-

ния злу насилием, основывались и основываются все насилия, от инквизиции до Шлиссельбургской крепости.

Кроме того, русские критики указывали и на то, что приложение к жизни заповеди о непротивлении злу насилием, своротило бы человечество с того пути цивилизации, по которому оно идет. Путь же цивилизации, по которому идет европейское человечество, есть, по их мнению, тот самый, по которому и должно всегда идти всё человечество.

Таков был главный характер русских критиков.

Иностранные критики исходили из тех же основ, но рассуждения их о моей книге несколько отличались от рассуждений русских критиков не только меньшей раздражительностью и большей культурностью, но и по существу дела.

Рассуждая о моей книге и вообще о евангельском учении, как оно выражено в нагорной проповеди, иностранные критики утверждали, что такое учение не есть собственно христианское (христианское учение, по их мнению, есть католицизм и протестантство) — учение же нагорной проповеди есть только ряд очень милых непрактических мечтаний du charmant docteur, как говорит Ренан, годных для наивных и полудиких обитателей Галилеи, живущих за 1800 лет назад, и для русских полудиких мужиков — Сютаева, Бондарева и русского мистика Толстого, но никак не приложимых к высокой степени европейской культуры.

Иностранные светские критики тонким манером, не оскорбляя меня, старались дать почувствовать, что суждения мои о том, что человечество может руководиться таким наивным учением, как нагорная проповедь, происходит отчасти от моего невежества, незнания истории, незнания всех тех тщетных попыток осуществления в жизни принципов нагорной проповеди, которые были делаемы в истории и ни к чему не привели, отчасти от непонимания всего значения той высокой культуры, на которой со своими крупповскими пушками, бездымным порохом, колонизацией Африки, управлением Ирландии, парламентом, журналистикой, стачками, конституцией и Эйфелевой башней стоит теперь европейское человечество.

Так писал Vogué, так писал Leroy Beaulieu, так писал Матью Арнольд, так писал американский писатель Савадж и Ингерзаль, популярный американский свободомыслящий проповедник, и многие другие.

«Учение Христа не годится, потому что не соответствует нашему индустриальному веку», — наивно говорит Ингерзаль, выражая этим с совершенной точностью и наивностью то самое, что думают утонченно образованные люди нашего времени об учении Христа. Учение не годится для нашего индустриального века, точно как будто то, что существует индустриальный век, есть дело священное, которое не должно и не может быть изменено. Вроде того, как если бы пьяницы против советов о том, как им привести себя в трезвое состояние, отвечали бы, что эти советы неуместны при их алкоголическом состоянии.

Рассуждения всех светских писателей, как русских, так и иностранных, как ни различен их тон и манера доводов, все в сущности сводятся к одному и тому же странному недоразумению, именно к тому, что учение Христа, одно из последствий которого есть непротивление злу насилием, непригодно нам, потому что оно требует изменения нашей жизни.

Учение Христа негодно, потому что, если бы оно было исполнено, не могла бы продолжаться наша жизнь; другими словами: если бы мы начали жить хорошо, как нас учил Христос, мы не могли бы продолжать жить дурно, как мы живем и привыкли жить. Вопрос же о непротивлении злу насилием не только не обсуждается, но самое упоминание о том, что в учение Христа входит требование непротивления злу насилием, уже считается достаточным доказательством неприложимости всего учения.

А между тем, казалось бы, необходимо указать хоть на какое-нибудь решение этого вопроса, так как он стоит в основе почти всех дел, которые занимают нас.

Вопрос ведь состоит в том: каким образом разрешать столкновения людей, когда одни люди считают злом то, что другие считают добром, и наоборот? И потому считать, что зло есть то, что я считаю злом, несмотря на то, что противник мой считает это добром, не есть ответ. Ответов может быть только два: или тот, чтобы найти верный и неоспоримый критериум того, что есть зло, или тот, чтобы не противиться злу насилием.

Первый выход был пробован с начала исторических времен и, как мы все знаем, не привел до сих пор к успешным результатам.

Второй ответ — не противиться насилием тому, что мы считаем злом, до тех пор, пока мы не нашли общего критериума, — этот ответ предложен Христом.

Можно находить, что ответ, данный Христом, неправилен; можно выставить на место его другой, лучший, найдя такой критериум, который для всех несомненно и одновременно определял бы зло; можно просто не сознавать сущности вопроса, как не сознают этого дикие народы, но нельзя, как это делают ученые критики христианского учения, делать вид, что вопроса никакого вовсе и не существует или что признание за известными лицами или собраниями людей (тем менее, когда эти люди мы сами) права определять зло и противиться ему насилием разрешает вопрос; тогда как мы все знаем, что такое признание нисколько не разрешает вопроса, так как всегда есть люди, не признающие за известными людьми или собраниями этого права.

А это-то признание того, что то, что нам кажется злом, то и есть зло, или совершенное непонимание вопроса, и служит основой суждений светских критиков о христианском учении, так что суждения о моей книге, как церковных, так и светских критиков, показали мне то, что большинство людей прямо не понимают не только самого учения Христа, но даже и тех вопросов, на которые оно служит ответом.

III

Так что, как сведения, полученные мною после выхода моей книги о том, как не переставая понималось и понимается меньшинством людей христианское учение в его прямом и истинном смысле, так и критики на нее, и церковные и светские, отрицающие возможность понимать учение Христа в прямом смысле, убедили меня в том, что тогда как, с одной стороны, никогда для меньшинства не прекращалось, но всё яснее и яснее становилось истинное понимание этого учения, так, с другой стороны, для большинства смысл его всё более и более затемнялся, дойдя, наконец, до той степени затемнения, что люди прямо уже не понимают самых простых положений, самыми простыми словами выраженных в Евангелии.

Непонимание учения Христа в его истинном, простом и прямом смысле в наше время, когда свет этого учения проник уже все самые темные углы сознания людского; когда, как говорил Христос, теперь уже с крыш кричат то, что он говорил на ухо; когда учение это проникает все стороны человеческой жизни: и

семейную, и экономическую, и гражданскую, и государственную, и международную, — непонимание это было бы необъяснимо, если бы непониманию этому не было причин.

Одна из этих причин это та, что как верующие, так и неверующие твердо убеждены, что учение Христа понято ими давно и так полно, несомненно и окончательно, что никакого другого значения, кроме того, которое они придают ему, и не может быть в нем. Причина этого состоит в продолжительности предания ложного понимания и потому непонимания его.

Самая сильная струя воды не может прибавить ни капли жидкости в сосуд, который полон.

Можно самому непонятливому человеку объяснить самые мудреные вещи, если он не составил себе о них еще никакого понятия; но самому понятливому человеку нельзя объяснить самой простой вещи, если он твердо убежден, что знает, да еще несомненно знает то, что передается ему.

Христианское учение представляется людям нашего мира именно таким давно и несомненно каждому до всех своих мельчайших подробностей известным учением, которое не может быть понимаемо иначе, как так, как оно понято.

Христианство понимается теперь исповедующими церковные учения как сверхъестественное, чудесное откровение обо всем том, что сказано в символе веры; неверующими же, — как пережитое человечеством проявление его потребности веры в сверхъестественное; как историческое явление, вполне выразившееся в католичестве, православии, протестантстве и не имеющее уже для нас никакого жизненного значения. Для верующих значение учения скрывается церквью, для неверующих — наукою.

Скажу сперва о первых.

1800 лет тому назад среди языческого римского мира явилось странное, не похожее ни на какое из прежних, новое учение, приписывавшееся человеку Христу.

Новое учение это было совершенно новое как по форме, так и по содержанию, и для еврейского мира, среди которого оно возникло, и в особенности для того римского мира, среди которого оно проповедовалось и распространялось.

Среди разработанности религиозных правил еврейства, где, по словам Исаии, было правило на правиле, и среди римского, выработанного до великой степени совершенства, законодатель-

ства явилось учение, отрицавшее не только всякие божества, — всякий страх перед ними, всякие гадания и веру в них, — но и всякие человеческие учреждения и всякую необходимость в них.

Вместо всяких правил прежних исповеданий, учение это выставляло только образец внутреннего совершенства, истины и любви в лице Христа и последствия этого внутреннего совершенства, достигаемого людьми, — внешнего совершенства, предсказанного пророками, — царства божия, при котором все люди разучатся враждовать, будут все научены богом и соединены любовью и лев будет лежать с ягненком.

Вместо угроз наказания за неисполнение правил, которые выставлялись прежними законами, как религиозными, так и государственными, вместо приманки наград за исполнение их, учение это призывало к себе только тем, что оно истина. «Кто хочет узнать об этом учении — от бога ли оно, пусть исполняет его». (Иоан. VII, 17). «Если я говорю истину, почему не верите мне? Зачем ищете убить человека, сказавшего вам истину? Только истина освободит вас. Исповедовать бога надо только в истине. Всё учение откроется и уяснится духом истины. Делайте то, что я говорю, и узнаете, правда ли то, что я говорю» (Иоан. VIII).

Доказательств учения не выставлялось никаких, кроме истины, кроме соответствия учения с истиной. Всё учение состояло в познании истины и следовании ей, в большем и большем постигновении истины и большем и большем приближении к ней в делах жизни.

Нет по этому учению поступков, которые бы могли оправдать человека, сделать его праведным, есть только влекущий к себе сердца образец истины для внутреннего совершенства в лице Христа, а для внешнего — в осуществлении царства божия. Исполнение учения — только в движении по указанному пути, в приближении к совершенству внутреннему — подражания Христу, и внешнему — установления царства божия. Большее или меньшее благо человека зависит по этому учению не от той степени совершенства, до которого он достигает, а от большего или меньшего ускорения движения.

Движение к совершенству мытаря Закхея, блудницы, разбойника на кресте по этому учению большее благо, чем неподвижная праведность фарисея. Заблудшая овца дороже 99-ти незаблудших. Блудный сын, потерянная и опять найденная монета дороже, любимее богом тех, которые не пропадали.

Государственная Библиотека

Всякое состояние по этому учению есть только известная ступень на пути к недостижимому внутреннему и внешнему совершенству и потому не имеет значения. Благо только в движении к совершенству, остановка же на каком бы то ни было состоянии есть прекращение блага.

«Пусть левая не знает, что делает правая», и «не надежен для царства божия работник, взявшийся за плуг и оглядывающийся назад». «Не радуйтесь тому, что бесы повинуются вам, а ищите того, чтобы имена ваши были написаны на небесах». «Будьте совершенны, как совершенен отец ваш небесный». «Ищите царствия божия и правды его».

Исполнение учения только в безостановочном движении — в постигновении всё высшей и высшей истины, и всё в большем и большем осуществлении ее в себе всё большей и большей любовью, а вне себя всё большим и большим осуществлением царства божия.

Очевидно, что явившееся среди еврейского и языческого мира учение это не могло быть принято большинством людей, живших совершенно иною жизнью, чем та, которой требовало это учение; и что даже теми, которыми оно было принято, оно, как совершенно противоположное всем прежним взглядам, не могло быть понято во всем его значении.

Только рядом недоразумений, ошибок, односторонних разъяснений, исправляемых и дополняемых поколениями людей, смысл христианского учения всё более и более уяснялся людям. Совершалось воздействие христианского миросозерцания на еврейское и языческое и языческого и еврейского на христианское. И христианское, как живое, всё более и более проникало отживающее еврейское и языческое и выступало всё яснее и яснее, освобождаясь от накладываемых на него ложных примесей. Люди всё дальше и дальше постигали смысл христианства и более и более осуществляли его в жизни.

Чем дальше жило человечество, тем более и более уяснялся ему смысл христианства, как это не могло и не может быть иначе со всяким учением о жизни. Последующие поколения исправляли ошибки предшественников и всё более и более приближались к пониманию истинного его смысла.

Так это было с самых первых времен христианства. И вот тут-то, с самых первых времен его, появились люди, начавшие утверждать про себя, что тот смысл, который они придают уче-

нию, есть единый истинный и что доказательством этого служат сверхъестественные явления, подтверждающие справедливость их понимания.

Это-то и было главной причиной сначала непонимания учения, а потом и полного извращения учения.

Предполагалось, что учение Христа передается людям не как всякая другая истина, а особенным, сверхъестественным способом, так что истинность понимания учения доказывается не соответственностью передаваемого с требованиями разума и всей природы человека, а чудесностью передачи, служащей непререкаемым доказательством истинности понимания. Возникло это предположение из непонимания, и последствием его была невозможность понимания.

Началось это с самых первых времен, когда так неполно еще и часто превратно понималось учение, как мы видим это по Евангелиям и Деяниям. Чем менее было понято учение, тем оно представлялось темнее и тем нужнее были внешние доказательства его истинности. Положение о том, чтобы не делать другим того, чего не хочешь, чтобы тебе делали, не нужно было доказывать чудесами, и положению этому не нужно было требовать веры, потому что положение это само по себе убедительно, соответствуя и разуму и природе человека; но положение о том, что Христос был бог, надо было доказывать чудесами совершенно непонятными.

Чем было темнее понимание учения Христа, тем более примешивалось к нему чудесного; а чем более примешивалось чудесного, тем более учение отклонялось от своего смысла и становилось темнее; а чем более оно отклонялось от своего смысла и становилось темнее, тем сильнее надо было утверждать свою непогрешимость и тем менее учение становилось понятно.

С самых первых времен по Евангелиям, Деяниям, Посланиям можно видеть, каким образом непонимание учения вызывало необходимость доказательств через чудесное и непонятное.

Началось это, по книге Деяний, с того собрания, на котором сошлись ученики в Иерусалиме для разрешения возникшего вопроса о крещении или некрещении необрезанных и о едящих идоложертвенное.

Самая постановка вопроса показывала, что обсуждавшие его не понимали учения Христа, отвергающего все внешние обряды: омовения, очищения, посты, субботы. Прямо сказано:

«сквернит не то, что в уста входит, а то, что исходит из сердца», и потому вопрос о крещении необрезанных мог возникнуть только среди людей, любивших учителя, смутно чуявших величие его учения, но еще очень неясно понимавших самое учение. Так оно и было.

Насколько члены собрания не понимали учения, настолько понадобилось им внешнее подтверждение своего неполного понимания. И вот для решения вопроса, самая постановка которого показывает непонимание учения, были произнесены на этом собрании, как это описывает книга Деяний, в первый раз долженствовавшие внешним образом утвердить справедливость известных утверждений, эти страшные, наделавшие столько зла, слова: «угодно святому духу и нам», т. е. утверждалось, что справедливость того, что они постановили, засвидетельствована чудесным участием в этом решении святого духа, т. е. бога. Но утверждение о том, что святой дух, т. е. бог, говорил через апостолов, опять надо было доказать. И вот понадобилось для этого утверждать то, что в пятидесятницу святой дух в виде огненных языков сошел на тех, которые утверждали это. (В описании сошествие св. духа предшествует собору, но написаны Деяния много после того и другого.) Но и сошествие святого духа надо было подтвердить для тех, которые не видали огненных языков (хотя и непонятно, почему огненный язык, зажегшийся над головой человека, показывает, что то, что будет говорить этот человек, — несомненная правда), и понадобились еще чудеса и исцеления, воскресения, умерщвления и все те соблазнительные чудеса, которыми наполнены Деяния и которые не только никогда не могут убедить в истинности христианского учения, но могут только оттолкнуть от него. Последствия такого способа утверждения истины были те, что чем более нагромождались одно за другим эти подтверждения истинности рассказами о чудесах, тем более отклонялось самое учение от своего первоначального смысла и тем непонятнее становилось оно.

Так это было с первых времен и так это шло, постоянно усиливаясь, логически дойдя в наше время до догматов пресуществления и непогрешимости папы или епископов, или писаний, т. е. до совершенно непонятного, дошедшего до бессмыслицы и до требований слепой веры не богу, не Христу, не учению даже, а лицу, как в католичестве, или лицам, как в православии,

или — веры книжке, как в протестантстве. Чем шире распространялось христианство и чем бо́льшую оно захватывало толпу неподготовленных людей, тем менее оно понималось, тем решительнее утверждалась непогрешимость понимания и тем менее становилась возможность понять истинный смысл учения. Уже ко времени Константина всё понимание учения свелось к резюме, утвержденным светской властью, — резюме споров, происходивших на соборе, — к символу веры, в котором значится: верую в то-то, то-то и то-то и под конец — в единую, святую, соборную и апостольскую церковь, т. е. в непогрешимость тех лиц, которые называют себя церковью, так что всё свелось к тому, что человек верит уже не богу, не Христу, как они открылись ему, а тому, чему велит верить церковь.

Но церковь свята, церковь основана Христом. Не мог бог предоставить людям толковать свое учение произвольно, и потому он установил церковь. Все эти положения до такой степени несправедливы и голословны, что совестно опровергать их. Нигде, ни по чему, кроме как по утверждению церквей, не видно, чтобы бог или Христос основывали что-либо подобное тому, что церковники разумеют под церковью. В Евангелии есть указание против церкви как внешнего авторитета, самое очевидное и ясное в том месте, где говорится, чтобы ученики Христа никого не называли учителями и отцами. Но нигде ничего не сказано об установлении того, что церковники называют церковью.

В Евангелиях два раза употреблено слово «церковь». Один раз в смысле собрания людей, разрешающего спор; другой раз в связи с темными словами о камне — Петре и вратах ада. Из этих двух упоминаний слова «церковь», имеющего значение только собрания, выводится то, что мы теперь разумеем под словом «церковь».

Но Христос никак не мог основать церковь, т. е. то, что мы теперь понимаем под этим словом, потому что ничего подобного понятию церкви такой, какую знаем теперь с таинствами, иерархией и, главное, с своим утверждением непогрешимости, не было ни в словах Христа, ни в понятиях людей того времени.

То, что люди назвали то, что сложилось потом, тем же словом, которое Христос употреблял о чем-то другом, никак не дает им права утверждать того, что Христос основал единую истинную церковь.

Кроме того, если бы Христос действительно установил такое учреждение, как церковь, на котором основано всё учение и вся вера, то он, вероятно бы, высказал это установление так определенно и ясно и придал бы единой истинной церкви, кроме рассказов о чудесах, употребляемых при всяких суевериях, такие признаки, при которых не могло бы быть никакого сомнения в ее истинности; но ничего подобного нет, а как были, так и есть теперь различные учреждения, называющие себя каждое единою истинною церковью.

Католический катехизис говорит: L'église est la société de fidèles établie par notre Seigneur Jésus-Christ, répandue sur toute la terre et soumise à l'autorité des pasteurs légitimes, principalement notre Saint Père — le Pape, [1] подразумевая под pasteurs légitimes человеческое учреждение, имеющее во главе своей папу и составленное из известных, связанных между собой известной организацией лиц.

Православный катехизис говорит: «Церковь есть основанное Иисусом Христом на земле общество, соединенное между собою в одно целое одним божественным учением и таинствами под управлением и руководством богоустановленной иерархии», разумея под богоустановленной иерархией именно греческую иерархию, составленную из известных таких-то лиц, находящихся в таких-то и таких-то местах.

Лютеранский катехизис говорит: «Церковь есть святое христианство, или собрание всех верующих под Христом, главою их, в котором св. дух через Евангелие и таинства предлагает, сообщает, усваивает божеское спасение», подразумевая то, что католическая церковь заблудшая и отпавшая и что истинное предание хранится в лютеранстве.

Для католиков божественная церковь совпадает с римской иерархией и папой. Для православных божественная церковь совпадает с учреждением восточной и русской иерархии [2].

---

[1] Церковь есть общество верующих, основанное господом нашим Иисусом Христом, распространенное по всей земле и подчиненное власти законных пастырей и святого нашего отца — папы.

[2] Имеющее некоторый успех между русскими людьми определение церкви Хомякова не исправляет дела, если признавать вместе с Хомяковым, что единая истинная церковь есть православная. Хомяков утверждает, что церковь есть собрание

Для лютеран божественная церковь совпадает с собранием людей, признающих Библию и катехизис Лютера.

Обыкновенно, говоря о происхождении христианства, люди, принадлежащие к одной из существующих церквей, употребляют слово «церковь» в единственном числе, как будто церковь была и есть только одна. Но это совершенно несправедливо. Церковь, как учреждение, утверждающее про себя, что она обладает несомненной истиной, явилась только тогда, когда она была не одна, а было их по крайней мере две.

Пока верующие были согласны между собою, и собрание было одно, ему незачем было утверждать себя церковью. Только тогда, когда верующие разделились на противоположные, отрицающие друг друга партии, явилась потребность каждой стороны утверждать свою истинность, приписывая себе непогрешимость. Понятие единой церкви возникло только из того, что, при разногласии и споре двух сторон, каждая, называя другую сторону ересью, признавала только свою сторону непогрешимою церковью.

Если мы знаем, что была церковь, решившая в 51 году принимать необрезанных, то церковь эта явилась только потому,

---

людей (всех без различия клира и паствы), соединенных любовью что только людям, соединенным любовью, открывается истина (Возлюбим друг друга, да единомыслием и т. д.) и что таковая церковь есть церковь, во-первых, признающая Никейский символ, а во-вторых, та, которая после разделения церквей не признает папы и новых догматов. Но при таком определении церкви является еще большее затруднение приравнять, как того хочет Хомяков, церковь, соединенную любовью, с церковью, признающею Никейский символ и правоту Фотия. Так что утверждение Хомякова о том, что эта соединенная любовью и, следовательно, святая церковь и есть самая, исповедуемая греческой иерархией, церковь, еще более произвольно, чем утверждение католиков и старых православных. Если допустить понятие церкви в том значении, которое дает ему Хомяков, т. е. как собрание людей, соединенных любовью и истиной, то всё, что может сказать всякий человек по отношению этого собрания, — это то, что весьма желательно быть членом такого собрания, если такое существует, т. е. быть в любви и истине; но нет никаких внешних признаков, по которым можно бы было себя или другого причислить к этому святому собранию или отвергнуть от него, так как никакое внешнее учреждение не может отвечать этому понятию.

что была другая церковь — иудействующих, решившая не принимать необрезанных.

Если есть теперь церковь католическая, утверждающая свою непогрешимость, то только потому, что есть церкви: греко-российская, православная, лютеранская, каждая утверждающая свою непогрешимость и этим самым отрицающая все другие церкви. Так что церковь единая есть только фантастическое представление, не имеющее в себе ни малейшего признака действительности.

Как действительное историческое явление существовали и существуют только многие собрания людей, утверждающие каждое про себя, что оно есть единая, основанная Христом церковь, а что все другие, называющие себя церквами, суть ереси и расколы.

Катехизисы самых распространенных церквей: католической, православной и лютеранской прямо говорят это.

В католическом катехизисе сказано: Quels sont ceux, qui sont hors de l'église? — Les infidèles, les hérétiques, les schismatiques. [1] Схизматиками признаются так называемые православные. Еретиками признаются лютеране; так что, по католическому катехизису, в церкви — одни католики.

В так называемом православном катехизисе сказано: Под единой церковью Христовой разумеется только православная, которая остается вполне согласною с церковью вселенской. Что же касается римской церкви и других исповеданий (лютеран и других не называют даже церковью), то они не могут быть относимы к единой истинной церкви, так как сами отделились от нее.

По этому определению католики и лютеране — вне церкви, а в церкви — одни православные.

Лютеранский же катехизис гласит: Die wahre Kirche wird darin erkannt, dass in ihr das Wort Gottes lauter und rein ohne Menschenzusätze gelehrt und die Sacramente treu nach Christi Einsetzung gewahret werden. [2]

---

[1] Кто находится вне церкви? — Неверные, еретики и схизматики.

[2] Истинная церковь узнается по тому, что в ней слово бога ясно и чисто, без человеческих прибавлений преподается и таинства верно по учению Христа установлены.

По этому определению все те, которые прибавили что-либо к учению Христа и апостолов, как это сделали католическая и греческая церковь, — находятся вне церкви. И в церкви — одни протестанты.

Католики утверждают, что св. дух непрерывно действовал в их иерархии; православные утверждают, что тот же св. дух непрерывно действовал в их иерархии; ариане утверждали, что св. дух действовал в их иерархии (утверждали это с таким же правом, с каким утверждают это теперь царствующие церкви); всякого рода протестанты: лютеране, реформаты, пресвитерьяне, методисты, сведенборгианцы, мормоны утверждают, что св. дух действует только в их собраниях.

Если католики утверждают, что дух святой во время разделения церквей арианской и греческой оставлял отпавшие церкви и оставался в одной истинной, то точно с таким же правом могут утверждать протестанты всякого наименования, что во время отделения их церкви от католической дух святой оставлял католическую и переходил в церковь, ими признаваемую. Так они это и делают.

Всякая церковь выводит свое исповедание через непрерывное предание от Христа и апостолов. И действительно, всякое христианское исповедание, происходя от Христа, неизбежно должно было дойти до настоящего поколения через известное предание. Но это не доказывает того, чтобы одно из этих преданий, исключая все другие, было несомненно истинно.

Каждый сучок на дереве идет без перерыва от корня; но то, что каждый сучок идет от одного корня, никак не доказывает того, чтобы каждый сучок был единственный. Точно так же и церкви. Каждая церковь представляет точно такие же доказательства своей преемственности и даже чудес в пользу истинности своей, как и всякая другая; так что строгое и точное определение того, что есть церковь (не как нечто фантастическое, чего бы нам хотелось, но как то, что есть и было в действительности), — только одно: церковь есть такое собрание людей, которые утверждают про себя, что они находятся в полном и единственном обладании истины.

Вот эти-то собрания, перешедшие впоследствии при помощи поддержки власти в могущественные учреждения, и были главными препятствиями распространению истинного понимания учения Христа.

Оно и не могло быть иначе: главная особенность учения Христа от всех прежних учений состояла в том, что люди, принявшие его, всё больше и больше стремились понимать и исполнять учение; церковное же учение утверждало свое полное и окончательное понимание и исполнение его.

Как ни странно это кажется для нас, людей воспитанных в ложном учении о церкви как о христианском учреждении и в презрении к ереси, — но только в том, что называлось ересью и было истинное движение, т. е. истинное христианство, и только тогда переставало быть им, когда оно в этих ересях останавливалось в своем движении и так же закреплялось в неподвижные формы церкви.

В самом деле, что такое ересь? Перечитайте все богословские сочинения, трактующие о ересях, о том предмете, который первый представляется для определения, так как каждое богословие говорит об истинном учении среди окружающих его ложных, т. е. ересей, и нигде не найдете даже подобия какого-нибудь определения ереси.

Образцом того полного отсутствия какого-нибудь подобия определения того, что понимается под словом «ересь», может служить суждение об этом предмете ученого историка христианства E. de Pressensé в его «Histoire du Dogme» с эпиграфом «Ubi Christus, ibi Ecclesia» (Paris, 1869). Вот что он говорит в своем предисловии (стр. 3): «Je sais, que l'on nous conteste le droit de qualifier ainsi, т. е. называть ересями les tendences, qui furent si vivement combattues par les premiers Pères. La désignation même d'hérésie semble une atteinte portée à la liberté de conscience et de pensée. Nous ne pouvons partager ces scrupules, car ils n'iraient à rien moins qu'à enlever au christianisme tout caractère distinctif». [1]

И, сказав, что после Константина церковь действительно злоупотребляла своей властью определять несогласных еретиками и преследовать их, он, обсуждая первые времена, говорит:

---

[1] Я знаю, что у нас оспаривают право так определять (т. е. называть ересями) те направления, с которыми столь напряженно боролись первые отцы. Одно название «ересь» представляется покушением на свободу совести и мысли. Но мы, с своей стороны, не можем разделять подобных сомнений, которые привели бы ни к чему другому, как к отнятию у христианства его отличительного характера.

«L'église est une libre association; il y a tout profit à se séparer d'elle. La polémique contre l'erreur n'a d'autres ressources que la pensée et le sentiment. Un tipe doctrinal uniforme n'a pas encore été élaboré; les divergences secondaires se produisent en Orient et en Occident avec une entière liberté, la théologie n'est point liée à d'invariables formules. Si au sein de cette diversité apparaît un fonds commun de croyances, n'est-on pas en droit d'y voir non pas un système formulé et composé par les représentants d'une autorité d'école, mais la foi elle-même, dans son instinct le plus sûr et sa manifestation la plus spontanée? Si cette même unanimité qui se révèle dans les croyances essentielles, se retrouve pour repousser telles ou telles tendances, ne serons-nous pas en droit de conclure que ces tendances étaient en désaccord flagrant avec les principes fondamentaux du christianisme? Cette présomption ne se transformera-t-elle pas en certitude si nous reconnaissons dans la doctrine universellement repoussé par l'Eglise, les traits caractéristiques de l'une des religions du passé? Pour dire que le gnosticisme ou l'ebionitisme sont les formes légitimes de la pensée chrétienne, il faut dire hardiment qu'il n'y a pas de pensée chrétienne, ni de caractère spécifique qui la fasse reconnaître. Sous prétexte de l'élargir on la dissent. Personne, au temps de Platon, n'eût osé couvrir de son nom une doctrine qui n'eût pas fait place à la théorie des idées, et l'on eût excité les justes moqueries de la Grèce, en voulant fair d'Epicure où de Zénon un disciple de l'Académie. Reconnaissons donc que s'il existe une religion ou une doctrine, qui s'appelle le christianisme elle peut avoir ses hérésies». [1]

---

[1] Церковь есть ассоциация свободная; отделяться от нее представляет только выгоду. Полемика против заблуждения осуществима только на основании мысли и чувства. Общая и единая догматическая форма до сих пор еще не выработана; частные разногласия свободно проявляются как на Востоке, так и на Западе; теология вовсе не прикована к неизменным формулам. Если среди всего этого разногласия просвечивает фон общих верований, то разве мы не вправе в этом видеть не окончательно оформленную систему, составленную авторитетными представителями той или другой школы, а — самую веру в ее чистейшем побуждении и в самом непосредственном ее проявлении? Если оказывается, что это самое единство, которое обнаруживается во всех основных верованиях, восстает против тех или других направлений, то разве мы не впра-

Всё рассуждение автора сводится к тому, что всякое суждение, несогласное с исповедуемым нами в данное время сводом догматов, есть ересь. Но ведь в данное время и в данном месте люди что-нибудь да исповедуют и это исповедание чего-нибудь, где-нибудь, когда-нибудь не может быть критериумом истины.

Всё сводится к тому, что ubi Christus, ibi ecclesia. Christus же там, где мы.

Всякая так называемая ересь, признавая истиной то, что она исповедует, может точно так же найти в истории церквей последовательное выяснение того, что она исповедует, употребить для себя все аргументы Пресансе и называть только свое исповедание истинно христианским, что и делали и делают все ереси.

Единственное определение ереси (слово αἵρεσις значит часть) есть название, которое дает собрание людей всякому суждению, опровергающему часть учения, исповедуемого собранием. Более же частное значение, чаще всего приписываемое ереси, есть значение мнения, опровергающее установленное и поддерживаемое светской властью церковное учение.

Есть замечательное малоизвестное огромное сочинение («Unparteiische Kirchen und Ketzer-Historie», 1729 г.) Готфрида Арнольда, трактующего прямо об этом предмете и показывающего всю незаконность, произвольность, бессмысленность и жестокость употребления слова «ересь» в смысле отвержения. Книга эта есть попытка описания истории христианства в форме истории ересей.

ве из этого предположить, что эти направления были в противоречии с основными принципами христианства? И не обратится ли такое наше предположение в полную уверенность тогда, когда мы признаем в таком учении, отвергнутом церковью, характеристические черты той или другой отжившей религии? Если допустить, что гностицизм и эбионитизм суть законные формы христианской мысли, то приходится смело признать, что вовсе нет ни христианской мысли, ни отличительного характера, по которому можно было бы ее узнать. Под предлогом ее расширить, мы ее совсем упразднили бы. Во время Платона никто не посмел бы выразить свое одобрение такому учению, в котором не умещалась бы теория идей, и рассмешил бы всю Грецию тот, кто вздумал бы причислять Эпикура или Зенона к ученикам Академии. Итак, допустим, что если существует религия или учение, называемое христианством, то оно может иметь свои ереси (стр. 4).

В вступлении автор ставит ряд вопросов: 1) о тех, которые делают еретиков (von den Ketzermachern selbst); 2) о тех, кого делали еретиками; 3) о самих предметах ереси; 4) о способе делания еретиков и 5) о целях и последствиях делания еретиков.

На каждый из этих пунктов он ставит еще десятки вопросов, ответы на которые дает потом из сочинений известных богословов, а главное предоставляет самому читателю сделать вывод из изложения всей книги. Как образцы этих вопросов, заключающих в себе отчасти и ответы, приведу следующие. По 4-му пункту о том, как делаются еретики, он говорит в одном из вопросов (в 7-м): «Не показывает ли вся история того, что самые большие делатели еретиков и мастера этого дела были именно те мудрецы, от которых отец скрыл свои тайны, т. е. лицемеры, фарисеи и законники или совершенно безбожные и извращенные люди». (Вопр. 20—21): «И что не были ли в испорченные времена христианства отброшены лицемерами и завистниками те самые люди, особенно одаренные от бога великими дарами, которые во времена чистого христианства были бы высоко почитаемы. И напротив, не были ли бы эти люди, которые при упадке христианства возвысили себя выше всего и признали себя учителями чистейшего христианства, не были ли бы те люди во времена апостолов и учеников Христа признаны самыми постыдными еретиками и антихристианами».

Между прочим, высказывая в этих вопросах мысль о том, что словесное выражение сущности веры, которое требовалось церковью и отступление от которого считалось ересью, никогда не могло вполне покрывать самого миросозерцания верующего и что потому требование выражения веры известными словами и производило ереси, он в вопросе 21-м и 33-м говорит:

«И что если человеку божественные дела и мысли представляются столь великими и глубокими, что он не находит соответствующих слов для их выражения, то следует ли его признать еретиком, если он не может вполне точно выразить свое понятие? И что не оттого ли в первые времена не было ереси, что христиане судили друг друга не по словесным выражениям, но по сердцу и делам, при совершенной свободе выражения своих мыслей, без страха быть признанным еретиком? Не было ли самым обыкновенным и легким способом церкви (говорит он в 31-м вопросе), если клир хотел избавиться или погубить кого,

сделать это лицо подозрительным в его учении и набросить на него плащ еретичества и тем осудить и устранить это лицо?»

«Хотя и справедливо то, что среди так называемых еретиков были грехи и заблуждения, но не менее справедливо и очевидно из бесчисленных приводимых здесь примеров (т. е. в истории церкви и ереси) и то, говорит он далее, что нет и не было ни одного искреннего и совестливого человека с некоторым значением, который бы из зависти или других причин не был бы погублен церковниками».

Так почти 200 лет тому назад понималось уже значение ереси, и, несмотря на то, понятие это существует до сих пор. Оно и не может не существовать до тех пор, пока существует понятие церкви. Ересь есть обратная сторона церкви. Там, где есть церковь, должно быть и понятие ереси. Церковь есть собрание людей, утверждающих про себя, что они обладают несомненной истиной. Ересь есть мнение людей, не признающих несомненность истины церкви.

Ересь есть проявление движения в церкви, есть попытка разрушения закоченевшего утверждения церкви, попытка живого понимания учения. Всякий шаг движения вперед, понимания и исполнения учения совершался еретиками: еретики были и Тертуллиан, и Ориген, и Августин, и Лютер, и Гус, и Савонаролла, и Хельчицкий и др. Оно и не могло быть иначе.

Ученик Христа, учение которого состоит в вечном большем и большем постигновении учения и большем и большем исполнении его, в движении к совершенству, не может именно потому, что он ученик Христа, утверждать про себя или про другого, что он понимает вполне учение Христа и исполняет его; еще менее может утверждать это про какое-либо собрание.

На какой бы ступени понимания и совершенства ни находился ученик Христа, он всегда чувствует недостаточность своего и понимания и исполнения и всегда стремится к большему и пониманию и исполнению. И потому утверждение про себя или про какое-либо собрание, что я или мы находимся в обладании совершенного понимания и исполнения учения Христа, есть отречение от духа учения Христа.

Как ни странно это кажется, церкви, как церкви, всегда были и не могут не быть учреждениями не только чуждыми, но прямо враждебными учению Христа. Недаром Вольтер (Voltaire) называл ее l'infame (бесчестная); недаром все или почти все

христианские так называемые секты признавали и признают церковь той блудницей, о которой пророчествует апокалипсис; недаром история церкви есть история величайших жестокостей и ужасов.

Церкви, как церкви, не суть некоторые учреждения, имеющие в основе своей христианское начало, хотя и несколько отклонившиеся от прямого пути, как это думают многие; церкви, как церкви, как собрания, утверждающие свою непогрешимость, суть учреждения противохристианские. Между церквами, как церквами, и христианством не только нет ничего общего, кроме имени, но это два совершенно противоположные и враждебные друг другу начала. Одно — гордость, насилие, самоутверждение, неподвижность и смерть; другое — смирение, покаяние, покорность, движение и жизнь.

Нельзя служить вместе этим двум господам, надо выбрать того или другого.

Служители церквей всех исповеданий, в особенности в последнее время, стараются выставить себя сторонниками движения в христианстве: они делают уступки, желают исправить вкравшиеся в церкви злоупотребления и говорят, что из-за злоупотреблений нельзя отрицать самого принципа христианской церкви, которая одна только может соединить всех воедино и быть посредницей между людьми и богом. Но это всё несправедливо. Церкви не только никогда не соединяли, но были всегда одной из главных причин разъединения людей, ненависти друг к другу, войн, побоищ, инквизиций, варфоломеевских ночей и т. п., и церкви никогда не служат посредниками между людьми и богом, чего и не нужно и что прямо запрещено Христом, открывшим свое учение прямо непосредственно каждому человеку, но ставят мертвые формы вместо бога и не только не открывают, но заслоняют от людей бога. Церкви, возникшие из непонимания и поддерживающие это непонимание своей неподвижностью, не могут не преследовать и не гнать всякое понимание учения. Они стараются скрыть это, но это невозможно потому, что всякое движение вперед по пути, указанному Христом, разрушает их существование.

Послушаешь и почитаешь статьи и проповеди, в которых церковные писатели нового времени всех исповеданий говорят о христианских истинах и добродетелях, послушаешь и почитаешь эти веками выработанные искусные рассуждения, уве-

щания, исповедания, иногда как будто похожие на искренние, и готов усомниться в том, чтобы церкви могли быть враждебны христианству: «не может же быть того, чтобы эти люди, выставившие таких людей, как Златоусты, Фенелоны, Ботлеры, и других проповедников христианства, были враждебны ему». Хочется сказать: «церкви могли отклоняться от христианства, ошибаться, но не могли они быть враждебны ему». Но посмотришь на плоды, чтобы оценить дерево, как учил Христос, и увидишь, что плоды их были злы, что последствием их деятельности было извращение христианства, и не можешь не признать, что, как ни добры были люди, — дело церкви, в котором эти люди участвовали, было нехристианское. Доброта и достоинства всех этих людей, служивших церквам, были доброта и достоинства людей, но не того дела, которому они служили. Все эти добрые люди, — как оба Франциска, d'Assise и de Lobes, наш Тихон Задонский, Фома Кемпийский и др. были добрые люди, несмотря на то, что они служили делу, враждебному христианству, и они были бы еще добрее и достойнее, если бы не подпали тому заблуждению, которому служили.

Но зачем говорить о прошедшем, судить о прошедшем, которое может быть ложно представлено и мало известно нам: церкви с своими основами и с своей деятельностью не есть дело прошедшего; церкви теперь перед нами, и мы можем судить о них на деле по их деятельности, их влиянию на людей.

В чем же состоит теперь деятельность церквей? Как они влияют на людей? Что делается церквами у нас, у католиков, у протестантов всяких наименований; в чем их деятельность и какие последствия их деятельности?

Деятельность нашей русской, так называемой православной, церкви на виду у всех. Это факт огромный, который скрыть нельзя и о котором спорить нельзя.

В чем состоит деятельность этой русской церкви, этого огромного напряженно действующего учреждения, состоящего из полумиллионного полчища, стоящего народу десятки миллионов?

Деятельность этой церкви состоит в том, чтобы всеми возможными мерами внушить 100-миллионной массе русского народа те отсталые, отжитые, не имеющие теперь никакого оправдания верования, которые когда-то исповедовали чуждые

нашему народу люди и в которые почти никто уже не верит, часто даже и те, на обязанности которых лежит распространение этих ложных верований.

Внушение народу этих чуждых ему, отжитых и не имеющих уже никакого смысла для людей нашего времени формул византийского духовенства о троице, о божией матери, о таинствах, о благодати и т. п. составляет одну часть деятельности русской церкви; другую часть ее деятельности составляет деятельность поддержания идолопоклонства в самом прямом смысле этого слова: почитания святых мощей, икон, принесения им жертв и ожидания от них исполнения желаний. Не буду говорить о том, что говорится, пишется духовенством с оттенком научности и либерализма в духовных журналах, а буду говорить о том, что действительно совершается духовенством по всей обширной русской земле среди 100-миллионного народа. Чему старательно, неупустительно, напряженно везде одинаково учат народ? Чего от него требуют в силу так называемой христианской веры?

Начну с начала, с рождения ребенка: при рождении ребенка учат тому, что надо над ребенком и матерью прочитать молитву, чтобы очистить их, так как без молитвы этой родившая мать погана. Для этого перед изображениями святых, называемых народом прямо богами, священник берет в руки ребенка и читает заклинательные слова и этим очищает мать. Потом внушается родителям и даже требуется от них под страхом наказания за неисполнение, чтобы ребенок был непременно крещен, т. е. обмокнут священником три раза в воду, причем читаются никому не понятные слова и совершаются еще менее понятные действия, — мазание маслом разных частей тела, стрижка волос и дутье и плевание восприемников на воображаемого дьявола. Всё это должно очистить ребенка и сделать его христианином. Потом внушается родителям, что ребенка надо причастить, т. е. дать ему под видом хлеба и вина съесть частицу тела Христа, вследствие чего ребенок примет в себя благодать Христа и т. д. Потом внушается, что этого ребенка, по мере возраста, надо выучить молиться. Молиться — значит становиться прямо перед досками, на которых нарисованы лица Христа, богородицы, святых, и кланяться головой, всем телом, а правой рукой, со сложенными известным образом пальцами, дотрагиваться до лба, плеч и живота и произносить

славянские слова, из которых самые употребительные и всем детям внушаемые: богородица, дева радуйся и т. д. Потом внушается воспитываемому, что при виде всякой церкви и иконы надо делать опять то же, т. е. креститься; потом внушается, что в праздники (праздники — это дни, в которые Христос родился, хотя никто не знает, когда это было, дни, в которые он обрезался, в которые умерла богородица, в которые принесен крест, в которые внесена икона, в которые юродивый видел видение и т. п.), в праздники надо одеться в лучшие одежды и идти в церковь и покупать и ставить там свечи перед изображениями святых, подавать записочки и поминания и хлебцы, для вырезывания в них треугольников, и потом молиться много раз за здоровье и благоденствие царя и архиереев и за себя и за свои дела и потом целовать крест и руку у священника.

Кроме этой молитвы, внушается еще, что надо каждый год, по крайней мере один раз, говеть. Говеть — значит войти в церковь и сказать священнику свои грехи, предполагая, что это сообщение своих грехов чужому человеку совершенно очищает от грехов, и потом съесть с ложечки кусочек хлеба с вином, что еще более очищает. Потом внушается, что если мужчина и женщина хотят, чтобы их плотское общение было свято, то они должны прийти в церковь, надеть на себя металлические короны, выпить питья, обойти под звуки пения три раза вокруг стола, и что тогда плотское общение мужчины и женщины сделается святым и совсем особенным от всяких других.

В жизни же внушается, что надо соблюдать следующие правила: не есть мяса и молока в известные дни, еще в другие известные дни служить молебны и панихиды по умершим, в праздники принимать священника и давать ему деньги и несколько раз в году брать из церкви доски с изображениями и носить их на полотенцах по полям и домам. Перед смертью же внушается, что человек должен непременно съесть с ложечки хлеба с вином, а еще лучше, если успеет помазаться маслом. Это обеспечивает ему благо в будущей жизни. После же смерти внушается родным его, что для спасения души умершего полезно положить ему в руки печатную бумагу с молитвой; полезно еще, чтобы над мертвым телом прочли известную книгу и чтобы в церкви в известное время произносили бы имя умершего.

В этом считается обязательная вера для каждого.

Но если кто особенно хочет позаботиться о своей душе, то по этой вере внушается, что наибольшее обеспечение блаженства души на том свете достигается еще тем, чтобы жертвовать деньги на церкви и монастыри, обязывая этим святых людей молиться за себя. Спасительны еще, по этой вере, для души хождения по монастырям и целование явленных икон и мощей.

По этой вере явленные иконы и мощи сосредоточивают в себе особенную святость, силу и благодать и близость к этим предметам: прикосновение, целование, становление свеч к ним, подлезание под них много содействует спасению, равно и молебны, заказываемые перед этими святынями.

И вот эта-то вера, и никакая другая, называемая православной, т. е. настоящей верой, под видом христианской, всеми силами в продолжение многих веков и с особенным напряжением теперь внушается народу.

И пусть не говорят, что православные учителя полагают сущность учения в чем-либо другом, а что это только древние формы, которые не считается нужным разрушать. Это неправда: по всей России всем русским духовенством и в последнее время с особенным напряжением внушается только эта вера. Другого ничего нет. Про другое говорится и пишется в столицах, но среди стомиллионного народа делается только это и внушается только это, и больше ничего. О другом церковники разговаривают, а это они внушают всеми возможными мерами.

Всё это и поклонение лицам и иконам внесено в богословие, в катехизисы; этому старательно учат народ теоретически и практически, всеми средствами торжественности, блеска, авторитета, насилия гипнотизируя его, заставляют его верить в это и ревниво оберегают эту веру от каждой попытки освобождения народа от этих диких суеверий.

На моих глазах, как я говорил, по случаю моей книги, в продолжение многих лет учение Христа и его собственные слова о непротивлении злу были предметом насмешек, балаганных шуток и церковники не только не противились этому, но поощряли это кощунство; но попробуйте сказать непочтительное слово о безобразном идоле, кощунственно развозимом по Москве пьяными людьми под именем Иверской, и поднимется стон негодования этих самых православных церковников. Проповедуется только внешний культ идолопоклонства. И пусть

не говорят, что одно не мешает другому, что «сие надлежит делать и того не оставлять», что «все, что они велят вам соблюдать, соблюдайте и делайте, по делам же их не поступайте, ибо они говорят и не делают» (Мф. XXIII, 23, 3). Это сказано о фарисеях, которые исполняли все внешние предписания закона, и потому слова: «что велят вам соблюдать, соблюдайте», относятся к делам милости и добра, слова же: «по делам же их не поступайте, они говорят, но не делают», относятся к исполнению обрядов и упущению дел добра и имеют как раз обратный смысл того, который хотят придать этому месту церковники, толкуя так, что соблюдать велено обряды. Внешний культ и служение милости и правде трудно совместимы; большею частью одно исключает другое. Так было это у фарисеев, так это и теперь у церковных христиан.

Если человек может спастись искуплением, таинствами, молитвой, то добрые дела уже не нужны ему.

Нагорная проповедь или символ веры: нельзя верить тому и другому. И церковники выбрали последнее: символ веры учится и читается, как молитва и в церквах, а нагорная проповедь исключена даже из чтений евангельских в церквах, так что в церквах никогда, кроме как в те дни, когда читается всё Евангелие, прихожане не услышат ее. Да и не может быть иначе: люди, верующие в злого и безрассудного бога, — проклявшего род человеческий и обрекшего своего сына на жертву и часть людей на вечное мучение, — не могут верить в бога любви. Человек, верующий в бога Христа паки грядущего со славою судить и казнить живых и мертвых, не может верить в Христа, повелевающего подставлять щеку обидчику, не судить, прощать и любить врагов. Человек, верующий в боговдохновенность Ветхого Завета и святость Давида, завещающего на смертном одре убийство старика, оскорбившего его и которого он сам не мог убить, так как был связан клятвою (3-я Книга Царей, глава 2, стих 8), и тому подобные мерзости, которыми полон Ветхий Завет, не может верить в нравственный закон Христа; человек, верующий в учение и проповеди церкви о совместимости с христианством казней, войн, не может уже верить в братство всех людей.

Главное же, человек, верующий в спасение людей верою в искупление или в таинства, не может уже все силы свои полагать на исполнение в жизни нравственного учения Христа.

Человек, наученный церковью тому кощунственному учению о том, что человек не может спастись своими силами, а что есть другое средство, неизбежно будет прибегать к этому средству, а не к своим силам, на которые, его уверяют, грех надеяться. Учение церковное — всякое, с своим искуплением и таинствами, исключает Христово учение, тем более учение православное с своим идолопоклонством.

«Но народ сам так всегда верил, так верит теперь, — скажут на это. — Вся история русского народа доказывает это. Нельзя лишить народа его предания». В этом-то и обман. Народ когда-то точно исповедовал нечто подобное тому, что исповедует теперь церковь, хотя далеко не то же самое (в народе, кроме этого изуверства икон, домовых, мощей и семиков с венками и березками, всегда было еще глубокое нравственное жизненное понимание христианства, которого никогда не было во всей церкви, а встречалось только в лучших представителях ее); но народ, несмотря на все препятствия, которые в этом ставило ему государство и церковь, давно уже пережил в лучших представителях своих эту грубую степень понимания, что он и показывает самозарождающимися везде рационалистическими сектами, которыми кишит теперь Россия и с которыми так безуспешно борются теперь церковники. Народ идет вперед в сознании нравственной, жизненной стороны христианства. И вот тут-то и является церковь с своим не поддерживанием, но усиленным внушением отжившего язычества в своей законченной форме, с своим стремлением втолкнуть опять народ в тот мрак, из которого он выбивается с таким усилием.

«Мы не учим ничему новому народ, но только тому, во что он верует, но только в более совершенной форме», — говорят священники. Это то же самое, что бы делал человек, связывая вырастающего цыпленка и засовывая в скорлупу, из которой он вышел.

Меня часто поражало это комическое, если бы последствия его не были так ужасны, наблюдение о том, как люди, сцепившись кругом, обманывают друг друга и не могут выйти из этого заколдованного круга.

Первый вопрос, первое сомнение начинающего мыслить русского человека есть вопрос об явленных иконах и, главное, о мощах: правда ли, что они нетленны и что от них совершаются чудеса? Сотни и тысячи людей задают себе эти вопросы и

затрудняются в разрешении их преимущественно тем, что архиереи, митрополиты и все высокопоставленные люди прикладываются к мощам и чудотворным иконам. Спросить у архиерея и высокопоставленных лиц, зачем они это делают, они скажут, что делают для народа, а народ прикладывается потому, что архиереи и высокопоставленные лица это делают.

Деятельность русской церкви, несмотря на весь тот внешний лоск современности, учености, духовности, который ее члены теперь начинают принимать в своих сочинениях, статьях, в духовных журналах и проповедях, состоит только в том, чтобы не только держать народ в том состоянии грубого и дикого идолопоклонства, в котором он находился, но еще усиливать и распространять суеверие и религиозное невежество, вытесняя из народа живущее в нем рядом с идолопоклонством жизненное понимание христианства.

Помню, раз в монастырской книжной лавке Оптиной пустыни, я присутствовал при выборе старым мужиком божественных книг для своего грамотного внука. Монах подсовывал ему описание мощей, праздников, явлений икон, псалтырь и т. п. Я спросил старика, есть ли у него Евангелие? Нет. «Дайте ему русское Евангелие», — сказал я монаху. «Это им нейдет», — сказал мне монах.

Это в сжатом виде деятельность нашей церкви.

Но это так только в варварской России, скажет на это европейский или американский читатель. И такое суждение будет справедливо, но только в той мере, в которой это суждение относится к правительству, помогающему церкви совершать ее одуряющее и развращающее действие в России.

Справедливо, что нигде в Европе нет столь деспотического правительства и до такой степени согласного с царствующей церковью. И потому участие власти в развращении народа в России самое сильное; но несправедливо, чтобы церковь русская в своем влиянии на народ отличалась чем-нибудь от какой-либо другой церкви.

Церкви везде одни и те же, и если католическая, англиканская и лютеранская не имеют под рукой такого покорного правительства, как русское, то это происходит не от отсутствия желания воспользоваться таковым.

Церковь как церковь, какая бы она ни была — католическая, англиканская, лютеранская, пресвитерианская, всякая цер-

ковь, насколько она церковь, не может не стремиться к тому же, к чему и русская церковь, к тому, чтобы скрыть настоящий смысл учения Христа и заменить его своим учением, которое ни к чему не обязывает, исключает возможность понимания истинного, деятельного учения Христа и, главное, оправдывает существование жрецов, кормящихся на счет народа.

Разве что-либо другое делало и делает католичество с своим запретом чтения Евангелия и с своим требованием нерассуждающей покорности церковным руководителям и непогрешимому папе? Разве что-либо другое, чем русская церковь, проповедует католичество? Тот же внешний культ, те же мощи, чудеса и статуи, чудодейственные Notre-Dames и процессии. Те же возвышенно туманные суждения о христианстве в книгах и проповедях, а когда дойдет до дела, то поддерживание самого грубого идолопоклонства.

И разве не то же самое делается и в англиканстве, лютеранстве, во всяком протестантстве, сложившемся в церковь? Те же требования от паствы веры в догматы, выраженные в IV веке и потерявшие всякий смысл для людей нашего времени, и то же требование идолопоклонства, если не перед мощами, иконами, то перед днем субботним и буквой Библии. Всё та же деятельность, направленная на то, чтобы скрыть настоящие требования христианства и на место их поставить ни к чему не обязывающую внешность и cant, как прекрасно определяют англичане то самое занятие, которому они особенно подвержены. Среди протестантства эта деятельность особенно заметна потому, что нет у этого исповедания даже отговорки древности. И разве не то же самое происходит и в теперешнем ривайвализме — обновленном кальвинизме, евангелизме, из которого выродилась армия спасения.

Как одинаково положение всех церковных учений, по отношению к учению Христа, так одинаковы и их приемы.

Положение их таково, что им нельзя не напрягать все усилия на то, чтобы скрыть учение Христа, именем которого они пользуются.

Несоответствие всех церковных исповеданий с учением Христа ведь таково, что нужны особенные усилия, чтобы скрыть это несоответствие от людей. В самом деле, ведь стоит только вдуматься в положение каждого взрослого, не только образованного, но самого простого человека нашего времени, набрав-

шегося носящихся в воздухе понятий о геологии, физике, химии, космографии, истории, когда он в первый раз сознательно отнесется к тем, в детстве внушенным ему и поддерживаемым церквами, верованиям о том, что бог сотворил мир в шесть дней; свет прежде солнца, что Ной засунул всех зверей в свой ковчег и т. п.; что Иисус есть тоже бог-сын, который творил всё до времени; что этот бог сошел на землю за грех Адама; что он воскрес, вознесся и сидит одесную отца и придет на облаках судить мир и т. п.

Ведь все эти положения, выработанные людьми IV века и имевшие для людей того времени известный смысл, для людей нашего времени не имеют никакого. Люди нашего времени могут устами повторять эти слова, но верить не могут, потому что слова эти, как то, что бог живет на небе, что небо раскрылось и оттуда сказал голос что-то, что Христос воскрес и полетел куда-то на небо и опять придет откуда-то на облаках и т. п., — не имеют для нас смысла.

Можно было человеку, считавшему небо конечным, твердым сводом, верить или не верить, что бог сотворил небо, что небо раскрылось, что Христос улетел на небо, но для нас все эти слова не имеют никакого значения. Люди нашего времени могут только верить, что в это надо верить, что они и делают; но верить не могут в то, что для них не имеет смысла.

Если же все эти выражения должны иметь иносказательный смысл и суть прообразы, то ведь мы знаем, что, во-первых, не все церковники согласны в этом, а, напротив, большинство настаивает на понимании священного писания в прямом смысле, а, во-вторых, то, что толкования эти очень многоразличны и ничем не подтверждаются.

Но, даже если человек и захочет заставить себя верить учению церквей, так, как оно преподается, — всеобщее распространение грамотности и Евангелий и общение между собою людей разных исповеданий составляют для этого другое еще более непреодолимое препятствие.

Ведь стоит только человеку нашего времени купить за 3 копейки Евангелие и прочесть ясные, не подлежащие перетолкованию слова Христа к самарянке о том, что отцу нужны поклонники не в Иерусалиме, не на той горе и не на этой, а поклонники в духе и истине, или слова о том, что молиться христианин должен не как язычник в храмах и на виду, а тайно,

т. е. в своей клети, или что ученик Христа никого не должен называть отцом или учителем, стоит только прочесть эти слова, чтобы убедиться, что никакие духовные пастыри, называющиеся учителями в противоположность учению Христа и спорящие между собою, не составляют никакого авторитета и что то, чему нас учат церковники, не есть христианство. Но мало и этого: если бы человек нашего времени и продолжал верить в чудеса и не читал бы Евангелия, одно общение с людьми других исповеданий и вер, сделавшееся столь легким в наше время, заставит человека усомниться в истинности своей веры. Хорошо было человеку, не видавшему людей другого исповедания, чем он сам, верить, что его исповедание — одно истинное; но стоит только думающему человеку столкнуться, как это теперь беспрестанно случается, с людьми одинаково добрыми и злыми разных исповеданий, осуждающих веры друг друга, чтобы усомниться в истинности исповедуемой им веры. В наше время только человек совершенно невежественный или совершенно равнодушный к вопросам жизни, освящаемым религией, может оставаться в церковной вере.

Какие же нужны церквам хитрости и усилия, чтобы, несмотря на все эти разрушающие веру условия, продолжать строить церкви, служить обедни, проповедовать, учить, обращать и, главное, получать за это огромное содержание, как все эти священники, пастыри, интенданты, суперинтенданты, аббаты, архидиаконы, епископы и архиепископы.

Нужны особенные, сверхъестественные усилия. И такие усилия, всё более и более напрягая их, и употребляют церкви. У нас в России (кроме всех других) употребляется простое, грубое насилие покорной церкви власти. Людей, отступающих от внешнего выражения веры и высказывающих это, или прямо наказывают, или лишают прав; людей же, строго держащихся внешних форм веры, награждают, дают права.

Так поступают православные; но и все церкви без исключения пользуются всеми для этого средствами, из которых главное — то, что теперь называется гипнотизацией.

Пускаются в дело все искусства от архитектуры до поэзии для воздействия на души людей и для одурения их, и воздействие это происходит неперестающее. Особенно очевидна эта необходимость гипнотизирующего воздействия на людей для приведения их в состояние одурения на деятельности армии спасения,

употребляющей новые, не привычные нам приемы труб, барабанов, песней, знамен, нарядов, шествий, плясок, слез и драматических приемов.

Но, это нас поражает только потому, что это новые приемы; разве старые приемы храмов с особенным освещением, с золотом, блеском, свечами, хорами, органом, колоколами, ризами, плаксивыми проповедями и т. п. не то же самое?

Но, как ни сильно это действие гипнотизации, не в этом главная и самая зловредная деятельность церквей. Главная и наизловреднейшая деятельность церкви есть та, которая направлена на обман детей, тех самых детей, про которых Христос сказал, что горе тому, кто соблазнит единого из малых сих. С самого первого пробуждения сознания ребенка его начинают обманывать, с торжественностью внушать ему то, во что не верят сами внушающие, и внушать до тех пор, пока обман не срастется посредством привычки с природой ребенка. Ребенка старательно обманывают в самом важном деле в жизни, и когда обман так сросся с его жизнью, что уже трудно оторвать его, тогда перед ребенком открывают весь мир науки и действительности, который никаким образом не может совместиться с внушенными ему верованиями, предоставляя ему разбираться самому, как он умеет, в этих противоречиях.

Ведь если поставить себе задачей запутать человека так, чтобы он не мог с здоровым умом выбраться из внушенных ему с детства двух противоположных миросозерцаний, то нельзя ничего придумать сильнее того, что совершается над всяким молодым человеком, воспитываемым в нашем так называемом христианском обществе.

Ужасно то, что делают над людьми церкви, но если вдуматься в их положение, то тем людям, которые составляют учреждение церквей, иначе поступать нельзя. Перед церквами стоит дилемма: нагорная проповедь или Никейский символ — одно исключает другое: если человек искренно поверит в нагорную проповедь, Никейский символ неизбежно потеряет для него смысл и значение и вместе с ним церковь и ее представители; если же человек поверит в Никейский символ, т. е. в церковь, т. е. в тех, которые называют себя представителями ее, то нагорная проповедь станет для него излишняя. И потому церквам нельзя не употреблять всех возможных усилий для затемнения смысла нагорной проповеди и для привлечения к себе людей.

Только благодаря напряженной деятельности церквей в этом направлении держалось до сих пор влияние церквей. Останови церковь хоть на самый короткий срок это воздействие на массы гипнотизацией и обманом детей, и люди поймут учение Христа. А понимание учения уничтожает церкви и значение их. И потому церкви ни на мгновенье не прекращают усиленной деятельности и гипнотизации взрослых и обмана детей. И вот эта-то деятельность церквей, внушающая людям ложное понимание учения Христа, и служит препятствием понимания его для большинства людей, так называемых верующих.

IV

Теперь скажу о другом мнимом понимании христианства, мешающем истинному пониманию его, — о понимании научном.

Церковные люди считают христианством то представление о нем, которое они себе составили, и это-то понимание христианства считают единым несомненно истинным.

Люди науки считают христианством только то, что исповедовали и исповедуют различные церкви, и, предполагая, что исповедания эти исчерпывают всё значение христианства, признают его отжившим свое время религиозным учением.

Для того, чтобы ясно было, как невозможно при таком взгляде понять христианское учение, необходимо составить себе понятие о том месте, которое в действительности занимали и занимают религии вообще и, в частности, христианская в жизни человечества, и о том значении, которое приписывается им наукой.

Как отдельный человек не может жить, не имея известного представления о смысле своей жизни, и всегда, хотя часто и бессознательно, соображает свои поступки с этим придаваемым им своей жизни смыслом, так точно и совокупности людей, живущих в одинаковых условиях — народы, не могут не иметь представления о смысле их совокупной жизни и вытекающей из нее деятельности. И как отдельный человек, вступая в новый возраст, неизбежно изменяет свое понимание жизни, и взрослый человек видит смысл ее в ином, чем ребенок, так точно и совокупность людей, народа, неизбежно, соответственно возрасту своему, изменяет свое понимание жизни и вытекающую из этого понимания деятельность.

Различие в этом отношении отдельного человека от всего человечества состоит в том, что, тогда как отдельный человек в определении, свойственного тому новому периоду жизни, в который он вступает, понимания жизни и вытекающей из него деятельности пользуется указаниями прежде живших его людей, переживших уже тот возраст, в который он вступает, человечество не может иметь этих указаний, потому что оно всё подвигается по не исследованному еще пути и не у кого спросить, как надо понимать жизнь и действовать в тех новых условиях, в которые оно вступает и в которых еще никто никогда не жил.

А между тем как человеку женатому и с детьми невозможно продолжать понимать жизнь так же, как он понимал ее, будучи ребенком, так и человечеству нельзя уже, при совершившихся разнообразных изменениях: и густоты населения, и установившегося общения между разными народами, и усовершенствования способов борьбы с природой, и накопления знаний, — продолжать понимать жизнь попрежнему, а необходимо установить новое жизнепонимание, из которого и вытекла бы и деятельность, соответствующая тому новому состоянию, в которое оно вступило или вступает.

На это-то требование и отвечает особенная способность человечества выделять из себя людей, дающих новый смысл всей жизни человеческой, — смысл, из которого вытекает вся иная, чем прежняя, деятельность. Установление этого, свойственного человечеству в тех новых условиях, в которые оно вступает, жизнепонимания и вытекающей из него деятельности и есть то, что называется *религия*.

И потому религия, во-первых, не есть, как это думает наука, явление, когда-то сопутствовавшее развитию человечества, но потом пережитое им, а есть всегда присущее жизни человечества явление, и в наше время столь же неизбежно присущее человечеству, как и во всякое другое время. Во-вторых, религия всегда есть определение деятельности будущего, а не прошедшего, и потому очевидно, что исследование прошедших явлений ни в каком случае не может захватить сущности религии.

Сущность всякого религиозного учения — не в желании символического выражения сил природы, не в страхе перед ними, не в потребности к чудесному и не во внешних формах ее проявления, как это думают люди науки. Сущность религии в свой-

стве людеи пророчески предвидеть и указывать тот путь жизни, по которому должно идти человечество, в ином, чем прежнее, определении смысла жизни, из которого вытекает и иная, чем прежняя, вся будущая деятельность человечества.

Свойство этого провидения того пути, по которому должно идти человечество, в большей или меньшей степени обще всем людям; но всегда во все времена были люди, в которых это свойство проявлялось с особенной силой, и люди эти ясно и точно выражали то, что смутно чувствовали все люди, и устанавливали новое понимание жизни, из которого вытекала иная, чем прежняя, деятельность, на многие сотни и тысячи лет.

Таких пониманий жизни мы знаем три: два уже пережитых человечеством, и третье, которое мы теперь переживаем в христианстве. Пониманий таких три, и только три, не потому, что мы произвольно соединили различные жизнепонимания в эти три, а потому, что поступки всех людей имеют всегда в основе одно из этих трех жизнепониманий, потому что иначе, как только этими тремя способами, мы не можем понимать жизнь.

Три жизнепонимания эти следующие: первое — личное, или животное, второе — общественное, или языческое, и третье — всемирное, или божеское.

По первому жизнепониманию жизнь человека заключается в одной его личности; цель его жизни — в удовлетворении воли этой личности. По второму жизнепониманию жизнь человека заключается не в одной его личности, а в совокупности и последовательности личностей: в племени, семье, роде, государстве; цель жизни заключается в удовлетворении воли этой совокупности личностей. По третьему жизнепониманию жизнь человека заключается и не в своей личности и не в совокупности и последовательности личностей, а в начале и источнике жизни — в боге.

Эти три жизнепонимания служат основой всех существовавших и существующих религий.

Дикарь признает жизнь только в себе, в своих личных желаниях. Благо его жизни сосредоточено в нем одном. Высшее благо для него есть наиполнейшее удовлетворение его похоти. Двигатель его жизни есть личное наслаждение. Религия его состоит в умилостивлении божества к своей личности и в поклонении воображаемым личностям богов, живущим только для личных целей.

Человек языческий, общественный признает жизнь уже не в одном себе, но в совокупности личностей — в племени, семье, роде, государстве, и жертвует для этих совокупностей своим личным благом. Двигатель его жизни есть слава. Религия его состоит в возвеличении глав союзов: родоначальников, предков, государей и в поклонении богам — исключительным покровителям его семьи, его рода, народа, государства. [1]

Человек божеского жизнепонимания признает жизнь уже не в своей личности и не в совокупности личностей (в семье, роде, народе, отечестве или государстве), а в источнике вечной, неумирающей жизни — в боге; и для исполнения воли бога жертвует и своим личным, и семейным, и общественным благом. Двигатель его жизни есть любовь. И религия его есть поклонение делом и истиной началу всего — богу.

Вся жизнь историческая человечества есть не что иное, как постепенный переход от жизнепонимания личного, животного к жизнепониманию общественному и от жизнепонимания общественного к жизнепониманию божескому. Вся история древних народов, продолжавшаяся тысячелетия и заканчивающаяся историей Рима, есть история замены животного, личного жизнепонимания общественным и государственным. Вся история со времени императорского Рима и появления христианства есть, переживаемая нами и теперь, история замены государственного жизнепонимания божеским.

Вот это-то последнее жизнепонимание и основанное на нем христианское учение, руководящее всей нашей жизнью и лежащее в основе всей нашей деятельности, как практической, так и научной, люди мнимой науки, рассматривая его только по его внешним признакам, признают чем-то отжившим и не имеющим для нас значения.

Учение это, по мнению людей науки, заключающееся только в его догматической стороне — в учении о троице, искуплении,

[1] То, что на этом общественном или языческом жизнепонимании основываются столь разнообразные склады жизни, как жизнь племенная, семейная, родовая, государственная и даже теоретически представляемая позитивистами жизнь человечества, это не нарушает единства этого жизнепонимания. Все эти разнообразные формы жизни основаны на одном представлении о том, что жизнь личности не есть достаточная цель жизни, что смысл жизни может быть найден только в совокупности личностей.

чудесах, церкви, таинствах и пр. — есть только одна из огромного количества религий, которые возникали в человечестве и теперь, сыграв свою роль в истории, отживает свое время, уничтожаясь перед светом науки и истинного просвещения.

Происходит то, что в большей части случаев служит источником самых грубых заблуждений людских: люди, стоящие на низшей степени понимания, встречаясь с явлениями высшего порядка, — вместо того чтобы сделать усилия, чтобы понять их, чтобы подняться на ту точку зрения, с которой должно смотреть на предмет, — обсуживают его с своей низшей точки зрения, и с тем большей смелостью и решительностью, чем меньше они понимают то, о чем говорят.

Для большинства научных людей, рассматривающих жизненное нравственное учение Христа с низшей точки зрения общественного жизнепонимания, учение это есть только весьма неопределенное, нескладное соединение индийского аскетизма, стоического и неоплатонического учения и утопических антисоциальных мечтаний, не имеющих никакого серьезного значения для нашего времени, и всё значение его сосредоточивается для них в его внешних проявлениях: в католичестве, протестантстве, догматах, борьбе с светской властью. Определяя по этим явлениям значение христианства, они подобны глухим, которые судили бы о значении и достоинстве музыки по виду движений музыкантов.

От этого происходит то, что все эти люди, начиная от Конта, Страуса, Спенсера и Ренана, не понимая смысла речей Христа, не понимая того, к чему и зачем они сказаны, не понимая даже и вопроса, на который они служат ответом, не давая себе даже труда вникнуть в смысл их, прямо, если они враждебно настроены, отрицают разумность учения; если же они хотят быть снисходительны к нему, то с высоты своего величия поправляют его, предполагая, что Христос хотел сказать то самое, что они думают, но не сумел этого сделать. Они обращаются с его учением так, как большею частью, поправляя слова своего собеседника, говорят самоуверенные люди с тем, кого они считают много ниже себя: «Да, вы собственно хотите сказать то-то и то-то». Поправка эта делается всегда в том смысле, чтобы учение высшего, божеского жизнепонимания свести к низшему, общественному.

Обыкновенно говорят, что нравственное учение христианства хорошо, но преувеличено, — что для того, чтобы оно было вполне хорошо, надо откинуть от него излишнее, не подходящее к нашему строю жизни. «А то учение, требующее слишком многого, неисполнимого, хуже, чем то, которое требует от людей возможного, соответственно их силам», — думают и утверждают ученые толкователи христианства, повторяя при этом то, что давно уже утверждали и утверждают и не могли не утверждать о христианском учении те, которые, не поняв его, распяли за то учителя, — евреи.

Оказывается, что перед судом ученых нашего времени закон еврейский: зуб за зуб и око за око, — закон справедливого возмездия, известный человечеству 5000 лет тому назад, более целесообразен, чем закон любви, 1800 лет тому назад проповеданный Христом на место этого самого закона справедливости.

Оказывается, что всё то, что было сделано теми людьми, которые поняли учение Христа прямо и жили сообразно с таким пониманием, — всё то, что делали и говорили все истинные христиане, все христианские подвижники, всё то, что преобразовывает мир теперь под видом социализма и коммунизма, всё это преувеличения, о которых не стоит и говорить.

Люди, 18 веков воспитанные в христианстве, в лице своих передовых людей, ученых, убедились в том, что христианское учение есть учение о догматах; жизненное же учение есть недоразумение, есть преувеличение, нарушающее настоящие законные требования нравственности, соответствующие природе человека, и что то самое учение справедливости, которое отверг Христос, на месте которого он поставил свое учение, гораздо пригоднее нам.

Ученым людям заповедь непротивления злу насилием кажется преувеличением и даже неразумием. Если откинуть ее, то будет гораздо лучше, думают они, не замечая того, что они толкуют вовсе не об учении Христа, а о том, что им представляется таковым.

Они не замечают того, что сказать, что в учении Христа заповедь о непротивлении злу насилием есть преувеличение, всё равно что сказать, что в учении о круге положение о равенстве радиусов круга есть преувеличение. И те, которые говорят это, делают совершенно то же, что делал бы человек, не имеющий понятия о том, что есть круг, который бы утверждал, что требо-

вание того, чтобы все точки окружности были в равном расстоянии от центра, — есть преувеличение. Советовать откинуть или умерить положение о равенстве радиусов в круге — значит не понимать того, что есть круг. Советовать откинуть или умерить в жизненном учении Христа заповедь о непротивлении злу насилием — значит не понимать учения.

И те, которые делают это, действительно совершенно не понимают его. Они не понимают того, что учение это есть установление нового понимания жизни, соответствующего тому новому состоянию, в которое вот уже 1800 лет вступили люди, и определение той новой деятельности, которая из него вытекает. Они не верят тому, что Христос хотел сказать то, что сказал: или им кажется, что он по увлечению, по неразумию, по неразвитости своей говорил то, что говорил в нагорной проповеди и других местах. [1]

(Мф. VI, 25—34).

25) Посему говорю вам: не заботьтесь для души вашей, что вам есть и что пить, ни для тела вашего, во что одеться. Душа не больше ли пищи, и тело одежды? 26) Взгляните на

---

[1] Вот, например, характерное суждение такого рода в статье американского журнала «Arena», 1890 г., октябрь, «New basis of church life» («Новые основания церковной жизни»). Рассуждая о значении нагорной проповеди и в особенности о непротивлении злу, автор, не имея надобности, как это делают церковные, скрывать значение ее, говорит: «Христос действительно проповедовал полный коммунизм и анархию; но надо уметь смотреть на Христа в его историческом и психологическом значении. Как всякий проповедник человеколюбия, энтузиаст Христос доходил в своем учении до утопических крайностей. Всякий шаг вперед нравственного совершенствования человечества всегда бывает руководим людьми, которые ничего не видят, кроме своего призвания. Христос же, не в укор ему будь сказано, имел типический темперамент такого преобразователя. И потому мы должны помнить, что поучения его не могут быть понимаемы как полная философия жизни. Мы должны анализировать его слова с уважением к ним, но в духе критицизма, ищущего истины» и т. д. Христос и рад бы сказать хорошо, но он не умел выражаться так точно и ясно, как мы, в духе критицизма, и потому поправим его. Всё, что он наговорил о смирении, жертве, нищете, незаботе о завтрашнем дне, всё это он говорил нечаянно, по неумению научно выражаться.

птиц небесных: они не сеют, не жнут, не собирают в житницу; и отец ваш небесный питает их. Вы не гораздо ли лучше их? 27) Да и кто из вас, заботясь, может прибавить себе росту хоть на один локоть. 28) И об одежде что заботитесь? Посмотрите на полевые лилии, как они растут: не трудятся, не прядут. 29) Но говорю вам, что Соломон, во всей славе своей, не одевался так, как всякая из них. 30) Если же траву полевую, которая сегодня есть, а завтра будет брошена в печь, бог так одевает, кольми паче вас, маловеры! 31) Итак, не заботьтесь и не говорите: что нам есть или что нам пить, или во что одеться. 32) Потому что всего этого ищут язычники, и потому что отец ваш небесный знает, что вы имеете нужду во всем этом. 33) Ищите же прежде царства божия и правды его, и это всё приложится вам. 34) Итак, не заботьтесь о завтрашнем дне, ибо завтрашний сам будет заботиться о своем: довольно для каждого дня своей заботы.

(Лука XII, 33, 34).

Продавайте имения ваши и давайте милостыню. Приготовляйте себе влагалища неветшающие, сокровище неоскудевающее на небесах, куда вор не приближается и где моль не съедает; ибо где сокровище ваше, там и сердце ваше будет.

Продай имение твое и иди за мной, и кто не оставит отца или мать, и детей и братьев, и поля и дом, — тот не может быть моим учеником.

Отвергнись от себя, возьми крест свой на каждый день и иди за мной. Пища моя в том, чтобы творить волю пославшего меня и совершать дело его. Не моя воля да будет, но твоя; не то, что я хочу, но то что ты хочешь, и не так, как я хочу, а как ты хочешь. Жизнь в том, чтобы творить не свою волю, но волю бога.

Все эти положения кажутся людям, стоящим на низшем жизнепонимании, выражением какого-то восторженного увлечения, не имеющего никакого прямого приложения к жизни. А между тем эти положения так же строго вытекают из жизнепонимания христианского, как положение об отдаче своего труда для общего дела, о жертве своей жизни для защиты отечества вытекает из жизнепонимания общественного.

Как человек общественного жизнепонимания говорит дикарю: опомнись, одумайся! Жизнь твоей личности не может

быть истинной жизнью, потому что жизнь эта бедственна и преходяща. Только жизнь совокупности и последовательности личностей: племени, семьи, рода, государства продолжается и живет, и потому человек должен жертвовать своей личностью для жизни семьи, государства. Точно то же говорит христианское учение человеку жизнепонимания совокупного, общественного. Покайтесь — μετανοειτε, т. е. одумайтесь, а то погибнете. Поймите, что эта плотская, личная жизнь, нынче возникшая и завтра уничтожающаяся, ничем не может быть обеспечена, что никакие внешние меры, никакое устройство ее не может придать ей твердости, разумности. Одумайтесь и поймите, что жизнь, которой вы живете, не есть настоящая жизнь; жизнь семьи, жизнь общества, жизнь государства не спасет от погибели. Жизнь истинная, разумная возможна для человека только в той мере, в которой он может быть участником не семьи или государства, но источника жизни, отца; в той мере, в которой он может слить свою жизнь с жизнью отца. Таково несомненно жизнепонимание христианское, видное в каждом изречении Евангелия.

Можно не разделять этого жизнепонимания, можно отрицать его, можно доказывать неточность, неправильность его; но невозможно судить об учении, не усвоив того жизнепонимания, из которого оно вытекает; а тем более невозможно судить о предмете высшего порядка с низшей точки зрения: глядя на фундамент судить о колокольне. А это-то самое делают люди научные нашего времени. Делают они это, потому что находятся в подобном же церковным людям заблуждении о том, что они обладают такими приемами изучения предмета, что, если только употреблены эти приемы, называемые научными, то не может уже быть сомнения в истинности понимания обсуживаемого предмета.

Это-то обладание мнимым непогрешимым их орудием познания и служит главным препятствием понимания христианского учения для людей неверующих и так называемых научных, мнением которых и руководится всё огромное большинство неверующих, так называемых образованных людей. Из этого-то мнимого понимания вытекают все заблуждения научных людей о христианском учении, и в особенности два странные недоразумения, более всего другого препятствующие правильному пониманию его.

Одно из этих недоразумений то, что христианское жизненное учение неисполнимо, и потому или вовсе необязательно, т. е. не должно быть принимаемо за руководство, или должно быть видоизменено, умерено до тех пределов, в которых исполнение его возможно в нашем обществе. Другое недоразумение то, что христианское учение любви к богу и потому служение ему есть требование неясное, мистическое, не имеющее определенного предмета любви, которое поэтому должно быть заменено более точным и понятным учением о любви к людям и служении человечеству.

Первое недоразумение о неисполнимости учения состоит в том, что люди общественного жизнепонимания, не понимая того способа, которым руководит людей христианское учение, и принимая христианское указание совершенства за правила, определяющие жизнь, думают и говорят, что следование учению Христа невозможно, потому что полное исполнение требований этого учения уничтожает жизнь. «Если бы человек исполнил то, что проповедуется Христом, то он уничтожил бы свою жизнь; и если бы все люди исполнили это, то прекратился бы и род человеческий», — говорят они.

«Не заботясь о завтрашнем дне, — о том, что есть, и что пить, и во что одеться; не защищая свою жизнь, не противясь злу насилием, отдавая свою жизнь за други своя и соблюдая полное целомудрие, человек и человеческий род не могут существовать», — думают и говорят они.

И они совершенно правы, если принимать указания совершенства, даваемые учением Христа, за правила, которые каждый обязан исполнять так же, как в общественном учении всякий обязан исполнять правило уплаты податей, участия в суде и т. п.

Недоразумение состоит именно в том, что учение Христа руководит людьми иным способом, чем руководят учения, основанные на низшем жизнепонимании. Учения общественного жизнепонимания руководят только требованием точного исполнения правил или законов. Учение Христа руководит людьми указанием им того бесконечного совершенства отца небесного, к которому свойственно произвольно стремиться всякому человеку, на какой бы степени несовершенства он ни находился.

Недоразумение людей, судящих о христианском учении с точки зрения общественного, состоит в том, что они, предпо-

лагая, что совершенство, указываемое Христом, может быть вполне достигнуто, спрашивают себя (так же, как они спрашивают себя, предполагая, что законы общественные будут исполнены); что будет, когда это всё будет исполнено? Предположение это ложно, потому что совершенство, указываемое христианам, — бесконечно и никогда не может быть достигнуто; и Христос дает свое учение, имея в виду то, что полное совершенство никогда не будет достигнуто, но что стремление к полному, бесконечному совершенству постоянно будет увеличивать благо людей и что благо это поэтому может быть увеличиваемо до бесконечности.

Христос учит не ангелов, но людей, живущих животной жизнью, движущихся ею. И вот к этой животной силе движения Христос как бы прикладывает новую, другую силу сознания божеского совершенства, — направляет этим движение жизни по равнодействующей из двух сил.

Полагать, что жизнь человеческая пойдет по направлению, указанному Христом, всё равно что полагать, что лодочник, перебивая быструю реку и направляя свой ход почти прямо против течения, поплывет по этому направлению.

Христос признает существование обеих сторон параллелограмма, обеих вечных, неуничтожимых сил, из которых слагается жизнь человека: силу животной природы и силу сознания сыновности богу. Не говоря о силе животной, которая, сама себя утверждая, остается всегда равна сама себе и находится вне власти человека, Христос говорит только о силе божеской, призывая человека к наибольшему сознанию ее, к наибольшему освобождению ее от того, что задерживает ее, и к доведению ее до высшей степени напряжения.

В этом освобождении — увеличении этой силы и состоит, по учению Христа, истинная жизнь человека. Истинная жизнь, по прежним условиям, состоит в исполнении правил, закона; по учению Христа она состоит в наибольшем приближении к указанному и сознаваемому каждым человеком в себе божескому совершенству, в большем и большем приближении к слиянию своей воли с волей божией, слиянию, к которому стремится человек и которое было бы уничтожением той жизни, какую мы знаем.

Божеское совершенство есть асимптота жизни человеческой, к которому она всегда стремится и приближается и которое может быть достигнуто ею только в бесконечности.

Учение христианское кажется исключающим возможность жизни только тогда, когда люди указание идеала принимают за правило. Только тогда представляются уничтожающими жизнь те требования, которые предъявляются учением Христа. Требования эти, напротив, одни дают возможность истинной жизни. Без этих требований невозможна бы была истинная жизнь.

«Нельзя требовать слишком многого, — говорят обыкновенно люди, обсуживая требования христианского учения, — нельзя требовать того, чтобы совсем не заботиться о будущем, как это сказано в Евангелии, но надо только не слишком много заботиться; нельзя отдавать бедным всего, но надо отдавать известную, определенную часть; не надо стремиться к девственности, но надо избегать разврата; не надо оставлять жену и детей, но надо не иметь к ним слишком большого пристрастия» и т. д.

Но говорить так — всё равно что говорить человеку, переплывающему быструю реку и направляющему свой ход против течения, что нельзя переплыть реку, направляясь против течения, а что для того, чтобы переплыть ее, надо плыть по тому направлению, по которому он хочет идти.

Учение Христа тем отличается от прежних учений, что оно руководит людьми не внешними правилами, а внутренним сознанием возможности достижения божеского совершенства. И в душе человека находятся не умеренные правила справедливости и филантропии, а идеал полного, бесконечного божеского совершенства. Только стремление к этому совершенству отклоняет направление жизни человека от животного состояния к божескому настолько, насколько это возможно в этой жизни.

Для того, чтобы пристать к тому месту, к которому хочешь, надо всеми силами направлять ход гораздо выше.

Спустить требования идеала значит не только уменьшить возможность совершенства, но уничтожить самый идеал. Идеал, действующий на людей, есть не выдуманный кем-то идеал, но идеал, носимый в душе каждым человеком. Только этот идеал полного, бесконечного совершенства действует на людей и подвигает их к деятельности. Умеренное совершенство теряет свою силу воздействия на души людей.

Учение Христа только тогда имеет силу, когда оно требует полного совершенства, т. е. слияния божеской сущности, находящейся в душе каждого человека, с волей бога, — соедине-

ния сына с отцом. Только это освобождение сына божия, живущего в каждом человеке, из животного и приближение его к отцу и составляет жизнь по учению Христа.

Существование в человеке животного, только животного, не есть жизнь человеческая. Жизнь по одной воле бога тоже не есть жизнь человеческая. Жизнь человеческая есть составная из жизни животной и жизни божеской. И чем более приближается эта составная к жизни божеской, тем больше жизни.

Жизнь по учению христианскому есть движение к божескому совершенству. Ни одно состояние по этому учению не может быть выше или ниже другого. Всякое состояние по этому учению есть только известная, сама по себе безразличная ступень к недостижимому совершенству и потому само по себе не составляет ни большей, ни меньшей степени жизни. Увеличение жизни по этому учению есть только ускорение движения к совершенству. И потому движение к совершенству мытаря Закхея, блудницы, разбойника на кресте — составляет высшую степень жизни, чем неподвижная праведность фарисея. И потому-то для этого учения не может быть правил, обязательных для исполнения. Человек, стоящий на низшей ступени, подвигаясь к совершенству, живет нравственнее, лучше, более исполняет учение, чем человек, стоящий на гораздо более высокой ступени нравственности, но не подвигающийся к совершенству.

В этом-то смысле заблудшая овца дороже отцу незаблудшихся. Блудный сын, потерянная и опять найденная монета дороже тех, которые не пропадали.

Исполнение учения — в движении от себя к богу. Очевидно, что для такого исполнения учения не может быть определенных законов и правил. Всякая степень совершенства и всякая степень несовершенства равны перед этим учением; никакое исполнение законов не составляет исполнения учения; и потому для учения этого нет и не может быть обязательных правил и законов.

Из этого коренного отличия учения Христа от всех предшествующих учений, основанных на общественном жизнепонимании, происходит и различие заповедей общественных от заповедей христианских. Заповеди общественные большей частью положительные, предписывающие известные поступки, оправдывающие людей, дающие им праведность. Заповеди же христианские (заповедь любви не есть заповедь в тесном смысле

слова, а выражение самой сущности учения), пять заповедей нагорной проповеди — все отрицательные и показывают только то, чего на известной степени развития человечества люди могут уже не делать. Заповеди эти суть как бы заметки на бесконечном пути совершенства, к которому идет человечество, той степени совершенства, которая возможна в известный период развития человечества.

В нагорной проповеди выражены Христом и вечный идеал, к которому свойственно стремиться людям, и та степень его достижения, которая уже может быть в наше время достигнута людьми.

Идеал состоит в том, чтобы не иметь зла ни на кого, не вызвать недоброжелательства ни в ком, любить всех; заповедь же, указывающая степень, ниже которой вполне возможно не спускаться в достижении этого идеала, — в том, чтобы не оскорблять людей словом. И это составляет первую заповедь.

Идеал — полное целомудрие даже в мыслях; заповедь, указывающая степень достижения, ниже которой вполне возможно не спускаться в достижении этого идеала, — чистота брачной жизни, воздержание от блуда. И это составляет вторую заповедь.

Идеал — не заботиться о будущем, жить настоящим часом; заповедь, указывающая степень достижения, ниже которой вполне возможно не спускаться, — не клясться, вперед не обещать ничего людям. И это — третья заповедь.

Идеал — никогда ни для какой цели не употреблять насилия; заповедь, указывающая степень, ниже которой вполне возможно не спускаться, — не платить злом за зло, терпеть обиды, отдавать рубаху. И это четвертая заповедь.

Идеал — любить врагов, ненавидящих нас; заповедь, указывающая степень достижения, ниже которой вполне возможно не спускаться, — не делать зла врагам, говорить о них доброе, не делать различия между ними и своими согражданами.

Все эти заповеди суть указания того, чего на пути стремления к совершенству мы имеем полную возможность уже не делать, — того, над чем мы должны работать теперь, того, что понемногу мы должны переводить в область привычки, в область бессознательного. Но заповеди эти не только не составляют учения и не исчерпывают его, но составляют только одну из бесчисленных ступеней его в приближении к совершенству.

За этими заповедями должны и будут следовать высшие и высшие по пути совершенства, указываемого учением.

И потому христианскому учению свойственно заявлять требования высшие, чем те, которые выражены в этих заповедях; но никак не умалять требования ни самого идеала, ни этих заповедей, как это делают люди, судящие об учении христианства с точки зрения общественного жизнепонимания.

Таково одно недоразумение людей научных относительно значения и смысла учения Христа; другое, вытекающее из этого же источника, состоит в замене христианского требования любви к богу и служения ему любовью и служением людям — человечеству.

Христианское учение любви к богу и служения ему и (только вследствие этой любви и служения) любви и служения ближнему кажется людям научным неясным, мистическим и произвольным, и они исключают совершенно требование любви и служения богу, полагая, что учение об этой любви к людям, к человечеству гораздо понятнее, тверже и более обосновано.

Научные люди теоретически учат тому, что жизнь осмысленная и добрая есть только жизнь служения всему человечеству, и в этом самом учении видят смысл христианского учения; к этому учению сводят христианское учение; для этого своего учения отыскивают подтверждение в христианском учении, предполагая, что их учение и христианское — одно и то же.

Мнение это совершенно ошибочно. Христианское учение и учение позитивистов, коммунистов и всех проповедников всемирного братства людей, основанное на выгодности этого братства, не имеют ничего общего между собой и отличаются друг от друга в особенности тем, что учение христианское имеет твердые, ясные основы в душе человеческой; учение же любви к человечеству есть только теоретический вывод по аналогии.

Учение о любви к одному человечеству имеет в основе своей общественное жизнепонимание.

Сущность общественного жизнепонимания состоит в перенесении смысла своей личной жизни в жизнь совокупности личностей: племени, семьи, рода, государства. Перенесение это совершалось и совершается легко и естественно в первых своих формах, в перенесении смысла жизни из своей личности в племя, семью. Перенесение же в род или народ уже труднее и требует

особенного воспитания для этого; перенесение же сознания в государство уже составляет предел такого перенесения.

Любить себя естественно каждому, и каждый себя любит без поощрения к этому; любить свое племя, поддерживающее и защищающее меня, любить жену — радость и помощь жизни, своих детей — утеху и надежду жизни, и своих родителей, давших жизнь и воспитание, естественно; и любовь эта, хоть далеко не столь сильная, как любовь к себе, встречается довольно часто.

Любить для себя, для своей гордости свой род, свой народ, хотя уже не так естественно, все-таки встречается. Любовь своего одноплеменного, одноязычного, одноверного народа еще возможна, хотя чувство это далеко не такое сильное, не только как любовь к себе, но и к семье или роду; но любовь к государству, как Турция, Германия, Англия, Австрия, Россия, уже почти невозможная вещь и, несмотря на усиленное воспитание в этом направлении, только предполагается и не существует в действительности. На этой совокупности уже кончается возможность для человека переносить свое сознание и испытывать к этой фикции какое-либо непосредственное чувство. Позитивисты же и все проповедники научного братства, не принимая во внимание ослабление чувства по мере расширения предмета, теоретически рассуждают далее в том же направлении. «Если, — говорят они, — личности было выгоднее перенести свое сознание в племя, семью, а потом в народ, государство, то еще выгоднее будет перенести свое сознание в совокупность всего человечества, и всем жить для человечества, так же как люди живут для семьи, для государства».

Оно теоретически действительно так выходит.

Перенося сознание и любовь личности в семью, из семьи в род, народ, государство, было бы вполне логично и людям для избавления себя от борьбы и бедствий, которые происходят от разделения человечества на народы и государства, естественнее всего перенести свою любовь на человечество. Казалось бы это логичнее всего, и теоретически проповедуют это, не замечая того, что любовь есть чувство, которое можно иметь, но которое нельзя проповедовать, и что кроме того для любви должен быть предмет, а человечество не есть предмет, а только фикция.

Племя, семья, даже государство не выдуманы людьми, но образовались сами собой, как рой пчел, муравьев, и действи-

тельно существуют. Человек, любящий для своей животной личности семью, знает, кого он любит: Анну, Марью, Ивана, Петра и т. д. Человек, любящий род и гордящийся им, знает, что он любит всех гвельфов или всех гибеллинов; любящий государство знает, что он любит Францию по берег Рейна, и Пиренеи, и главный город ее Париж, и ее историю и т. д. Но что любит человек, любящий человечество? Есть государство, народ, есть отвлеченное понятие: человек; но человечества, как реального понятия, нет и не может быть.

Человечество? Где предел человечества? Где оно кончается или начинается? Кончается ли человечество дикарем, идиотом, алкоголиком, сумасшедшим включительно? Если мы проведем черту, отделяющую человечество, так что исключим низших представителей человеческого рода, то где мы проведем черту? Исключим ли мы негров, как их исключают американцы, и индейцев, как их исключают некоторые англичане, и евреев, как их исключают некоторые? Если же мы захватим всех людей без исключения, то почему же мы захватим одних только людей, а не высших животных, из которых многие выше низших представителей человеческого рода?

Человечество мы не знаем, как внешний предмет, не знаем пределов его. Человечество есть фикция, и его нельзя любить. Действительно, очень выгодно бы было, если бы люди могли любить человечество так же, как они любят семью; было бы очень выгодно, как про это толкуют коммунисты, заменить соревновательное направление деятельности людской общинным или индивидуальное — универсальным, чтобы каждый для всех и все для одного, да только нет для этого никаких мотивов. Позитивисты, коммунисты и все проповедники научного братства проповедуют расширять ту любовь, которую люди имеют к себе и к своим семьям и к государству, на всё человечество, забывая то, что любовь, которую они проповедуют, есть любовь личная, которая могла, разжижаясь, распространиться до семьи; еще более разжижаясь, распространиться до естественного отечества; которая совершенно исчезает, касаясь искусственного государства, как Австрия, Англия, Турция, и которой мы даже не можем себе представить, когда дело касается всего человечества, предмета вполне мистического.

«Человек любит себя (свою животную жизнь), любит семью, любит даже отечество. Отчего же бы ему не полюбить и чело-

вечество? Так бы это хорошо было. Кстати же это самое проповедует и христианство». Так думают проповедники позитивного, коммунистического, социалистического братства. Действительно это бы было очень хорошо, но никак этого не может быть, потому что любовь, основанная на личном и общественном жизнепонимании, дальше любви к государству идти не может.

Ошибка рассуждения в том, что жизнепонимание общественное, на котором основана любовь к семье и к отечеству, зиждется на любви к личности и что эта любовь, переносясь от личности к семье, роду, народности, государству, всё слабеет и слабеет и в государстве доходит до своего последнего предела, дальше которого она идти не может.

Необходимость расширения области любви несомненна; но вместе с тем эта самая необходимость расширения ее в действительности уничтожает возможность любви и доказывает недостаточность любви личной, человеческой.

И вот тут-то проповедники позитивистического, коммунистического, социального братства на помощь этой, оказавшейся несостоятельной, человеческой любви предлагают христианскую любовь, но только в ее последствиях, но не в ее основах: они предлагают любовь к одному человечеству без любви к богу.

Но любви такой не может быть. Для нее нет никакого мотива. Христианская любовь вытекает только из христианского жизнепонимания, по которому смысл жизни состоит в любви и служении богу.

Естественным ходом от любви к себе, потом к семье, к роду, к народу, государству общественное жизнепонимание привело людей к сознанию необходимости любви к человечеству, не имеющему пределов и сливающемуся со всем существующим, — к чему-то не вызывающему в человеке никакого чувства, привело к противоречию, которое не может быть разрешено общественным жизнепониманием.

Только христианское учение во всем его значении, давая новый смысл жизни, разрешает его. Христианство признает любовь и к себе, и к семье, и к народу, и к человечеству, не только к человечеству, но ко всему живому, ко всему существующему, признает необходимость бесконечного расширения области любви; но предмет этой любви оно находит не вне себя, не в совокупности личностей: в семье, роде, государстве, человечестве, во всем внешнем мире, но в себе же, в своей

личности, но личности божеской, сущность которой есть та самая любовь, к потребности расширения которой приведена была личность животная, спасаясь от сознания своей погибельности.

Различие христианского учения от прежних — то, что прежнее учение общественное говорило: живи противно твоей природе (подразумевая одну животную природу), подчиняй ее внешнему закону семьи, общества, государства; христианство говорит: живи сообразно твоей природе (подразумевая божественную природу), не подчиняя ее ничему, — ни своей, ни чужой животной природе, и ты достигнешь того самого, к чему ты стремишься, подчиняя внешним законам свою внешнюю природу.

Христианское учение возвращает человека к первоначальному сознанию себя, но только не себя — животного, а себя — бога, искры божьей, себя — сына божия, бога такого же, как и отец, но заключенного в животную оболочку. И сознание себя этим сыном божьим, главное свойство которого есть любовь, удовлетворяет и всем тем требованиям расширения области любви, к которой был приведен человек общественного жизнепонимания. Так, при всё большем и большем расширении области любви для спасения личности, любовь была необходимостью и приурочивалась к известным предметам: к себе, семье, обществу, человечеству; при христианском мировоззрении любовь есть не необходимость и не приурочивается ни к чему, а есть существенное свойство души человека. Человек любит не потому, что ему выгодно любить того-то и тех-то, а потому, что любовь есть сущность его души, потому что он не может не любить.

Христианское учение есть указание человеку на то, что сущность его души есть любовь, что благо его получается не оттого, что он будет любить того-то и того-то, а оттого, что он будет любить начало всего — бога, которого он сознает в себе любовью, и потому будет любить всех и всё.

В этом состоит основное различие христианского учения от учения позитивистов и всех теоретиков нехристианского всемирного братства.

Таковы два главные недоразумения относительно христианского учения, из которых вытекает большинство ложных суждений о нем. Одно — что учение Христа поучает людей,

как прежние учения, правилам, которым люди обязаны следовать, и что правила эти неисполнимы; другое — то, что всё значение христианства состоит в учении о выгодном сожитии человечества как одной семьи, для чего, не упоминая о любви к богу, нужно только следовать правилу любви к человечеству.

Ложное мнение научных людей, что учение о сверхъестественном составляет сущность христианского учения и что жизненное учение его неприложимо, вместе с вытекающим из этого ложного мнения недоразумением и составляет другую причину непонимания христианства людьми нашего времени.

V

Причин непонимания учения Христа много. Причина и в том, что люди полагают, что они поняли учение это, когда решили, как это делают церковники, что оно сверхъестественным способом передано им; или, как это делают люди научные, что они поняли его, когда изучили часть тех внешних явлений, которыми оно выразилось. Причина непонимания — и в недоразумениях о неисполнимости учения, и о том, что оно должно быть заменено учением о любви к человечеству, но главная причина, породившая все эти недоразумения, — та, что учение Христа считается таким учением, которое можно принять или не принять, не изменяя своей жизни.

Люди, привыкшие к существующему порядку вещей, любящие его, боящиеся изменить его, стараются понять учение как собрание откровений и правил, которые можно принять, не изменяя своей жизни, тогда как учение Христа не есть только учение о правилах, которым должен следовать человек, но — выяснение нового смысла жизни, определяющего всю, совсем иную, чем прежняя, деятельность человечества в тот период, в который оно вступает.

Жизнь человеческая движется, проходит, как жизнь отдельного человека, возрасты, и каждый возраст имеет соответствующее ему жизнепонимание, и жизнепонимание это неизбежно усваивается людьми. Те люди, которые не усваивают соответствующего возрасту жизнепонимания сознательно, приводятся к этому бессознательно. То, что происходит с изменением взглядов на жизнь отдельных людей, то же происходит и

с изменением взглядов на жизнь народов и всего человечества. Если человек семейный продолжает руководствоваться в своей деятельности ребяческим жизнепониманием, то жизнь его сделается так трудна ему, что он невольно будет искать иного жизнепонимания и охотно усвоит то, которое свойственно его возрасту.

То же происходит и теперь в нашем человечестве при переходе, переживаемом нами, от языческого жизнепонимания к христианскому. Общественный человек нашего времени приводится самою жизнью к необходимости отречься от языческого понимания жизни, не свойственного теперешнему возрасту человечества, и подчиниться требованиям христианского учения, истины которого, как бы они ни были извращены и перетолкованы, все-таки известны ему и одни представляют разрешение тех противоречий, в которых он путается.

Если человеку общественного жизнепонимания кажутся странными и даже опасными требования христианского учения, то точно столь же странными, непонятными и опасными представлялись в давнишние времена дикарю требования учения общественного, когда еще он не вполне понимал их и не мог предвидеть их последствий.

«Неразумно жертвовать своим спокойствием или жизнью, — говорит дикарь, — чтобы защищать что-то непонятное и неосязаемое, условное: семью, род, отечество, и, главное, опасно отдавать себя в распоряжение чуждой власти». Но пришло время для дикаря, когда, с одной стороны, он, хотя и смутно, но понял значение общественной жизни, значение главного двигателя ее, общественного одобрения или осуждения — славы; с другой стороны, когда страдания его личной жизни стали так велики, что он не мог уже продолжать верить в истинность своего прежнего понимания жизни, и он принял учение общественное, государственное и подчинился ему.

Точно то же теперь совершается и с человеком общественным, государственным.

«Неразумно, — говорит человек общественный, — жертвовать благом своим, своей семьи, своего отечества для исполнения требований какого-то высшего закона, требующего от меня отречения от самых естественных и добрых чувств любви к себе, к своей семье, к родине, к отечеству, и, главное, опасно отвергать обеспечение жизни, даваемое государственным устройством».

Но приходит время, когда, с одной стороны, смутное сознание в душе своей высшего закона любви к богу и ближнему, с другой — страдания, вытекающие из противоречий жизни, заставляют человека отречься от жизнепонимания общественного и усвоить новое, предлагаемое ему, разрешающее все противоречия и устраняющее страдания его жизни, — жизнепонимание христианское. И время это пришло теперь.

Нам, пережившим тысячелетия назад уже переход от жизнепонимания животного, личного, к жизнепониманию общественному, кажется, что тот переход был необходим и естествен, а этот — тот, который мы переживаем теперь эти последние 1800 лет, — и произволен, и неестествен, и страшен. Но это нам кажется только, потому что тот переход уже совершен и деятельность его уже перешла в бессознательную; теперешний переход еще не окончен, и мы сознательно должны совершить его.

Жизнепонимание общественное входило в сознание людей веками, тысячелетиями, проходило через разные формы и теперь уже взошло для человечества в область бессознательного, передаваемого наследственностью, воспитанием и привычкой; и потому оно кажется нам естественным. Но 5000 лет тому назад оно казалось людям столь же неестественным и страшным, как им теперь кажется учение христианское в его настоящем смысле.

Нам кажется теперь, что требования христианского учения о всеобщем братстве, безразличии народностей, об отсутствии собственности, о столь кажущемся странным непротивлении злу насилием — суть требования невозможного. Но точно такими же казались тысячелетия тому назад, в более древние времена, требования не только государственные, но семейные, как например: требование того, чтобы родители кормили детей, молодые — старых, чтобы супруги были верны друг другу. Еще более странными, даже безумными казались требования государственные: чтобы граждане подчинялись поставленной власти, платили подати, шли на войну для защиты отечества и т. д. Нам теперь кажется, что все такие требования просты, понятны, естественны и не имеют в себе ничего мистического и даже странного; но пять или три тысячи лет тому назад эти требования казались требованиями невозможного.

Жизнепонимание общественное потому и служило основанием религий, что в то время, когда оно предъявлялось людям,

оно казалось им вполне непонятным, мистическим и сверхъестественным. Теперь, пережив уже этот фазис жизни человечества, нам понятны разумные причины соединения людей в семьи, общины, государства; но в древности требования такого соединения предъявлялись во имя сверхъестественного и подтверждались им.

Патриархальные религии обоготворяли семьи, роды, народы; государственные религии обоготворяли царей и государства. Даже и теперь большая часть малообразованных людей, как наши крестьяне, называющие царя земным богом, подчиняются законам общественным не по разумному сознанию их необходимости, не потому, что они имеют понятие об идее государства, а по религиозному чувству.

Точно так же и теперь христианское учение представляется людям общественного или языческого миросозерцания в виде сверхъестественной религии, тогда как в действительности в нем нет ничего ни таинственного, ни мистического, ни сверхъестественного; а оно есть только учение о жизни, соответствующее той степени материального развития, тому возрасту, в котором находится человечество и которое поэтому неизбежно должно быть принято им.

Придет время и приходит уже, когда христианские основы жизни — равенства, братства людей, общности имуществ, непротивления злу насилием — сделаются столь же естественными и простыми, какими теперь нам кажутся основы жизни семейной, общественной, государственной.

Ни человек, ни человечество не могут в своем движении возвращаться назад. Жизнепонимание общественное, семейное и государственное пережито людьми, и надо идти вперед и усвоить следующее, высшее жизнепонимание, что и совершается теперь.

Движение это совершается с двух сторон: и сознательно, вследствие духовных причин, и бессознательно, вследствие причин материальных.

Как очень редко отдельный человек изменяет свою жизнь только по указаниям разума, а большей частью, несмотря на новый смысл и новые цели, указываемые разумом, продолжает жить прежнею жизнью и изменяет ее только тогда, когда жизнь его становится совсем противоречащей его сознанию и вследствие того мучительной, точно так же человечество,

узнав через своих религиозных руководителей новый смысл жизни, новые цели, к которым ему нужно стремиться, долго еще и после этого познания продолжает в большинстве людей жить прежней жизнью и приводится к принятию нового жизнепонимания только сознанием невозможности продолжения прежней жизни.

Несмотря на требования изменения жизни, сознанные, высказанные религиозными руководителями и принятые разумнейшими людьми, большинство людей, несмотря на религиозное отношение к этим руководителям, т. е. веру в их учение, продолжает в усложнившейся жизни руководствоваться прежним учением, подобно тому как поступал бы семейный человек, если бы, зная о том, как следует жить в его возрасте, по привычке и по легкомыслию продолжал бы жить ребяческою жизнью.

Это-то и происходит в деле перехода человечества от одного возраста к другому, которое мы переживаем теперь. Человечество выросло из своего общественного, государственного возраста и вступило в новый. Оно знает то учение, которое должно быть положено в основу жизни этого нового возраста, но по инерции продолжает держаться прежних форм жизни. Из этого несоответствия жизнепонимания с практикой жизни вытекает ряд противоречий и страданий, отравляющих нашу жизнь и требующих ее изменения.

Ведь стоит только сличить практику жизни с ее теорией, чтобы ужаснуться перед тем вопиющим противоречием условий жизни и нашего сознания, в котором мы живем.

Вся жизнь наша есть сплошное противоречие всему тому, что мы знаем и что мы считаем нужным и должным. Противоречие это — во всем: и в экономической, и государственной, и международной жизни. Мы, как будто забыв то, что знаем, и на время отложив то, во что мы верим (не можем не верить, потому что это наши единственные основы жизни), делаем всё навыворот тому, чего требует от нас наша совесть и наш здравый смысл.

Мы руководимся в экономических, государственных и международных отношениях теми основами, которые были годны людям три и пять тысяч лет тому назад и которые прямо противоречат и теперешнему нашему сознанию и тем условиям жизни, в которых мы находимся теперь.

Хорошо было человеку древности жить среди деления людей на рабов и господ, когда он верил, что деление это от бога и что не может быть иначе. Но разве возможно подобное деление в наше время?

Человек древнего мира мог считать себя вправе пользоваться благами мира сего в ущерб другим людям, заставляя их страдать поколениями, потому что он верил, что люди рождаются разной породы, черной и белой кости, Яфетова и Хамова отродья. Величайшие мудрецы мира, учители человечества Платон, Аристотель не только оправдывали существование рабов и доказывали законность этого, но даже три века тому назад люди, писавшие о воображаемом обществе будущего, утопии, не могли представить себе его без рабов.

Люди древности и даже средних веков верили, точно верили, что люди не равны, что настоящие люди только персы, только греки, только римляне, только французы; но ведь нам нельзя уже верить в это. И те люди, которые в наше время распинаются за аристократизм и за патриотизм, не верят, не могут верить в то, что они говорят.

Мы все знаем и не можем не знать, если бы даже мы никогда и не слыхали и не читали ясно выраженной этой мысли и никогда сами не выражали ее, мы, всосав это носящееся в христианском воздухе сознание, — все, всем сердцем знаем и не можем не знать ту основную истину христианского учения, ту, что мы все сыны одного отца, все, где бы мы ни жили и на каком бы языке ни говорили, — все братья и подлежим только одному закону любви, общим отцом нашим вложенному в наши сердца.

Каковы бы ни были образ мыслей и степень образования человека нашего времени, будь он образованный либерал какого бы то ни было оттенка, будь он философ какого бы то ни было толка, будь он научный человек, экономист какой бы то ни было школы, будь он необразованный, даже религиозный человек какого бы то ни было исповедания, — всякий человек нашего времени знает, что люди все имеют одинаковые права на жизнь и блага мира, что одни люди не лучше и не хуже других, что все люди равны. Всякий знает это несомненно твердо всем существом своим и вместе с тем не только видит вокруг себя деление всех людей на две касты: одну трудящуюся, угнетенную, нуждающуюся и страдающую, а другую — праздную, угнетающую и роскошествующую и веселящуюся, — не

только видит, но волей-неволей с той или другой стороны принимает участие в этом отвергаемом его сознанием разделении людей и не может не страдать от сознания такого противоречия и участия в нем.

Будет ли он господином или рабом, человек нашего времени не может не испытывать постоянного мучительного противоречия сознания с действительностью и вытекающих из него страданий.

Рабочая масса, большое большинство людей, страдая от постоянного, поглощающего всю их жизнь, бессмысленного, беспросветного труда и лишений, страдает больше всего от сознания вопиющего противоречия того, что есть, с тем, что должно бы быть по всему тому, что исповедуется ими самими и теми, которые поставили их в это положение и удерживают в нем.

Они знают, что они в рабстве и гибнут в нужде и мраке для того, чтобы служить похотям меньшинства, держащего их в рабстве. Они знают и высказывают это. И это сознание не только увеличивает, но составляет сущность их страдания.

Древний раб знал, что он раб от природы, а наш рабочий, чувствуя себя рабом, знает, что ему не надо быть рабом, и потому испытывает мучения Тантала, вечно желая и не получая того, что не только могло, но должно бы быть. Страдания для рабочих классов, происходящие от противоречия между тем, что есть и что должно бы быть, удесятеряются вытекающими из этого сознания завистью и ненавистью.

Рабочий нашего времени, если бы даже работа его и была много легче работы древнего раба, если бы он даже добился восьмичасового дня и платы трех долларов за день, не перестанет страдать, потому что, работая вещи, которыми он не будет пользоваться, работая не для себя по своей охоте, а по нужде, для прихоти вообще роскошествующих и праздных людей и, в частности, для наживы одного богача, владетеля фабрики или завода, он знает, что всё это происходит в мире, в котором признается не только научное положение о том, что только работа есть богатство, что пользование чужими трудами есть несправедливость, незаконность, казнимая законами, но в мире, в котором исповедуется учение Христа, по которому мы все братья и достоинство и заслуга человека только в служении ближнему, а не в пользовании им.

Он знает всё это и не может не страдать мучительно от этого вопиющего противоречия всего того, что должно бы быть, и того, что есть. «По всем данным и по всему, что я знаю, что исповедуют все, — говорит себе рабочий человек, — я бы должен быть свободен, равен всем другим людям, любим, а я — раб, я унижен и ненавидим». И он сам ненавидит и ищет средств спастись от своего положения, свергнуть с себя навалившегося на него врага и самому сесть на него. Говорят: «Рабочие неправы тем, что они хотят сесть на место капиталистов, бедные на место богатых». Это неправда: рабочие и бедные были бы неправы, если бы они этого хотели в том мире, в котором признаются от бога установленные рабы и господа, богатые и бедные; но они хотят этого в том мире, в котором исповедуется учение евангельское, первое положение которого есть сыновность людей богу и потому братство и равенство всех людей. И как ни стараются люди, нельзя скрыть того, что одно из первых условий христианской жизни есть любовь не на словах, а на деле.

Еще в большем противоречии и страдании живет человек так называемого образованного класса. Всякий такой человек если верит во что-нибудь, то верит если и не в братство людей, то в гуманность, если не в гуманность, то в справедливость, если не в справедливость, то в науку, и вместе с тем знает, что вся его жизнь построена на условиях, прямо противоположных всему этому, всем положением и христианства, и гуманности, и справедливости, и науки.

Он знает, что все привычки, в которых он воспитан, лишение которых было бы для него мучением, все они могут удовлетворяться только мучительным, часто губительным трудом угнетенных рабочих, т. е. самым очевидным, грубым нарушением тех принципов христианства, гуманности, справедливости, даже научности (я разумею требования политической экономии), которые он исповедует. Он исповедует принципы братства, гуманности, справедливости, научности и не только живет так, что ему необходимо то угнетение рабочих, которое он отрицает, но так, что вся жизнь его есть пользование этим угнетением, и не только живет так, но и направляет свою деятельность на поддержание этого порядка вещей, прямо противоположного всему тому, во что он верит.

Мы все братья, а между тем каждое утро брат или сестра выносит мой горшок. Мы все братья, а мне утром необходима

сигара, сахар, зеркало и т. п. предметы, на работе которых теряли и теряют здоровье мои, равные мне, братья и сестры, а я пользуюсь этими предметами и даже требую их. Мы все братья, а я живу тем, что работаю в банке или в торговом доме и лавке над тем, чтобы сделать все нужные моим братьям товары дороже. Мы все братья, а я живу тем, что получаю жалованье за то, чтобы уличать, судить и казнить вора или проститутку, существование которых обусловлено всем складом моей жизни и которых я сам знаю, что надо не казнить, а исправлять. Мы все братья, но я живу тем, что получаю жалованье за собирание податей с бедных рабочих для употребления их на роскошь праздных и богатых. Мы все братья, а я получаю жалованье за то, чтобы проповедовать людям мнимохристианскую веру, в которую я сам не верю, лишающую их возможности узнать истинную. Я получаю жалованье как священник, епископ за то, что обманываю людей в самом важном для них деле. Мы все братья, но я отдаю бедным свои педагогические, врачебные, литературные труды только за деньги. Мы все братья, а я получаю жалованье за то, что готовлюсь к убийству, учусь убивать или делаю оружие, порох, крепости.

Вся жизнь наших высших классов есть сплошное противоречие, тем более мучительное, чем чутче нравственное сознание человека.

Человек с чуткой совестью не может не страдать, если он живет этой жизнью. Одно средство для него избавиться от этого страдания — в том, чтобы заглушить свою совесть, но если и удается таким людям заглушить совесть, они не могут заглушить страх.

Нечуткие и заглушившие совесть люди высших угнетающих классов, если не страдают совестью, страдают страхом и ненавистью. И им нельзя не страдать. Они знают про ту ненависть против них, которая живет и не может не жить в рабочих классах, знают, что рабочие знают, что они обмануты и изнасилованы, и начинают организовываться, чтобы скинуть с себя угнетение и отплатить угнетателям. Высшие классы видят союзы, стачки, 1-е мая и чуют ту беду, которая угрожает им, и страх этот отравляет им жизнь. Они чуют ту беду, которая угрожает им, и страх, который они испытывают, переходит в чувство самозащиты и в ненависть. Они знают, что если на минуту ослабнут в борьбе с угнетаемыми ими рабами, то сами

погибнут, потому что рабы озлоблены, и озлобление это растет с каждым днем угнетения. Угнетающие, если бы они и желали этого, не могут перестать угнетать. Они знают, что сами погибнут, как скоро не только перестанут, но ослабеют в угнетении. Они и делают это, несмотря на мнимые заботы о благоденствии рабочего, о 8-мичасовом дне, о запрещении работ малолетним и женщинам, о пенсиях и вознаграждениях. Всё это обман или забота о том, чтобы раб был не в силах работать; но раб остается рабом, и господин, не могущий жить без раба, меньше чем когда-нибудь готов освободить его.

Правящие классы по отношению рабочих находятся в положении подмявшего под себя противника и держащего, не выпуская его, не столько потому, что он не хочет выпустить его, сколько потому, что он знает, что стоит ему выпустить на мгновение подмятого, чтобы самому быть сейчас же зарезанным, потому что подмятый озлоблен и в руке его нож. И потому, будут ли они чутки, или не чутки, наши богатые классы не могут наслаждаться теми благами, которые они похитили у бедных, как это делали древние, веровавшие в свое право. Вся жизнь и все наслаждения их отравлены укорами совести или страхом.

Таково противоречие экономическое. Еще поразительнее противоречие государственное.

Все люди прежде всего воспитываются в привычках повиновения государственным законам. Вся жизнь людей нашего времени определена государственным законом. Человек женится и разводится, воспитывает детей, даже исповедует веру (во многих государствах) сообразно закону. Что же такое этот закон, определяющий всю жизнь людей? Верят ли люди в этот закон? Считают ли его истинным? Нисколько. В большинстве случаев люди нашего времени не верят в справедливость этого закона, презирают его, а все-таки повинуются ему. Хорошо было людям древности исполнять свои законы. Они верили, точно верили в то, что закон их (он же большею частью был религиозный) был единственный истинный закон, которому должны подчиняться все люди. Но мы? Ведь мы знаем и не можем не знать, что закон нашего государства не только не есть один вечный закон, но что это только один из многих законов разных государств, одинаково несовершенных, а часто и явно ложных и несправедливых, со всех сторон обсуждавшихся

в газетах. Хорошо было еврею подчиняться своим законам, когда он не сомневался в том, что их писал пальцем бог; или римлянину, когда он думал, что их писала нимфа Егерия; или даже когда верили, что цари, дающие законы, — помазанники божии; или хоть тому, что собрания законодательные имеют и желание и возможность найти наилучшие законы. Но ведь мы знаем, как делаются законы, мы все были за кулисами, мы все знаем, что законы суть произведения корысти, обмана, борьбы партий, — что в них нет и не может быть истинной справедливости. И потому люди нашего времени не могут верить тому, чтобы повиновение законам гражданским или государственным удовлетворяло бы требованиям разумности человеческой природы. Люди давно уже знают, что неразумно повиноваться такому закону, в истинности которого может быть сомнение, и потому не могут не страдать, повинуясь закону, разумность и обязательность которого не признают.

Не может человек не страдать, когда вся его жизнь вперед определена законами, которым он должен повиноваться под угрозой наказания и — разумности, справедливости которых он не только не верит, но несправедливость, жестокость, неестественность которых он часто ясно сознает. Мы признаем ненужность таможен и заграничных пошлин и должны платить их; признаем бесполезными расходы на содержание двора и многих чинов управления; признаем вредной проповедь церковную и должны участвовать в поддержании этих учреждений; мы признаем жестокими и бессовестными наказания, накладываемые судами, и должны участвовать в них; признаем неправильным и вредным распределение земельной собственности и должны подчиняться ему; не признаем необходимости войск и войны и должны нести страшные тяжести для содержания войск и ведения войн и т. п.

Но и это противоречие ничто в сравнении с противоречием, которое в международных сношениях восстало теперь перед людьми и под угрозой погибели и человеческого разума и человеческой жизни требует разрешения. Это противоречие христианского сознания и войны.

Мы, все христианские народы, живущие одной духовной жизнью, так что всякая добрая, плодотворная мысль, возникающая на одном конце мира, тотчас же сообщаясь всему христианскому человечеству, вызывает одинаковые чувства радости и

гордости независимо от национальности; мы, любящие не только мыслителей, благодетелей, поэтов, ученых чужих народов; мы, гордящиеся подвигом Дамиана, как своим собственным; мы, просто любящие людей чужих национальностей: французов, немцев, американцев, англичан; мы, не только уважающие их качества, но радующиеся, когда встречаемся с ними, радостно улыбающиеся им, не могущие не только считать подвигом войну с этими людьми, но не могущие без ужаса подумать о том, чтобы между этими людьми и нами могло возникнуть такое разногласие, которое должно бы было быть разрешено взаимным убийством, — мы все призваны к участию в убийстве, которое неизбежно, не нынче, так завтра должно совершиться.

Ведь хорошо было еврею, греку, римлянину не только отстаивать независимость своего народа убийством, но и убийством же подчинять себе другие народы, когда он твердо верил тому, что его народ один настоящий, хороший, добрый, любимый богом народ, а все остальные — филистимляне, варвары. Могли верить в это еще и люди средневековые, могли верить недавно еще в конце прошлого и в самом начале нынешнего столетия. Но мы, сколько бы ни раздразнивали нас, мы уже не можем верить в это, и противоречие это для людей нашего времени так ужасно, что жить, не разрешив его, стало невозможно.

«Мы живем во время, полное противоречий, — пишет в своем ученом трактате профессор международного права граф Комаровский. — В печати всех стран постоянно выдвигается всеобщее стремление к миру, к необходимости его для всех народов. В том же смысле говорят представители правительств и частные люди, и как официальные органы, в парламентских речах, в дипломатических переговорах и даже во взаимных договорах. В то же время, однако, возвышают правительства ежегодно военную силу страны, накладывают новые подати, делают займы и оставляют будущим поколениям как завещание обязанность нести ошибки теперешней неразумной политики. Какое кричащее противоречие между словами и делом!

«Конечно, правительства указывают для оправдания этих мер на исключительно оборонительный характер всех этих расходов и вооружений, но все-таки остается непонятным для всякого незаинтересованного человека, откуда можно ожидать нападения, когда все великие державы единодушно в своей

политике преследуют единственную цель обороны. В действительности же это имеет вид такой, как будто каждая из держав ждет ежеминутно нападения на себя других, и последствия этого следующие: всеобщее недоверие и сверхъестественное напряжение правительств превзойти силу других держав. Подобное соревнование увеличивает само по себе опасность войны: народы не могут переносить долго увеличенное вооружение и рано или поздно предпочтут войну всем невыгодам настоящего положения и постоянной угрозы. Так что ничтожнейший повод будет достаточен для того, чтобы во всей Европе загорелся огонь всеобщей войны. Несправедливо думать, что такой кризис может излечить нас от давящих политических и экономических бедствий. Опыт войн, веденных в последние годы, учит нас, что каждая война только обострила враждебность народов, увеличила тяжесть и невыносимость давления милитаризма и сделала политико-экономическое положение Европы только еще печальнее и запутаннее».

«Современная Европа держит под ружьем активную армию в 9 миллионов людей, — пишет Энрико Ферри, — да еще 15 миллионов армии запасной, расходуя на это 4 миллиарда франков в год. Вооружаясь всё более и более, она парализует источники социального и индивидуального благосостояния и легко может быть уподоблена человеку, который для того, чтобы запастись оружием, приговаривает себя к анемии, утрачивая вместе с тем и самые силы свои для пользования тем оружием, которое он запасает и под бременем которого он, наконец, падает».

То же говорит Чарльс Бут в речи своей, читанной в Лондоне в ассоциации для реформы и кодификации закона народов 26 июля 1887 года. Указав те же цифры 9 миллионов с чем-то действительной армии и 17 миллионов запасной и огромные расходы правительств на содержание этих армий и вооружений, он говорит: «Цифры эти представляют только малую часть действительной стоимости, потому что, кроме этих известных расходов военного бюджета народов, мы должны принять в соображение еще громадные потери общества вследствие извлечения из него такого огромного количества самых сильных людей, потерянных для промышленности и всякого труда, и еще те огромные проценты сумм, затраченных на военные приготовления и ничего не приносящих. Неизбежным послед-

ствием этих расходов на войну и приготовлений к войне есть постоянно увеличивающиеся государственные долги. Бо́льшая часть государственных долгов Европы была сделана для войны. Общая сумма их 4 миллиарда фунтов или 40 миллиардов рублей, и долги эти с каждым годом растут».

Тот же Комаровский говорит в другом месте: «Мы живем в тяжелом времени. Везде слышатся жалобы на застой торговли и промышленности и вообще на плохое экономическое положение; указывают на тяжелые условия жизни рабочих классов и на всеобщее обеднение масс. Но, несмотря на это, правительства доходят в своем стремлении к поддержанию своей независимости до крайних пределов неразумного. Везде выдумываются новые подати и налоги, и финансовое угнетение народов не знает пределов. Если мы взглянем на бюджеты европейских государств за последние сто лет, то нас прежде всего поразит постоянно прогрессивный и быстрый рост их. Чем можем мы объяснить это необыкновенное явление, рано или поздно угрожающее всем нам неизбежным банкротством?

«Происходит это неоспоримо от расходов, вызываемых содержанием войска и поглощающих треть и даже половину бюджетов всех европейских государств. Самое печальное при этом то, что этому возрастанию бюджетов и обеднению масс не предвидится конца. Что такое социализм, как не протест против этого крайне ненормального положения, в котором находится большая часть населения нашей части света».

«Мы разоряемся, — говорит Frederic Passy в записке, читанной на последнем конгрессе (1890 г.) всеобщего мира в Лондоне, — мы разоряемся для того, чтобы иметь возможность принимать участие в безумных бойнях будущего, или для того, чтобы платить проценты долгов, оставленных нам безумными и преступными бойнями прошедшего. Мы умираем с голода для того, чтобы иметь возможность убивать».

Далее, говоря о том, как смотрит на этот предмет Франция, он говорит: «Мы верим в то, что 100 лет после обнародования прав человека и гражданина пришло время признать права народов и отречься раз навсегда от всех этих предприятий обмана и насилия, которые под названием завоеваний суть истинные преступления против человечества и которые, что бы ни думали о них честолюбие монархов и гордость народов, ослабляют и тех, которые торжествуют».

«Удивляюсь на религиозное воспитание в нашей стране, — говорит Sir Wilfrid Lawson на том же конгрессе. — Мальчик ходит в воскресную школу, и его учат: милый мальчик, ты должен любить врагов. Если товарищ ударит тебя, ты не должен отплачивать ему, а стараться любовью исправить его. Хорошо. Мальчик ходит в воскресную школу до 14—15 лет, а потом друзья его определяют его в военную службу. Что он будет делать в военной службе? Ведь не любить врага, а напротив, если он только доберется до него, — проткнуть его штыком. Таково всё религиозное обучение в этой стране. Я не думаю, чтобы это был лучший способ исполнения предписаний религии. Я думаю, что если мальчику хорошо любить врага, то также это хорошо и взрослому человеку».

Далее: «В Европе 28 000 000 вооруженных людей для разрешения споров, вместо обсуждения, убиванием друг друга. Таков принятый христианскими народами способ разрешения споров. Способ этот вместе с тем очень дорогой, потому что по расчету, который я читал, народы Европы с 1872 года издержали неимоверную сумму, 15 миллиардов рублей, на приготовление и разрешение споров посредством убивания друг друга. Мне поэтому кажется, что при таком порядке вещей, одно из двух положений должно быть принято: либо то, что христианство не удалось (is a failure), либо то, что те, которые взялись толковать его, неудачно толковали его».

«До тех пор, пока наши броненосцы не будут разоружены и армия наша распущена, мы не имеем права называться христианской нацией», — говорит Mr. F. Jowet Wilson.

В беседе, возникшей по случаю вопроса об обязательности проповеди против войны христианских пастырей, Mr. G. D. Bartlett сказал между прочим: «Если я хоть сколько-нибудь понимаю писание, — сказал он, — я утверждаю, что люди только играют с христианством, если они игнорируют, т. е. умалчивают о вопросе войны. А между тем я прожил длинную жизнь и едва ли полдюжину раз слышал от наших пастырей проповедь всеобщего мира. 20 лет тому назад я в гостиной перед 40 человеками сказал, что война несовместима с христианством; на меня посмотрели, как на шального фанатика. Мысль о том, что можно жить без войны, была принята как непростительная слабость и безумие».

В том же духе высказался католический священник L'abbé Defourny. «Одно из первых предписаний вечного закона, написанного в совести всех людей, — говорит аббат Дефурни, — есть запрещение отнятия жизни своего ближнего, пролития крови (без достаточной причины, не будучи принужденным к тому необходимостью); это одно из тех предписаний, которое глубже всех других врезано в сердце человеческом... Но как скоро дело касается войны, т. е. пролития крови человеческой потоками, так люди нынешнего времени уже не заботятся о достаточной причине. Те, которые принимают участие в войнах, и не думают уже спрашивать себя, имеют ли какое-либо оправдание эти бесчисленные смертоубийства; справедливы ли они, или нет, законны или незаконны, невинны или преступны, нарушают ли они, или нет главный закон, запрещающий убивать (без законной причины). Но совесть их молчит... Война перестала быть делом, зависящим от нравственности. Для военных нет другой радости в трудах и опасностях, которые они несут, как та, чтобы быть победителями, другого горя, как то, чтобы быть побежденными. Не говорите мне о том, что они служат отечеству. Уже давно великий гений ответил вам словами, вошедшими в пословицу: «Откиньте справедливость, и что такое государство, как не большое сборище разбойников? И сборище разбойников разве не маленькое государство? И шайки разбойников имеют свои законы. И там сражаются для приобретения добычи и даже для чести...»

«Цель этого учреждения (речь идет об учреждении международного трибунала) та, чтобы европейские народы перестали быть народами воров, и армии — шайками разбойников, и должен прибавить — разбойников и воров. Да, армии наши — толпы рабов, принадлежащих одному или двум правителям или министрам, которые тиранически, без всякой ответственности, как мы это знаем, распоряжаются ими...

«Особенность раба в том, что он в руках своего хозяина есть вещь, орудие, а не человек. Таковы солдаты, офицеры, генералы, идущие на убиение и на убийство по произволу правителя или правителей. Рабство военное существует, и это худшее из рабств, особенно теперь, когда оно посредством обязательной службы надевает цепи на шеи всех свободных и сильных людей нации, чтобы сделать из них орудия убийства,

палачей, мясников человеческого мяса, потому что только для этого их набирают и вышколивают...

«Правители, в числе двух, трех, сойдясь в кабинетах, тайно сговариваются без протоколов, без гласности, и потому без ответственности, и посылают людей на бойню».

«Протесты против тяжелых для народа вооружений начались не с нашего времени, — говорит сеньор Е. Г. Монэта. — Послушайте то, что писал Монтескье в свое время: «Франция (теперь можно подставить: Европа) погибнет от военных. В Европе распространилась новая болезнь. Она постигла царей и принуждает их содержать невозможное количество войск. Болезнь эта сыпная и потому заразительная, потому что как скоро одно государство увеличивает свои войска, тотчас же все другие делают то же. Так что от этого ничего не получается, кроме общей погибели.

«Каждое правительство содержит столько войска, сколько оно могло бы содержать, если бы его народу угрожало истребление, и люди называют миром состояние напряжения всех противу всех. И потому Европа так разорена, что если бы частные люди были в том положении, в котором находятся правительства этой части света, то самым богатым из них было бы нечем жить. Мы бедны, имея богатства и торговлю всего мира».

«Это писано было почти 150 лет тому назад. Картина, кажется, написана с настоящего. Изменилось одно — образ правления. Во время Монтескье говорили, что причина содержания больших войск была в неограниченной власти королей, которые воевали в надежде увеличить победами свою частную собственность и прославиться.

«Тогда говорили: «Ах, если бы народы могли избирать тех, которые имели бы право отказывать правительствам в солдатах и деньгах, пришел бы конец и военной политике». Теперь почти во всей Европе представительные правления, и, несмотря на то, военные расходы и приготовления к войне увеличились в страшной пропорции.

«Видно, безумие властителей перешло в руководящие классы. Теперь уже не воюют из-за того, что один король не исполнил учтивости относительно любовницы другого, как это было при Людовике XIV; но, преувеличивая почтенные и естественные чувства национального достоинства и патриотизма и возбуждая

общественное мнение одного народа против другого, доходят, наконец, до того, что становится достаточным того, чтобы было сказано, — хотя бы известие и было неверно, — что посланник вашего государства не был принят главой другого государства, для того чтобы разразилась самая ужасная и гибельная война из всех тех, которые когда-либо были. Европа содержит теперь под ружьем больше солдат, чем во время великих наполеоновских войн. Все граждане, за малыми исключениями, принуждены на нашем континенте провести несколько лет в казармах. Строятся крепости, арсеналы и корабли, производят беспрестанно оружия, которые в самое короткое время заменяются другими, потому что наука, которая должна бы была быть направлена всегда на благо человечества, содействует, к сожалению, делу разрушения, придумывает новые и новые средства убивать бо́льшие количества людей в наиболее короткое время.

«И для того, чтобы содержать столько солдат и делать такие огромные приготовления к убийству, расходуются ежегодно сотни миллионов, т. е. такие суммы, которые были бы достаточны для воспитания народа и совершения самых огромных работ для общественной пользы и которые дали бы возможность миролюбиво разрешить социальный вопрос.

«Европа находится поэтому в этом отношении, несмотря на все наши научные победы, в таком же положении, в котором она находилась в самые худшие времена зверских Средних веков. Все жалуются на это положение, которое не есть война, но и не есть мир, и все желали бы выйти из него. Главы правительств утверждают, что они все хотят мира, и между ними происходит соревнование о том, кто из них сделает самые торжественные миролюбивые заявления. Но в тот же день, или на другой, они представляют в законодательном собрании предложение об увеличении вооружений и говорят, что принимают такие предосторожности именно для того, чтобы обеспечить мир.

«Но это не тот мир, который мы любим. И народы не обмануты этим. Истинный мир имеет в основе взаимное доверие, тогда как эти огромные вооружения показывают явное и крайнее недоверие, если не скрытую враждебность между государствами. Что бы мы сказали о человеке, который, желая заявить свои дружественные чувства соседу, пригласил бы его разбирать предлежащие вопросы с заряженным револьвером в руке?

«Вот это-то вопиющее противоречие между миролюбивыми заявлениями и военной политикой правительств есть то, что, во что бы то ни стало, желают прекратить все добрые граждане».

Удивляются на то, что в Европе совершается ежегодно 60 000 самоубийств, только известных, записанных, и то за исключением России и Турции; но надо удивляться не тому, что самоубийств совершается так много, а тому, что их так мало. Всякий человек нашего времени, если вникнуть в противоречие его сознания и его жизни, находится в самом отчаянном положении. Не говоря о всех других противоречиях жизни и сознания, которые наполняют жизнь человека нашего времени, достаточно одного этого последнего военного положения, в котором находится Европа, и его христианского исповедания для того, чтобы человеку прийти в отчаяние, усомниться в разумности человеческой природы и прекратить жизнь в этом безумном и зверском мире. Противоречие это — военное, заключающее в себе квинтэссенцию всех других противоречий, — так ужасно, что жить, участвуя в нем, можно только, если не думаешь о нем, можешь забыть его.

Как! Мы все христиане, не только исповедуем любовь друг к другу, но действительно живем одной общей жизнью, одними ударами бьется пульс нашей жизни, мы помогаем друг другу, учимся друг у друга, всё больше и больше, ко взаимной радости, любовно сближаемся друг с другом! В этом сближении — смысл всей жизни, и завтра какой-нибудь ошалелый глава правительства скажет какую-нибудь глупость, другой ответит такой же, и я пойду, сам подвергаясь убийству, убивать людей не только мне ничего не сделавших, но которых я люблю. И это не отдаленная случайность, а это то самое, к чему мы все готовимся, и есть не только вероятное, но неизбежное событие.

Достаточно ясно сознать это для того, чтобы сойти с ума или застрелиться. И это самое и случается, и даже особенно часто между военными. Стоит только на минуту опомниться, чтобы прийти к необходимости такого конца. Только этим и объясняется то страшное напряжение, с которым люди нашего времени стремятся к одурманению себя вином, табаком, опиумом, картами, чтением газет, путешествиями, всякими зрелищами и увеселениями. Все эти дела производятся как серьезные, важные дела. Они действительно важные дела. Если бы не было внешних средств отуманивания, половина людей немедленно

перестрелялась бы, потому что жить противоречиво своему разуму есть самое непереносимое состояние. А в этом состоянии находятся все люди нашего времени. Все люди нашего времени живут в постоянном вопиющем противоречии сознания и жизни. Противоречия эти выражаются и в экономических и государственных отношениях, но резче всего это противоречие в сознании людьми христианского закона братства людей и необходимости, в которую ставит всех людей общая воинская повинность, каждому быть готовым к вражде, к убийству, — каждому быть в одно и то же время христианином и гладиатором.

VI

Разрешение противоречий жизни и сознания возможно двумя путями: изменением жизни или сознания. И в выборе из двух, казалось бы, не может быть сомнения.

Человек может перестать делать то, что он считает дурным, но не может перестать считать дурным дурное.

Точно так же и всё человечество может перестать делать то, что оно считает дурным, но не может не только изменить, но и задержать хоть на время всё уясняющего и распространяющегося сознания того, что дурно и чего поэтому не должно быть. Казалось бы, что выбор между изменением жизни и сознания должен бы быть ясен и не подлежать сомнению.

И потому, казалось бы, неизбежно христианскому человечеству нашего времени отречься от осуждаемых им языческих форм жизни и на признаваемых им христианских основах построить свою жизнь.

Но так бы это было, если бы не было закона инерции, столь же неизменного в жизни людей и народов, сколько в неодушевленных телах, выражающегося для людей психологическим законом, так верно выраженным в Евангелии словами: «И не шли к свету, потому что дела их были злы». Закон этот состоит в том, что большинство людей мыслят не для того, чтобы познать истину, а для того, чтобы уверить себя, что они находятся в истине, чтобы уверить себя в том, что та жизнь, которую они ведут и которая им приятна и привычна, и есть та самая, которая сходится с истиной.

Рабство было противно всем тем нравственным началам, которые проповедовал Платон и Аристотель, а между тем ни тот,

ни другой не видели этого, потому что отрицание рабства разрушало всю ту жизнь, которой они жили. То же происходит и в нашем мире.

Разделение людей на две касты, так же как и государственное и военное насилие, противны всем тем нравственным началам, которыми живет наш мир, и вместе с тем передовые, образованные люди нашего времени как будто не видят этого.

Большинство, если не все образованные люди нашего времени бессознательно стараются удержать прежнее общественное жизнепонимание, оправдывающее их положение, и скрыть от себя и людей несостоятельность его и, главное, необходимость усвоения того христианского жизнепонимания, которое разрушает весь строй существующей жизни. Они стремятся поддержать порядки, основанные на общественном жизнепонимании, но сами не верят в него, потому что оно отжито и в него нельзя уже верить.

Вся литература — и философская, и политическая, и изящная — нашего времени поразительна в этом отношении. Какое богатство мыслей, форм, красок, какая эрудиция, изящество, обилие мыслей и какое не только отсутствие серьезного содержания, но какой-то страх перед всякой определенностью мысли и выражения ее! Обходы, иносказания, шутки, общие, самые широкие соображения и ничего простого, ясного, идущего к делу, т. е. к вопросу жизни.

Но мало того, что пишутся и говорятся грациозные ненужности, пишутся и говорятся прямо гадости, дикости, пишутся и говорятся самым утонченным образом рассуждения, возвращающие людей к первобытной дикости, к основам жизни не только языческой, но даже животной, уже 5000 лет тому назад пережитой нами.

Оно и не может быть иначе. Чураясь жизнепонимания христианского, нарушающего для одних только привычный, для других привычный и выгодный порядок, люди не могут не возвращаться назад к языческому жизнепониманию и к учениям, основанным на нем. В наше время проповедуется не только патриотизм и аристократизм так, как он проповедовался 2000 лет тому назад, но самый грубый эпикуреизм, животность, с тою только разницею, что тогда проповедующие его люди верили в то, что проповедовали, теперь же сами проповедующие не верят в то, что говорят, и не могут верить, потому что то, что

они проповедуют, уже не имеет смысла. Нельзя оставаться на месте, когда почва движется. Если не идешь вперед, то идешь назад. И странно и страшно сказать — образованные люди нашего времени, передовые люди своими утонченными рассуждениями в сущности влекут общество назад, к состоянию даже не языческому, а к состоянию первобытной дикости.

Ни на чем так не видно это направление деятельности передовых людей нашего времени, как на отношении их к тому явлению, в котором в наше время в концентрированной форме выразилась вся несостоятельность общественного жизнепонимания, — к войне, к всеобщему вооружению и общей воинской повинности.

Неопределенность, если не недобросовестность отношения к этому явлению образованных людей нашего времени поразительна. Отношение к этому в нашем образованном обществе трояко: одни рассматривают это явление как нечто случайное, возникшее от особенного политического положения Европы, и считают его поправимым без изменения всего внутреннего строя жизни народов, внешними дипломатическими международными мерами. Другие смотрят на это явление как на нечто ужасное, жестокое, но как на неизбежное и роковое, как болезнь или смерть. Третьи спокойно и хладнокровно считают войну явлением необходимым, благодетельным и потому желательным.

Смотрят люди на предмет различно, но как те, так и другие и третьи рассуждают о войне как о событии совершенно не зависящем от воли людей, участвующих в ней, и потому даже и не допускают того естественного вопроса, представляющегося каждому простому человеку: «Что, мне-то нужно ли принимать в ней участие?» По мнению всех этих людей, вопросов этого рода даже не существует, и всякий, как бы он ни смотрел на войну сам лично, должен рабски подчиняться в этом отношении требованиям власти.

Отношение первых, тех, которые спасение от войн видят в дипломатических международных мерах, прекрасно выражается результатом последнего конгресса мира в Лондоне, и статьей и письмами о войне выдающихся писателей в 8 № 1891 года «Revue des Revues».

Вот результаты конгресса: собрав с разных концов света от ученых лично или письменно их мнения, конгресс, начав молеб-

ствием в соборе и кончив обедом со спичами, в продолжение 5 дней выслушал много речей и пришел к следующим решениям.

Во-1-х, конгресс выразил свое мнение о том, что прямым следствием братства между людьми должно неминуемо быть братство между народами, признающее тождественность интересов каждого народа в отдельности.

Во-2-х, конгресс признал, что христианство имеет влияние на нравственный и политический прогресс человечества и потому напомнил проповедникам Евангелия и другим лицам, занимающимся духовным воспитанием, о необходимости распространения правил мира и сердечного расположения между людьми. Для этой *цели конгресс определил 3-е воскресенье каждого декабря*. В этот день должно быть особое провозглашение принципов мира.

В-3-х, конгресс выразил желание, чтобы все учителя истории обращали внимание юношества на страшное зло, которое война всегда причиняла человечеству, и на то обстоятельство, что в большинстве случаев войны возникали вследствие весьма незначительных причин.

В-4-х, конгресс осудил обучение в училищах в виде физических упражнений — военным приемам и предложил заменить военные роты, ныне существующие, спасательными ротами. Конгресс далее выразил желание внушить экзаменационным комиссиям, имеющим обязанность формулировать вопросы ученикам, необходимость направлять умы учеников к принципам мира.

В-5-х, конгресс выразил убеждение, что учение о правах человека требует, чтобы народы дикие и слабые, их собственность и их свобода находили защиту от несправедливости и злоупотреблений и чтобы эти народы были ограждаемы от пороков, столь распространенных между народами, так называемыми цивилизованными. По мнению конгресса, народы должны были бы для этой цели действовать заодно. Конгресс выразил свое сердечное сочувствие заключениям антирабской конференции, заседавшей недавно в Брюсселе и имеющей задачей улучшение быта африканских дикарей.

В-6-х, конгресс выразил убеждение, что, так как воинственные предрассудки и предания, которые еще так глубоко коренятся в некоторых народах, так же как и все те воинственные речи, которые произносятся в законодательных собраниях неко-

торыми вожаками общественного мнения и которыми наполнены органы печати, нередко являются косвенными причинами войны, то желательно бы было печатать точные сведения об отношениях народов. Для этой цели конгресс предложил основать международную газету, могущую ответить вышеизложенным требованиям.

В-7-х, конгресс предложил комитету советовать своим членам при всех удобных случаях отстаивать проекты объединения весов, мер, монет, почтовых, телеграфных тарифов и т. д., могущие способствовать действительному торговому, промышленному и научному единению народов.

В-8-х, ввиду безграничного нравственного и общественного влияния женщин конгресс убеждает их оказать свою поддержку всему тому, что может способствовать миру, ибо иначе на их ответственности должно лежать в большей мере всякое продолжение настоящего военного положения.

В-9-х, конгресс выразил надежду о том, что ассоциация финансовой реформы и другие подобные общества в Европе и Америке соединятся для обсуждения мер установления справедливых торговых отношений между государствами путем уничтожения пошлин. Конгресс выразил мысль о том, что все цивилизованные народы желают мира и с нетерпением ожидают прекращения всеобщего вооружения. Эти вооружения, будучи производимы якобы для защиты, в свою очередь представляют из себя зло, так как поддерживают недоверие и в то же время являются причиной той всеобщей экономической неурядицы, которая не позволяет приступить, при благоприятных условиях, к тем вопросам о труде и нужде, которые должны были бы быть первые на очереди.

В-10-х, конгресс признал всеобщее разоружение лучшим ручательством мира и первым шагом к разрешению, ко всеобщему удовольствию, тех вопросов, которые в настоящее время разъединяют государства, и выразил желание, чтобы в скором будущем составился съезд представителей всех государств Европы для обсуждения мер, могущих вести ко всеобщему постепенному разоружению.

В-11-х, имея в виду то, что нерешительность какого-нибудь одного государства могла бы затормозить созвание вышеупомянутого съезда, конгресс выразил мнение, что то государство, которое первое решится распустить значительную долю своей

армии, окажет наиважнейшую услугу Европе и человечеству, так как этим самым заставит другие государства — под давлением общественного мнения — последовать его примеру. Своим же поступком оно, без сомнения, не только не ослабит, а лишь усилит естественные условия защиты своей страны.

В-12-х, имея в виду то, что вопрос о разоружении, так же как и о мире вообще, зависит в значительной мере от общественного мнения, конгресс предложил обществам мира, так же как и всем приверженцам мира, заняться деятельной пропагандой его, особенно во время парламентских выборов, чтобы убедить избирателей подавать голоса за кандидатов, в программу действия которых войдут установление мира, разоружение и третейский суд.

В-13-х, конгресс поздравил друзей мира с решением, принятым международной американской конференцией (Вашингтон, апрель), которым признается желательным обязательный третейский суд во всех спорах и других несогласиях, каково бы ни было их происхождение, исключая тех спорных пунктов, которые могли бы грозить независимости одной из заинтересованных стран.

В-14-х, конгресс обращает на это решение внимание всех европейских и американских государственных людей, в надежде, что в скором будущем подобные договоры будут подписаны остальными нациями ввиду избежания впредь всех столкновений и в то же время для примера другим государствам.

В-15-х, конгресс выразил свое удовольствие по поводу принятия испанским сенатом (16 июля) законопроекта, разрешающего правительству ходатайствовать об утверждении договоров, составленных с помощью третейского суда для разрешения всех спорных вопросов, исключая тех, которые касаются независимости или внутреннего управления государств.

Конгресс выразил также свое удовольствие по поводу принятия решений подобного же содержания норвежским стортингом и итальянским парламентом в текущем месяце.

В-16-х, конгресс постановил официально обратиться к главным политическим, религиозным, торговым обществам, рабочим союзам с просьбою, чтобы эти общества ходатайствовали перед своими правительствами о принятии необходимых мер для учреждения особой комиссии, в обязанности которой входило бы решение международных несогласий ввиду предупреждения войн.

В-17-х, ввиду того, что: 1) цель, преследуемая всеми обществами мира, состоит в установлении юридического порядка между народами; что 2) нейтрализация путем международных договоров составляет шаг к такому юридическому положению и к уменьшению числа стран, в которых будет возможна война,— конгресс предложил расширить правила о нейтрализации и выразил желание, чтобы все договоры о нейтрализации, уже существующие в настоящее время, оставались и вперед в силе или, в случае нужды, были дополнены в том смысле, чтобы нейтралитет был распространен на всё государство или чтобы были уничтожены крепости, представляющие для всякого нейтралитета скорее опасность, чем ручательство.

Чтобы были составлены новые договоры (согласные желанию народов) для установления нейтралитета остальных государств.

В-18-х, секция комитета предложила: 1) чтобы следующие съезды конгресса мира были назначены либо перед самым заседанием ежегодной международной конференции, либо тотчас же после него и в том же городе; 2) чтобы вопрос о международной эмблеме мира был отложен на неопределенное время.

Чтобы были приняты следующие решения: 1) Выразить удовлетворение по поводу официального предложения со стороны пресвитерианской церкви в Соединенных Штатах верховным представителям каждого религиозного общества христианского исповедания соединиться для общего обсуждения мер, могущих вести к замене войны международным третейским судом.

2) Выразить от лица конгресса глубокое почтение памяти Аврелия Саффи, великого итальянского юриста, члена комитета международного мира и свободы.

3) Чтобы отчеты этого конгресса, подписанные президентом, были по возможности переданы главам всех цивилизованных государств авторитетными депутациями.

4) Чтобы организационный комитет был уполномочен сделать нужные поправки в бумагах и решениях, здесь принятых.

5) Чтобы были приняты следующие решения: a) выразить признательность президентам всех отдельных заседаний конгресса; b) выразить признательность председателю, секретарям и членам бюро конгресса; c) выразить признательность членам различных секций комитета; d) выразить канонику Скотт-Голланд, доктору Ревен Томасу и I. Моргану Гиббону благодарность за их речи перед открытием конгресса и просьбу доставить ко-

нии этих речей для печати, а также главам собора св. Павла, Сити Темпля и конгрегационной церкви Стамфорд Гиля за пользование этими зданиями для общественных целей; e) составить благодарственный адрес ее величеству за разрешение посетить Виндзорский замок, f) и также выразить признательность лорд-мэру, его супруге, мистеру Пасмор Эдвардсу и другим друзьям, оказавшим гостеприимство членам конгресса.

В-19-х, конгресс выразил свою глубокую благодарность всевышнему за замечательное согласие, господствовавшее на собраниях конгресса, на которых столько мужчин и женщин самых разнообразных народностей и вероисповеданий собиралось для тесной совместной работы, и успешное окончание трудов конгресса.

Конгресс выразил твердую и непоколебимую веру в окончательное торжество *мира* и тех принципов, которые отстаивались на этих собраниях.

Основная мысль конгресса та, что необходимо, во-1-х, распространять всеми средствами между всеми людьми убеждения о том, что война очень невыгодна для людей и что мир есть большое благо, и, во-2-х, действовать на правительства, внушая им преимущества перед войнами международного судилища и поэтому выгоды и необходимости разоружения. Для достижения первой цели конгресс обращается к учителям истории, к женщинам и к духовенству с советом проповедовать людям каждое 3-е воскресенье декабря зло войны и благо мира; для достижения второй — конгресс обращается к правительствам, предлагая им разоружение и замену войны арбитрацией.

Проповедовать людям зло войны и благо мира! Но ведь зло войны и благо мира до такой степени известны людям, что, с тех пор как мы знаем людей, самым лучшим пожеланием было приветствие «мир вам», так что же его проповедовать?

Не только христиане, но все язычники тысячи лет тому назад знали зло войны и благо мира. Так что совет проповедникам Евангелия проповедовать о зле войны и благе мира в 3-е воскресенье декабря совершенно излишен.

Христианин не может не проповедовать этого всегда, во все дни своей жизни. Если же христиане и проповедники христианства этого не делают, то на это должны быть причины. И покуда не будут устранены эти причины, никакие советы не будут действительны. Еще менее могут быть действительны советы пра-

вительствам, чтобы они распустили войска и заменили их международными судилищами. Правительства тоже очень хорошо знают всю трудность и тяжесть собирания и содержания войск, и если, несмотря на то, с страшными усилиями и напряжением собирают и держат войска, то, очевидно, не могут поступать иначе, и совет конгресса никак не может изменить этого. Но ученые никак не хотят видеть этого и все надеются найти такую комбинацию, при которой (сами) правительства, производящие войны, ограничили бы сами себя.

«Возможно ли избавиться от войны?» — пишет ученый человек в «Revue des Revues». — Все согласны, что если она разразится в Европе, то последствия ее будут подобны великим нашествиям варваров. Дело при предстоящей войне будет идти уже о существовании целых народностей, и потому она будет кровавая, отчаянная, жестокая.

«Это-то соображение вместе с теми страшными орудиями истребления, которыми располагает новейшая наука, задерживает момент объявления войны и удерживает настоящий временный порядок вещей, который мог бы продолжаться на неопределенное время, если бы не те страшные расходы, которые давят европейские народы и угрожают довести народы до бедствий не меньших тех, которые произведет война.

«Пораженные этой мыслью, люди разных стран искали средств остановить или по крайней мере смягчить последствия страшной бойни, которая угрожает им.

«Таковы вопросы, поставленные на очередь предполагающимся в скором времени конгрессом в Риме и изданием брошюр о разоружении.

«К несчастью, несомненно то, что при теперешнем устройстве большинства европейских государств, удаленных друг от друга и руководимых различными интересами, совершенное прекращение войны есть мечта, которой было бы опасно утешаться. Однако некоторые принятые всеми более разумные законы и постановления при этих дуэлях между народами могли бы значительно уменьшить ужасы войны.

«Одинаково утопично рассчитывать на разоружение, которое почти невозможно, вследствие соображений народного характера, понятного нашим читателям. (Вероятно, это значит, что Франции нельзя разоружаться до реванша.) Общественное мнение не готово для принятия проектов разоружения, и,

кроме того, отношения международные не таковы, чтобы можно было принять их.

«Разоружение, потребованное одним народом от другого, равнялось бы объявлению войны.

«Однако все-таки можно допустить, что обмен взглядов между заинтересованными народами поможет в известной степени международному соглашению и сделает возможным значительное уменьшение военных расходов, давящих теперь европейские народы в ущерб разрешению социальных вопросов, необходимость которого чувствуется каждым государством отдельно под угрозой вызвать внутреннюю войну усилиями предотвратить внешнюю.

«Можно по крайней мере предположить уменьшение огромных расходов, которые нужны при теперешнем военном устройстве, имеющем целью возможность в 24 часа захватить владения противника и дать решительное сражение через неделю после объявления войны!»

Надобно сделать так, чтобы государства не могли нападать вдруг на другие и в 24 часа захватить чужие владения.

Практическую мысль эту выразил Maxime du Camp, и к этому сводится и заключение статьи.

Предложения M. du Camp следующие:

«1) Дипломатический конгресс должен собираться ежегодно.

«2) Всякая война не может быть объявлена ранее двух месяцев после события (incident), которое ее вызовет. (Затруднение тут будет в том, чтобы определять, какой именно incident вызовет войну, так как при всяком объявлении войны таких incidents очень много и надо решить, от какого считать два месяца.)

«3) Война не может быть объявлена прежде, чем она не будет подвергнута голосованию народов, готовящихся к ней.

«4) Военные действия не могут начаться ранее месяца после объявления войны.

«*Не может быть начата война... должны...* и т. д.». Да кто же сделает то, чтобы *не могла* быть начата война? Кто сделает то, чтобы *должны* были люди делать то-то и то-то? Кто *заставит* державу дожидаться назначения срока? Все другие. Но все другие суть точно такие же державы, которых надо умерять и поставлять в границы и *заставить*. Кто же будет заставлять? и как? Общественное мнение. Да если есть общественное мнение,

которое может заставить державу дожидаться назначенного срока, то то же общественное мнение может заставить державу и вовсе не начинать войны.

Но, отвечают на это, возможно такое уравновешение сил, pondération des forces, при котором державы будут сами себя воздерживать. Да ведь это требование и теперь требуется. Это самое был священный союз, это самое — лига мира и т. п.

Но если все согласятся, отвечают на это. Но если все согласятся, то и войны не будет, и незачем и верховные судилища, и третейский суд, и арбитрация.

«Третейский суд, арбитрация заменит войны. Вопросы будут решаться третейским судом, алабамский вопрос решен третейским судом, о Каролинских островах предложено решить третейским судом папе. Швейцария и Бельгия, и Дания, и Голландия — все подали заявление, что они предпочитают решения третейского суда войне». Кажется, и Монако заявило то же желание. Досадно только одно, что Германия, Россия, Австрия, Франция до сих пор не заявляют того же.

Удивительно, чем могут себя обманывать люди, когда им нужно обмануть себя.

Правительства согласятся решать свои несогласия третейским судом и потому распустят войска. Недоразумения России и Польши, Англии и Ирландии, Австрии и Чехии, Турции и славян, недоразумения между Францией и Германией разрешатся добровольным согласием.

Ведь это всё равно, как если бы предложить купцам и банкирам ничего не продавать дороже цены покупки, а заниматься распределением богатств без барышей и уничтожить вследствие этого ставшие ненужными деньги.

Но ведь торговля и банковое дело и состоят только в том, чтобы продавать дороже, чем покупать, и потому предложение о том, чтобы не продавать дороже покупной цены и уничтожить деньги, равняется предложению уничтожиться. То же самое и с правительствами. Предложение правительствам не употреблять насилия, а по справедливости решать недоразумения, есть предложение уничтожиться как правительство; а на это-то никакое правительство не может согласиться.

Ученые люди собираются в общества (таких обществ много, более 100), собираются на конгрессы (такие были недавно в Париже и Лондоне, теперь будет в Риме), читают речи, обедают,

говорят спичи, издают журналы, посвященные этои цели, и во всех доказывается, что напряжение народов, принужденных содержать миллионы войск, дошло до крайних пределов и что это вооружение противоречит всем целям, свойствам, желаниям всех народов, но что если много исписать бумаги и наговорить слов, то можно согласовать всех людей и сделать, чтобы у них не было противоположных интересов, и тогда войны не будет.

Когда я был маленький, меня уверили, что для того, чтобы поймать птицу, надо посыпать ей соли на хвост. Я вышел с солью к птицам, но тотчас же убедился, что если бы я мог посыпать соли на хвост, то мог бы и поймать, и понял, что надо мной смеялись.

То же надо понять и людям, читающим статьи и книги о третейском суде и разоружении.

Если можно посыпать соли на хвост птице, то значит, что она не летает, ее и ловить нечего. Если же у птицы есть крылья и она не хочет быть пойманной, она не даст себе сыпать соли на хвост, потому что свойство птицы летать. Точно так же свойство правительства состоит не в том, чтобы подчиняться, а подчинять себе. И правительство только на столько правительство, на сколько оно может не подчиняться, а подчинять, и потому оно всегда стремится к этому и никогда добровольно не может отказаться от власти, а власть дает ему войско, и потому никогда не откажется от войска и употребления его для войны.

Ошибка зиждется на том, что ученые юристы,обманывая себя и других, утверждают в своих книгах, что правительство не есть то, что оно есть, — собрание одних людей, насилующих других, а что правительства, как это выходит в науке, суть представители совокупности граждан. Ученые так долго уверяли других в этом, что и сами поверили в это, и им часто серьезно кажется, что справедливость может быть обязательна для правительств. Но история показывает, что от Кесаря и до Наполеона, того и другого, и Бисмарка правительство есть по существу своему всегда сила, нарушающая справедливость, как оно и не может быть иначе. Справедливость не может быть обязательной для человека или людей, которые держат под рукой обманутых и дрессированных для насилия людей — солдат и посредством их управляют другими. И потому не могут правительства согласиться уменьшить количество этих повинную-

щихся им дрессированных людей, которые и составляют всю их силу и значение.

Таково отношение одних ученых к тому противоречию, которое тяготит наш мир, и таковы их средства разрешения его. Скажите этим людям, что вопрос только в личном отношении каждого человека к поставленному перед каждым теперь нравственному религиозному вопросу законности или незаконности участия в общей воинской повинности, и эти ученые только пожмут плечами и даже не удостоят вас ответа или внимания. Разрешение вопроса для них в том, чтобы читать речи, писать книги, избирать президентов, вице-президентов, секретарей и заседать и говорить то в том городе, то в другом. От этих разговоров и писаний, по их мнению, случится то, что правительства перестанут набирать солдат, на которых зиждется вся их сила, а послушаются их речей и отпустят своих солдат, останутся беззащитными не только перед своими соседями, но и перед своими подданными; как разбойники, связавшие безоружных людей, чтобы ограбить их, услыхав речи о той боли, которую веревка причиняет связанным, тотчас же развяжут их.

Но есть люди, которые верят в это, занимаются конгрессами мира, читают речи, пишут книжки, и правительства, разумеется, выражают этому сочувствие, делают вид, что поддерживают это, так же, как они делают вид, что они поддерживают общества трезвости, тогда как большею частью живут пьянством народа; так же, как делают вид, что поддерживают образование, тогда как сила их держится только на невежестве; так же, как делают вид, что поддерживают свободу конституции, тогда как их сила держится только на отсутствии свободы; делают вид, что заботятся об улучшении быта рабочих, тогда как на подавленности рабочего основано их существование; делают вид, что поддерживают христианство, тогда как христианство разрушает всякое правительство.

Для того, чтобы можно было это делать, уже давно выработались такие заботы о трезвости, которые не могут нарушить пьянства; такие заботы об образовании, которые не только не мешают невежеству, но только усиливают его; такие заботы о свободе и конституции, которые не мешают деспотизму; такие заботы о рабочих, которые не освобождают их от рабства; такое христианство, которое не разрушает, а поддерживает правительства.

Теперь прибавилась еще забота о мире. Правительства прямо цари, которые разъезжают теперь с министрами, решая по одной своей воле вопросы о том: в нынешнем или будущем году начать убийство миллионов; цари эти очень хорошо знают, что разговоры о мире не помешают им, когда им вздумается, послать миллионы на бойню. Цари даже с удовольствием слушают эти разговоры, поощряют их и участвуют в них.

Всё это не только не вредно, но полезно правительствам, отводя глаза людей от самого главного, самого существенного вопроса: идти или не идти отбывать воинскую повинность каждому отдельному человеку, призываемому в солдаты?

«Мир скоро вот устроится, благодаря союзам, конгрессам, по книжкам и брошюрам, а пока идите, надевайте мундир и будьте готовы угнетать и мучить самих себя для нашей выгоды», — говорят правительства. И ученые, составители конгрессов и статей вполне согласны на это.

Это одно отношение — самое выгодное для правительств и потому поощряемое всеми умными правительствами.

Другое отношение — это отношение трагическое, людей, утверждающих, что противоречие стремления и любви к миру людей и необходимости войны ужасно, но что такова судьба человека. Люди эти большею частью чуткие, даровитые люди, видят и понимают весь ужас и всю неразумность и жестокость войны, но по какому-то странному повороту мысли не видят и не ищут никакого выхода из этого положения, а, как бы расчесывая свою рану, любуются отчаянностью положения человечества.

Вот замечательный образец такого отношения к войне замечательного французского писателя (Мопассана). Глядя с своей яхты на ученье и стрельбу французских солдат, ему приходят следующие мысли:

«Война! Стоит подумать об этом слове, и на меня находит какое-то чувство ужаса и одурения, как если бы мне говорили про колдовство, инквизицию, как будто мне говорят про дело далекое, покончeнное, отвратительное, уродливое, противоестественное.

«Когда говорят нам про людоедов, мы с гордостью улыбаемся, чувствуя свое превосходство над этими дикарями. Но кто дикари? Кто настоящие дикари? Те ли, которые убивают для того,

чтобы съесть побежденных, или те, которые убивают, чтобы убивать, только чтобы убивать?

«Вот на поляне егеря по команде бегают и стреляют; все они предназначены на смерть, как стадо баранов, которых мясник гонит по дороге. Упадут они где-нибудь на поляне с рассеченной головой или с пробитой пулей грудью. И всё это молодые люди, которые могли бы работать, производить, быть полезными.

«Их отцы старые, бедные их матери, которые в продолжение 20 лет любили, обожали их, как умеют обожать только матери, узнают через шесть месяцев или через год, может быть, что сына, большого сына, воспитанного с таким трудом, с такими расходами, с такою любовью, что сына этого, разорванного ядром, растоптанного конницей, проехавшей через него, бросили в яму, как дохлую собаку. И она спросит: зачем убили дорогого мальчика — ее надежду, гордость, жизнь? Никто не знает. Да, зачем?

«Война! Драться! Резаться! Убивать людей! Да, в наше время, с нашим просвещением, с нашей наукой, с нашей философией, существует учреждение особых училищ, в которых учат убивать, убивать издалека, с совершенством, убивать много людей сразу, убивать несчастных, жалких людей, ни в чем не виноватых людей, поддерживающих семьи, и убивать их без всякого суда.

«*И самое удивительное — это то, что народ не поднимается против правительств, — всё равно, в монархии или республике. Самое удивительное то, что всё общество не взбунтуется при одном слове война.*

«Да, видно, мы всегда будем жить старыми, ужасными обычаями, преступными суевериями, кровожадными понятиями наших предков. Видно, как мы были зверями, так и останемся зверями, руководимыми только инстинктом.

«Едва ли кто-нибудь, кроме Виктора Гюго, мог бы безнаказанно кликнуть клич освобождения и истины.

«Силу уже начинают называть насилием и судить ее, сказал он. Война призывается на суд. Просвещение по жалобе рода человеческого ведет судебное дело и представляет обвинительный акт против всех завоевателей и полководцев.

«Люди начинают понимать то, что увеличение преступления не может быть его уменьшением; что если убийство есть престу-

пление, то убийство многих не может быть смягчающим обстоятельством; что если стыдно красть, то захват никак не может быть предметом прославления.

«Провозгласим же эту несомненную истину, обесчестим войну.

«Напрасный гнев, — продолжает Мопассан, — негодование поэта. Война уважаема, почитаема теперь более, чем когда-либо. Искусный артист по этой части, гениальный убийца, г-н фон Мольтке отвечал однажды депутатам общества мира следующими страшными словами: «Война свята и божественного установления, война есть один из священных законов мира, она поддерживает в людях все великие и благородные чувства: честь, бескорыстие, добродетель, храбрость. Только вследствие войны люди не впадают в самый грубый материализм».

«Собираться стадами в 400 тысяч человек, ходить без отдыха день и ночь, ни о чем не думая, ничего не изучая, ничему не учась, ничего не читая, никому не принося пользы, валяясь в нечистотах, ночуя в грязи, живя как скот, в постоянном одурении, грабя города, сжигая деревни, разоряя народы, потом, встречаясь с такими же скоплениями человеческого мяса, наброситься на него, пролить реки крови, устлать поля размозженными, смешанными с грязью и кровяной землей телами, лишиться рук, ног, с размозженной головой и без всякой пользы для кого бы то ни было издохнуть где-нибудь на меже, в то время как ваши старики родители, ваша жена и ваши дети умирают с голоду — это называется не впадать в самый грубый материализм.

«Военные люди — главное бедствие мира. Мы боремся с природой, с невежеством, чтобы хоть сколько-нибудь улучшить наше жалкое существование. Ученые посвящают труду всю жизнь для того, чтобы найти средства помочь, облегчить судьбу своих братьев. И, упорно трудясь и делая открытие за открытием, они обогащают ум человеческий, расширяют науку, каждый день дают новые знания, каждый день увеличивая благосостояние, достаток, силу народа.

«И вот наступает война. В шесть месяцев генералы разрушают всё то, что творилось в продолжение 20 лет усилия, терпения, гениальности. И это всё называется не впадать в самый грубый материализм.

«Мы ее видели, войну. Мы видели, как люди сделались опять зверями, как они, как шальные, убивали из удовольствия, из

страха, для молодечества, для похвальбы. Мы видели, как, освободившись от понятий закона и права, они расстреливали невинных, застигнутых на дороге и показавшихся подозрительными только потому, что они испугались. Мы видели, как убивали привязанных у дверей хозяев собак, только чтобы попробовать новый револьвер. Мы видели, как расстреливали лежавших в поле коров без всякой надобности, только чтобы пострелять для потехи. И это называется не впадать в самый безобразный материализм.

«Вступить в страну, зарезать человека, который защищает свой дом, потому что он одет в блузу и у него нет на голове военной фуражки; сжигать дома бедняков, которым есть нечего, разбивать, красть мебель, выпивать вино из чужих погребов, насиловать женщин на улицах, сжигать пороху на миллионы франков и оставить после себя разорение, болезни, — это называется не впадать в самый грубый материализм.

«Что же, наконец, они сделали, военные люди, какие их подвиги? Ничего. Что они выдумали? Пушки и ружья. Вот и всё.

«Что оставила нам Греция? Книги, мраморы. Оттого ли она велика, что побеждала, или оттого, что произвела? Не нападения персов помешали грекам впасть в самый грубый материализм. Не нападения же варваров на Рим спасли и возродили его! Что, Наполеон I продолжал разве великое умственное движение, начатое философами конца прошлого века?

«Нет, уж если правительства берут на себя право посылать на смерть народы, то и нет ничего удивительного, что и народы берут на себя иногда право посылать на смерть и свои правительства.

«Они защищаются, и они правы. Никто не имеет права управлять другими. Управлять другими можно только для блага того, кем управляешь. И тот, кто управляет, обязан избегать войны; так же как и капитан корабля — избегать крушения.

«Когда капитан виноват в крушении своего корабля, его судят и приговаривают, если он окажется виноватым в небрежности и даже в неспособности.

«Отчего же бы не судить и правительство после каждой объявленной войны? Если бы только народ понял это, *если бы они судили власти, ведущие их к убийству, если бы они отказывались идти на смерть без надобности, если бы они употреб-*

ляли данное им оружие против тех, которые им дали его, — если бы это случилось когда-либо, война бы умерла.

«Но этого никогда не случится» («Sur l'eau», стр. 71—80).

Автор видит весь ужас войны; видит, что причина ее в том, что правительства, обманывая людей, заставляют их идти убивать и умирать без всякой для них нужды; видит и то, что люди, которые составляют войска, могли бы обратить оружие против правительств и потребовать у них отчета. Но автор думает, что этого никогда не случится и что поэтому выхода из этого положения нет. Он думает, что дело войны ужасно, но что оно неизбежно, что требования правительств того, чтобы люди шли в солдаты, так же неизбежно, как смерть, и что так как правительства всегда будут требовать этого, то всегда и будут войны.

Так пишет даровитый, искренний, одаренный тем проникновением в сущность предмета, которое составляет сущность поэтического дара, писатель. Он выставляет перед нами всю жестокость противоречия сознания людей и деятельности и, не разрешая его, признает как бы то, что это противоречие должно быть и что в нем поэтический трагизм жизни.

Другой, не менее даровитый, писатель (E. Rod) еще ярче описывает жестокость и безумие настоящего положения и точно так же для того, чтобы признать трагизм его, не предлагая и не провидя из этого положения выхода.

«И для чего что-либо делать и затевать? — говорит он. — И разве можно любить людей в теперешние смутные времена, когда завтрашний день одна угроза? Всё, что мы начали, все наши зреющие мысли, все наши предполагаемые дела, всё то хотя малое добро, которое мы можем сделать, — разве всё это не будет снесено готовящейся бурей?

«Земля дрожит повсюду под ногами, и собирающаяся туча не минует нас.

«Да, если бы страшна была одна революция, которая нас пугает. Так как я не могу придумать общества, более отвратительно устроенного, чем наше, то я не боюсь того нового устройства, которое заменит наше. Если бы мне стало хуже от перемены, я бы утешался тем, что сегодняшние палачи были жертвами вчера. Я бы переносил худшее, ожидая лучшего. Но не эта отдаленная опасность пугает меня, — я вижу другую, более близкую, более жестокую, потому что ей нет никакого оправдания, потому что из нее не может выйти никакого добра.

Каждый день люди взвешивают случайности войны на завтра. И каждый день эти случайности становятся неизбежнее.

«Мысль отказывается верить возможности катастрофы, которая представляется на конце века как последствие всего прогресса нашей эры, а надо привыкать верить.

«В продолжение 20 лет все силы знания истощаются на изобретение орудий истребления, и скоро несколько пушечных выстрелов будет достаточно для того, чтобы уничтожить целое войско.[1] Вооружаются не как прежде несколько тысяч бедняков, кровь которых покупали за деньги, но теперь вооружены поголовно целые народы, собирающиеся резать горло друг другу.

«У людей этих сначала крадут их время (забирая их в солдаты) для того, чтобы потом вернее украсть их жизнь. Чтобы приготовить их к резне, разжигают их ненависть, уверяя их, что они ненавидимы. И кроткие, добрые люди попадаются на эту удочку, и вот-вот бросятся с жестокостью диких зверей друг на друга толпы мирных граждан, повинуясь нелепому приказанию. И всё бог знает из-за какого-нибудь смешного столкновения на границе или из-за торговых колониальных расчетов.

«И пойдут они, как бараны на бойню, не зная, куда они идут, зная, что они бросают своих жен, что дети их будут голодать, и пойдут они с робостью, но опьяненные звучными словами, которые им будут трубить в уши. *И пойдут они беспрекословно, покорные и смиренные, не зная и не понимая того, что они сила, что власть была бы в их руках, если бы они только захотели, если бы только могли и умели сговориться и установить здравый смысл и братство, вместо диких плутень дипломатов.*

«И пойдут они до такой степени обманутые, что будут верить, что резня, убийство людей есть обязанность, и будут просить бога, чтобы он благословил их кровожадные желания. И пойдут, топча поля, которые сами они засевали, сжигая города, которые они сами строили, пойдут с криками восторга, с радостью, с праздничной музыкой. А сыновья будут воздвигать памятники тем, которые лучше всех других убивали их отцов.

«Судьба целого поколения зависит от того часа, в который какой-нибудь мрачный политик даст тот знак, по которому они бросятся друг на друга.

---

[1] Книга эта издана год тому назад; за этот год выдумали еще десятки новых орудий истребления — новый, бездымный порох.

«Все мы знаем, что лучшие из нас будут подкошены и что дела наши будут разрушены в зародыше.

«*Мы знаем это, содрогаемся от злости и ничего не можем.* Мы пойманы в сеть разных присутственных мест и бумаг с заголовками, разорвать которую слишком трудно.

«Мы во власти тех законов, которые мы сами понаделали, чтобы защитить себя, и которые угнетают нас.

«*Мы перестали быть людьми и сделались вещами — собственностью вымышленного чего-то, что мы называем государством, которое порабощает каждого во имя воли всех, тогда как все, взятые отдельно, хотят как раз противное тому, что их заставляют делать...*

«И хорошо, если бы дело шло только об одном поколении. Но дело гораздо важнее. Все эти крикуны на жалованье, все честолюбцы, пользующиеся дурными страстями толпы, все нищие духом, обманутые звучностью слов, так разожгли народные ненависти, что дело завтрашней войны решит судьбу целого народа. Побежденный должен будет исчезнуть, и образуется новая Европа на основах столь грубых, кровожадных и опозоренных такими преступлениями, что она не может не быть еще хуже, еще злее, еще дичe и насильственнее.

«Так и чувствуешь, что над каждым висит ужасная безнадежность. Мы мечемся в тупом переулке с направленными на нас ружьями со всех сторон. Мы работаем, как матросы на корабле, который тонет. Наше удовольствие — это удовольствие приговоренного к смерти, которому дают выбрать для себя любое кушанье за четверть часа до казни. Ужас притупляет нам мысль, и высшее ее проявление в том, чтобы рассчитать, соображая неясные речи министров, слова, сказанные царем, выворачивая изречения дипломатов, которыми наполняют газеты, рассчитать когда это именно — нынешний или на будущий год нас будут резать.

«Едва ли можно найти в истории время, в которое жизнь была бы менее обеспечена и более полна тягостного ужаса» (E. Rod, «Le sens de la vie», стр. 208—213).

Указано на то, что сила в руках тех, которые сами губят себя, в руках отдельных людей, составляющих массы; указано на то, что источник зла в государстве. Казалось бы, ясно то, что противоречие сознания и жизни дошло до того предела, дальше которого идти нельзя и после которого должно наступить разрешение его.

Но автор думает не так. Он видит в этом трагизм жизни человеческой и, показав весь ужас положения, заключает тем, что в этом ужасе и должна происходить жизнь человеческая.

Таково второе отношение к войне людей, признающих в ней нечто роковое и трагичное.

Третье отношение есть отношение людей, потерявших совесть, и потому и здравый смысл и человеческое чувство.

К таким людям принадлежит Мольтке, суждение которого выписано Мопассаном, и большинство военных, воспитанных в этом жестоком суеверии, живущих им и потому часто наивно убежденных, что война есть не только неизбежное, но и необходимое, даже полезное дело. Так судят вместе с тем и невоенные, так называемые ученые, образованные, утонченные люди.

Вот что пишет в том номере «Revue des Revues», в котором собраны письма о войне, знаменитый академик Дусэ на вопрос редактора о его взгляде на войну:

«Милостивый государь!

«Когда вы спрашиваете у самого миролюбивого из академиков, сторонник ли он войны, его ответ уже заранее готов: к несчастью, м. г., вы и сами считаете мечтой миролюбивые мысли, вдохновляющие в настоящее время наших великодушных соотечественников.

«С тех пор, как я живу на свете, мне часто приходится слышать от многих частных людей возмущение против этой ужасающей привычки международного убиения. Все признают и оплакивают это зло; но как ему помочь? Очень часто пытались уничтожить дуэли: это казалось так легко! Так нет же! Все усилия, сделанные для достижения этой цели, ни к чему не послужили и никогда ни к чему не послужат.

«Сколько бы ни говорилось против войны и против дуэли на всех конгрессах мира, надо всеми арбитрациями, всеми договорами, всеми законодательствами вечно будет стоять *честь человека*, которая вечно требовала дуэли, и *выгоды народов*, которые вечно будут требовать войны.

«Я тем не менее от всего сердца надеюсь, что конгресс всенародного мира успеет в своей весьма тяжелой и весьма почтенной задаче.

«Примите уверение и т. д.

К. Дусэ».

Смысл тот, что честь людей требует того, чтобы они дрались, а выгоды народов — того, чтобы они разоряли и истребляли друг друга, попытки же прекращения войн достойны только улыбки.

В том же роде мнение и другого знаменитого человека, Жюля Кларети (Jules Claretie):

«Милостивый государь, — пишет он, — для человека разумного может существовать лишь одно мнение по вопросу о мире и войне.

«Человечество создано для того, чтобы жить и жить со свободой усовершенствования и улучшения своей судьбы, своего состояния путем мирного труда. Всеобщее согласие, которого добивается и которое проповедует всемирный конгресс мира, представляет из себя, быть может, только прекрасную мечту, но во всяком случае мечту, самую прекрасную из всех. Человек всегда имеет перед глазами обетованную землю будущего, жатва будет поспевать, не опасаясь вреда от гранат и пушечных колес.

«Только... Да — только!.. Так как миром не управляют философы и благодетели, то счастье, что наши солдаты оберегают наши границы и наши очаги и что их оружия, верно нацеленные, являются нам, быть может, самым лучшим ручательством этого мира, столь горячо нами всеми любимого.

«Мир даруется лишь сильным и решительным.

«Примите уверение и т. д.

Ж. Кларети».

Смысл тот, что разговаривать не мешает о том самом, чего никто не намерен и чего никак не должно делать. Но когда дело доходит до дела, то нужно драться.

А вот еще самое недавнее выражение мнения о значении войны, высказанное самым популярным романистом Европы — Э. Золя.

«Я считаю войну роковою необходимостью, которая является для нас неизбежною ввиду ее тесной связи с человеческой природой и всем мирозданием. Мне бы хотелось, чтобы войну можно было отдалить на возможно долгое время. Тем не менее наступит момент, когда мы будем вынуждены воевать. Я становлюсь в данную минуту на общечеловеческую точку зрения и не делаю никоим образом намека на наш разлад с Германией, являющийся лишь ничтожным инцидентом в истории человечества. Я говорю, что война необходима и полезна, так как она

является для человечества одним из условии существования. Мы всюду встречаем войну, не только между различными племенами и народами, но также в семейной и частной жизни. Она является одним из главнейших элементов прогресса, и каждый шаг вперед, который делало до сих пор человечество, сопровождался кровопролитием.

«Говорили и до сих пор еще говорят о разоружении, между тем разоружение нечто невозможное, и если бы даже оно было возможно, то и в том случае мы должны были бы его отвергнуть. Только вооруженный народ является могучим и великим. Я убежден, что общее всемирное разоружение повлекло бы за собой нечто вроде нравственного упадка, который высказался бы общим бессилием и воспрепятствовал бы прогрессивному преуспеянию человечества. Воинственная нация всегда пользовалась цветущими силами. Военное искусство влекло за собою развитие всех других искусств. Об этом свидетельствует история. Так, в Афинах и в Риме торговля, промышленность и литература никогда не достигали такого развития, как в то время, когда эти города господствовали над известным тогда миром силою оружия. Чтобы взять пример из более близких нам времен, вспомним век Людовика XIV. Войны великого короля не только не задержали прогресса искусств и наук, но даже, напротив того, как будто помогали и благоприятствовали их преуспеянию».

Война дело полезное!

Но лучше всего в этом смысле мнение самого даровитого из писателей этого настроения, мнение академика Вогюэ. Вот что он пишет в статье о выставке при посещении военного отдела:

«На эспланаде Инвалидов среди экзотических и колониальных помещений одно строение более строгого стиля выдается из живописного базара; все эти представители жителей земного шара примыкают к дворцу войны. Великолепный повод антитез для гуманитарной риторики; она и не упускает случая плакаться на такие сближения и утверждать, что это убьет то (ceci tuera cela) [1], что единение народов через науку и труд победит военные инстинкты. Не будем ей мешать ласкать надеждой химеру золотого века, который, если бы осуществился, очень скоро сделался

[1] Слова из романа Виктора Гюго «Notre-Dame» о книгопечатании, которое убьет архитектуру.

бы веком грязи. Вся история учит нас, что то сделано этим, что нужна кровь, чтобы ускорить и закрепить единение народов. Естественные науки в наше время скрепили таинственный закон, открывшийся Жозефу де Мэстру вдохновением его гения и обдумыванием первобытных догматов; он видел, как мир искупляет свои наследственные падения жертвою; науки показывают нам, как мир совершенствуется борьбой и насильственным подбором; это утверждение с двух сторон одного и того же декрета, редактированного в различных выражениях. Утверждение, конечно, неприятное; но законы мира установлены не для нашего удовольствия, они установлены для нашего совершенствования. Взойдемте же в этот неизбежный, необходимый дворец войны, и мы будем иметь случай наблюдать, каким образом самый упорный из наших инстинктов, не теряя ничего из своей силы, преобразовывается, подчиняясь различным требованиям исторических моментов».

Мысль эта именно о том, что доказательство необходимости войны находится в двух выражениях, по его мнению, двух великих мыслителей — Мэстра и Дарвина, так нравится Вогюэ, что он еще раз повторяет ее.

«Милостивый государь, — пишет он редактору «Revue des Revues», — вы спрашиваете моего мнения насчет успеха всемирного конгресса мира. Я верю так же, как и Дарвин, что насильственная борьба есть закон природы, управляющий всеми существами.

«Так же как и Иосиф Мэстр, я верю, что это закон божественный: два различных названия для одной и той же вещи. Если бы, паче чаяния, какой-нибудь частице человечества, положим хоть всему цивилизованному Западу, удалось остановить действие этого закона, то другие народы, более первобытные, применили бы его против нас. В этих народах голос природы взял бы верх над голосом человеческого разума. И они бы действовали успешно, так как уверенность в мире, я не говорю сам «мир», а «полная уверенность в мире», вызвала бы в людях развращенность и упадок, более разрушительно действующие, чем самая страшная война. Я нахожу, что для войны, этого уголовного закона, нужно делать то же, что и для остальных уголовных законов: смягчить их, стараться, чтобы они оказались ненужными, и применять их как можно реже. Но вся история учит нас тому, что нельзя упразднить этих законов до

тех пор, пока останется на земле двое людей, хлеб, деньги и между ними женщина.

«Я был бы очень счастлив, если бы конгресс мне доказал противное. Но сомневаюсь, чтобы он мог опровергнуть историю, закон природы и закон бога.

«Примите уверение и т. д.

Э. М. Вогюэ».

Смысл тот, что история, природа человека и бог показывают нам, что, пока будут два человека и между ними хлеб, деньги и женщина, — будет война. То есть, что никакой прогресс не приведет людей к тому, чтобы они сдвинулись с дикого понимания жизни, при котором без драки невозможно разделить хлеб, деньги (очень хороши тут деньги) и женщину.

Странны люди, собирающиеся в конгрессы, говорящие речи о том, как ловить птиц, посыпая им соли на хвост, хотя они не могут не знать, что этого нельзя делать; удивительны те, которые, как Мопассан, Род и мн. др., ясно видят весь ужас войны, всё противоречие, вытекающее из того, что люди делают не то, что им нужно, выгодно и должно делать, оплакивают при этом трагизм жизни и не видят того, что весь трагизм этот прекратится тотчас же, как только люди перестанут рассуждать о том, о чем им не нужно рассуждать, а начнут не делать того, что им больно, неприятно и противно делать. Эти люди удивительны, но люди, которые, как Вогюэ и др., исповедуя закон эволюции, признают войну не только неизбежной, но полезной и потому желательной, — эти люди страшны, ужасны своей нравственной извращенностью. Те хоть говорят, что ненавидят зло и любят добро, но эти прямо признают то, что добра и зла нет.

Все толки о возможности установить мир вместо вечной войны — вредное сантиментальничанье болтунов. Есть закон эволюции, по которому выходит, что я должен жить и действовать дурно. Что же делать? Я образованный человек и знаю закон эволюции и потому буду поступать дурно. «Entrons au palais de la guerre» (Войдем же во дворец войны). Есть закон эволюции, и потому нет ничего ни дурного, ни хорошего, а надо жить для одной своей личной жизни, предоставляя остальное делать закону эволюции. Это есть последнее выражение утонченного образования и вместе с тем того затемнения сознания, которым заняты образованные классы нашего времени.

Желание образованных классов как-нибудь удержать свои излюбленные идеи и основанную на них жизнь дошло до последних пределов. Они лгут, обманывают себя и других в самых утонченных формах, только чтобы как-нибудь затемнить, заглушить сознание.

Вместо того чтобы изменить жизнь соответственно сознанию, они стараются всеми средствами затемнить, заглушить сознание. Но свет и в темноте светит, и так он начинает светить в наше время.

VII

Образованные люди высших классов стараются заглушить всё более и более выясняющееся сознание необходимости изменения настоящего строя жизни, но жизнь, продолжая развиваться и усложняться в прежнем направлении, усиливая противоречия и страдания людей, приводит их к тому последнему пределу, дальше которого идти нельзя. Такой последний предел противоречия, дальше которого идти нельзя, есть общая воинская повинность.

Обыкновенно думают, что всеобщая воинская повинность и связанные с нею всё увеличивающиеся вооружения и вследствие того всё увеличивающиеся подати и государственные долги во всех народах есть явление случайное, возникшее от некоторого политического положения Европы, и может быть устранено тоже некоторыми политическими соображениями, без изменения внутреннего строя жизни.

Это совершенно несправедливо. Общая воинская повинность есть только доведенное до своих последних пределов и ставшее очевидным, при известной степени материального развития, внутреннее противоречие, вкравшееся в общественное жизнепонимание.

Общественное жизнепонимание ведь состоит в том, что смысл жизни переносится из личности в совокупность и последовательность их — в племя, в семью, род или государство.

По общественному жизнепониманию предполагается, что, так как смысл жизни заключается в совокупности личностей, то личности сами добровольно жертвуют своими интересами для интересов совокупности. Так это и было и есть в действительности при известных формах совокупностей, в семье или пле-

мени, безразлично от того, что чему предшествовало, или в роде и даже в патриархальном государстве. Вследствие обычая, передаваемого воспитанием и подтверждаемого религиозным внушением, личности без принуждения сливали свои интересы с интересами совокупности и жертвовали своими для общего.

Но чем сложнее становились общества, чем больше они становились, в особенности чем чаще завоевание было причиной соединения людей в общества, тем чаще личности стремились к достижению своих целей в ущерб общему и тем чаще для ограничения этих непокоряющихся личностей понадобилось употребление власти, т. е. насилия.

Защитники общественного жизнепонимания обыкновенно стараются смешать понятие власти, т. е. насилия, с понятием духовного влияния, но смешение это совершенно невозможно.

Влияние духовное есть такое воздействие на человека, вследствие которого изменяются самые желания человека и совпадают с тем, что от него требуют. Человек, подчиняющийся влиянию духовному, действует соответственно своим желаниям. Власть же, как обыкновенно понимают это слово, есть средство принуждения человека поступать противно своим желаниям. Человек, подчиняющийся власти, действует не так, как он хочет, а так, как его заставляет действовать власть. Заставить же человека делать не то, что он хочет, а то, чего он не хочет, может только физическое насилие или угроза им, т. е. лишение свободы, побои, увечья или легко исполнимые угрозы совершения этих действий. В этом состоит и всегда состояла власть.

Несмотря на неперестающие усилия находящихся во власти людей скрыть это и придать власти другое значение, власть есть приложение к человеку веревки, цепи, которой его свяжут и потащат, или кнута, которым его будут сечь, или ножа, топора, которым ему отрубят руки, ноги, нос, уши, голову, приложение этих средств или угроза ими. И так это было при Нероне и Чингис-хане и так это и теперь, при самом либеральном правлении, в американской и французской республике. Если люди подчиняются власти, то только потому, что они боятся того, что, в случае неподчинения их, к ним будут приложены эти действия. Все правительственные требования уплаты податей, исполнения общественных дел, подчинения себя накладываемым наказаниям, изгнания, штрафы и т. п., которым люди как

будто подчиняются добровольно, в основе всегда имеют телесное насилие или угрозу его.

Основа власти есть телесное насилие.

Возможность же совершать над людьми телесное насилие прежде всего дает организация вооруженных людей такая, при которой все вооруженные люди действуют согласно, подчиняясь одной воле. Такие собрания вооруженных людей, подчиняющихся одной воле, составляют войско. Войско всегда и стояло и теперь стоит в основе власти. Всегда власть находится в руках тех, кто повелевает войском, и всегда все властители — от римских кесарей до русских и немецких императоров — озабочены более всего войском, заискивают только в войске, зная, что если войско с ними, то власть в их руках.

Вот это-то образование и увеличение войска, необходимого для поддержания власти, и внесло в общественное жизнепонимание разлагающее его начало.

Цель власти и оправдание ее состоит в ограничении тех людей, которые захотели бы достигать своих интересов в ущерб интересам совокупности. Но приобреталась ли власть образованием нового войска, наследством, или выбором, люди, посредством войска имеющие власть, ничем не отличались от других людей и потому точно так же, как и другие люди, были склонны не подчинять свои интересы интересам совокупности, а, напротив, имея в своих руках возможность это делать, были более склонны, чем все другие, подчинять общие интересы своим. Сколько ни придумывали люди средств для того, чтобы лишить людей, стоящих у власти, возможности подчинять общие интересы своим, или для того, чтобы передавать власть только людям непогрешимым, до сих пор не найдено средств для достижения ни того, ни другого.

Все употребляемые приемы, и божеского благословения, и выбора, и наследственности, и голосований, и выборов, и собраний, и парламентов, и сенатов, — все эти меры оказывались и оказываются недействительными. Все знают, что ни один из этих приемов не достигает ни цели вручения власти только непогрешимым людям, ни препятствования злоупотреблениям ее. Все знают, что, напротив, люди, находящиеся у власти — будь они императоры, министры, полицеймейстеры, городовые, — всегда вследствие того что они имеют власть, делаются более склонными к безнравственности, т. е. к подчинению общих ин-

тересов личным, чем люди, не имеющие власти, как это и не может быть иначе.

Общественное жизнепонимание оправдывалось только до тех пор, пока все люди добровольно жертвовали своими интересами интересам общего; но как скоро явились люди, добровольно не жертвовавшие своими интересами, и понадобилась власть, т. е. насилие для ограничения этих личностей, так в общественное жизнепонимание и основанное на нем устройство вошло разлагающее его начало власти, т. е. насилие одних людей над другими.

Для того, чтобы власть одних людей над другими достигала своей цели ограничения людей, стремившихся к личным целям в ущерб общего, нужно было, чтобы власть находилась в руках людей непогрешимых, как это предполагается у китайцев или как это предполагалось в Средние века и теперь для людей, верующих в святость помазания. Только при этом условии получало свое оправдание общественное устройство.

Но так как этого нет, а, напротив, люди, имеющие власть, именно вследствие обладания властью всегда не святы, то общественное устройство, основанное на власти, не могло уже иметь оправдания.

Если и было время, что при известном низком уровне нравственности и при всеобщем расположении людей к насилию друг над другом существование власти, ограничивающей эти насилия, было выгодно, т. е. что насилие государственное было меньше насилия личностей друг над другом, то нельзя не видеть того, что такое преимущество государственности над отсутствием ее не могло быть постоянно. Чем более уменьшалось стремление к насилию личностей, чем более смягчались нравы и чем более развращалась власть вследствие своей нестесненности, тем преимущество это становилось всё меньше и меньше.

В этом изменении отношения между нравственным развитием масс и развращенностью правительств и состоит вся история последних двух тысячелетий.

В самом простом виде дело происходило так: люди жили племенами, семьями, родами и враждовали, насиловали, разоряли, убивали друг друга. Насилия эти происходили в малых и больших размерах: личность боролась с личностью, племя с племенем, семья с семьей, род с родом, народ с народом. Большие, сильнейшие совокупности завладевали слабейшими,

и чем больше и сильнее становилась совокупность людей, тем меньше происходило в ней внутренних насилий и тем обеспеченнее казалась продолжительность жизни совокупности.

Члены племени или семьи, соединяясь в одну совокупность, менее враждуют между собой, и племя и семья не умирают, как один человек, а продолжают свое существование: между членами одного государства, подчиненными одной власти, борьба кажется еще слабее, и жизнь государства кажется еще обеспеченнее.

Соединения эти всё в бо̀льшие и бо̀льшие совокупности происходили не потому, чтобы люди сознательно признавали такие соединения более для себя выгодными, как это описывается в басне о призвании варягов, а вследствие, с одной стороны, естественного роста, с другой — борьбы и завоеваний.

Когда завоевание уже совершилось, власть завоевателя действительно прекращает междоусобия, и общественное жизнепонимание получает подтверждение. Но подтверждение это только временное. Внутренние междоусобия прекращаются только в той мере, в которой увеличивается давление власти над прежде враждовавшими между собой личностями. Насилие внутренней борьбы, уничтожаемое властью, зарождается в самой власти. Власть находится в руках людей таких же, как все, т. е. таких, которые всегда или часто готовы пожертвовать общим благом для своего личного, с тою только разницею, что люди эти не имеют умеряющей их силы противодействия насилуемых и подвержены всему развращающему влиянию власти. И потому зло насилия, переходя в руки власти, всегда увеличивается и увеличивается и становится со временем больше, чем то, которое предполагается, что оно уничтожает, между тем как в членах общества склонность к насилию всё более и более ослабевает и насилие власти становится всё менее и менее нужным.

Государственная власть, если она и уничтожает внутренние насилия, вносит всегда в жизнь людей новые насилия и всегда всё бо̀льшие и бо̀льшие, по мере своей продолжительности и усиления.

Так что хотя в государстве насилие власти и менее заметно, чем насилие членов общества друг над другом, так как оно выражается не борьбой, а покорностью, но насилие тем не менее существует и большей частью в сильнейшей степени, чем

прежде. И это не может быть иначе, потому что, кроме того, что обладание властью развращает людей, расчет или даже бессознательное стремление насилующих всегда будет состоять в том, чтобы довести насилуемых до наибольшего ослабления, так как чем слабее будет насилуемый, тем меньше потребуется усилий для подавления его.

И потому насилие над насилуемым всегда растет до того последнего предела, до которого оно может дойти, не убивая курицу, несущую золотые яйца. Если же курица эта не несется, как американские индейцы, фиджиане, негры, то убиваются, несмотря на искренние протесты филантропов против такого образа действий.

Лучшим подтверждением этого служит положение рабочих классов нашего времени, которые собственно суть не что иное, как покоренные люди.

Несмотря на все притворные старания высших классов облегчить положение рабочих, все рабочие нашего мира подчинены неизменному железному закону, по которому они имеют только столько, сколько им нужно, чтобы быть постоянно побуждаемыми нуждой к работе и быть в силе работать на своих хозяев, т. е. завоевателей.

Так это всегда было. Всегда, по мере продолжительности и усиления власти, терялись ее выгоды для тех, которые подчинялись ей, и увеличивались ее невыгоды.

Так это было и есть, независимо от тех форм правления, в которых жили народы. Разница только в том, что при деспотической форме правления власть сосредоточивается в малом числе насилующих и форма насилия более резкая; при конституционных монархиях и республиках, как во Франции и Америке, власть распределяется между бо́льшим количеством насилующих и формы ее выражения менее резки; но дело насилия, при котором невыгоды власти больше выгод ее, и процесс его, доводящий насилуемых до последнего предела ослабления, до которого они могут быть доведены для выгоды насилующих, всегда одни и те же.

Таково было и есть положение всех насилуемых, но до сих пор они не знали этого и в большинстве случаев наивно верили, что правительства существуют для их блага; что без правительств они погибли бы; что мысль о том, что люди могут жить без правительств, есть кощунство, которое нельзя даже и произ-

носить; что это есть — почему-то страшное — учение анархизма, с которым соединяется представление всяких ужасов. Люди верили, как чему-то вполне доказанному и потому не требующему доказательств, тому, что, так как до сих пор все народы развивались в государственной форме, то эта форма и навсегда есть необходимое условие развития человечества.

Так это продолжалось сотни, тысячи лет, и правительства, т. е. люди, находящиеся во власти, старались и теперь всё более стараются поддерживать народы в этом заблуждении.

Так это было при римских императорах, так это и теперь. Несмотря на то, что мысль о бесполезности и даже вреде государственного насилия всё больше и больше входит в сознание людей, так это продолжалось бы вечно, если бы правительствам не было необходимости для поддержания своей власти усиливать войска.

Обыкновенно думают, что войска усиливаются правительствами только для обороны государства от других государств, забывая то, что войска нужны прежде всего правительствам для обороны себя от своих подавленных и приведенных в рабство подданных.

Это нужно было всегда и всё становилось нужнее и нужнее по мере развивавшегося образования в народах, по мере усиления общения между людьми одной и разных национальностей и стало особенно необходимо теперь, при коммунистическом, социалистическом, анархистическом и общем рабочем движении. И правительства чувствуют это и увеличивают свою главную силу дисциплинированного войска. [1]

---

[1] То что в Америке злоупотребления власти существуют, несмотря на малое количество войска, не только не опровергает, но только поддерживает это положение. В Америке меньше войска, чем в других государствах, и потому нигде нет меньшего угнетения подавленных классов и нигде не предвидится так близко уничтожение злоупотреблений правительства и самого правительства. В Америке же в последнее время, по мере усиления единения между рабочими, слышатся всё чаще и чаще голоса, требующие увеличения войска, хотя никакое внешнее нападение не угрожает Америке. Высшие правящие классы знают, что 50 тысяч войска скоро будет недостаточно, и, не надеясь уже на армию Пинкертона, чуют, что обеспечение их положения только в усилении войска.

Недавно в германском рейхстаге, отвечая на запрос о том, почему нужны деньги для прибавления жалованья унтер-офицерам, германский канцлер прямо объявил, что нужны надежные унтер-офицеры для того, чтобы бороться против социализма. Каприви сказал во всеуслышание только то, что всякий знает, хотя это и старательно скрывается от народов; он сказал то, почему нанимались гвардии швейцарцев и шотландцев к французским королям и папам, почему в России старательно перетасовывают рекрут так, чтобы полки, стоящие в центрах, комплектовались рекрутами с окраин, а полки на окраинах — людьми из центра России. Смысл речи Каприви, переведенной на простой язык, тот, что деньги нужны не для противодействия внешним врагам, а для подкупа унтер-офицеров, с тем чтобы они были готовы действовать против подавленного рабочего народа.

Каприви нечаянно сказал то, что каждый очень хорошо знает, а если не знает, то чувствует, а именно то, что существующий строй жизни таков, какой он есть, не потому, что он естественно должен быть таким, что народ хочет, чтобы он был таков, но потому, что его таким поддерживает насилие правительств, войско со своими подкупленными унтер-офицерами и генералами.

Если у рабочего человека нет земли, нет возможности пользоваться самым естественным правом каждого человека извлекать из земли для себя и своей семьи средства пропитания, то это не потому, что этого хочет народ, а потому, что некоторым людям, землевладельцам, предоставлено право допускать и не допускать к этому рабочих людей. И такой противоестественный порядок поддерживается войском. Если огромные богатства, накопленные рабочими, считаются принадлежащими не всем, а исключительным лицам; если власть собирать подати с труда и употреблять эти деньги, на что они это найдут нужным, предоставлена некоторым людям; если стачкам рабочих противодействуется, а стачки капиталистов поощряются; если некоторым людям предоставляется избирать способ религиозного и гражданского обучения и воспитания детей; если некоторым лицам предоставлено право составлять законы, которым все должны подчиняться, и распоряжаться имуществом и жизнью людей, — то всё это происходит не потому, что народ этого хочет и что так естественно должно быть, а потому, что этого

для своих выгод хотят правительства и правящие классы и посредством физического насилия над телами людей устанавливают это.

Каждый, если еще не знает того, то узнает при всякой попытке неподчинения или изменения такого порядка вещей. И потому войска прежде всего нужны всякому правительству и правящим классам для того, чтобы поддержать тот порядок вещей, который не только не вытекает из потребности народа, но часто прямо противоположен ему и выгоден только правительству и правящим классам.

Войска нужны всякому правительству прежде всего для содержания в покорности своих подданных и для пользования их трудами. Но правительство не одно: рядом с ним другое правительство, точно так же насилием пользующееся своими подданными и всегда готовое отнять у другого правительства труды его уже приведенных в рабство подданных. И потому каждое правительство нуждается в войске не только для внутреннего употребления, но и для ограждения своей добычи от соседних хищников. Каждое государство вследствие этого невольно приведено к необходимости друг перед другом увеличивать войска. Увеличение же войск заразительно, как это еще 150 лет тому назад заметил Монтескье.

Всякое увеличение войска в одном государстве, направленное против своих подданных, становится опасным и для соседа и вызывает увеличение и в соседних государствах.

Войска доросли до тех миллионов, до которых они доросли теперь, не только оттого, что государствам угрожали соседи; это произошло прежде всего оттого, что надо подавлять все попытки возмущения подданных. Увеличение войск происходит одновременно от двух причин, вызывающих одна другую: войска нужны и против своих внутренних врагов и для того, чтобы отстаивать свое положение против соседей. Одно обусловливает другое. Деспотизм правительства всегда увеличивается по мере увеличения и усиления войск и успехов внешних, и агрессивность правительств увеличивается по мере усиления внутреннего деспотизма.

Вследствие этого-то европейские правительства одно перед другим, всё усиливая и усиливая войска, пришли к неизбежной необходимости — общей воинской повинности, так как общая воинская повинность была средством получить наибольшее

количество воиска во время воины при наименьших расходах. Германия первая догадалась сделать это. И как скоро это сделало одно государство, другие должны были сделать то же. А как скоро это сделалось, сделалось то, что все граждане стали под ружье для того, чтобы поддерживать все те несправедливости, которые против них производились; сделалось то, что все граждане стали угнетателями самих себя.

Общая воинская повинность была неизбежная логическая необходимость, к которой нельзя было не прийти, но вместе с тем она же есть последнее выражение внутреннего противоречия общественного жизнепонимания, возникшего тогда, когда для поддержания его понадобилось насилие. В общей воинской повинности противоречие это стало очевидным. В самом деле: ведь смысл общественного жизнепонимания состоит в том, что человек, сознавая жестокость борьбы личностей между собою и погибельность самой личности, переносит смысл своей жизни в совокупности личностей. При общей же воинской повинности выходит то, что люди, принесши все требуемые от них жертвы для того, чтобы избавиться от жестокости борьбы и от непрочности жизни, после всех принесенных жертв призываются опять ко всем тем опасностям, от которых они думали избавиться, и кроме того та совокупность — государство, во имя которой личности отреклись от своих выгод, подвергается опять такой же опасности уничтожения, какой прежде подвергалась сама личность.

Правительства должны были избавить людей от жестокости борьбы личностей и дать им уверенность в ненарушимости порядка жизни государственной, а вместо этого они накладывают на личность необходимость той же борьбы, только отодвинув ее от борьбы с ближайшими личностями к борьбе с личностями других государств, и оставляют ту же опасность уничтожения и личности и государства.

Учреждение общей воинской повинности подобно тому, что случилось бы с человеком, подпирающим заваливающийся дом: стены нагнулись внутрь — поставили подпорки; потолок погнулся — поставили другие; между подпорками провисли доски — еще поставили подпорки. Дошло дело до того, что подпорки хотя и держат дом, но жить в доме от подпорок уже нельзя.

То же с общей воинской повинностью. Общая воинская повинность разрушает все те выгоды общественной жизни, которые она призвана хранить.

Выгоды общественной жизни состоят в обеспечении собственности, труда и содействии совокупному усовершенствованию жизни — общая воинская повинность уничтожает всё это.

Подати, собираемые с народа для приготовления к войне, поглощают бо́льшую долю произведений труда, которые должно охранять войско.

Отрывание всех мужчин от обычного течения жизни нарушает возможность самого труда.

Угрозы войны, готовой всякую минуту разразиться, делают бесполезными и тщетными все усовершенствования общественной жизни.

Если прежде человеку говорили, что он без подчинения власти государства будет подвержен нападениям злых людей, внутренних и внешних врагов, будет вынужден сам бороться с ними, подвергаться убийству, что поэтому ему выгодно нести некоторые лишения для избавления себя от этих бед, то человек мог верить этому, так как жертвы, которые он приносил государству, были только жертвы частные и давали ему надежду на спокойную жизнь в неуничтожающемся государстве, во имя которого он принес свои жертвы. Но теперь, когда жертвы эти не только возросли в десять раз, а обещанные ему выгоды отсутствуют, естественно каждому подумать, что подчинение его власти совершенно бесполезно.

Но не в этом одном роковое значение общей воинской повинности как проявления того противоречия, которое заключается в общественном жизнепонимании. Главное проявление этого противоречия заключается в том, что при общей воинской повинности всякий гражданин, делаясь солдатом, становится поддерживателем государственного устройства и участником всего того, что делает государство и законность чего он не признает.

Правительства утверждают, что войска нужны преимущественно для внешней обороны, но это несправедливо. Они нужны прежде всего против своих подданных, и всякий человек, отбывающий воинскую повинность, невольно становится участником всего насилия государства над своими подданными.

Для того, чтобы убедиться в том, что каждый человек, исполняющий воинскую повинность, становится участником таких дел государства, которые он не признает и не может признавать, пусть всякий вспомнит только то, что творится в каждом госу-

дарстве во имя порядка и блага народов и исполнителем чего всегда является войско. Все междоусобия династические и различных партий, все казни, сопряженные с этими смутами, все подавления восстаний, все употребления военной силы для разогнания скопищ народа, подавления стачек, все вымогательства податей, все несправедливости распределения земельной собственности, все стеснения труда, — всё это производится если не прямо войсками, то полицией, поддерживаемой войсками. Отбывающий воинскую повинность становится участником всех этих дел, дел в некоторых случаях сомнительных для него, но во многих случаях прямо противных его совести. Люди не хотят уйти с той земли, которую они обрабатывали поколениями; люди не хотят разойтись, как того требует правительство; люди не хотят платить подати, которые с них требуют; люди не хотят признать для себя обязательности законов, которые не они делали; люди не хотят лишиться своей национальности, — и я, исполняя воинскую повинность, должен прийти и бить этих людей. Не могу я, будучи участником этих дел, не спросить себя, хороши ли эти дела? И следует ли мне содействовать исполнению их?

Общая воинская повинность есть для правительств последняя степень насилия, необходимая для поддержания всего здания; для подданных же она есть последний предел возможности повиновения. Это есть тот камень замка в своде, который держит стены и извлечение которого рушит всё здание.

Пришло время, когда всё усиливающиеся и усиливающиеся злоупотребления правительств и борьба их между собой сделали то, что от каждого подданного потребовались такие, не только материальные, но и нравственные жертвы, при которых каждому пришлось задуматься и спросить себя: могу ли я принести эти жертвы? И во имя чего должен я приносить эти жертвы? Жертвы эти требуются во имя государства. Во имя государства требуется от меня отречение от всего, что только может быть дорого человеку: от спокойствия, семьи, безопасности, человеческого достоинства. Что же такое это государство, для которого требуются такие страшные жертвы? И для чего оно так необходимо нужно?

«Государство, — говорят нам, — необходимо нужно, во-первых, потому, что без государства я и все мы не были бы ограждены от насилия и нападения злых людей; во-вторых, без

государства мы бы были дикими и не имели бы ни религиозных, ни образовательных, ни воспитательных, ни торговых, ни путесообщительных, ни других общественных учреждений; и, в-третьих, потому, что без государства мы бы были подвержены порабощению нас соседними народами».

«Без государства, — говорят нам, — мы бы были подвержены насилиям и нападениям злых людей в нашем же отечестве».

Но кто же эти среди нас злые люди, от насилия и нападения которых спасает нас государство и его войско? Если три, четыре века тому назад, когда люди гордились своим военным искусством, вооружением, когда убивать людей считалось доблестью, были такие люди, то ведь теперь таких людей нет, а все люди нашего времени не употребляют и не носят оружия, и все, исповедуя правила человеколюбия, сострадания к ближним, желают того же, что и мы, — только возможности спокойной и мирной жизни. Так что теперь уже нет тех особенных насильников, от которых государство могло защищать нас. Если же под людьми, от нападения которых спасает нас государство, разуметь тех людей, которые совершают преступления, то мы знаем, что это не суть особенные существа, вроде хищных зверей между овец, а суть такие же люди, как и все мы и точно так же не любящие совершать преступления, как и те, против которых они их совершают. Мы знаем теперь, что угрозы и наказания не могут уменьшить количества таких людей, а уменьшает его только изменение среды и нравственное воздействие на людей. Так что объяснение необходимости государственного насилия ограждением людей от насильников, если и имело основание три, четыре века тому назад, теперь не имеет никакого. Теперь скорее можно сказать обратное: именно то, что деятельность правительств с своими, отставшими от общего уровня нравственности, жестокими приемами наказаний, тюрьм, каторг, виселиц, гильотин скорее содействует огрубению народов, чем смягчению их, и потому скорее увеличению, чем уменьшению числа насильников.

«Без государства, — говорят еще, — не было бы всех тех учреждений воспитательных, образовательных, религиозных, путесообщительных и других. Без государства люди не умели бы учредить общественных нужных для всех дел». Но этот довод мог иметь основание тоже только несколько веков тому назад.

Если было время, когда люди были так разобщены между собою, так мало были выработаны средства сближения и передачи мыслей, что они не могли сговориться и согласиться ни в каком общем ни торговом, ни экономическом, ни образовательном деле без государственного центра, то теперь уже нет этой разобщенности. Широко развившиеся средства общения и передачи мыслей сделали то, что для образования обществ, собраний, корпораций, конгрессов, ученых, экономических, политических учреждений люди нашего времени не только вполне могут обходиться без правительств, но что правительства в большей части случаев скорее мешают, чем содействуют достижению этих целей.

С конца прошлого столетия едва ли не всякий шаг вперед человечества не только не поощрялся, но всегда задерживался правительством. Так это было с уничтожением телесного наказания, пыток, рабства, с установлением свободы печати и собраний. В наше же время государственная власть и правительства не только не содействуют, но прямо препятствуют всей той деятельности, посредством которой люди вырабатывают себе новые формы жизни. Решения вопросов рабочего, земельного, политического, религиозного не только не поощряются, но прямо задерживаются государственною властью.

«Без государства и правительства народы были бы порабощаемы соседями».

Едва ли нужно еще возражать на этот последний довод. Возражение находится в нем самом.

Правительства, как это говорят нам, необходимы со своими войсками для защиты от могущих поработить нас соседних государств. Но ведь это говорят все правительства друг про друга, и вместе с тем мы знаем, что все европейские народы исповедуют одинаковые принципы свободы и братства и потому не нуждаются в защите друг от друга. Если же говорить о защите от варваров, то для этого достаточно 0,001 тех войск, которые стоят теперь под ружьем. Так что выходит обратное тому, что говорится: государственная власть не только не спасает от опасности нападения соседей, а напротив, она-то и производит опасность нападения.

Так что для всякого человека, посредством воинской повинности поставленного в необходимость вдуматься в значение государства, во имя которого от него требуется жертва его спо-

койствия, безопасности и жизни, не может не быть ясным, что для жертв этих нет уже в наше время никакого основания.

Но мало того, что, рассуждая теоретически, всякий человек не может не видеть, что жертвы, требуемые государством, не имеют никакого основания; даже рассуждая практически, т. е. взвешивая все те тяжелые условия, в которые поставлен человек государством, всякий не может не видеть, что для себя лично исполнение требований государства и подчинение себя воинской повинности для него в большинстве случаев невыгоднее, чем отказ от нее.

Если большинство людей предпочитает подчинение неподчинению, то это происходит не вследствие трезвого взвешивания выгод и невыгод, а потому, что к подчинению привлекает людей гипнотизация, которой они при этом подвергаются. Подчиняясь, люди только покоряются тем требованиям, которые к ним предъявляются, не рассуждая и не делая усилия воли; для неподчинения нужно самостоятельное рассуждение и усилие, на которое не каждый бывает способен. Если же, исключив нравственное значение подчинения и неподчинения, сообразоваться только с одними выгодами, то неподчинение в общем всегда будет выгоднее подчинения.

Кто бы я ни был, человек ли, принадлежащий к достаточным, угнетающим классам, или к рабочим, угнетенным, и в том и в другом случае невыгоды неподчинения меньше, чем невыгоды подчинения, и выгоды неподчинения больше выгод подчинения.

Если я принадлежу к меньшинству угнетателей, невыгоды неподчинения требованиям правительства будут состоять в том, что меня, как отказавшегося исполнить требования правительства, будут судить и в лучшем случае или оправдают, или, как поступают у нас с менонитами, — заставят отбывать срок службы на невоенной работе; в худшем же случае приговорят к ссылке или заключению в тюрьму на два, три года (я говорю по примерам, бывшим в России), или, может быть, и на более долгое заключение, может быть, и на казнь, хотя вероятие такого наказания очень мало́.

Таковы невыгоды неподчинения. Невыгоды же подчинения будут состоять в следующем: в лучшем случае меня не пошлют на убийства людей и самого не подвергнут большим вероятиям искалечения и смерти, а только зачислят в военное рабство:

я буду наряжен в шутовской наряд, мною будет помыкать всякий человек, выше меня чином, от ефрейтора до фельдмаршала, меня заставят кривляться телом, как им этого хочется, и, продержав меня от одного до пяти лет, оставят на десять лет в положении готовности всякую минуту явиться опять на исполнение всех этих дел. В худшем же случае будет то, что при всех тех же прежних условиях рабства меня еще пошлют на войну, где я вынужден буду убивать ничего не сделавших мне людей чужих народов, где могу быть искалечен и убит и где могу попасть в такое место, как это бывало в Севастополе и как бывает во всякой войне, где люди посылаются на верную смерть, и, что мучительнее всего, могу быть послан против своих же соотечественников и должен буду убивать своих братьев для династических или совершенно чуждых мне правительственных интересов. Таковы сравнительные невыгоды.

Сравнительные же выгоды подчинения и неподчинения следующие.

Для неотказавшегося выгоды будут состоять в том, что он, подвергнувшись всем униженьям и исполнив все жестокости, которые от него требуются, может, не будучи убитым, получить украшения красные, золотые, мишурные на свой шутовской наряд, может в лучшем случае распоряжаться над сотнями тысяч таких же, как и он, оскотиненных людей и называться фельдмаршалом и получить много денег.

Выгоды же отказавшегося будут состоять в том, что он сохранит свое человеческое достоинство, получит уважение добрых людей и, главное, будет несомненно знать, что он делает дело божье, и потому несомненное добро людям.

Таковы выгоды и невыгоды с обеих сторон для человека из богатых классов, для угнетателя; для человека же бедного рабочего класса выгоды и невыгоды будут те же, но с важным прибавлением невыгод. Невыгоды для человека из рабочего класса, не отказавшегося от военной службы, будут еще состоять в том, что, поступая в военную службу, он своим участием и как бы согласием закрепляет то угнетение, в котором находится он сам.

Но не соображения о том, насколько нужно и полезно для людей то государство, которое они призываются поддерживать своим участием в военной службе, еще менее соображения о выгодах и невыгодах для каждого его подчинения или непод-

чинения требованиям правительства решают вопрос о необходимости существования или уничтожения государства. Решает этот вопрос бесповоротно и безапелляционно религиозное сознание или совесть каждого отдельного человека, перед которым невольно с общей воинской повинностью становится вопрос о существовании или несуществовании государства.

VIII

Часто говорят, что если христианство есть истина, то оно должно бы было быть принято всеми людьми тогда же, когда появилось, и тогда должно бы было изменить жизнь людей и сделать ее лучшею. Но говорить так, всё равно что говорить, что если бы зерно было всхоже, то оно должно тотчас же дать росток, цвет и плод.

Христианское учение не есть законодательство, которое, будучи введено насилием, может тотчас же изменить жизнь людей. Христианство есть иное, чем прежнее, новое, высшее понимание жизни. Новое же понимание жизни не может быть предписано, а может быть только свободно усвоено.

Свободно же усвоено новое жизнепонимание может быть только двумя способами: духовным — внутренним и опытным — внешним.

Одни люди — меньшинство — тотчас же, сразу пророческим чувством указывают истинность учения, отдаются ему и исполняют его. Другие — большинство — только длинным путем ошибок, опытов и страданий приводятся к познанию истинности учения и необходимости усвоения его.

И вот к этой-то необходимости усвоения учения опытным, внешним способом и приведено теперь всё большинство людей христианского человечества.

Иногда думается: для чего было нужно то извращение христианства, которое и теперь более всего другого мешает принятию его в его истинном значении. А между тем это-то извращение христианства, приведши людей в то положение, в котором они находятся теперь, и было необходимым условием того, чтобы большинство людей могло воспринять его в его истинном значении.

Если бы христианство предлагалось людям в его истинном, а не извращенном виде, то оно бы не было принято большинством

людей, и большинство это осталось бы чуждым ему, как чужды ему теперь народы Азии. Приняв же его в извращенном виде, народы, принявшие его, подверглись хотя и медленному, но верному воздействию его и длинным, опытным путем ошибок и вытекающих из них страданий приведены теперь к необходимости усвоения его в его истинном значении.

Извращение христианства и принятие его в извращенном виде большинством людей было так же необходимо, как и то, чтобы для того, чтобы оно взошло, посеянное зерно было на время скрыто землей.

Христианское учение есть учение истины и вместе с тем пророчество.

Тысяча восемьсот лет тому назад христианское учение открыло людям истину о том, как им должно жить, и вместе с тем предсказало то, чем будет жизнь человеческая, если люди не будут так жить, а будут продолжать жить теми основами, которыми они жили до него, и чем она будет, если они примут христианское учение и будут в жизни исполнять его.

Преподав в нагорной проповеди то учение, которое должно руководить жизнью людей, Христос сказал: «И так всякого, кто слушает слова мои сии и исполняет их, уподоблю мужу благоразумному, который построил дом свой на камне; и пошел дождь, и разлились реки, и подули ветры, и устремились на дом тот; и он не упал, потому что основан был на камне. А всякий, кто слушает сии слова мои и не исполняет их, уподобится человеку безрассудному, который построил дом свой на песке; и пошел дождь, и разлились реки, и подули ветры, и налегли на дом тот; и он упал, и было падение его великое» (Мф. VII, 24—27).

И вот после 18 веков пророчество совершилось. Не следуя учению Христа вообще и проявлению его в общественной жизни непротивлением злу, люди невольно пришли к тому положению неизбежности погибели, которое обещано Христом тем, которые не последуют его учению.

Люди часто думают, что вопрос о противлении или непротивлении злу насилием есть вопрос придуманный, вопрос, который можно обойти. А между тем это — вопрос самою жизнью поставленный перед всеми людьми и перед всяким мыслящим человеком и неизбежно требующий своего разрешения. Вопрос этот для людей в их общественной жизни с тех пор, как пропо-

ведано христианское учение, есть то же, что для путешественника вопрос о том, по какой из двух дорог идти, когда он приходит к разветвлению того пути, по которому шел. Идти надо, и нельзя сказать: не буду думать и буду идти, как шел прежде. Прежде была одна дорога, а теперь стало две, и нельзя идти, как шел прежде, а неизбежно выбрать одну из двух.

Так точно и нельзя сказать с тех пор, как учение Христа стало известно людям: буду жить, как я жил прежде, не решая вопроса о противлении или непротивлении злу насилием. Надо неизбежно при возникновении каждой борьбы решить: противиться или не противиться насилием тому, что я считаю злом, насилием.

Вопрос о противлении или непротивлении злу насилием возник тогда, когда появилась первая борьба между людьми, так как всякая борьба есть не что иное, как противление насилием тому, что каждый из борющихся считает злом. Но люди до Христа не видали того, что противление насилием тому, что каждый считает злом, только потому, что он считает злом то, что другой считает добром, есть только один из способов разрешения борьбы, а что другой способ состоит в том, чтобы вовсе не противиться злу насилием.

До учения Христа людям представлялось, что есть только один способ разрешения борьбы посредством противления злу насилием, и так и поступали, стараясь при этом каждый из борющихся убедить себя и других в том, что то, что каждый считает злом, и есть действительное, абсолютное зло.

И для этого с древнейших времен люди стали придумывать такие определения зла, которые бы были обязательны для всех. И за такие определения зла, обязательные для всех, выдавались то постановления законов, которые, предполагалось, были получены сверхъестественным путем, то веления людей или собраний людей, которым приписывалось свойство непогрешимости. Люди употребляли насилие против других людей и уверяли себя и других, что насилие это они употребляли против зла, признанного всеми.

Средство это употреблялось с древнейших времен в особенности теми людьми, которые захватили власть, и люди долгое время не видали неразумности этого средства.

Но чем дальше жили люди, чем сложнее становились их отношения, тем более становилось очевидным, что противиться

насилием тому, что каждым считается злом, — неразумно, что борьба от этого не уменьшается и что никакие людские определения не могут сделать того, чтобы то, что считается злом одними людьми, считалось бы таковым и другими.

Уже во времена появления христианства, в том месте, где оно появилось, в Римской империи для большого числа людей было ясно, что то, что Нероном и Калигулой считается злом, которому надо противиться насилием, не может считаться злом другими людьми. Уже тогда люди начинали понимать, что законы человеческие, выдаваемые за законы божеские, писаны людьми, что люди не могут быть непогрешимы, каким бы они ни были облечены внешним величием, и что ошибающиеся люди не сделаются непогрешимыми оттого, что они соберутся вместе и назовутся сенатом или каким-нибудь другим таким именем. Тогда уже это чувствовалось и понималось многими. И тогда-то и было проповедуемо Христом его учение, состоящее не в том только, что не надо противиться злу насилием, а учение о новом понимании жизни, частью или, скорее, приложением которого к общественной жизни и было учение о средстве уничтожения борьбы между всеми людьми не тем, чтобы обязать только одну часть людей без борьбы покоряться тому, что известными авторитетами будет предписано им, а тем, чтобы никому, следовательно и тем (и преимущественно тем), которые властвуют, не употреблять насилия ни против кого ни в каком случае.

Учение это было принято тогда только самым малым числом учеников, большинство же людей, в особенности все те, которые властвовали над людьми, и после номинального принятия христианства продолжало для себя держаться правила противления насилием тому, что ими считалось злом. Так шло это при римских и византийских императорах, так продолжалось это и после.

Несостоятельность принципа авторитетного определения того, что есть зло, и противления ему насилием, уже очевидная в первые века христианства, стала еще очевиднее при разложении Римской империи на многие равноправные государства, при их вражде между собою и при внутренней борьбе, происходившей в государствах.

Но люди не были готовы для принятия решения, данного Христом, и прежнее средство определения зла, которому надо

противиться посредством установления обязательных для всех законов, приводившихся в исполнение силою, продолжало прилагаться. Решителем того, что должно было считать злом и чему противиться насилием, был то папа, то император, то король, то собрание выбранных, то весь народ. Но как внутри, так и вне государства всегда находились люди, не признававшие для себя обязательными ни постановлений, выдаваемых за веление божества, ни постановлений людей, облеченных святостью, ни учреждений, долженствовавших представлять волю народа; и люди, которые считали добром то, что существующие власти считали злом, и таким же насилием, которое употреблялось против них, боролись против властей.

Люди, облеченные святостью, считали злом то, что люди и учреждения, облеченные светской властью, считали добром, и наоборот; и борьба становилась всё жесточе и жесточе. И чем дальше держались люди такого способа разрешения борьбы, тем очевиднее становилось, что этот способ не годится, потому что нет и не может быть такого внешнего авторитета определения зла, который признавался бы всеми.

Так продолжалось 18 веков и дошло до того, до чего дошло теперь, — до совершенной очевидности того, что внешнего обязательного для всех определения зла нет и не может быть. Дошло до того, что люди перестали не только верить в возможность отыскания этого общего, обязательного для всех определения, но перестали верить даже и в необходимость выставления такого определения. Дошло до того, что люди, имеющие власть, перестали уже доказывать то, что они считают злом, есть зло, но прямо стали говорить, что они считают злом то, что им не нравится, а люди, повинующиеся власти, стали повиноваться ей не потому уже, что верят, что определения зла, даваемые этой властью, справедливы, а только потому, что они не могут не повиноваться. Не потому присоединена Ницца к Франции, Лотарингия к Германии, Чехия к Австрии; не потому раздроблена Польша; не потому Ирландия и Индия подчиняются английскому правлению; не потому воюют с Китаем и убивают африканцев, не потому американцы изгоняют китайцев, а русские теснят евреев; не потому землевладельцы пользуются землей, которую они не обрабатывают, и капиталисты произведениями труда, совершаемого другими, что это — добро, нужно и полезно людям и что противное этому есть зло, а только потому,

что те, кто имеет власть, хотят, чтобы это так было. Сделалось то, что есть теперь: одни люди совершают насилия уже не во имя противодействия злу, а во имя своей выгоды или прихоти, а другие люди подчиняются насилию не потому, что они считают, как это предполагалось прежде, что насилие делается над ними во имя избавления их от зла и для их добра, а только потому, что они не могут избавиться от насилия.

Если римлянин, средневековый, наш русский человек, каким я помню его за 50 лет тому назад, был несомненно убежден в том, что существующее насилие власти необходимо нужно для избавления его от зла, что подати, поборы, крепостное право, тюрьмы, плети, кнуты, каторги, казни, солдатство, войны так и должны быть, — то ведь теперь редко уже найдешь человека, который бы не только верил, что все совершающиеся насилия избавляют кого-нибудь от какого-нибудь зла, но который не видел бы ясно, что большинство тех насилий, которым он подлежит и в которых отчасти принимает участие, суть сами по себе большое и бесполезное зло.

Нет теперь человека, который бы не видел не только бесполезности, но и нелепости собирания податей с трудового народа для обогащения праздных чиновников или бессмысленности наложения наказаний на развращенных и слабых людей в виде ссылок из одного места в другое или в виде заключения в тюрьмы, где они, живя в обеспечении и праздности, только еще больше развращаются и ослабевают, или не только уже бесполезности и нелепости, но прямо безумия и жестокости военных приготовлений и войн, разоряющих и губящих народ и не имеющих никакого объяснения и оправдания, а между тем эти насилия продолжаются и даже поддерживаются теми самыми людьми, которые видят их бесполезность, нелепость, жестокость и страдают от них.

Ведь если 50 лет тому назад богатый, праздный и рабочий, безграмотный человек оба одинаково были уверены, что их положение вечного праздника для одних и вечного труда для других определено самим богом, то теперь уже не только в Европе, но и в России, благодаря передвижениям населения, распространению грамотности и книгопечатанию, трудно найти из богачей и из бедняков такого человека, в которого бы не запало с той или другой стороны сомнение в справедливости такого порядка. Не только богачи знают, что они виноваты уже

одним тем, что богаты, и стараются искупить свою вину, как прежде искупали грехи жертвами на церкви, жертвами на науку или искусство, но и бо́льшая половина рабочего народа прямо признает теперь существующий порядок ложным и подлежащим уничтожению или изменению. Одни люди, религиозные, каких у нас в России миллионы, так называемые сектанты, признают этот порядок ложным и подлежащим уничтожению на основании понятого в настоящем его смысле евангельского учения; другие считают его ложным на основании социалистических, коммунистических, анархических теорий, проникших теперь уже в низшие слои рабочего народа.

Насилие держится теперь уже не тем, что оно считается нужным, а только тем, что оно давно существует и так организовано людьми, которым оно выгодно, т. е. правительствами и правящими классами, что людям, которые находятся под их властью, нельзя вырваться из-под нее.

Правительства в наше время — все правительства, самые деспотические так же, как и либеральные, — сделались тем, что так метко называл Герцен Чингис-ханом с телеграфами, т. е. организациями насилия, не имеющими в своей основе ничего, кроме самого грубого произвола, и вместе с тем пользующимися всеми теми средствами, которые выработала наука для совокупной общественной мирной деятельности свободных и равноправных людей и которые они употребляют для порабощения и угнетения людей.

Правительства и правящие классы опираются теперь не на право, даже не на подобие справедливости, а на такую, с помощью усовершенствований науки, искусную организацию, при которой все люди захвачены в круг насилия, из которого нет никакой возможности вырваться. Круг этот составляется теперь из четырех средств воздействия на людей. Средства эти все связаны между собою и поддерживаются одно другим, как звенья кольцом соединенной цепи.

Первое, самое старое средство есть средство устрашения. Средство это состоит в том, чтобы выставлять существующее государственное устройство (какое бы оно ни было — свободное республиканское или самое дикое деспотическое) чем-то священным и неизменным и потому казнить самыми жестокими казнями все попытки изменения его. Средство это как употреблялось прежде, так употребляется и теперь неизменно везде,

где есть правительства: в России против так называемых нигилистов, в Америке против анархистов, во Франции против империалистов, монархистов, коммунаров и анархистов. Железные дороги, телеграфы, телефоны, фотографии и усовершенствованный способ без убийства удаления людей навеки в одиночные заключения, где они, скрытые от людей, гибнут и забываются, и многие другие новейшие изобретения, которыми преимущественно перед другими пользуются правительства, дают им такую силу, что, если только раз власть попала в известные руки и полиция, явная и тайная, и администрация, и всякого рода прокуроры, тюремщики и палачи усердно работают, нет никакой возможности свергнуть правительство, как бы оно ни было безумно и жестоко.

Второе средство есть средство подкупа. Оно состоит в том, чтобы, отобрав от трудового рабочего народа посредством денежных податей его богатства, распределять эти богатства между чиновниками, обязанными за это вознаграждение поддерживать и усиливать порабощение народа.

Подкупленные чиновники эти от высших министров до низших писцов, составляя одну неразрывную сеть людей, связанных одним и тем же интересом кормления себя трудами народа, тем более обогащаемые, чем покорнее они исполняют волю правительств, всегда и везде, не останавливаясь ни перед какими средствами, во всех отраслях деятельностей отстаивают словом и делом правительственное насилие, на котором и основано их благосостояние.

Третье средство есть то, что я не умею назвать иначе, как гипнотизация народа. Средство это состоит в том, чтобы задерживать духовное развитие людей и различными внушениями поддерживать их в отжитом уже человечеством понимании жизни, на котором и зиждется власть правительств. Гипнотизация эта в настоящее время организована самым сложным образом и, начиная свое воздействие с детского возраста, продолжается над людьми до их смерти. Начинается эта гипнотизация с первого возраста в нарочно для того устроенных и обязательных школах, в которых внушают детям воззрения на мир, свойственные их предкам и прямо противоречащие современному сознанию человечества. В странах, где есть государственная религия, детей обучают бессмысленным кощунствам церковных катехизисов, с указанием необходимости повиновения властям;

в республиканских государствах их обучают дикому суеверию патриотизма и той же мнимой обязательности повиновения правительствам. В более взрослых годах гипнотизация эта продолжается над людьми поощрением и религиозного суеверия и патриотического. Религиозное суеверие поощряется устройством на собранные с народа средства храмов, процессий, памятников, празднеств с помощью живописи, архитектуры, музыки, благовоний, одуряющих народ, и, главное, содержанием так называемого духовенства, обязанность которого состоит в том, чтобы своими представлениями, пафосом служб, проповедей, своим вмешательством в частную жизнь людей — при родах, при браках, при смертях — отуманивать людей и держать их в постоянном состоянии одурения. Патриотическое суеверие поощряется устройством правительствами и правящими классами на собранные с народа средства общественных торжеств, зрелищ, памятников, празднеств, располагающих людей к признанию исключительной значительности одного своего народа и величия одного своего государства и правителей его и к недоброжелательству и даже ненависти к другим народам. При этом деспотическими правительствами прямо воспрещается печатание и распространение книг и произнесение речей, просвещающих народ, и ссылаются или запираются все люди, могущие пробудить народ от его усыпления; кроме того, всеми правительствами без исключения скрывается от народа всё, могущее освободить его, и поощряется всё, развращающее его, как-то: писательство, поддерживающее народ в его дикости религиозных и патриотических суеверий, всякого рода чувственные увеселения, зрелища, цирки, театры и всякие даже физические средства одурения, как-то: табак, водка, составляющие главный доход государств; поощряется даже проституция, которая не только признается, но организуется большинством правительств. Таково третье средство.

Четвертое средство состоит в том, чтобы посредством трех предшествующих средств выделять из всех таким образом закованных и одуренных людей еще некоторую часть людей для того, чтобы, подвергнув этих людей особенным, усиленным способам одурения и озверения, сделать из них безвольные орудия всех тех жестокостей и зверств, которые понадобятся правительству. Достигается это одурение и озверение тем, что людей этих берут в том юношеском возрасте, когда в людях

не успели еще твердо сложиться какие-либо ясные понятия о нравственности, и, удалив их от всех естественных человеческих условий жизни: дома, семьи, родины, разумного труда, запирают вместе в казармы, наряжают в особенное платье и заставляют их при воздействии криков, барабанов, музыки, блестящих предметов ежедневно делать известные, придуманные для этого движения и этими способами приводят их в такое состояние гипноза, при котором они уже перестают быть людьми, а становятся бессмысленными, покорными гипнотизатору машинами. Эти-то загипнотизированные, физически сильные, молодые люди (теперь при общей воинской повинности все молодые люди), снабженные орудиями убийства, всегда покорные власти правительств и готовые по его приказанию на всякое насилие, и составляют четвертое и главное средство порабощения людей.

Этим средством замыкается круг насилия.

Устрашение, подкуп, гипнотизация приводят людей к тому, что они идут в солдаты; солдаты же дают власть и возможность и казнить людей, и обирать их (подкупая на эти деньги чиновников), и гипнотизировать, и вербовать их в те самые солдаты, которые дают власть делать всё это.

Круг замкнут, и вырваться из него силой нет никакой возможности.

Если некоторые люди утверждают, что освобождение от насилия или хотя бы ослабление его может произойти вследствие того, что угнетенные люди, свергнув силою угнетающее правительство, заменят его новым, таким, при котором уже не будет нужно такого насилия и порабощения людей, и некоторые люди пытаются делать это, то эти люди только обманывают себя и других и этим не улучшают, а только ухудшают положение людей. Деятельность этих людей только усиливает деспотизм правительств. Попытки освобождения этих людей дают только удобный предлог правительствам для усиления своей власти и вызывают усиление ее.

Если даже и допустить то, что вследствие особенно невыгодно сложившихся для правительства обстоятельств, как, например, во Франции в 1870 году, какое-либо из правительств было бы свергнуто силою и власть перешла бы в другие руки, то эта новая власть ни в каком случае не была бы менее угнетательной, чем прежняя, а всегда, напротив, защищая себя от всех

озлобленных свергнутых врагов, была бы более деспотична и жестока, чем прежняя, как это и было при всех революциях.

Если социалисты и коммунисты считают злом индивидуалистическое капиталистическое устройство общества, анархисты считают злом и самое правительство, то есть и монархисты, консерваторы, капиталисты, считающие злом социалистическое, коммунистическое устройство и анархию; и все эти партии не имеют иного, кроме насилия, средства соединить людей. Какая бы из этих партий ни восторжествовала, для введения в жизнь своих порядков, так же как и для удержания власти, она должна употребить не только все существующие средства насилия, но и придумать новые. Порабощены будут другие люди и людей будут принуждать к другому, но будет не только то же, но более жестокое насилие и порабощение, потому что вследствие борьбы усилится ненависть людей друг против друга и вместе с этим усилятся и выработаются новые средства порабощения.

Так всегда и было после всех революций и всех попыток революций, всех заговоров, всяких насильственных перемен правительств. Всякая борьба только усиливает средства порабощения тех, которые в данное время находятся во власти.

Положение людей нашего христианского мира и в особенности самые ходячие идеалы их с поразительной убедительностью доказывают это.

Остается теперь только одна область деятельности людской, не захваченная правительственной властью, — область семейная, экономическая, область частной жизни и труда. И эта область теперь, благодаря борьбе коммунистов и социалистов, уже понемногу захватывается правительствами, так что труд и отдых, помещение, одежда, пища людей, всё понемногу, если только исполнятся желания реформаторов, будет определяться и назначаться правительствами.

Весь длинный 1800-летний ход жизни христианских народов неизбежно привел их опять к обойденной ими необходимости решения вопроса принятия или непринятия учения Христа и вытекающего из него для общественной жизни решения вопроса о противлении или непротивлении злу насилием, но только с тою разницею, что прежде люди могли принять и не принять решение, данное христианством, теперь же это решение стало неизбежно, потому что оно одно избавляет их от того

положения рабства, в котором они, как в тенетах, запутали сами себя.

Но не одна бедственность положения людей приводит их к этой необходимости.

Рядом с отрицательным доказательством ложности языческого устройства шло и положительное доказательство истинности христианского учения.

Недаром в продолжение 18 веков лучшие люди всего христианского человечества, внутренним, духовным путем познав истины учения, свидетельствовали о них перед людьми, несмотря ни на какие угрозы, лишения, бедствия и мучения. Лучшие люди эти своим мученичеством запечатлевали истинность учения и передавали его массам.

Христианство проникало в сознание человечества не одним отрицательным путем доказательства невозможности продолжения языческой жизни, но и своим упрощением, уяснением, освобождением от примешавшихся к нему суеверий и распространением между всеми сословиями народа.

Восемнадцать веков исповедания христианства не прошли даром для людей, принявших его, хотя и внешним образом. Восемнадцать веков эти сделали то, что теперь люди, продолжая жить языческой жизнью, не соответствующей возрасту человечества, не только видят уже ясно всю бедственность того состояния, в котором они находятся, но в глубине души верят (только потому и живут, что верят) в то, что спасение от этого состояния только в исполнении христианского учения в его истинном значении. Как и когда совершится это спасение, все люди думают различно, соответственно своему умственному развитию и ходячим предрассудкам своей среды, но всякий человек нашего мира признает то, что спасение наше в исполнении христианского учения. Одни верующие люди, признающие христианское учение божественным, считают, что спасение наступит тогда, когда все люди поверят в Христа и приблизится второе пришествие; другие, также признающие божественность учения Христа, считают, что спасение это произойдет через церковь, которая, подчинив себе всех людей, воспитает в них христианские добродетели и преобразует их жизнь. Третьи, не признающие Христа богом, считают, что спасение людей произойдет через медленный, постепенный прогресс, при котором основы жизни языческой заменятся понемногу основами свободы, равенства,

братства, т. е. христианскими основами; четвертые, проповедующие. общественное переустройство, считают, что спасение произойдет тогда, когда посредством насильственного переворота люди будут принуждены к общности имущества, отсутствию правительств, коллективному, а не индивидуальному труду, т. е. к осуществлению одной из сторон христианского учения.

Так или иначе, но все люди нашего времени в сознании своем не только отрицают существующий отживший языческий строй жизни, но и признают, часто сами не зная этого и считая себя врагами христианства, то, что спасение наше только в приложении к жизни христианского учения или части его в его истинном значении.

Христианство для большинства людей, как и сказал его учитель, не могло осуществиться сразу, а должно было разрастаться, как огромнейшее дерево, из мельчайшего зерна. И так оно и разрасталось и разрослось теперь, если еще не в действительности, то в сознании людей нашего времени.

Теперь не одно меньшинство людей, всегда понимавших христианство внутренним путем, признает его в его истинном значении, но и всё то огромное большинство людей, кажущееся по своей общественной жизни столь далеко отстоящим от христианства.

Посмотрите на частную жизнь отдельных людей, прислушайтесь к тем оценкам поступков, которые люди делают, судя друг о друге, послушайте не только публичные проповеди и речи, но те наставления, которые дают родители и воспитатели своим воспитанникам, и вы увидите, что, как ни далека государственная, общественная, связанная насилием жизнь людей от осуществления христианских истин в частной жизни, хорошими всеми и для всех без исключения и бесспорно считаются только христианские добродетели; дурными всеми и для всех без исключения и бесспорно считаются антихристианские пороки. Лучшими людьми считаются те, которые самоотверженно посвящают свою жизнь на служение человечеству и жертвуют собой для других; худшими считаются себялюбивые, пользующиеся для своих личных выгод бедствиями ближних.

Если признаются еще некоторыми нетронутыми христианством людьми идеалы нехристианские: сила, храбрость, богатство, то это идеалы, переживаемые и разделяемые не всеми

и не людьми, признаваемыми лучшими. Всеми же разделяемых, всегда признаваемых обязательными для всех других идеалов, кроме христианских, нет.

Положение нашего христианского человечества, если посмотреть на него извне, с своей жестокостью и своим рабством людей, действительно ужасно. Но если посмотреть на него со стороны его сознания, то зрелище представляется совершенно другое.

Всё зло нашей жизни как будто существует только потому, что оно давно делалось, и люди, которые делают его, не успели, не научились еще перестать это делать, но все они не желают делать его.

Всё это зло существует по какой-то другой, как будто не зависимой от сознания людей, причине.

Как ни странно и ни противоречиво это кажется, все люди нашего времени ненавидят тот самый порядок вещей, который они сами же поддерживают.

Кажется, Макс Мюллер рассказывает про удивление одного индейца, обращенного в христианство, который, усвоив сущность христианского учения, приехал в Европу и увидал жизнь христиан. Человек этот не мог прийти в себя от удивления перед действительностью, совершенно противоположной той, которую он ожидал найти среди христианских народов.

Если мы не удивляемся на то противоречие между нашими верованиями, убеждениями и поступками, то это происходит только оттого, что влияния, скрывающие от людей это противоречие, действуют и на нас. Стоит только взглянуть на нашу жизнь с точки зрения того индейца, который понял христианство в его истинном значении без всяких уступок и приспособлений, и на те дикие зверства, которыми наполнена наша жизнь, чтобы ужаснуться перед теми противоречиями, среди которых мы живем, часто не замечая их.

Стоит только вспомнить приготовления к войнам, картечницы, посеребренные пули, торпеды — и Красный Крест; устройство одиночных тюрем, опыты электрических казней — и заботы о благоденствии заключенных; филантропическую деятельность богачей — и их жизнь, производящую тех бедных, которых они благодетельствуют. И противоречия эти не происходят оттого, как это может показаться, что люди притворяются христианами, когда они язычники, а, напротив,

оттого, что людям чего-то недостает или есть какая-то сила, которая мешает им быть тем, чем они уже чувствуют себя в своем сознании и чем они действительно хотят быть. Люди нашего времени не притворяются в том, что они ненавидят угнетение, неравенство, разделение людей и всякого рода жестокость не только к людям, но даже к животным, — они действительно ненавидят всё это, но не знают, как уничтожить это, или не решаются расстаться с тем, что поддерживает всё это и кажется им необходимым.

В самом деле, спросите порознь каждого человека нашего времени о том, считает ли он не только похвальным, но достойным человека нашего времени заниматься тем, чтобы, получая за это несоразмерное с трудами жалованье, собирать с народа — часто нищего — подати для того, чтобы на эти деньги строить пушки, торпеды и орудия убийства против людей, с которыми мы желаем быть в мире и которые этого же самого желают по отношению нас; или тем, чтобы опять за жалованье посвящать всю свою жизнь на устройство этих орудий убийства, или на то, чтобы самому готовиться к убийству и готовить к этому людей? И спросите, похвально ли, и достойно ли человека, и свойственно ли христианину заниматься тем, чтобы опять за деньги ловить несчастных, заблудших, часто безграмотных, пьяных людей за то, что они присваивают чужую собственность в гораздо меньших размерах, чем мы ее присваиваем, и убивают людей не так, как это нами принято делать, и за это сажать их в тюрьмы, мучить и убивать? И похвально ли, достойно ли человека и христианина опять за деньги проповедовать в народе вместо христианства заведомо нелепые и вредные суеверия? И похвально ли, достойно ли человека отнимать у ближнего для своей прихоти то, что необходимо ему для удовлетворения его первых потребностей, как это делают большие землевладельцы; или заставлять его нести сверхсильный, губящий жизнь труд для увеличения своих богатств, как это делают заводчики, фабриканты; или пользоваться нуждою людей для увеличения своих богатств, как это делают купцы? И всякий порознь, в особенности если один будет говорить про другого, скажет, что нет. И вместе с тем тот же самый человек, который видит всю гнусность этих поступков, сам, никем не принуждаемый, даже иногда и без денежной выгоды жалованья, сам, произвольно, из-за детского тщеславия, из-за фарфоровой побря-

кушки, ленточки, галунчика, которые ему позволят надеть, сам произвольно идет в военную службу, в следователи, мировые судьи, министры, урядники, архиереи, дьячки, в должности, в которых ему необходимо делать все эти дела, постыдность и гнусность которых он не может не знать.

Знаю, что многие из этих людей будут с самоуверенностью доказывать, что они считают свое положение не только законным, но необходимым, будут в защиту свою говорить, что власти от бога, что государственные должности необходимы для блага человечества, что богатство не противно христианству, что богатому юноше сказано отдать имение, только если он хочет быть совершен, что существующее теперь распределение богатств и торговля такими и должны быть и выгодны для всех и т. п. Но, как они ни стараются обмануть себя и других, все эти люди знают, что то, что они делают, противно всему тому, чему они верят, во имя чего они живут, и в глубине души,когда они остаются одни с своей совестью, им стыдно и больно вспомнить то, что они делают, особенно если гнусность их деятельности была указана им. Не может человек нашего времени, исповедуй он или не исповедуй божественности Христа, не знать, что участвовать в качестве ли царя, министра, губернатора, или урядника в том, чтобы продать у бедной семьи последнюю корову на подати для того, чтобы отдать эти деньги на пушки или на жалованье и пансионы роскошествующим, праздным и вредным чиновникам; или участвовать в том, чтобы посадить в тюрьму кормильца семьи за то, что мы сами развратили его, и пустить семью его по миру; или участвовать в грабежах и убийствах войн; или во внушении вместо Христова закона диких идолопоклоннических суеверий; или загнать забежавшую на свою землю корову человека, у которого нет земли; или с человека, работающего на фабрике, вычесть за нечаянно испорченный предмет; или содрать вдвое за предмет с бедного только потому, что он в крайней нужде; не может не знать ни один человек нашего времени, что все эти дела — скверные, постыдные и что делать их не надо. И все они знают это; все они знают, что то, что они делают, дурно, и ни за что бы не стали делать этого, если бы были в состоянии противостоять тем силам, которые, закрывая их глаза на преступность их поступков, влекут их к совершению их.

Ни на чем так поразительно не видна та степень противоречия, до которой дошла жизнь людей нашего времени, как на том самом явлении, которое составляет последнее и средство и выражение насилия, — на общей воинской повинности.

Ведь только оттого, что это состояние всеобщего вооружения и воинской повинности наступило шаг за шагом, незаметно и что для поддержания его правительствами употребляются все находящиеся в их власти средства устрашения, подкупа, одурения и насилия, мы не видим вопиющего противоречия этого состояния с теми христианскими чувствами и мыслями, которыми действительно проникнуты все люди нашего времени.

Противоречие это стало нам так привычно, что мы и не видим всей ужасающей бессмыслицы и безнравственности поступков не только тех людей, которые по своей охоте избирают профессию убийства, как нечто почтенное, но и тех несчастных людей, которые соглашаются исполнять воинскую повинность, или хотя тех, которые в странах, где не введена воинская повинность, добровольно отдают свои труды на наем солдат и приготовления к убийству. Ведь все эти люди или христиане, или люди, исповедующие гуманность и либеральность, знают, что, совершая эти поступки, они становятся участниками, а при личной воинской повинности совершителями самых бессмысленных, бесцельных, жестоких убийств, и все-таки совершают их.

Но мало этого, в Германии, там, откуда и взялась общая воинская повинность, Каприви высказал то, что старательно скрывалось прежде, то, что люди, которых надо будет убивать, не одни иноземцы, но свои, те самые рабочие, из которых взято большинство солдат. И это признание не открыло глаза людям, не ужаснуло их. И после этого, как и прежде, они продолжают идти, как бараны, в ставку и подчиняться всему тому, что от них требуют.

Но мало и этого: недавно немецкий император еще точнее разъяснил значение и призвание воина, отличив, благодарив и наградив солдата за то, что он убил беззащитного узника, пытавшегося бежать. Благодаря и награждая человека за поступок, всегда людьми, стоящими на самой низкой степени нравственности, считающийся самым подлым и низким, Вильгельм показал, что главная и более всего ценимая властями обязанность солдата состоит в том, чтобы быть палачом, и не таким, как профессиональные палачи, убивающие только

приговоренных преступников, но быть палачом всех тех невинных, которых велят убивать начальники.

Но мало и этого: в 1891 году тот же Вильгельм, enfant terrible государственной власти, высказывающий то, что другие думают, разговаривая с какими-то солдатами, публично сказал следующее, и на другой день тысячи газет перепечатывают эти слова:

«Рекруты! — говорит он. — В виду алтаря и служителя бога вы присягнули *мне* на верность. Вы еще слишком молоды, чтобы понять истинное значение всего сказанного здесь, но заботьтесь прежде всего о том, чтобы следовать всегда данным приказаниям и учениям. Вы присягнули *мне* на верность, это дети *моей* гвардии, значит, что вы теперь *мои* солдаты, что вы *предали себя мне душой и телом*. Для вас существует теперь один враг, а именно тот, кто *мой* враг. При теперешних социалистических происках *может случиться, что я прикажу вам стрелять в ваших собственных родственников, братьев, даже родителей* — от чего боже сохрани — *и тогда вы обязаны беспрекословно исполнять мои приказы*».

Человек этот высказывает то, что знают, но старательно скрывают все умные правители. Он говорит прямо, что люди, служащие в войске, служат *ему* и *его* выгоде и должны быть готовы для *его* выгоды убивать своих братьев и отцов.

Он прямо, самым грубым словом выражает весь тот ужас преступления, к которому готовятся люди, поступающие в солдаты, всю ту пучину унижения, до которой они доходят, обещаясь в повиновении. Он, как смелый гипнотизатор, пробует степень усыпления загипнотизированного: приставляет ему к телу раскаленное железо, тело шипит и дымит, но усыпленный не просыпается.

Жалкий, ошалевший от власти, больной человек этот своими словами оскорбляет всё, что может быть святого для человека нашего времени, и люди — христиане, либералы, образованные люди нашего времени, все, не только не возмущаются на это оскорбление, но даже не замечают его. Людям предлагается самое последнее, крайнее испытание в самой грубой, резкой форме. И люди как будто не замечают даже того, что это есть испытание, что им предстоит выбор. Им как будто кажется, что и нет никакого выбора и что есть только один путь рабской покорности. Казалось бы, безумные слова эти, оскорбляющие

всё то, что человек нашего времени считает святым, должны бы возмутить людей, но ничего подобного не случается. Все молодые люди всей Европы год за год подвергаются этому испытанию и за самыми малыми исключениями все отрекаются от всего, что есть и может быть святого для человека, все выражают готовность убить своих братьев, даже отцов по приказанию первого заблудшего человека, наряженного в обшитую красным и золотом ливрею, и только спрашивают, кого и когда им велят убивать. А они готовы.

Ведь у каждого дикого есть что-либо святое, за что он готов пострадать, но не уступить. Но где же это святое у человека нашего времени? Ему говорят: иди ко мне в рабство, в такое рабство, при котором придется убивать даже отца родного, и он, очень часто ученый, прошедший все науки в университете, покорно подставляет шею под хомут. Его наряжают в шутовской наряд, велят прыгать, кривляться, кланяться, убивать — он всё покорно делает. И когда его выпускают, он как встрепанный возвращается в прежнюю жизнь и продолжает толковать о достоинстве человека, свободе, равенстве и братстве.

«Да, но что же делать, — часто с искренним недоумением спрашивают люди. — Если бы все отказались, тогда бы так. А то что ж, я один пострадаю и никому и ничему не сделаю пользы».

И правда, человеку общественного жизнепонимания нельзя отказаться. Смысл его жизни — благо его личности. Для его личности ему лучше покориться, и он покоряется.

Что бы с ним ни делали, как бы ни мучили, как бы ни унижали его, он будет покоряться, потому что один он ничего не может сделать, у него нет той основы, во имя которой он мог бы противостоять насилию один. А соединиться им никогда не дадут те, которые управляют ими. Говорят часто, что изобретение страшных военных орудий убийства уничтожит войну; война уничтожит сама себя. Это неправда. Как можно увеличивать средства избиения людей, так можно увеличивать средства приведения к покорности людей общественного жизнепонимания. Пускай их бьют тысячами, миллионами, разрывают на части, — они все-таки одни, как бессмысленная скотина, будут идти на бойню, потому что их подгоняют хлыстом; другие будут идти потому, что им за это позволяют надеть ленточки и галунчики, и будут даже гордиться этим.

И тут-то с составом людей, одуренных до того, что они обещаются убивать своих родителей, общественные деятели — консерваторы, либералы, социалисты, анархисты — толкуют о том, как устроить разумное и нравственное общество. Да какое же разумное и нравственное общество можно устроить из таких людей? Как из гнилых и кривых бревен, как ни перекладывай их, нельзя построить дома, так из таких людей нельзя устроить разумное и нравственное общество. Из таких людей может образоваться только стадо животных, управляемое криками и кнутами пастухов. Так оно и есть.

И вот, с одной стороны, люди, христиане по имени, исповедующие свободу, равенство, братство, рядом с этим готовы во имя свободы к самой рабской, униженной покорности, во имя равенства к самым резким и бессмысленным, только по внешним признакам, разделениям людей на высших, низших, своих союзников и врагов, и во имя братства — готовы убивать этих братьев [1].

Противоречия сознания и вследствие этого бедственность жизни дошли до последней степени, дальше которой идти некуда. Жизнь, построенная на началах насилия, дошла до отрицания тех самых основ, во имя которых она была учреждена. Устройство общества на началах насилия, имевшее целью обеспечение блага личного, семейного и общественного, привело людей к полному отрицанию и уничтожению этих благ.

Первая часть пророчества совершилась над людьми и поколениями их, не принявшими учения, и потомки их приведены теперь к необходимости испытать справедливость второй части его.

IX

Положение народов христианских в наше время осталось столь же жестоким, каким оно было во времена язычества. Во многих отношениях, в особенности в порабощении людей, оно стало даже более жестоким, чем было во времена язычества.

[1] То, что у некоторых народов, у англичан и американцев, нет еще общей воинской повинности (хотя у них уже раздаются голоса в пользу ее), а вербовка и наем солдат, то это нисколько не изменяет положения рабства граждан по отношению правительств. Там каждый сам должен идти и убивать и быть убитым, здесь каждый должен отдавать свои труды на наем и приготовление убийц.

Но между положением людей в то время и в наше время та же разница, какая бывает для растений между последними днями осени и первыми днями весны. Там, в осенней природе, внешняя безжизненность соответствует внутреннему состоянию замирания; здесь же, весною, внешняя безжизненность находится в самом резком противоречии с состоянием внутреннего оживления и перехода к новой форме жизни.

То же и в том внешнем сходстве прежней языческой жизни с теперешней. Сходство это только внешнее: внутреннее состояние людей во времена язычества и в наше время совершенно различно.

Там внешнее состояние жестокости и рабства людей было в полном согласии с внутренним сознанием людей, и каждый шаг вперед увеличивал это согласие; здесь же внешнее состояние жестокости и рабства находится в полном противоречии с христианским сознанием людей, и каждый шаг вперед только увеличивает это противоречие.

Происходят как бы ненужные, бесполезные страдания. Происходит нечто подобное родам. Всё готово для новой жизни, но жизнь эта всё еще не появляется.

Положение кажется безвыходным. И оно было бы таковым, если бы человеку, а потому и всем людям, не была дана возможность иного, высшего понимания жизни, сразу освобождающего его от всех тех уз, которые, казалось, неразрывно связывали его.

И таково то, указанное еще 1800 лет тому назад человечеству, христианское понимание жизни.

Стоит человеку усвоить это жизнепонимание для того, чтобы сами собой распались те цепи, которые, казалось, так неразрывно сковывали его, и чтобы он почувствовал себя совершенно свободным, вроде того, как почувствовала бы себя свободной птица в загороженном кругом месте, когда бы она раскрыла свои крылья.

Говорят об освобождении христианской церкви от государства, о даровании или недаровании свободы христианам. В этих мыслях и выражениях есть какое-то странное недоразумение. Свобода не может быть дарована или отнята у христианина или христиан. Свобода есть неотъемлемое свойство христианина.

Если же говорится о даровании или отнятии свободы от христиан, то, очевидно, говорится не о действительных хри-

стианах, а о людях, только называющих себя христианами. Христианин не может не быть свободен потому, что достижение поставленной им для себя цели никем и ничем не может быть воспрепятствовано или хотя бы задержано.

Стоит человеку понять свою жизнь так, как учит понимать ее христианство, т. е. понять то, что жизнь его принадлежит не ему, его личности, не семье или государству, а тому, кто послал его в жизнь, понять то, что исполнять он должен поэтому не закон своей личности, семьи или государства, а ничем не ограниченный закон того, от кого он исшел, чтобы не только почувствовать себя совершенно свободным от всякой человеческой власти, но даже перестать видеть эту власть, как нечто могущее стеснять кого-либо.

Стоит человеку понять, что цель его жизни есть исполнение закона бога, для того чтоб этот закон, заменив для него все другие законы и подчинив его себе, этим самым подчинением лишил бы в его глазах все человеческие законы их обязательности и стеснительности.

Христианин освобождается от всякой человеческой власти тем, что считает для своей жизни и жизни других божеский закон любви, вложенный в душу каждого человека и приведенный к сознанию Христом, единственным руководителем жизни своей и других людей.

Христианин может подвергаться внешнему насилию, может быть лишен телесной свободы, может быть не свободен от своих страстей (делающий грех есть раб греха), но не может быть не свободен в том смысле, чтобы быть принужденным какою-либо опасностью или какою-либо внешнею угрозою к совершению поступка, противного своему сознанию.

Он не может быть принужден к этому потому, что составляющие могущественное орудие против людей общественного жизнепонимания, лишения и страдания, производимые насилием, не имеют для него никакой принудительной силы. Лишения и страдания, отнимающие у людей общественного жизнепонимания то благо, для которого они живут, не только не могут нарушить блага христианина, состоящего в сознании исполнения воли бога, но только могут усилить его, когда они постигают его за исполнение этой воли.

И потому христианин, подчиняясь одному внутреннему, божественному закону, не только не может исполнять

предписания внешнего закона, когда они не согласны с сознаваемым им божеским законом любви, как это бывает при правительственных требованиях, но не может признавать и обязательства повиновения кому и чему бы то ни было, не может признавать того, что называется подданством. Для христианина обещание подданства какому бы то ни было правительству,—тот самый акт, который считается основанием государственной жизни, есть прямое отречение от христианства, потому что человек безусловно вперед обещающийся подчиняться тем законам, которые составляют и будут составлять люди, этим обещанием самым положительным образом отрекается от христианства, состоящего в том, чтобы во всех случаях жизни подчиняться только сознаваемому им в себе божескому закону любви.

Можно было при языческом миросозерцании обещаться исполнять волю светских властей, не нарушая волю бога, полагаемую в обрезании, субботе, определенной временем молитве, воздержании от известного рода пищи и т. п. Одно не противоречило другому. Но тем-то и отличается христианское исповедание от языческого, что оно требует от человека не известных внешних отрицательных действий, а ставит его в иное, чем прежде, отношение к людям, из которого могут вытекать самые разнообразные, не могущие быть вперед определенными поступки, и потому христианин не может обещаться не только исполнять чью-либо другую волю, не зная, в чем будут состоять требования этой воли, не может повиноваться изменяющимся законам человеческим, но не может и обещаться что-либо определенное делать в известное время или от чего-либо в известное время воздержаться, потому что он не может знать, чего и в какое время потребует от него тот христианский закон любви, подчинение которому составляет смысл его жизни. Христианин, обещаясь вперед безусловно исполнять законы людей, этим обещанием заявил бы то, что внутренний закон божий не составляет уже для него единственный закон его жизни.

Христианину обещаться в повиновении людям или законам людским — всё равно что нанявшемуся к хозяину работнику обещаться вместе с тем исполнять всё то, что ему прикажут еще и чужие люди. Нельзя служить двум господам.

Христианин освобождается от человеческой власти тем, что признает над собой одну власть бога, закон которой, откры-

тый ему Христом, он сознает в самом себе, и подчиняется только ей.

И освобождение это совершается не посредством борьбы, не разрушением существующих форм жизни, а только изменением понимания жизни. Освобождение происходит вследствие того, что, во-первых, христианин признает закон любви, открытый ему его учителем, совершенно достаточным для отношений людских и потому считает всякое насилие излишним и беззаконным, и, во-вторых, вследствие того, что те лишения, страдания, угрозы страданий и лишений, которыми общественный человек приводится к необходимости повиновения, для христианина, при его ином понимании жизни, представляются только неизбежными условиями существования, которые он, не борясь против них насилием, терпеливо переносит, как болезни, голод и всякие другие бедствия, но которые никак не могут служить руководством его поступков. Руководством поступков христианина служит только живущее в нем божественное начало, ничем не могущее быть стесненным или направленным.

Христианин поступает по слову пророчества, приложенного к его учителю: «Не воспрекословит, не возопиет и никто не слышит на улицах голоса его. Трости надломленной не переломит и льна курящегося не угасит, *доколе не доставит суду победы*» (Мф. XII, 19—20).

Христианин ни с кем не спорит, ни на кого не нападает, ни против кого не употребляет насилия; напротив того, сам беспрекословно переносит насилие; но этим самым отношением к насилию не только сам освобождается, но и освобождает мир от всякой внешней власти.

«Познаете истину, и истина сделает вас свободными» (Иоан. VIII, 32). Если бы было сомнение в том, что христианство есть истина, то та полная свобода, ничем не могущая быть стесненной, которую испытывает человек, как скоро он усваивает христианское жизнепонимание, была бы несомненным доказательством его истинности.

Люди в теперешнем своем состоянии подобны отроившимся пчелам, висящим кучею на ветке. Положение пчел на ветке временное и неизбежно должно быть изменено. Они должны подняться и найти себе новое жилище. Каждая из пчел знает это и желает переменить свое положение и положение других,

но ни одна не может этого сделать до тех пор, пока не сделают этого остальные. Все же не могут вдруг подняться потому, что одна висит на другой и мешает ей отделиться от роя, и потому все продолжают висеть. Казалось бы, пчелам нет из этого положения никакого выхода, как это кажется людям мирским, запутавшимся в тенета общественного миросозерцания. Но выхода не было бы пчелам, если бы каждая из пчел не была отдельно живущим существом, одаренным крыльями. Не было бы выхода и людям, если бы каждый из них не был живым отдельным существом, одаренным способностью усвоения христианского жизнепонимания.

Если бы каждая пчела, та, которая может лететь, не полетела бы, никогда не тронулись бы и остальные и никогда рой не изменил бы своего положения. И если бы тот человек, который усвоил христианское жизнепонимание, не стал бы, не дожидаясь других, жить сообразно с этим пониманием, никогда бы человечество не изменило своего положения. И как стоит одной пчеле раскрыть крылья, подняться и полететь и за ней другой, третьей, десятой, сотой, для того чтобы висевшая неподвижно кучка стала бы свободно летящим роем пчел, так точно стоит только одному человеку понять жизнь так, как учит его понимать ее христианство, и начать жить так, и за ним сделать то же другому, третьему, сотому, для того чтобы разрушился тот заколдованный круг общественной жизни, из которого, казалось, не было выхода.

Но люди думают, что освобождение всех людей этим способом слишком медленно, что нужно найти и употребить другое такое средство, которым можно бы было освободить всех сразу. Вроде того, как если бы пчелы, желающие подняться и улететь, находили бы, что слишком долго дожидаться, пока поднимется весь рой по одной пчеле, а надо найти такое средство, при котором не нужно бы было каждой отдельной пчеле раскрыть крылья и полететь, а вместе с тем и рой полетел бы, куда ему надо. Но это невозможно: до тех пор, пока первая, вторая, третья, сотая пчела свободно не раскроет свои крылья и не полетит, не полетит и рой и не найдет новой жизни. Пока не усвоит каждый отдельный человек христианского жизнепонимания и не станет жить сообразно с ним, не разрешится противоречие жизни людской и не установится новой формы жизни.

Одно из поразительных явлений нашего времени это — та проповедь рабства, которая распространяется в массах не только правительствами, которым это нужно, но теми людьми, которые, проповедуя социалистические теории, считают себя поборниками свободы.

Люди эти проповедуют, что улучшение жизни, приведение действительности в согласие с сознанием произойдет не вследствие личных усилий отдельных людей, а само собой, вследствие известного, кем-то произведенного насильственного переустройства общества. Проповедуется то, что людям не надо идти самим своими ногами туда, куда они хотят и куда им нужно, но что под них подведется такой пол, по которому они, не идя своими ногами, придут туда, куда им нужно. И потому все усилия их должны быть направлены не на то, чтобы идти по мере сил туда, куда им нужно, а на то, чтобы, стоя на месте, устраивать этот воображаемый пол.

В экономическом отношении проповедуется теория, сущность которой в том, что чем хуже, тем лучше, что чем больше будет скопления капитала и потому угнетения рабочего, тем ближе освобождение, и потому всякое личное усилие человека освободиться от давления капитала бесполезно; в государственном отношении проповедуется, что чем больше будет власть государства, которая должна по этой теории захватить не захваченную еще теперь область частной жизни, тем это будет лучше, и что потому надо призывать вмешательство правительств в частную жизнь; в политических и международных отношениях проповедуется то, что увеличение средств истребления, увеличение войск приведут к необходимости разоружения посредством конгрессов, арбитраций и т. п. И удивительное дело, косность людей так велика, что люди верят этим теориям, несмотря на то, что весь ход жизни, каждый шаг вперед обличает неверность их.

Люди страдают от угнетения, и для избавления их от этого угнетения советуется людям придумывать общие средства улучшения своего положения, которые будут приложены властью, самим же продолжать подчиняться власти. И, очевидно, вследствие этого происходит только всё бо́льшее увеличение власти и вследствие того увеличение угнетения.

Ни одно из заблуждений людей не удаляет их столько от той цели, к которой они стремятся, как именно это. Люди для

достижения поставленной себе цели делают всякие, самые разнообразные дела, но только не то одно, простое и прямое дело, которое предстоит каждому. Люди придумывают самые хитрые способы изменения того положения, которое тяготит их, но только не тот самый простой, чтобы каждому не делать того самого, что̀ и производит это положение.

Мне рассказывали случай, происшедший с храбрым становым, который, приехав в деревню, где бунтовали крестьяне и куда были вызваны войска, взялся усмирить бунт в духе Николая I, один, своим личным влиянием. Он велел привезти несколько возов розог и, собрав всех мужиков в ригу, с ними вместе вошел туда, заперся и так напугал сначала мужиков своим криком, что они, повинуясь ему, стали по его приказанию сечь друг друга. И так они секли друг друга до тех пор, пока не нашелся один дурачок, который не дался сам и закричал товарищам, чтобы они не секли друг друга. Только тогда прекратилось сечение, и становой убежал из риги. Вот этому-то совету дурачка никак не могут последовать общественные люди, которые, не переставая, секут сами себя и этому самосечению учат людей как последнему слову мудрости человеческой.

В самом деле, можно ли представить себе более поразительный пример того, как люди сами секут себя, чем та покорность, с которой люди нашего времени исполняют возлагаемые на них те самые обязанности, которые приводят их в рабство, в особенности воинскую повинность. Люди, очевидно, порабощают сами себя, страдают от этого рабства и верят тому, что это так и надо, что это ничего и не мешает освобождению людей, которое готовится где-то и как-то, несмотря на всё увеличивающееся и увеличивающееся рабство.

В самом деле, живет человек нашего времени — кто бы он ни был (я не говорю про истинного христианина, а про рядового человека нашего времени), образованный или необразованный, верующий или неверующий, богатый или бедный, семейный или несемейный. Живет такой человек нашего времени, работая свою работу или веселясь своими весельями, потребляя плоды своих или чужих трудов для себя и для близких, как и все люди, ненавидя всякого рода стеснения и лишения, вражду и страдания. Живет спокойно такой человек: вдруг к нему приходят люди и говорят ему: во-1-х, обещайся и поклянись нам, что ты будешь рабски повиноваться нам во всем

том, что мы предпишем тебе, и будешь считать несомненной истиной и подчиняться всему тому, что мы придумаем, решим и назовем законом; во-вторых, отдай часть твоих трудов в наше распоряжение; мы будем употреблять эти деньги на то, чтобы держать тебя в рабстве и помешать тебе противиться насилием нашим распоряжениям; в-3-х, избирай и сам избирайся в мнимые участники правительства, зная при этом, что управление будет происходить совершенно независимо от тех глупых речей, которые ты будешь произносить с подобными тебе, и будет происходить по нашей воле, по воле тех, в руках кого войско; в-четвертых, в известное время являйся в суд и участвуй во всех тех бессмысленных жестокостях, которые мы совершаем над заблудшими и развращенными нами же людьми, под видом тюремных заключений, изгнаний, одиночных заключений и казней. И, наконец, в-пятых, сверх всего этого, несмотря на то, что ты будешь находиться в самых дружественных сношениях с людьми других народов, будь готов тотчас же, когда мы тебе велим это, считать тех из этих людей, которых мы тебе укажем, своими врагами и содействовать лично или наймом разорению, ограблению, убийству их мужчин, жен, детей, стариков, а может быть, и твоих одноплеменников, может быть, и родителей, если это нам понадобится.

Казалось бы, что может ответить на такие требования всякий неодуренный человек нашего времени?

«Да зачем же я буду делать всё это, — казалось бы, с удивлением должен сказать всякий душевно здоровый человек. — Зачем я буду обещаться повиноваться всему тому, что мне велят нынче Салисбюри, завтра Гладстон, нынче Буланже, завтра палата из таких же Буланже, нынче Петр III, завтра Екатерина, послезавтра Пугачев, нынче баварский сумасшедший король, завтра Вильгельм? Зачем я буду обещаться повиноваться им, зная их за дурных или же пустых людей или вовсе не зная их? Зачем я буду под видом подати отдавать им плоды своих трудов, зная, что деньги употребляются на подкуп чиновников, тюрьмы, церкви, войска, на дурные дела и на мое же порабощение, зачем я буду сечь сам себя? Зачем я пойду, теряя свое время и отводя себе глаза и придавая насильникам подобие законности, участвовать в выборах и притворяться, что я участвую в управлении, когда я знаю очень хорошо, что управление государством в руках тех, в руках кого войско? Зачем я пойду

в судах участвовать в истязаниях и казнях людей за то, что они заблуждаются, зная, если я христианин, что закон мести заменен законом любви, и, если я образованный человек, то, что наказания не улучшают, а только ухудшают людей, которых им подвергают? И зачем, главное, я из-за того только, что ключи от иерусалимского храма будут у того, а не у этого архиерея, что в Болгарии будет князем тот, а не этот немец, и что тюленей будут ловить английские, а не американские купцы, признаю врагами людей соседнего народа, с которыми я жил до сих пор и желаю жить в любви и согласии, и найму солдат или сам пойду убивать и разорять их и сам подвергнусь их нападению? И зачем, главное, буду содействовать лично ли, или наймом военной силы порабощению и убийству своих братьев и отцов? Зачем я буду сечь сам себя? Всё это мне не нужно, и всё это мне вредно, и всё это со всех сторон безнравственно, подло, скверно. Так зачем же я буду делать это? Если вы говорите, что без этого мне от кого-то будет худо, то, во-первых, ничего столь худого, как то худое, которое вы мне причиняете, если я послушаюсь вас, мне ни от кого не предвидится; во-вторых, мне совершенно ясно, что если мы сами не будем сечь себя, то и никто не будет сечь нас. Ведь правительство — это цари, министры, чиновники с перьями, которые меня ни к чему, как тот становой мужиков, принудить не могут: поведут меня насильно в суд, в тюрьму, на казнь не цари и чиновники с перьями, а те самые люди, которые находятся в таком же положении, как и я. А им так же бесполезно и вредно, и неприятно быть сеченными, как и мне, и потому, по всем вероятиям, если я им открою глаза, они не только не должны насиловать меня, но должны сделать то же, что и я.

В-третьих, если бы даже и случилось то, что мне пришлось бы пострадать за это, то и тогда мне выгоднее быть сосланным или запертым в тюрьму, отстаивая здравый смысл и добро — то, что, не нынче-завтра, то через очень короткое время, должно восторжествовать, чем пострадать за глупость и зло, которые нынче-завтра должны кончиться. И потому даже и в этом случае выгоднее рисковать тем, что меня сошлют, запрут в тюрьму и даже казнят, чем тем, что по моей же вине я проживу всю жизнь в рабстве у дурных людей, могу быть разорен вторгнувшимся неприятелем, им по-дурацки искалечен и убит, отстаи-

вая пушку, или никому не нужныи клочок земли, или глупую тряпку, называемую знаменем.

Я не хочу сечь сам себя и не буду. Мне незачем это делать. Делайте сами, коли вы этого хотите, а я не буду».

Казалось бы, не только религиозное или нравственное чувство, но самое простое рассуждение и расчет должны бы заставить каждого человека нашего времени ответить и поступить так. Но нет: люди общественного жизнепонимания находят, что поступать так не нужно и даже вредно для достижения цели освобождения людей от рабства, а надо продолжать, как те мужики станового, сечь друг друга, утешая себя тем, что то, что мы болтаем в палатах и на собраниях, составляем союзы рабочих, гуляем 1-го мая по улицам, делаем заговоры и исподтишка дразним правительство, которое сечет нас, что это сделает всё то, что мы, всё больше и больше закабаляя себя, очень скоро освободимся.

Ничто не мешает столько освобождению людей, сколько это удивительное заблуждение. Вместо того чтобы каждому человеку направить свои силы на освобождение самого себя, на изменение своего жизнепонимания, люди ищут внешнего совокупного средства освобождения и тем всё больше и больше заковывают себя.

Вроде как если бы люди утверждали, что для того, чтобы развести жар, нужно не то, чтобы разжечь каждый уголь, а то, чтобы расположить уголья известным образом.

А между тем то, что освобождение всех людей произойдет именно через освобождение отдельных лиц, становится в последнее время всё более и более очевидным. Освобождение отдельных лиц во имя христианского жизнепонимания от государственного порабощения, бывшее прежде исключительным и незаметным явлением, получило в последнее время угрожающее для государственной власти значение.

Если в прежнее время, во времена Рима, в Средние века, случалось, что христианин, исповедуя свое учение, отказывался от участия в жертвах, от поклонения императорам, богам, или в Средние века от поклонения иконам, от признания папской власти, то отрицания эти, во-первых, были случайны: человек мог быть поставлен в необходимость исповедания своей веры и мог прожить жизнь, не будучи поставлен в эту необходимость. Теперь же этим испытаниям веры подвергаются все люди без

исключения. Всякий человек нашего времени поставлен в необходимость признать свое участие в жестокостях языческой жизни или отвергнуть ее. И, во-вторых, в те времена отказы от поклонения богам, иконам, папе составляли не существенные для государства явления: сколько бы людей поклонялось или не поклонялось богам или иконам, или папе, государство оставалось столь же сильно. Теперь же отказы от нехристианских требований правительств подрывают под корень самую государственную власть, потому что на исполнении этих нехристианских требований зиждется вся власть государства.

Мирские власти были ходом жизни приведены к тому положению, что для своего поддержания они должны требовать от всех людей таких поступков, которые не могут быть исполнены людьми, исповедующими истинное христианство.

И потому в наше время всякое исповедание отдельным человеком истинного христианства подрывает в самом существенном власть правительства и неизбежно влечет за собой освобождение всех.

Что, казалось бы, важного в таких явлениях, как отказы нескольких десятков шальных, как их называют, людей, которые не хотят присягать правительству, не хотят платить подати, участвовать в суде и в военной службе? Людей этих наказывают и удаляют, и жизнь идет по-старому. Казалось бы, нет ничего важного в этих явлениях, а между тем эти-то явления более всего другого подрывают власть государства и подготовляют освобождение людей. Это те отдельные пчелы, которые начинают отделяться от роя и летают около, ожидая того, что не может задержаться,— чтобы весь рой поднялся за ними. И правительства знают это и боятся этих явлений больше всех социалистов, коммунистов, анархистов и их заговоров с динамитными бомбами.

Наступает новое царствование; по общему правилу и заведенному порядку требуется, чтобы все подданные присягнули новому правительству. Делается общее распоряжение. Призывают всех в собор для присяги. Вдруг один человек в Перми, другой в Туле, третий в Москве, четвертый в Калуге объявляют, что они присягать не будут, и объясняют свой отказ все, не сговариваясь между собой, одним и тем же, тем, что по христианскому закону клятва запрещена, но что если бы клятва и не была запрещена, то они по духу христианского закона

не могут обещаться совершать те дурные поступки, которые требуются от них в присяге, как-то: доносить на всех тех, которые будут нарушать интересы правительства, защищать с оружием в руках свое правительство или нападать на врагов его. Их призывают к становым, исправникам, священникам, губернаторам, увещевают, упрашивают, угрожают и наказывают, но они остаются при своем решении и не присягают. И среди миллионов присягавших живут десятки не присягавших. И их спрашивают:

— Как же вы не присягали?

— Так и не присягали.

— И что же, ничего?

— Ничего.

Подданные государства обязаны все платить подати. И все платят, но один человек в Харькове, другой в Твери, третий в Самаре отказываются платить подать, говоря все, как бы сговорившись, одно и то же. Один говорит, что он заплатит только тогда, когда ему скажут, на что пойдут отбираемые от него деньги. Если на добрые дела, говорит он, то он сам даст и больше того, что от него требуют. Если же на злые, то не даст добровольно ничего, потому что по закону Христа, которому он следует, он не может содействовать злым делам. То же, хотя и другими словами, говорят и другие и не дают добровольно подати. У тех, у которых есть что взять, отбирают насильно имущество; тех же, у которых нечего взять, оставляют в покое.

— Что же, так и не заплатил подать?

— Не заплатил.

— И что же, ничего?

— Ничего.

Учреждены паспорты. Все, отлучающиеся от места жительства, обязаны брать их и платить за это пошлины. Вдруг в разных местах являются люди, которые говорят, что брать паспорты не нужно, что не следует признавать свою зависимость от государства, живущего насилием, и люди эти не берут паспортов и не платят за них пошлину. И опять ничем нельзя заставить этих людей исполнять требуемое. Их запирают в остроги и опять выпускают, и люди живут без паспортов.

Все крестьяне обязаны исполнять полицейские должности сотских, десятских и т. п. Вдруг в Харькове крестьянин отказывается исполнять эту обязанность, объясняя свой отказ тем,

что по тому христианскому закону, который он исповедует, он не может никого связывать, запирать, водить из места в место. То же заявляет крестьянин в Твери, в Тамбове. Крестьян ругают, бьют, сажают в заключение, но они остаются при своем решении и не исполняют противного своей вере. И их перестают выбирать в сотские, и опять ничего.

Все граждане должны участвовать в суде в качестве присяжных. Вдруг самые разнообразные люди: каретники, профессора, купцы, мужики, дворяне, как бы сговорившись, отказываются от этих обязанностей, и не по причинам, признаваемым законом, а потому, что самый суд, по их убеждению, есть дело незаконное, нехристианское, которое не должно существовать. Людей этих штрафуют, стараясь не дать им публично высказать мотивы отказа, и заменяют другими. Точно так же поступают и с теми, которые на тех же основаниях отказываются быть на суде свидетелями. И тоже ничего.

Все люди 21-го года обязаны брать жребий. Вдруг один молодой человек в Москве, другой в Твери, третий в Харькове, четвертый в Киеве как бы по предварительному уговору являются в присутствие и заявляют, что они ни присягать, ни служить не будут, потому что они христиане. Вот подробности одного из первых, с тех пор как отказы эти стали учащаться, случаев, который мне хорошо известен.[1] Во всех других случаях повторялось приблизительно то же. Молодой человек среднего образования отказывается в Московской думе. На слова его не обращают внимания и требуют, чтобы он, так же как и другие, произнес слова присяги. Он отказывается, указывая на определенное место Евангелия, запрещающее клятву. На его доводы не обращают внимания и требуют исполнения приказания, но он не исполняет его. Тогда предполагается, что он сектант и потому неправильно понимает христианство, т. е. не так, как понимают его оплачиваемые государством священники. И молодого человека под конвоем отправляют к священникам, чтобы вразумить его. Священники начинают вразумлять молодого человека, но убеждения их во имя Христа отказаться от Христа, очевидно, не действуют на молодого человека, и его возвращают опять в войско, объявляя его неисправимым. Молодой человек

[1] Все подробности как этого случая, так и предшествующих подлинны.

продолжает не присягать и открыто отказывается от исполнения военных обязанностей. Случай этот не предвиден законом. Допустить отказ от исполнения требований начальства нельзя, но и приравнять этот случай простому неповиновению тоже нельзя. По совещании между собой военные власти решаются, чтобы избавиться от затруднительного молодого человека, признать его революционером и отсылают его под конвоем в управление тайной полиции. Полицейские и жандармы допрашивают молодого человека, но всё, что он говорит, не подходит ни под одно из подлежащих их ведению преступлений, и нет никакой возможности обвинить его ни в революционных поступках, ни в заговорах, так как он объявляет, что он ничего не желает разрушать, а, напротив, отрицает всякое насилие и ничего не скрывает, а ищет случая говорить и делать то, что он говорит и делает, самым открытым образом. И жандармы, несмотря на отсутствие для них законов, так же как и духовенство, не находя никакого повода к обвинению молодого человека, возвращают его опять в войско. Опять совещаются начальники и решают хотя и не присягавшего молодого человека принять и зачислить в солдаты. Его одевают, зачисляют и отправляют под стражею на место размещения войск. На месте размещения войск начальник части, в которую он поступает, опять требует от молодого человека исполнения военных обязанностей, и он опять отказывается повиноваться и при других солдатах высказывает причину своего отказа, говорит, что он, как христианин, не может добровольно готовиться к убийству, запрещенному еще законом Моисея.

Дело происходит в провинциальном городе. Случай вызывает интерес и даже сочувствие не только в посторонних, но и в офицерах, и потому начальники не решаются употребить обычную дисциплинарную меру за отказ в повиновении. Для приличия, однако, молодого человека запирают в тюрьму и пишут в высшее военное управление, спрашивая, что делать? С официальной точки зрения отказ от участия в военной службе, в которой служит сам царь и которая благословляется церковью, представляется сумасшествием, и потому из Петербурга пишут, что так как молодой человек должен быть не в своем рассудке, то, не употребляя еще против него крутых мер, отправить его для исследования его душевного здоровья и для излечения его в дом умалишенных. Его отправляют в надежде,

что он там и останется, как десять лет тому назад было с отказавшимся в Твери от военной службы другим молодым человеком, которого мучили в сумасшедшем доме до тех пор, пока он покорился. Но и эта мера не спасает военное начальство от неудобного молодого человека. Доктора свидетельствуют его, очень заинтересовываются им и, разумеется, не найдя в нем никаких признаков душевной болезни, возвращают опять в войско. Его принимают и, делая вид, что забыли про его отказ и мотивы его, ему опять предлагают идти на учение, и опять он при других солдатах отказывается и заявляет о причине своего отказа. Дело это всё больше и больше обращает на себя внимание и солдат и жителей города. Опять пишут в Петербург и оттуда выходит решение перевести молодого человека в войска, стоящие на окраинах, в места, где войска находятся на военном положении и где за отказ повиноваться можно расстрелять его, и где дело это может пройти незаметно, так как в далеком крае этом очень мало русских и христиан, а большинство инородцы и магометане. Так и делают. Молодого человека перечисляют в войска, стоящие в Закаспийском крае, и с преступниками отправляют к начальнику, известному своею решительностью и строгостью.

Во всё это время, при всех этих пересылках из места в место, с молодым человеком обращаются грубо, держат его в холоде, голоде и нечистоте и вообще всячески делают его жизнь мучительною. Но все эти истязания не заставляют его изменить своему решению. В Закаспийском крае, когда ему опять предлагают идти в караул с оружием, он опять отказывается повиноваться. Он не отказывается идти стоять подле стогов сена, куда его посылают, но отказывается взять оружие, объявляя, что он ни в каком случае ни против кого не будет употреблять насилие. Всё это происходит перед другими солдатами. Оставить такой отказ безнаказанно нельзя, и молодого человека отдают под суд за нарушение дисциплины. Происходит суд, и молодого человека приговаривают к заключению в военной тюрьме на два года. Опять по этапу с преступниками его пересылают на Кавказ и там заключают в тюрьму, где он подпадает под бесконтрольную власть тюремщика. Там его мучают полтора года, но он все-таки не изменяет своего решения не брать в руки оружия и всем тем, с кем ему приходится быть в сношениях, объясняет, почему он этого не делает, и в конце

второго года его отпускают на свободу раньше срока, зачислив, противно закону, содержание в тюрьме за службу, желая только поскорее отделаться от него.

Точно так же, как этот молодой человек, как бы сговорившись, поступают и другие люди в разных концах России, и во всех этих случаях образ действия правительства тот же робкий, неопределенный и скрытный. Некоторых из таких людей отправляют в сумасшедшие дома, некоторых зачисляют в писаря и переводят на службу в Сибирь, некоторых в лесничие, некоторых запирают в тюрьмы, некоторых штрафуют. И теперь несколько таких отказавшихся сидят по тюрьмам не за сущность дела — за отрицание законности действий правительства, а за неисполнение частных требований начальства. Так, недавно офицера запаса, не давшего сведения о своем местопребывании и заявившего о том, что он не будет более служить военным, оштрафовали за неисполнение распоряжений власти 30 рублями, которые он тоже отказался заплатить добровольно. Так, недавно несколько крестьян и солдат, отказавшихся участвовать в учении и брать в руки ружье, за неповиновение и возражение посадили под арест.

И случаи отказов этих от исполнения государственных требований, противных христианству, в особенности отказы от военной службы, совершаются в последнее время и не в одной России, а везде. Так, мне известно, что в Сербии люди из так называемой секты назаренов постоянно отказываются от военной службы и австрийское правительство уже несколько лет тщетно борется с ними, подвергая их тюремному заключению. В 1885 году отказов таких было 130. В Швейцарии, я знаю, что в 1890-х годах в Шильонском замке сидели люди за отказ от исполнения воинской повинности, не изменившие вследствие наказания своего решения. Такие же отказы были в Швеции, и точно так же отказывающиеся были заключены в тюрьмы, и правительство старательно скрывало эти случаи от народа. Были такие отказы и в Пруссии. Я знаю про унтер-офицера гвардии, который в 1891 году в Берлине объявил начальству, что он, как христианин, не будет продолжать службу и, несмотря на все увещания, угрозы и наказания, остался при своем решении. Во Франции, на юге ее, возникла в последнее время община людей, носящих название гинчистов, Hinschist (сведения эти взяты из «Peace Herold», 1891 г., июль), члены

которои отказываются на основании христианского исповедания от исполнения воинской повинности и сначала зачислялись в госпитали, но теперь, по мере увеличения их, подвергаются наказаниям за неповиновение, но все-таки не берут в руки оружия.

Социалисты, коммунисты, анархисты с своими бомбами, бунтами и революциями далеко не так страшны правительствам, как эти разрозненные люди, с разных стран заявляющие свои отказы, — все на основании одного и того же всем знакомого учения. Всякое правительство знает, как и чем защищать себя от революционеров, и имеет на это средства и потому не боится этих внешних врагов. Но что делать правительствам против тех людей, которые обличают бесполезность, излишество и вредность всяких правительств и не борются с ними, а только не нуждаются в них, обходятся без них и потому не хотят участвовать в них?

Революционеры говорят: «Государственное устройство дурно тем-то и тем-то, нужно разрушить его и заменить таким-то и таким-то». Христианин же говорит: «Я ничего не знаю про государственное устройство, про то, насколько оно хорошо или дурно, и не желаю разрушать его именно потому, что не знаю, хорошо ли оно, или дурно, но по этой-то самой причине и не желаю поддерживать его. И не только не желаю, но не могу, потому что то, что требуется от меня, противно моей совести».

Противны же совести христианина все обязанности государственные: и присяга, и подати, и суды, и войско. А на этих самых обязанностях зиждется вся власть государства.

Враги революционные извне борются с правительством. Христианство же вовсе не борется, но изнутри разрушает все основы правительства.

Среди русского народа, в котором, особенно со времени Петра I, никогда не прекращался протест христианства против государства, среди русского народа, в котором устройство жизни таково, что люди общинами уходят в Турцию, в Китай, в необитаемые земли и не только не нуждаются в правительстве, но смотрят на него всегда как на ненужную тяжесть и только переносят его как бедствие, будь оно турецкое, русское или китайское, — среди русского народа в последнее время стали всё чаще и чаще появляться случаи христианского сознатель-

ного освобождения отдельных лиц от подчинения себя правительству. И проявления эти особенно страшны правительству теперь тем, что отказывающиеся часто принадлежат не к так называемым низшим, необразованным сословиям, а к людям среднего и высшего образования, и тем, что люди эти объясняют свои отказы уже не какими-либо мистическими исключительными верованиями, как это было прежде, не соединяют их с какими-либо суевериями и изуверствами, как это делают самосожигатели или бегуны, а причинами своего отказа выставляют самые простые и ясные, всем доступные и всеми признаваемые истины.

Так, отказываются от добровольной уплаты податей, потому что подати употребляются на дела насилия: жалованье насильникам, военным, на устройство тюрем, крепостей, пушек, а они, как христиане, считают грешным и безнравственным участвовать в этих делах. Отказывающиеся от общей присяги отказываются потому, что обещаться в повиновении властям, т. е. людям, предающимся насилиям, противно смыслу христианского учения; отказываются от присяги в судах потому, что клятва прямо запрещена Евангелием. Отказываются от должностей полицейских, потому что при этих должностях приходится употреблять насилие против своих братьев и мучить их, а христианин не может делать этого. Отказываются от участия в суде, потому что считают всякий суд исполнением закона мести, не совместимого с христианским законом прощения и любви. Отказываются от всякого участия в военных приготовлениях и в войске потому, что не хотят и не могут быть палачами и не хотят готовиться к палачеству.

Все мотивы этих отказов таковы, что, как бы самовластны ни были правительства, они не могут открыто наказывать за них. Для того, чтобы наказывать за такие отказы, надо бесповоротно самим правительствам отречься от разума и добра. А они уверяют людей, что властвуют только во имя разума и добра.

Что делать правительствам против этих людей?

В самом деле, правительства могут перебить, переказнить, перезапереть по тюрьмам и каторгам навечно всех своих врагов, желающих насилием свергнуть их; могут засыпать золотом половину людей, которые им нужны, и подкупить их; могут подчинить себе миллионы вооруженных людей, готовых погу-

бить всех врагов правительств. Но что могут они сделать против людей, которые, не желая ничего ни разрушать, ни учреждать, желают только для себя, для своей жизни, не делать ничего противного христианскому закону и потому отказываются от исполнения самых общих и потому самых необходимых для правительств обязанностей?

Если бы это были революционеры, проповедующие насилие, убийство и совершающие эти дела, то противодействие им было бы легко: часть их подкупили бы, часть обманули, часть запугали бы; тех же, которых нельзя ни подкупить, ни обмануть, ни запугать, выставили бы злодеями, врагами общества, казнили бы или заперли бы, и толпа одобрила бы действие правительства. Если бы это были какие-нибудь изуверы, проповедующие какую-нибудь особую веру, можно бы было, благодаря тем суевериям лжи, которые примешиваются ими к их учению, опровергнуть и то истинное, что они исповедуют. Но что делать с людьми, которые не проповедуют ни революции, ни каких-либо особенных религиозных догматов, а только потому, что они не желают делать никому зла, отказываются от присяги, уплаты податей, участия в суде, от военной службы, от таких обязанностей, на которых зиждется всё устройство государства? Что делать с такими людьми? Подкупить их нельзя: уже самый тот риск, на который они добровольно идут, показывает их бескорыстие. Обмануть тем, что этого требует бог, тоже нельзя, потому что их отказ основан на ясном, несомненном законе бога, исповедуемом и теми, которые хотят заставить людей действовать противно ему. Запугать угрозами еще менее можно, потому что лишения и страдания, которым они будут подвергнуты за их исповедание, только усиливают их желание исповедания, и в их законе прямо сказано, что надо повиноваться богу более, чем людям, и не надо бояться тех, которые могут погубить тело, а того, что может погубить и тело и душу. Казнить или навечно запереть их тоже нельзя. У людей этих есть прошедшее, друзья, образ мыслей и действий их известен, все их знают за кротких, добрых, смирных людей, и невозможно выставить их злодеями, которые должны быть устранены для спасения общества. А казнь людей, признаваемых всеми добрыми, вызовет защитников, разъяснителей отказа. А стоит только разъясниться причинам отказа, для того чтобы всем стало ясно, что те причины, по которым эти христиане отказываются от

исполнения государственных требований, таковы же для всех других людей, и что всем давно уже надо бы делать то же.

Правительства перед отказами христиан находятся в отчаянном положении. Они видят, что пророчество христианства сбывается, — оно разрывает узы скованных и освобождает людей, находящихся в неволе, и видят, что это освобождение неизбежно должно уничтожить тех, которые держат других в неволе. Правительства видят это, знают, что часы их сочтены, и ничего не могут сделать. Всё, что они могут сделать для своего спасения, это только то, чтобы отсрочить час своей погибели. Они и делают это, но положение их все-таки отчаянное.

Положение правительств подобно положению завоевателя, который желает сохранить город, поджигаемый самими жителями. Только что он затушит пожар в одном месте, загорается в двух других; только что он уступает огню, отломает то, что загорелось, от большого здания, — загорается с двух концов и это здание. Загорания эти еще редки, но загораются они огнем, который, начавшись с искры, не остановится до тех пор, пока не сожжет всего.

И вот тут-то, когда правительства перед людьми, исповедующими христианство, находятся в таком беззащитном положении, и недостает только очень малого для того, чтобы рушилась вся эта кажущаяся столь могущественной и столькими веками воздвигавшаяся сила, тут-то общественные деятели проповедуют то, что не только не надо, но вредно, безнравственно даже каждому отдельно освобождаться от рабства. Вроде того, как если бы одни люди, чтобы освободить задержанную в реке воду, долго работая, прокопали бы уже всю канаву и им нужно бы было только открыть отверстие, чтобы вода сама устремилась и сделала остальное, и тут-то пришли бы другие люди и стали бы советовать, что гораздо лучше, вместо того чтобы спускать воду, устроить над рекой такую машину с черпаками, которые, вычерпывая воду с одной стороны, переливали бы ее с другой в тот же пруд.

Но дело зашло уже слишком далеко: правительства чувствуют уже свою беззащитность и слабость, и пробуждающиеся от усыпления люди христианского сознания уже начинают чувствовать свою силу.

«Огонь принес я на землю, — сказал Христос, — и как томлюсь, когда он возгорится».

И огонь этот начинает возгораться.

X

Христианство в его истинном значении разрушает государство. Так оно было понято и с самого начала, за то был и распят Христос, и всегда так понималось людьми, не связанными необходимостью оправдания христианского государства. Только со времени принятия главами государств номинального внешнего христианства начали придумываться все те невозможные хитросплетенные теории, по которым христианство можно совместить с государством. Но для каждого искреннего и серьезного человека нашего времени не может не быть очевидной несовместимость истинного христианства — учения смирения, прощения обид, любви — с государством, с его величанием, насилиями, казнями и войнами. Исповедание истинного христианства не только исключает возможность признания государства, но и разрушает основы его.

Но если так, и справедливо то, что христианство несовместимо с государством, то, естественно, является вопрос: что нужнее для блага человечества, что больше обеспечивает благо людей: государственная форма жизни или разрушение и замена ее христианством?

Одни люди говорят, что нужнее для человечества государство, что уничтожение государственной формы повлекло бы за собой уничтожение всего того, что выработало человечество, что государство как было, так и продолжает быть единственной формой развития человечества и что всё то зло, которое мы видим среди народов, живущих в государственной форме, происходит не от этой формы, а от злоупотреблений, которые могут быть исправлены без уничтожения, и что человечество, не нарушая государственной формы, может развиться и дойти до высокой степени благосостояния. И люди, думающие так, приводят в подтверждение своего мнения кажущиеся им неопровержимыми и философские, и исторические, и даже религиозные доводы. Но есть люди, полагающие обратное, именно то, что, так как было время, когда человечество жило без государственной формы, то форма эта временная, и должно

наступить время, когда людям понадобится новая форма, и что время это наступило теперь. И люди, думающие так, приводят в подтверждение своего мнения кажущиеся им тоже неопровержимыми и философские, и исторические, и религиозные доводы.

Можно написать томы в защиту первого мнения (они уже и давно написаны и всё еще пишутся), но можно написать (и тоже, хотя и недавно, но много и блестяще написано) и многое против него.

И нельзя доказать ни того, как это утверждают защитники государства, что уничтожение государства повлечет за собой общественный хаос, взаимные грабежи, убийства и уничтожение всех общественных учреждений и возвращение человечества к варварству; ни того, как это утверждают противники государства, что люди уже стали настолько разумны и добры, что не грабят и не убивают друг друга, предпочитают мирное общение вражде, что сами без помощи государства учредят всё то, что им будет нужно, а что поэтому государство не только не содействует всему этому, а, напротив, под видом ограждения людей производит на них вредное и ожесточающее влияние. Нельзя доказать отвлеченными рассуждениями ни того, ни другого. Еще меньше можно доказать это опытом, так как вопрос состоит в том, следует или не следует делать опыт. Вопрос о том, наступило или не наступило время упразднения государства, был бы неразрешимым, если бы не существовал другой жизненный способ неоспоримого решения его.

Совершенно независимо от чьего бы то ни было суждения о том, созрели ли птенцы гнезда настолько, чтобы согнать наседку и выпустить из яиц птенцов, или еще не созрели для этого, неоспоримым решителем вопроса будут птенцы, когда они уже, не умещаясь более в яйцах, начнут пробивать их клювом и сами выходить из них.

То же с вопросом о том, наступило ли, или не наступило для людей время уничтожения государственной формы и замены ее новой. Если человек, вследствие выросшего в нем высшего сознания, не может уже более исполнять требований государства, не умещается уже более в нем и вместе с тем не нуждается более в ограждении государственной формой, то вопрос о том, созрели ли люди до отмены государственной формы, или не созрели, решается совсем с другой стороны и

так же неоспоримо, как и для птенца, вылупившегося из яйца, в которое уже никакие силы мира не могут вернуть его, — самими людьми, выросшими уже из государства и никакими силами не могущими быть возвращенными в него.

«Очень может быть, что государство было нужно и теперь нужно для всех тех целей, которые вы приписываете ему, — говорит человек, усвоивший христианское жизнепонимание, — знаю только то, что, с одной стороны, *мне* не нужно более государство, с другой — *я* не могу более совершать те дела, которые нужны для существования государства. Устраивайте для себя то, что нужно вам для вашей жизни, я не могу доказывать ни общей необходимости, ни общего вреда государства, я знаю только то, что мне нужно и не нужно, что мне можно и нельзя. Я знаю про себя, что *мне* не нужно отделение себя от других народов, и потому *я* не могу признавать своей исключительной принадлежности к какому-либо народу и государству и подданства какому-либо правительству; знаю про себя, что *мне* не нужны все те правительственные учреждения, которые устраиваются внутри государств, и потому я не могу, лишая людей, нуждающихся в моем труде, отдавать его в виде подати на ненужные мне и, сколько я знаю, вредные учреждения; я знаю про себя, что *мне* не нужны ни управления, ни суды, производимые насилием, и потому я не могу участвовать ни в том, ни в другом; я знаю про себя, что *мне* не нужно ни нападать на другие народы, убивая их, ни защищаться от них с оружием в руках, и потому я не могу участвовать в войнах и приготовлениях к ним. Очень может быть, что есть люди, которые не могут не считать всего этого нужным и необходимым, я не могу спорить с ними, я знаю только про себя, зато несомненно знаю, что мне этого не нужно и что я этого не могу делать. И не нужно это мне, и не могу я этого делать не потому, что мне, моей личности так хочется, а потому, что этого не хочет тот, кто послал меня в жизнь и дал мне несомненный закон для руководства в этой жизни».

Какие бы доводы ни приводили люди в пользу того, что вредно упразднить государственную власть и что упразднение это может породить бедствия, люди, выросшие уже из государственной формы, уже не могут вместиться в ней. И, сколько бы и какие бы доводы ни приводили человеку, выросшему из государственной формы, о необходимости ее, он не может вернуться

к неи, не может принимать участия в делах, отрицаемых его сознанием, как не могут выросшие птенцы вернуться в скорлупу, из которой они выросли.

«Но если это и так, — говорят защитники существующего строя, — то все-таки упразднение государственного насилия возможно и желательно бы было тогда, когда бы все люди стали христианами. До тех же пор, пока этого нет, пока среди людей, только называющихся христианами, есть люди нехристиане, люди злые, для своей личной похоти готовые нанести вред другим, упразднение государственной власти не только не было бы благом для остальных людей, но только увеличило бы их бедствие. Упразднение государственной формы жизни нежелательно не только тогда, когда будет малая часть истинных христиан, но оно нежелательно даже тогда, когда все будут христианами, но в среде их или вокруг их, в других народах, останутся нехристиане, потому что нехристиане будут безнаказанно грабить, насиловать, убивать христиан и сделают их жизнь мучительною. Будет только то, что злые будут безнаказанно властвовать над добрыми и насиловать их. И потому государственная власть не должна быть упразднена до тех пор, пока не уничтожатся все злые, хищные люди на свете. А так как этого, если не никогда, то еще долго не может быть, то, несмотря на попытки освобождения отдельных христиан от государственной власти, власть эта для большинства людей должна быть поддерживаема». Так говорят защитники государства. «Без государства злые насилуют добрых и властвуют над ними. Государственная же власть дает возможность добрым удерживать злых», — говорят они.

Но, утверждая это, защитники существующего строя уже вперед решают справедливость того положения, которое им нужно доказать. Говоря то, что без государственной власти злые властвовали бы над добрыми, они считают доказанным то, что добрые — это те самые, которые в настоящее время обладают властью, и злые — те самые, которые покоряются. Но ведь это-то самое и надо доказать. Ведь это было бы справедливо только тогда, когда бы в нашем мире происходило то, что хоть и не происходит, но предполагается в Китае, именно то, что властвуют всегда добрые и что, как скоро во главе правительства стоят не более добрые, чем те, над которыми они властвуют, то граждане обязаны свергать их. Так это предпо-

лагается в Китае, в действительности же этого нет и не может быть, потому что для того, чтобы свергнуть власть насилующего правительства, мало иметь на это право, надо иметь силу. Так что и в Китае это только предполагается. Но в нашем христианском мире это даже никогда и не предполагалось. В нашем мире нет даже никакого основания предполагать, чтобы властвовали более добрые или лучшие, а не те, которые захватывали власть и удерживали ее для себя и для своих наследников. Захватывать же и удерживать власть никак не могут более добрые.

Для того, чтобы приобрести власть и удерживать ее, нужно любить власть. Властолюбие же соединяется не с добротой, а с противоположными доброте качествами: с гордостью, хитростью, жестокостью.

Без возвеличивания себя и унижения других, без лицемерия, обманов, без тюрем, крепостей, казней, убийств не может ни возникнуть, ни держаться никакая власть.

«Если упразднить государственную власть, то более злые будут властвовать над менее злыми», — говорят защитники государственности. Но если египтяне покорили евреев, персы покорили египтян, македоняне покорили персов, римляне покорили греков, варвары покорили римлян, то неужели все те, которые покоряли, были более добры, чем те, кого они покоряли?

И точно так же в переходах власти в одном государстве от одних лиц к другим разве всегда власть переходила к более добрым? Когда свергнут был Людовик XVI-тый и во власть вступил Робеспьер и потом Наполеон, кто властвовал? Более добрые или более злые? И когда властвовали более добрые: когда версальцы или коммунары были во власти? Или когда во главе правительства был Карл I или Кромвель? И когда царем был Петр III или когда его убили и царицей стала в одной части России Екатерина, а в другой — Пугачев. Кто тогда был злой, кто добрый?

Все люди, находящиеся во власти, утверждают, что их власть нужна для того, чтобы злые не насиловали добрых, подразумевая под этим то, что они-то и суть те самые добрые, которые ограждают других добрых от злых.

Но ведь властвовать значит насиловать, насиловать значит делать то, чего не хочет тот, над которым совершается насилие, и чего, наверное, для себя не желал бы тот, который совершает

насилие; следовательно, властвовать значит делать другому то, чего мы не хотим, чтобы нам делали, т. е. делать злое.

Покоряться значит предпочитать терпение насилию. Предпочитать же терпение насилию значит быть добрым или хоть менее злым, чем те, которые делают другим то, что не желают себе.

И потому все вероятия за то, что властвовали всегда и теперь властвуют не более добрые, а, напротив, более злые, чем те, над которыми они властвуют. Могут быть злые и среди тех, которые подчиняются власти, но не может быть того, чтобы более добрые властвовали над более злыми.

Этого нельзя было предполагать при языческом неточном определении добра; при христианском же ясном и точном определении добра и зла этого уже никак нельзя думать. Если более или менее добрые, более или менее злые могут не различаться в языческом мире, то христианское понятие о добром и злом так ясно определило признаки добрых и злых, что их нельзя уже смешивать. По учению Христа, добрые — это те, которые смиряются, терпят, не противятся злу насилием, прощают обиды, любят врагов; злые — это те, которые величаются, властвуют, борются и насилуют людей, и потому, по учению Христа, нет сомнения о том, где добрые среди властвующих или покоряющихся и где злые среди покоряющихся или властвующих. Даже как-то смешно говорить о властвующих христианах.

Нехристиане, т. е. те, которые полагают свою жизнь в мирском благе, всегда и должны властвовать над христианами, теми, которые полагают свою жизнь в отречении от этих благ.

И так это всегда было и становилось всё определеннее и определеннее по мере распространения и уяснения христианского учения.

Чем более распространялось и входило в сознание людей истинное христианство, тем менее возможно было христианам быть среди властвующих и тем легче становилось нехристианам властвовать над христианами.

«Устранение государственного насилия в том случае, если в обществе не все люди стали истинными христианами, сделает только то, что злые будут властвовать над добрыми и безнаказанно насиловать их!» — говорят защитники существующего строя жизни.

«Злые будут властвовать над добрыми и насиловать их».

Да ведь другого никогда ничего не было и не может быть. Так всегда было с начала мира и так это до сих пор. *Злые всегда властвуют над добрыми и всегда насилуют их.* Каин насиловал Авеля, хитрый Иаков властвовал над доверчивым Исавом, обманувший его Лаван над Иаковом, Каиафа и Пилат властвовали над Христом, римские императоры властвовали над Сенеками, Эпиктетами и добрыми римлянами, жившими в их время. Иоанн IV с своими опричниками, пьяный сифилитик Петр со своими шутами, блудница Екатерина со своими любовниками властвовали над трудолюбивыми религиозными русскими людьми своего времени и насиловали их. Вильгельм властвует над немцами, Стамбулов над болгарами, русские чиновники над русским народом. Немцы властвовали над итальянцами, теперь властвуют над венгерцами и славянами; турки властвовали и властвуют над славянами и греками; англичане властвуют над индейцами, монголы над китайцами.

Так что будет или не будет упразднено государственное насилие, положение людей добрых, насилуемых людьми злыми, от этого не изменится.

Пугать людей тем, что злые будут властвовать над добрыми, никак нельзя, потому что то, чем пугают, есть то самое, что всегда было, и есть, и не может быть иначе.

Вся языческая история человечества состоит только из тех событий, посредством которых более злые захватывали власть над менее злыми и, захватив ее, жестокостями и хитростями поддерживали ее и, выставляя себя блюстителями справедливости, защитниками добрых от злых, властвовали над добрыми. Все перевороты в истории суть только захватывания власти более злыми и властвование над добрыми. То, что властвующие говорят, что если не было бы их власти, то более злые стали бы насиловать добрых, означает только то, что насильники, находящиеся во власти, не хотят уступить этой власти другим насильникам, которые хотели бы отнять ее у них. Говоря же это, властвующие только обличают самих себя. Они говорят, что их власть, т. е. насилие, нужно для того, чтобы защищать людей от каких-то других или имеющих еще проявиться насильников. [1]

[1] Поразительно в этом отношении до комизма наивное утверждение русских властей, насилующих чужие народности: поляков, остзейских немцев, евреев. Русское правительство

Тем-то и опасно употребление насилия, что как скоро оно употреблено, так все доводы, которые за себя приводят насильники, не только с тем же, но с бо́льшим основанием могут быть приведены против них же. Они говорят о бывшем и чаще всего о воображаемом будущем насилии, а сами, не переставая, совершают действительное насилие. «Вы говорите, что люди прежде грабили и били, и вы боитесь, что ограбят и перебьют друг друга, если не будет вашей власти. Это может быть, может и не быть, но то, что вы губите тысячи людей в тюрьмах, каторгах, крепостях, ссылках, разоряете миллионы семей и губите в солдатстве физически и нравственно миллионы людей, — это не предполагаемое, а действительное насилие, против которого, по вашему же рассуждению, должно бороться насилием. И потому те злые, против которых, по вашему же рассуждению, несомненно нужно употреблять насилие, — это вы сами», — должны сказать насильникам насилуемые люди. И люди нехристиане всегда и говорят, и думают, и поступают так. Если насилуемые более злы, чем те, которые насилуют их, то они нападают на них и стараются свергнуть и при удобных обстоятельствах свергают их, или, что самое обыкновенное, вступают в ряды насилующих и участвуют в их насилиях.

Так что то самое, чем защитники государственности пугают людей, тем, что если бы не было насилующей власти, то злые властвовали бы над добрыми, это-то самое, не переставая, совершалось и совершается в жизни человечества, а потому упразднение государственного насилия не может ни в каком случае быть причиною увеличения насилия злых над добрыми.

Если насилие правительственное уничтожится, то насилия будут совершаться, может быть, другими людьми, а не теми, которыми они совершались прежде; но сумма насилия ни в каком случае не может увеличиться оттого, что власть перейдет от одних людей к другим.

«Государственное насилие может быть прекращено только тогда, когда уничтожатся злые люди среди общества», — говорят защитники существующего строя, подразумевая под этим

душит своих подданных, веками не заботилось ни о малороссах в Польше, ни о латышах в остзейском крае, ни о русских мужиках, эксплуатируемых всеми возможными людьми, и вдруг оно становится защитником угнетенных от угнетателей, тех самых угнетателей, которых оно само угнетает.

то, что так как злые люди всегда будут, то насилие никогда не прекратится. И это было бы справедливо, но только тогда, когда было бы то, что ими предполагается, — именно, что насилующие суть более добрые и что единственное средство избавления людей от зла есть насилие. Тогда, точно, насилие никогда не могло бы прекратиться. Но так как этого нет, а есть обратное, именно, что не более добрые насилуют злых, а более злые насилуют добрых и что кроме насилия, никогда не прекращающего зла, есть другое средство уничтожения насилия, то утверждение о том, что насилие никогда не прекратится, несправедливо. Насилие уменьшается и уменьшается и, очевидно, должно прекратиться, но не так, как представляют это себе некоторые защитники существующего строя, тем, что люди, подлежащие насилию, вследствие воздействия на них правительств, будут делаться всё лучше и лучше (вследствие этого они, напротив, становятся всегда хуже), а вследствие того, что так как все люди постоянно становятся лучше и лучше, то и наиболее злые люди, находящиеся во власти, становясь всё менее и менее злыми, сделаются уже настолько добры, что станут неспособны употреблять насилие.

Движение вперед человечества совершается не так, что лучшие элементы общества, захватив власть, употребляя насилие против тех людей, которые находятся в их власти, делают их лучшими, как это думают и консерваторы и революционеры, а совершается, во-первых, и главное, тем, что люди все вообще неуклонно и безостановочно, более и более сознательно усваивают христианское жизнепонимание, и, во-вторых, тем, что, даже независимо от сознательной духовной деятельности людей, люди бессознательно, вследствие самого процесса захватывания власти одними людьми и смены их другими, невольно приводятся к более христианскому отношению к жизни. Процесс этот совершается так, что худшие элементы общества, захвативши власть и находясь в обладании ею, под влиянием отрезвляющего свойства, всегда сопутствующего ей, становясь сами всё менее и менее жестокими, делаются неспособными употреблять жестокие формы насилия и вследствие того уступают свое место другим, над которыми совершается опять тот же процесс смягчения и, как бы сказать, бессознательного охристианения.

С людьми совершается нечто подобное процессу кипения. Все люди большинства нехристианского жизнепонимания стре-

мятся к власти и борются, достигая ее. В борьбе этой наиболее жестокие, грубые, наименее христианские элементы общества, насилуя наиболее кротких, чутких к добру, наиболее христианских людей, выступают посредством своего насилия в верхние слои общества. И тут над людьми, находящимися в этом положении, совершается то, что предсказывал Христос, говоря: «Горе вам, богатым, пресыщенным, прославленным»; совершается то, что люди, находясь во власти и в обладании последствий власти — славы и богатства, доходя до известных различных, поставленных ими самими себе в своих желаниях целей, познают тщету их и возвращаются к тому положению, из которого вышли. Карл V, Иоанн IV, Александр I, познав всю тщету и зло власти, отказывались от нее, потому что видели уже всё зло ее и были не в силах спокойно пользоваться насилием как добрым делом, как они делали это прежде.

Но не одни Карлы и Александры проходят этот путь и признают тщету и зло власти: через этот бессознательный процесс смягчения проходит всякий человек, приобретший ту власть, к которой он стремился, всякий, не только министр, генерал, миллионер, купец, но столоначальник, добившийся места, которого он желал десять лет, всякий богатый мужик, отложивший одну-другую сотню рублей.

Через этот процесс проходят не только отдельные люди, но и совокупности людей, целые народы.

Соблазны власти и всего того, что она дает, и богатства, почестей, роскошной жизни, представляются достойной целью деятельности людей только до тех пор, пока она не достигнута, но тотчас, как скоро человек достигает их, обличают свою пустоту и теряют понемногу свою притягательную силу, как облака, которые имеют форму и красоту только издали: стоит только вступить в них, чтобы исчезло всё то, что казалось в них прекрасным.

Люди, овладевшие властью и богатством, иногда те самые, которые приобретали власть и богатство, большею же частью наследники их, перестают уже быть столь жадными к власти и жестокими к приобретению ее.

Изведав опытом, под влиянием христианского воздействия, тщету плодов насилия, люди иногда в одном, иногда через несколько поколений утрачивают те пороки, которые возбуждаются страстью к приобретению власти и богатства, и, становясь

менее жестокими, не удерживают своего положения и вытесняются из власти другими, менее христианскими, более злыми людьми и возвращаются в низшие по положению, но высшие по нравственности слои общества, увеличивая собой средний уровень христианского сознания всех людей. Но тотчас же после них опять худшие, грубейшие, менее христианские элементы общества поднимаются вверх, подвергаются вновь тому же процессу, как и их предшественники, и опять через одно или несколько поколений, изведав тщету плодов насилия и пропитавшись христианством, спускаются в среду насилуемых и опять заменяются новыми, менее грубыми, чем прежние, насильниками, но более грубыми, чем те, которых они насилуют. Так что, несмотря на то, что власть остается такою же, какою она была, по внешней форме, с каждой переменой людей, находящихся во власти, всё больше и больше увеличивается число людей, опытом жизни приводимых к необходимости усвоения христианского жизнепонимания, и с каждой переменой, хотя самые грубые и жестокие, менее христианские из всех и всё менее и менее грубые и жестокие и более христианские люди, чем прежде бывшие во власти, вступают в обладание властью.

Насилие выбирает и привлекает к себе худшие элементы общества, перерабатывает их и, улучшая и смягчая, возвращает их назад обществу.

Таков процесс, посредством которого христианство, несмотря на употребляемое государственной властью насилие, препятствующее движению вперед человечества, всё более и более охватывает людей. Христианство проникает в сознание людей не только несмотря на употребляемое властью насилие, но посредством его.

И потому утверждение защитников государственного строя о том, что если упразднить государственное насилие, то злые будут властвовать над добрыми, не только не доказывает того, чтобы это (властвование злых над добрыми) было опасно, так как это самое и происходит, но, напротив, доказывает то, что государственное насилие, дающее возможность злым властвовать над добрыми, и есть то зло, которое желательно уничтожить и которое постоянно уничтожается самою жизнью.

«Но если бы и было справедливо то, что государственное насилие прекратится тогда, когда обладающие властью настолько станут христианами, что сами откажутся от нее, и не

найдется более людей, готовых занять их места, и справедливо, что процесс этот совершается, — говорят защитники существующего порядка, — то когда же это будет? Если прошло 1800 лет и всё еще так много охотников властвовать и так мало охотников подчиняться, то нет никакого вероятия, чтобы это не только случилось очень скоро, а случилось бы и когда-нибудь.

«Если и есть, как и бывали прежде среди всех людей, такие, которые предпочитают отказ от власти пользованию ею, то запас людей, предпочитающих властвование подчинению, так велик, что трудно представить себе время, когда бы он мог истощиться.

«Для того, чтобы произошел этот процесс охристианения всех людей, чтобы все люди одни за другими перешли от языческого жизнепонимания к христианскому и добровольно отказывались бы от власти и богатства и никто бы не желал пользоваться ими, нужно, чтобы не только переделались в христианство все те грубые, полудикие, совершенно не способные воспринять христианство и следовать ему, люди, которых всегда много среди каждого христианского общества, но и все дикие и вообще нехристианские народы, которых еще так много вне его. А потому, если и допустить даже, что процесс охристианения когда-нибудь совершится над всеми людьми, то, судя по тому, насколько подвинулось это дело в 1800 лет, это будет только через несколько раз 1800 лет, а потому и нельзя и незачем думать теперь о невозможном уничтожении власти, а нужно только стараться о том, чтобы власть эта была в наилучших руках».

Так возражают защитники существующего строя. И рассуждение это было бы совершенно справедливо, если бы переход людей от одного понимания жизни к другому совершался посредством только одного того процесса, при котором каждый человек отдельно и один за другим познает опытом тщету власти и внутренним путем постигает истины христианские.

Процесс этот совершается непрестанно, и люди один за другим переходят этим путем на сторону христианства.

Но переходят люди на сторону христианства не одним только этим внутренним способом, а еще и другим, внешним способом, при котором уничтожается постепенность этого перехода.

Переход людей от одного устройства жизни к другому совершается не постоянно так, как пересыпается песок в песочных часах: песчинка за песчинкой от первой до последней, а

скорее так, как вливается вода в опущенный в воду сосуд, который сначала только одной стороной медленно и равномерно впускает в себя воду, а потом от тяжести уже влившейся в него воды вдруг быстро погружается и почти сразу принимает в себя всю ту воду, которую он может вместить.

То же происходит и с обществами людей при переходе от одного понимания, а потому и устройства жизни, к другому. Люди только сначала постепенно и равномерно один за другим воспринимают новую истину внутренним путем и следуют ей в жизни; при известном же распространении истины она усваивается ими уже не внутренним способом, не равномерно, а сразу, почти невольно.

И потому несправедливо рассуждение защитников существующего строя о том, что если в продолжение 1800 лет только малая часть людей перешла на сторону христианства, то нужно еще несколько раз 1800 лет до тех пор, пока все остальные люди перейдут на его сторону, — несправедливо оно потому, что при этом рассуждении не принимается во внимание другой, кроме внутреннего постигновения истины, способ усвоения людьми новой истины и перехода от одного склада жизни к другому.

Другой этот способ усвоения людьми новой открывшейся истины и переход к новому устройству жизни состоит в том, что люди усваивают истину не только потому, что они познают ее пророческим чувством или опытом жизни, а потому еще, что при известной степени распространения истины, люди, стоящие на низшей степени развития, принимают ее все сразу, по одному доверию к тем, которые приняли ее внутренним способом и прилагают ее к жизни.

Всякая новая истина, изменяющая склад человеческой жизни и двигающая вперед человечество, воспринимается сначала только самым малым количеством людей, понимающих ее внутренним путем. Остальные же люди, принявшие по доверию предшествующую истину, ту, на которой основан существующий строй, всегда противятся распространению новой истины.

Но так как, во-первых, люди не стоят на месте, а непрерывно движутся, всё более и более познавая истину и приближаясь к ней своею жизнью, и, во-вторых, все они по своему возрасту, воспитанию, породе расположены в постепенной градации от людей, наиболее способных понимать новые открывающиеся

истины внутренним путем, до людей, наименее способных к этому, то люди, ближе других стоящие к тем, которые усвоили истину внутренним способом, одни за другими сначала через длинные промежутки времени, а потом всё чаще и чаще переходят на сторону новой истины, и количество людей, признающих новую истину становится всё больше и больше, и истина становится всё понятнее и понятнее.

А чем больше людей усваивают новую истину и чем истина понятнее, тем более возбуждается доверие в остальных, на низшей степени по способности понимания стоящих людях, и тем легче для них становится постигновение ее и тем большее число усваивает ее. И так идет движение, всё убыстряясь и убыстряясь, расширяясь и расширяясь, как ком снега, до тех пор, пока не зарождается при этом согласное с новой истиной общественное мнение и вся остальная масса людей уже не поодиночке, а вся сразу под давлением этой силы не переходит на сторону новой истины и не устанавливается сообразный с этой истиной новый склад жизни.

Люди, переходящие на сторону новой, дошедшей до известной степени распространения, истины, переходят на ее сторону всегда сразу, массами и подобны тому балласту, которым нагружают всегда сразу для устойчивого уравновесия и правильного хода всякое судно. Не будь балласта, судно не сидело бы в воде и изменяло бы свое направление при малейшем изменении условий. Балласт этот, несмотря на то, что он кажется сначала излишним и даже задерживающим ход судна, есть необходимое условие правильного движения его.

То же и с той массой людей, которая всегда не один по одному, а всегда сразу под влиянием нового общественного мнения переходит от одного устройства жизни к другому. Масса эта всегда своей инертностью препятствует быстрым, не проверенным мудростью людской, частым переходам от одного устройства жизни к другому и надолго удерживает всякую долгим опытом борьбы проверенную, вошедшую в сознание человечества истину.

И потому несправедливо рассуждение о том, что если только малая, самая малая часть человечества усвоила христианскую истину в продолжение 18 веков, то всё человечество усвоит ее только через много, много раз 1800 лет, т. е. так еще не скоро, что нам, живущим теперь, нельзя и думать об этом. Несправед-

ливо потому, что люди, стоящие на низшей степени развития, те самые народы и люди, которых защитники существующего строя представляют помехой для осуществления христианского строя жизни, это самые те люди, которые всегда сразу массами переходят на сторону истины, принятой общественным мнением.

И потому перемена в жизни человечества та, вследствие которой люди, пользующиеся властью, откажутся от нее и из людей, покоряющихся власти, не найдется более людей, желающих захватить ее, наступит не тогда только, когда все люди один по одному до последнего сознательно усвоят христианское жизнепонимание, а тогда, когда возникнет такое определенное и всем понятное христианское общественное мнение, которое покорит себе всю ту инертную массу, не способную внутренним путем усвоять истины и по этому самому всегда подлежащую воздействию общественного мнения.

Общественное же мнение не нуждается для своего возникновения и распространения в сотнях и тысячах лет и имеет свойство заразительно действовать на людей и с большою быстротою охватывать большие количества людей.

«Но если даже и справедливо, — скажут защитники существующего строя, — то, что общественное мнение, при известной степени своей определенности и ясности, может заставить инертную массу людей внехристианских обществ — нехристианские народы — и людей испорченных и грубых, живущих среди обществ, подчиниться ему, то какие признаки того, что это христианское общественное мнение возникло и может заменить действие насилия?

«Нельзя рисковать, отбросив насилие, которым поддерживается существующий порядок, положиться на неосязаемую и неопределенную силу общественного мнения, предоставив диким людям вне и внутри обществ безнаказанно грабить, убивать и всячески насиловать христиан.

«Если с помощью власти мы насилу отливаемся от нехристианских элементов, готовых всегда залить нас и уничтожить все успехи христианской цивилизации, то есть ли, во-первых, вероятие того, чтобы общественное мнение могло заменить эту силу и обеспечить нас, а во-вторых, как найти тот момент, в который общественное мнение стало настолько сильно, что может заменить власть? Отменить власть и положиться для защиты

себя на одно общественное мнение значило бы поступить так же безумно, как поступил бы человек в зверинце, который, отбросив оружие, выпустил бы из клеток всех львов и тигров, положившись на то, что звери в клетках и под раскаленными прутами казались смирными.

«И потому люди, имеющие власть, поставленные судьбою или богом в положение властвующих, не имеют права рисковать погибелью всех успехов цивилизации только потому, что они пожелают сделать опыт о том, может или не может общественное мнение заменить ограждение власти, а потому и не должны прекращать насилия».

Французский забытый теперь писатель Alphonse Karr сказал где-то, доказывая невозможность уничтожения смертной казни: «Que Messieurs les assassins, commencent par nous donner l'exemple», [1] и много раз я потом слыхал повторение этой шутки людьми, которым казалось, что этими словами выражен убедительный и остроумный довод против уничтожения смертной казни. А между тем нельзя яснее выразить всю ложь довода тех, которые считают, что нельзя правительствам отменить насилие до тех пор, пока люди способны к нему, как именно этой шуткой.

«Пусть, — говорят защитники правительственного насилия,— убийцы покажут нам пример, отменив смертоубийство, тогда и мы отменим его». Но убийцы говорят то же самое, но только с гораздо большим правом. Убийцы говорят: «Пускай те, которые взялись учить нас и руководить нами, покажут нам пример отменения смертоубийства, тогда и мы последуем ему». И они говорят это не для шутки, а серьезно, потому что действительно таково положение дела.

«Мы не можем прекратить насилие, потому что мы окружены насильниками».

Ничто более этого ложного рассуждения не препятствует в наше время движению вперед человечества и установлению среди него того строя жизни, который свойствен уже его теперешнему сознанию.

Люди, обладающие властью, уверены в том, что движет и руководит людьми только насилие, и потому для поддержания существующего порядка смело употребляют насилие. Суще-

---

[1] Пусть господа убийцы сначала подадут нам пример.

ствующий же порядок держится не насилием, а общественным мнением, действие которого нарушается насилием.

И потому деятельность насилия ослабляет, нарушает то самое, что она хочет поддерживать.

Насилие всегда, в лучшем случае, если оно не преследует одних личных целей людей, находящихся во власти, отрицает и осуждает в одной неподвижной форме закона то, что большею частью уже гораздо прежде отрицалось и осуждалось общественным мнением, но с тою разницею, что, тогда как общественное мнение отрицает и осуждает все поступки, противные нравственному закону, захватывая поэтому в свое осуждение самые разнообразные положения, закон, поддерживаемый насилием, осуждает и преследует только известный, очень узкий ряд поступков, этим самым как бы оправдывая все поступки такого же порядка, не вошедшие в его определение. Общественное мнение уже со времени Моисея считает корыстолюбие, распутство и жестокость злом и осуждает их. И оно отрицает и осуждает всякого рода проявления корыстолюбия, — не только приобретение чужой собственности насилием, обманом, хитростью, но и жестокое пользование ею; осуждает всякого рода распутство, будь то блуд с наложницей, невольницей, разведенной женой и даже своей; осуждает всякую жестокость, выражающуюся в побоях, в дурном содержании, в убийстве не только людей, но и животных. Закон же, основанный на насилии, преследует только известные виды корыстолюбия, как-то: воровство, мошенничество и известные виды распутства и жестокости, как-то: нарушение супружеской верности, убийства, увечья, — вследствие этого как бы разрешая все те проявления корыстолюбия, распутства и жестокости, которые не подходят под его узкое, подверженное лжетолкованиям определение.

Но мало того, что насилие извращает общественное мнение, оно производит в людях еще то пагубное убеждение, что движутся люди не духовной силой, влекущей их к постигновению истины и осуществлению ее той духовной силой, которая составляет источник всякого движения вперед человечества, а насилием, — тем самым действием, которое не только не приближает людей к истине, но всегда удаляет их от нее. Заблуждение это пагубно тем, что оно заставляет людей, пренебрегая основной силой своей жизни — своей духовной деятельностью, — переносить всё свое внимание и энергию на дея-

тельность насилия поверхностную, праздную и большею частью вредную.

Заблуждение это подобно тому, в котором бы находились люди, желавшие заставить двигаться паровоз тем, что они руками вертели бы колеса его, не догадываясь о том, что основная причина движения его есть расширение пара, а не движение колес. Люди, которые стали бы руками и рычагами вертеть колеса, только вызвали бы подобие движения, а между тем изогнули бы колеса, помешав этим возможности настоящего движения.

То же делают люди, думающие посредством внешнего насилия двигать людьми.

Люди говорят, что христианская жизнь без насилия не может установиться потому, что есть дикие народы внехристианского общества — в Африке, в Азии (некоторые такою угрозою нашей цивилизации представляют китайцев), и есть такие дикие, испорченные и, по новой теории наследственности, прирожденные преступники среди христианских обществ, и что для удержания тех и других людей от разрушения нашей цивилизации необходимо насилие.

Но те дикие люди и вне и внутри обществ, которыми мы пугаем себя и других, никогда не покорялись насилию, не покорены им и теперь.

Народы никогда не покоряли себе других народов одним насилием. Если народ, покорявший другой, стоял на низшей степени развития, то всегда повторялось то, что он не вводил насилием своего устройства жизни, а, напротив, всегда сам подчинялся тому устройству жизни, которое существовало в покоренном народе. Если чем покорен или близок к покорению какой-либо из подавляемых силою народов, то только общественным мнением, а никак не насилием, которое, напротив, всё больше и больше возмущает народ.

Если покорялись когда люди целыми народами новому религиозному исповеданию и целыми народами крестились или переходили в магометанство, то совершались эти перевороты не потому, что их принуждали к этому люди, обладающие властью (насилие, напротив, чаще в обратную сторону поощряло эти движения), а потому, что принуждало их к этому общественное мнение. Народы же, которые силою принуждались к принятию вер победителей, никогда не принимали их.

То же и по отношению тех диких элементов, живущих среди обществ: ни увеличение, ни уменьшение строгости наказаний, ни изменение тюрем, ни увеличение полиции не уменьшают и не увеличивают количества преступлений, — уменьшается оно только вследствие изменения общественного мнения. Никакие строгости не искоренили дуэлей и кровомщения в некоторых странах. Сколько бы ни казнили черкесов за воровство, они продолжают красть из молодечества, потому что ни одна девушка не пойдет за молодого человека, не показавшего свою удаль, укравши лошадь или по крайней мере барана. Если люди перестанут драться на дуэлях и черкесы воровать, то не из страха перед казнями (страх казни прибавляет прелести молодечества), а потому, что общественное мнение изменится. То же и во всех других преступлениях. Насилие никогда не может уничтожить того, что признается общественным мнением. Напротив, стоит только общественному мнению стать прямо вразрез с насилием, и оно уничтожает всё действие насилия, как это было и всегда бывает при всяком мученичестве.

Что бы было, если бы не употреблялось насилия против враждебных народов и преступных элементов общества, мы не знаем. Но то, что теперь употребление насилия не покоряет ни тех, ни других, это мы знаем по продолжительному опыту.

Да и как же покорить силою народы, которых всё воспитание, все предания, даже религиозное учение ведет к тому, чтобы высшую добродетель видеть в борьбе с поработителями и в стремлении к свободе? И как искоренить насилием преступления в среде наших обществ, когда то, что считается правительствами преступлением, общественным мнением считается подвигом. Истребить насилием можно такие народы и таких людей, как это и делается, но покорить их нельзя.

Решителем всего, основною силою, двигавшею и двигающею людьми и народами, всегда была и есть только одна невидимая, неосязаемая сила — равнодействующая всех духовных сил известной совокупности людей и всего человечества, выражающаяся в общественном мнении.

Насилие только ослабляет эту силу, задерживает, извращает и подменивает ее другою, не только не полезною для движения вперед человечества, но вредною деятельностью.

Для покорения христианству диких людей внехристианского мира — всех зулусов, и манджуров, и китайцев, которых мно-

гие считают за диких, — и людеи диких, живущих в среде христианского мира, есть только одно, *одно средство:* распространение среди этих народов христианского общественного мнения, устанавливающегося только христианскою жизнью, христианскими поступками, христианскими примерами. И вот для того, чтобы завладеть теми людьми, которые остались не покоренными христианству, имея только это одно, *только одно* средство, люди нашего времени делают как раз обратное тому, что может достигнуть цели.

Для покорения христианству диких народов, которые нас не трогают и на угнетение которых мы ничем не вызваны, мы, вместо того чтобы прежде всего оставить их в покое, а в случае необходимости или желания сближения с ними воздействовать на них только христианским к ним отношением, христианским учением, доказанным истинными христианскими делами терпения, смирения, воздержания, чистоты, братства, любви, мы, вместо этого, начинаем с того, что, устраивая среди них новые рынки для нашей торговли, имеющие целью одну нашу выгоду, захватываем их землю, т. е. грабим их, продаем им вино, табак, опиум, т. е. развращаем их и устанавливаем среди них наши порядки, обучаем их насилию и всем приемам его, т. е. следованию одному животному закону борьбы, ниже которого не может спуститься человек, делаем всё то, что нужно для того, чтобы скрыть от них всё, что есть в нас христианского. И после этого, послав к ним десятка два болтающих притворный церковный вздор миссионеров, мы в виде неопровержимого доказательства невозможности приложения к жизни христианских истин приводим эти наши опыты обращения диких в христианство.

То же и для тех так называемых преступников, живущих внутри наших обществ. Для того, чтобы покорить этих людей христианству, есть только *одно-единственное средство*: христианское общественное мнение, которое может быть установлено среди этих людей только истинным христианским учением, подтвержденным истинным христианским примером жизни.

И вот для проповедания этого христианского учения и подтверждения его христианским примером, мы устраиваем среди этих людей мучительные тюрьмы, гильотины, виселицы, казни, приготовления к убийству, на которые употребляем все свои силы, устраиваем для черного народа идолопоклоннические

вероучения, долженствующие одурять их, устраиваем правительственную продажу одурманивающих ядов — вина, табаку, опиума; учреждаем даже проституцию; отдаем землю тем, кому она не нужна; устраиваем зрелища безумной роскоши среди нищеты; уничтожаем всякую возможность всякого подобия христианского общественного мнения; старательно разрушаем устанавливающееся христианское общественное мнение и потом этих-то самых нами самими старательно развращенных людей, запирая их, как диких зверей, в места, из которых они не могут выскочить и в которых они еще более звереют, или убивая их, — этих самых нами со всех сторон развращенных людей приводим в доказательство того, что на людей нельзя действовать иначе, как грубым насилием.

Совершается нечто подобное тому, что бывает тогда, когда заботливые невежественные врачи, поставив выздоравливающего силою природы больного в самые невыгодные условия гигиены и пичкая его ядовитыми лекарствами, потом утверждают, что больной не умер только благодаря их гигиене и лечению, тогда как больной уже давно бы был совсем здоров, если бы они его оставили в покое.

Насилие, которое выставляется орудием поддержания христианского устройства жизни, не только не производит этого действия, а, напротив, оно-то и препятствует общественному устройству быть тем, чем оно могло и должно бы быть. Общественное устройство таково, каково оно есть, не благодаря насилию, а несмотря на него.

И потому несправедливо утверждение защитников существующего строя о том, что если насилие только едва удерживает злые, нехристианские элементы человечества от нападения на нас, то упразднение насилия и замена его общественным мнением не оградят человечества. Несправедливо это потому, что насилие не ограждает человечества, а, напротив, лишает человечество единственной возможности действительного ограждения себя установлением и распространением христианского общественного мнения на существующее устройство жизни. Только при упразднении насилия христианское общественное мнение перестанет извращаться, получит возможность беспрепятственного распространения, и люди не будут направлять свои силы на то, что не нужно им, а направят их на ту одну духовную силу, которая движет ими.

Но как отбросить очевидное, осязаемое ограждение городового с пистолетом и положиться на нечто невидимое, неосязаемое — общественное мнение? Существует ли еще оно, или нет? Главное же, тот порядок вещей, в котором мы живем, мы знаем. Хорош ли, дурен ли он, мы знаем его недостатки и привыкли к нему, знаем, как вести себя, что делать в теперешних условиях; но что будет тогда, когда мы откажемся от него и положимся на что-то невидимое, неосязаемое и вполне не известное? И людям представляется страшной та неизвестность, в которую они вступают, отказавшись от знакомых порядков жизни.

Но ведь хорошо бояться неизвестности, когда известное нам наше положение прочно и обеспечено. Но положение наше не только не обеспечено, но мы несомненно знаем, что стоим на краю погибели.

Если уж бояться, то будем бояться того, что, точно, страшно, а не того, что мы только предполагаем страшным.

Боясь сделать усилие, чтобы вырваться из губящих нас условий только потому, что будущее не вполне известно нам, мы похожи на пассажиров тонущего корабля, которые бы, боясь сесть в лодку, перевозящую их на берег, забились бы в каюту и не хотели бы выходить из нее; или на тех овец, которые от страха огня, охватившего двор, жмутся под сарай и не выходят в открытые ворота.

Разве можно нам, людям, стоящим на пороге ужасающей по бедственности и истребительности войны внутренних революций, перед которой, как говорят приготовители ее, ужасы 93 года будут игрушкой, говорить об опасности, которая угрожает нам от дагомейцев, зулусов и т. п., которые живут за тридевять земель и не думают нападать на нас, и от тех нескольких тысяч одуренных нами же и развращенных мошенников, воров и убийц, число которых не уменьшается от всех наших судов, тюрем и казней.

Кроме того, страх этот перед упразднением видимого ограждения полицейского городового есть страх преимущественно городских людей, т. е. людей, живущих в ненормальных и искусственных условиях. Люди, живущие в естественных условиях жизни, не по городам, но среди природы, борясь с нею, живут без этого ограждения и знают, как мало может оградить их насилие от окружающих их действительных опасностей.

В страхе этом есть что-то болезненное, зависящее преимущественно от тех ложных условий, в которых многие из нас живут и выросли.

Доктор-психиатр рассказывал, что однажды летом, когда он выходил из больницы, душевнобольные сопровождали его до ворот на улицу. «Пойдемте со мной в город», — предложил им доктор. Больные согласились, и небольшая кучка пошла за доктором. Но чем дальше они подвигались по улице, где происходило свободное движение здоровых людей, тем более робели и всё ближе и ближе жались к доктору, задерживая его ход. И, наконец, все стали проситься назад в свою больницу, к своему безумному, но привычному образу жизни, к своим сторожам, побоям, длинным рукавам, одиночникам.

Так же жмутся и тянутся назад к своему безумному строю жизни, своим фабрикам, судам, тюрьмам, казням, войнам люди, которых зовет христианство на волю, на свободную, разумную жизнь будущего, наступающего века.

Люди говорят: «Чем мы будем обеспечены, когда уничтожится существующее устройство? Какие именно и в чем будут состоять те новые порядки, которые заменят теперешние? До тех же пор, пока мы не будем знать, как именно сложится наша жизнь, мы не пойдем вперед и не тронемся с места».

Требование это подобно тому, которое заявил бы исследователь новых стран, потребовав подробное описание той страны, в которую он вступает.

Если бы жизнь отдельного человека при переходе от одного возраста к другому была бы вполне известна ему, ему незачем бы было жить. То же и с жизнью человечества: если бы у него была программа той жизни, которая ожидает его при вступлении в новый возраст его, то это было бы самым верным признаком того, что оно не живет, не движется, а толчется на месте.

Условия нового строя жизни не могут быть известны нам, потому что они должны быть выработаны нами же. Только в том и жизнь, чтобы познавать неизвестное и сообразовать с этим новым познанием свою деятельность.

В том жизнь каждого отдельного человека, и в том жизнь человеческих обществ и человечества.

XI

Положение христианского человечества со своими тюрьмами, каторгами, виселицами, с своими фабриками, скоплениями капиталов, с своими податями, церквами, кабаками, домами терпимости, всё растущими вооружениями и миллионами одуренных людей, готовых, как цепные собаки, броситься на тех, на кого их натравят хозяева, было бы ужасным, если бы оно было произведением насилия, но оно есть прежде всего произведение общественного мнения. А то, что установлено общественным мнением, не только может им же быть разрушено, но им же и разрушается.

Сотни миллионов денег, десятки миллионов дисциплинированных людей, удивительной силы орудия истребления, при доведенной до последней степени совершенства организации, при целой армии людей, призванной к тому, чтобы обманывать и гипнотизировать народ, и всё это подчиненное, посредством электричества, уничтожающего пространство, людям, считающим такое устройство общества не только выгодным для себя, но таким, без которого они должны неизбежно погибнуть, и потому употребляющим все силы своего ума для поддержания его, — какая, казалось бы, несокрушимая сила.

А между тем, стоит только представить себе то, к чему дело идет и чему никто не может воспрепятствовать, что между людьми установилось с такою же силою и всеобщностью, как и языческое общественное мнение, общественное мнение христианское и заменило языческое, что большинство людей так же стыдится участия в насилии и пользовании им, как стыдятся теперь люди мошенничества, воровства, нищенства, трусости, и тотчас же само собой, без борьбы и насилия уничтожается это сложное и кажущееся столь могущественным устройство жизни. А для того, чтобы это случилось, не нужно, чтобы вошло в сознание людей что-либо новое, а только чтобы исчез тот туман, который скрывает от людей истинное значение некоторых дел насилия, чтобы растущее христианское общественное мнение пересилило отживающее общественное мнение языческое, допускавшее и оправдывавшее дела насилия. Нужно только, чтобы людям стало так же стыдно делать дела насилия, участвовать в них и пользоваться ими, как стыдно теперь быть и слыть мошенником, вором, трусом, нищим. А это самое начинает совер-

шаться. Мы только не замечаем этого, как не замечают люди движения, когда они сами движутся вместе со всем окружающим.

Правда, устройство жизни в главных чертах остается всё таким же насильническим, каким оно было 1000 лет тому назад, и не только таким же, но в некоторых отношениях, особенно в приготовлениях к войне и в самых войнах, оно представляется даже более жестоким; но зарождающееся христианское общественное мнение, то самое, которое при известной степени развития должно изменить всё языческое устройство жизни, уже начинает действовать. Засохшее дерево по виду стоит так же твердо, как оно стояло и прежде, — оно даже кажется тверже, потому что стало жестче, — но оно уже подтачивается в сердцевине и готовится к падению. То же и с теперешним насильническим устройством жизни. Внешнее положение людей то же: такие же одни насильники, другие насилуемые, но уже не тот взгляд и насилующих и насилуемых на значение и достоинство положений тех и других.

Люди насилующие, т. е. участвующие в управлении, и люди, пользующиеся насилием, т. е. богатые, не представляют уже теперь из себя, как это было прежде, цвета общества и тот идеал человеческого благополучия и величия, к которому стремились прежде все насилуемые. Теперь уже, очень часто, ненасилуемые стремятся к положению насилующих и стараются подражать им, а, напротив, насилующие часто добровольно отказываются от выгод своего положения, избирают положение насилуемых и стараются в простоте жизни уподобиться насилуемым.

Не говоря уже о явно презираемых теперь должностях и положениях, вроде: шпионов, агентов тайной полиции, ростовщиков, кабатчиков, — большое количество положений насильников, считавшихся прежде почетными, вроде полицейских, придворных, судейских, административных, духовных, военных, откупщицких, банкирских, не только не считается всеми желательным, но уже осуждается известным наиболее уважаемым кругом людей. Есть уже люди, которые добровольно отказываются от этих прежде считавшихся безукоризненными положений, и предпочитают им менее выгодные, но не связанные с насилием положения.

Но не только правительственные люди, есть уже и такие богатые люди, которые не по религиозному чувству, как это

бывало прежде, а только вследствие особенной чуткости к зарождающемуся общественному мнению, отказываются от унаследованных состояний, считая справедливым пользование только тем, что заработано своим трудом.

Положение участника в правительстве и богача уже не представляется, как оно было прежде и каково оно теперь среди нехристианских народов, несомненно почтенным и достойным уважения положением и благословением божиим. Люди, наиболее чуткие, нравственные (большею частью они же и наиболее образованные) избегают этих положений и предпочитают им более скромные, но не зависимые от насилия положения.

Лучшие молодые люди в том возрасте, когда они еще не испорчены жизнью и избирают карьеру, предпочитают деятельность врачей, технологов, учителей, художников, писателей, даже просто земледельцев, живущих своим трудом, положениям судейским, административным, духовным и военным, оплачиваемым правительством, или положению людей, живущих своими доходами.

Большинство памятников, воздвигаемых теперь, воздвигается уже не государственным деятелям, не генералам и уже никак не богачам, а ученым, художникам, изобретателям, людям, не имевшим не только ничего общего ни с правительствами, ни с властью, но очень часто боровшимся с нею. Воспеваются в поэзии, изображаются пластическим искусством, почитаются торжественными юбилеями не столько государственные люди и богачи, сколько ученые, художники...

Лучшие люди нашего времени стремятся в эти наиболее чтимые положения, и потому круг, из которого отбираются люди правительственные и богатые, становится всё меньше и низменнее, так что по уму, образованию и в особенности по нравственным качествам уже теперь люди, стоящие во главе управления, и богачи, не составляют, как это было в старину, цвета общества, а, напротив, стоят ниже среднего уровня.

Как в России и Турции, так в Америке и Франции, сколько правительства ни переменяют своих чиновников, большинство их люди корыстные и продажные, стоящие на такой низкой степени нравственности, что они не удовлетворяют даже и тем низким требованиям простой неподкупности, которые предъявляются к ним правительствами. Часто можно слышать теперь

наивные сетования правительственных людей о том, что лучшие люди по какой-то странной, как им кажется, случайности всегда находятся во враждебном им лагере. Вроде того, как если бы люди сетовали, что по какой-то странной случайности в палачи попадаются всё люди неутонченные и не особенно добрые.

Большинство богатых людей точно так же в наше время составляется уже не из самых утонченных и образованных людей общества, как это было прежде, а или из грубых собирателей богатств, занятых только обогащением себя, большею частью нечестными средствами, или из вырождающихся наследников этих собирателей, не только не играющих выдающейся роли в обществе, но подвергающихся в большинстве случаев всеобщему презрению.

Но мало того, что круг людей, из которого отбираются слуги правительства и богатые люди, становится всё меньше и меньше, и низменнее и низменнее, сами люди эти уже не приписывают тем положениям, которые они занимают, прежнего значения и часто, стыдясь их и в ущерб тому делу, которому они служат, не исполняют того, что они по своему положению призваны делать. Короли и императоры почти ничем уже не управляют, никогда почти сами не решаются совершать внутренние изменения и вступать в новые внешние политические условия, а большею частью предоставляют решение этих вопросов государственным учреждениям или общественному мнению. Все обязанности их сводятся к тому, чтобы быть представителями государственного единства и могущества. Но и эту обязанность они исполняют всё хуже и хуже. Большинство их не только не держится в прежнем недосягаемом величии, а, напротив, всё более и более демократизируется, даже энканальируется, сбрасывая с себя последний внешний престиж, т. е. нарушая то самое, что они призваны поддерживать. То же происходит и с военными. Военные люди высших чинов, вместо того чтобы поощрять грубость и жестокость воинов, необходимые для их дела, сами распространяют между военным сословием образование, проповедуют гуманность и часто сами даже разделяют социалистические убеждения масс и отрицают войну. В последних заговорах против русского правительства многие из замешанных были военные. И таких военных заговорщиков становится всё больше и больше. И очень часто случается, как это было на днях, что призванные для усмирения жителей военные

отказываются стрелять по ним. Военное молодечество прямо осуждается самими военными и часто служит предметом насмешек. То же с судьями и прокурорами: судьи, обязанные судить и приговаривать преступников, ведут заседания так, чтобы оправдывать их, так что правительство русское, для осуждения тех лиц, которых ему нужно осудить, уже никогда не подвергает их обыкновенным судам, а передает так называемому военному суду, представляющему только подобие суда. То же и с прокурорами, которые часто отказываются от обвинений и даже вместо обвинений, обходя закон, защищают тех, кого они должны обвинять. Ученые юристы, обязанные оправдывать насилие власти, всё более и более отрицают право наказания и вводят на место его теории невменяемости и даже не исправления, а лечения тех, которых называют преступниками. Тюремщики и начальники каторжников большею частью делаются защитниками тех, кого они должны мучить. Жандармы и сыщики постоянно спасают тех, кого они должны губить. Духовные лица проповедуют терпимость, иногда даже отрицание насилия, и более образованные из них стараются в своих проповедях обходить ту самую ложь, которая составляет весь смысл их положения и которую они призваны проповедовать. Палачи отказываются от исполнения своих обязанностей, так что в России смертные приговоры часто не могут приводиться в исполнение за отсутствием палачей, так как охотников поступать в палачи, несмотря на все выгоды, предоставляемые этим людям, выбираемым из каторжников, становится всё меньше и меньше. Губернаторы, исправники, становые, сборщики податей, мытари часто, жалея народ, стараются найти предлоги для несобирания с народа податей. Богачи не решаются пользоваться своим богатством только для себя, а распределяют его на общественные дела. Землевладельцы устраивают на своих землях больницы, школы, а некоторые из них даже отказываются от владения землей и передают ее земледельцам или устраивают на ней общины. Заводчики и фабриканты устраивают больницы, училища, кассы, пенсии, жилища для рабочих; некоторые учреждают товарищества, в которых сами становятся равными с другими участниками. Капиталисты отдают часть своих капиталов на общественные, образовательные, художественные, филантропические учреждения. Не в силах расстаться с своими богатствами при жизни, многие из них после смерти по завещаниям

все-таки отказываются от них в пользу общественных учреждений.

Все эти явления могли бы казаться случайными, если бы они все не сводились к одной общей причине, как и могло бы казаться случайным то, что весной на некоторых деревьях начинает наливаться почка, если бы мы не знали, что причина этого — общая весна и что если на некоторых деревьях ветви начали мякнуть, то наверное то же будет и со всеми.

То же и в проявлении христианского общественного мнения о значении насилия и того, что основано на нем. Если это общественное мнение влияет уже на некоторых наиболее чутких людей и заставляет их каждого в своем деле отказываться от преимуществ, даваемых насилием, или не пользоваться им, то оно будет влиять и дальше, и будет влиять до тех пор, пока не изменит всю деятельность людей и не приведет ее в согласие с тем христианским сознанием, которое уже живет в передовых людях человечества.

И если теперь уже есть правители, не решающиеся ничего предпринимать сами своей властью и старающиеся быть как можно более похожими не на монархов, а на самых простых смертных, и высказывающие готовность отказаться от своих прерогатив и стать первыми гражданами своей республики; и если есть уже такие военные, которые понимают всё зло и грех войны и не желают стрелять ни в людей чужого, ни своего народа; и такие судьи и прокуроры, которые не хотят обвинять и приговаривать преступников; и такие духовные, которые отказываются от своей лжи; и такие мытари, которые стараются как можно меньше исполнять то, что они призваны делать; и такие богатые люди, которые отказываются от своих богатств, — то неизбежно сделается то же самое и с другими правительствами, другими военными, другими судейскими, духовными, мытарями и богачами. А не будет людей, готовых занимать эти положения, не будет и самих положений и насилия.

Но не этим одним путем ведет общественное мнение людей к уничтожению существующего порядка и заменению его новым. По мере того как положения насилия становятся всё менее и менее привлекательными и всё менее и менее находится охотников занимать их, всё более и более разъясняется и ненужность их.

Те же в христианском мире правители и правительства, те же войска, те же суды, те же мытари, то же духовенство, те же

богачи землевладельцы, фабриканты и капиталисты, как и прежде, но совсем другое уже отношение к ним людей и самих людей к своему положению.

Всё те же правители, так же ездят на свидания, такие же встречи, и охоты, и пиры, и балы, и мундиры, и такие же дипломаты, и разговоры о союзах и войнах; такие же парламенты, в которых так же разбираются вопросы восточные и африканские, и союзов, и разрывов, и гомруля, и 8-часового дня. И так же сменяются одни министерства другими, такие же речи, инциденты. Но людям, видящим, каким образом одна статья в газете изменяет более положение дел, чем десятки свиданий монархов и сессий парламентов, всё яснее и яснее становится, что не эти встречи, и свидания, и разговоры в парламентах руководят делами людей, а нечто независимое от всего этого и нигде не сосредоточенное.

Те же генералы, и офицеры, и солдаты, и пушки, и крепости, и смотры, и маневры, но войны нет год, десять, двадцать лет, и кроме того всё менее и менее можно надеяться на военных для усмирения бунтов, и всё яснее и яснее становится, что поэтому генералы, и офицеры, и солдаты суть только члены торжественных процессий — предметы забавы правителей, большие, слишком дорогостоящие кордебалеты.

Те же прокуроры, и судьи, и такие же заседания, но становится всё яснее и яснее, что так как гражданские суды решаются по самым разнообразным причинам, но только не по справедливости, и что уголовные суды не имеют никакого смысла, потому что наказания не достигают никакой допускаемой даже самими судьями цели, то учреждения эти не представляют никакого другого значения, как только средство кормления людей, ни на что более полезное не способных.

Те же священники, и архиереи, и церкви, и синоды, но всем становится всё яснее и яснее, что люди эти давно уже сами не верят в то, что проповедуют, и потому не могут уже никого убедить в необходимости верить в то, во что они сами не верят.

Те же сборщики податей, но они всё менее и менее делаются способными силою отнимать у людей их имущество, и становится всё яснее и яснее, что люди без сборщиков податей могут по добровольной подписке собрать всё, что им нужно.

Те же богачи, но всё становится яснее и яснее, что они могут быть полезны только в той мере, в которой они перестанут быть

личными распорядителями своих богатств и отдадут обществу всё или хоть часть своего состояния.

Когда же всё это совсем и всем сделается вполне ясным, естественно будет людям спросить себя: «Да зачем же нам кормить и содержать всех этих королей, императоров, президентов и членов разных палат и министерств, ежели от всех их свиданий и разговоров ничего не выходит? Не лучше ли, как говорил какой-то шутник, сделать королеву из гуттаперчи?

«И на что нам войска с их генералами и музыками, и кавалериями, и барабанами? На что они нужны, когда войны нет, никто не желает никого завоевывать, и даже если и есть война, то барышами от нее не дают воспользоваться другие народы и по своему народу войска отказываются стрелять?

«И на что такие судьи и прокуроры, которые в гражданских делах решают не по справедливости, а в уголовных делах сами знают, что всякие наказания бесполезны?

«И на что такие сборщики податей, которые неохотно собирают подати, а то, что нужно, собирается и без них?

«И на что духовенство, которое давно уже не верит в то, что оно должно проповедовать?

«И на что капиталы в частных руках, когда они могут приносить пользу, только сделавшись общим достоянием?»

А раз спросив себя об этом, люди не могут не прийти к решению перестать содержать все эти ставшие бесполезными учреждения.

Но мало того, что люди, содержащие эти учреждения, придут к решению упразднить их, сами люди, занимающие эти положения, одновременно или еще прежде этого будут приведены к необходимости отказа от этих положений.

Общественное мнение всё более и более осуждает и отрицает насилие, и потому люди, всё более и более подчиняясь общественному мнению, всё менее и менее охотно занимают положения, поддерживаемые насилием; те же, которые занимают эти положения, всё менее и менее могут употреблять насилие. Не употребляя же насилия, но оставаясь в положении, обусловливаемом насилием, люди, занимающие эти положения, всё более и более становятся ненужными. И ненужность эта, всё более и более чувствуясь и теми, которые поддерживают эти положения, и теми, которые находятся в них, сделается, наконец, такова, что не найдется более людей для того, чтобы поддер-

живать эти положения, и таких, которые бы решились занимать их.

Раз я в Москве присутствовал при спорах о вере, которые происходили по обыкновению на Фоминой у церкви в Охотном ряду. Собралась на тротуаре кучка, человек 20, и шел серьезный разговор о религии. В это же время был какой-то концерт в рядом стоящем здании дворянского собрания, и полицейский офицер, заметив кучку народа, собравшуюся у церкви, прислал верхового жандарма с приказанием разойтись. Офицеру собственно не нужно было, чтобы расходились. Собравшиеся 20 человек никому не мешали, но офицер стоял тут целое утро, и ему надо было что-нибудь делать. Молодой малый — жандарм, молодецки подпираясь правой рукой и гремя саблей, подъехал к нам и строго приказал: «Разойтись! Что собрались?» Все оглянулись на жандарма, и один из говоривших, скромный человек в чуйке, спокойно и ласково сказал: «Мы говорим о деле, и нам незачем расходиться, а ты лучше, молодой человек, слезь да послушай, о чем говорят. И тебе будет на пользу», и, отвернувшись, продолжал беседу. Жандарм молча отвернул лошадь и отъехал.

То же самое должно совершиться во всех делах насилия. Офицеру скучно, ему делать нечего; он, бедный, поставлен в такое положение, в котором ему необходимо распоряжаться. Он лишен всякой человеческой жизни, ему можно только смотреть и распоряжаться, распоряжаться и смотреть, хотя распоряжения его и смотренье ни для чего не нужны. В таком же положении отчасти уже находятся и в скором времени вполне будут находиться все эти несчастные правители, министры, члены парламентов, губернаторы, генералы, офицеры, архиереи, священники, богачи даже. Им больше ничего нельзя делать, как только распоряжаться, и они распоряжаются, посылают своих посланных, как офицер жандарма, для того чтобы мешать людям, и так как люди, которым они мешают, обращаются к ним же с просьбами, чтобы они не мешали им, то им кажется, что они необходимо нужны.

Но приходит время и придет, когда станет всем совершенно ясно, что они ни на что не нужны, а только мешают людям, и люди, которым они мешают, скажут им ласково и кротко, как тот человек в чуйке: «Не мешайте нам, пожалуйста». И все эти посланные и посылающие должны будут последовать этому

доброму совету, т. е. перестать, подбоченясь, ездить между людьми, мешая им, а слезши с своих коньков и снявши с себя свои наряды, послушать то, что говорят люди, и, присоединясь к ним, приняться со всеми вместе за настоящую человеческую работу.

Приходит время и неизбежно придет, когда все насильнические учреждения нашего времени уничтожатся вследствие сделавшейся слишком очевидной для всех ненужности, нелепости, даже неприличия их.

Должно прийти время, когда с людьми нашего мира, занимающими положения, даваемые насилием, случится то, что случилось с королем в сказке Андерсена «О новом царском платье», когда малое дитя, увидав голого царя, наивно вскрикнуло: «Смотрите, он голый!» и все, видевшие это и прежде, но не высказывавшие, не могли уже более скрывать этого.

Сказка в том, что к царю, охотнику до новых платьев, приходят портные, обещающиеся сшить необыкновенное платье. Царь нанимает портных, и портные начинают шить, но говорят, что особенное свойство их платья то, что кто не нужен для своей должности, тот не может видеть платьев.

Придворные приходят смотреть работу портных и ничего не видят, так как портные водят иголками по пустому месту. Но, помня условие, все должностные лица говорят, что видят платья и хвалят их. То же делает и царь. Приходит время процессии, в которой царь пойдет в новом платье. Царь раздевается и надевает новые платья, т. е. остается голый и голый идет по городу. Но, помня условие, никто не решается сказать, что платьев нет, до тех пор, пока малое дитя не вскрикнуло: «Смотрите, он голый!»

То же должно случиться со всеми занимающими по инерции положения, давно уже ставшие ненужными, когда первый не заинтересованный в том, чтобы по пословице: рука руку моет, скрывать ненужность этих учреждений, укажет на бесполезность их и наивно крикнет: «А ведь люди эти уже давно ни на что не нужны».

Положение христианского человечества с его крепостями, пушками, динамитами, ружьями, торпедами, тюрьмами, виселицами, церквами, фабриками, таможнями, дворцами действительно ужасно; но ведь ни крепости, ни пушки, ни ружья ни в кого сами не стреляют, тюрьмы никого сами не запирают,

виселицы никого не вешают, церкви никого сами не обманывают, таможни не задерживают, дворцы и фабрики сами не строятся и себя не содержат, а всё делают это люди. Если же люди поймут, что этого не надо делать, то этого ничего и не будет.

А люди уже начинают понимать это. Если еще не все понимают это, то понимают это передовые люди, те, за которыми идут остальные. И перестать понимать то, что раз поняли передовые люди, они уже никак не могут. Понять же то, что поняли передовые, остальные люди не только могут, но неизбежно должны.

Так что предсказание о том, что придет время, когда все люди будут научены богом, разучатся воевать, перекуют мечи на орала и копья на серпы, т. е., переводя на наш язык, все тюрьмы, крепости, казармы, дворцы, церкви останутся пустыми и все виселицы, ружья, пушки останутся без употребления, — уже не мечта, а определенная, новая форма жизни, к которой с всё увеличивающейся быстротой приближается человечество.

Но когда же это будет?

1800 лет назад на вопрос этот Христос ответил, что конец нынешнего века, т. е. языческого устройства мира, наступит тогда, когда (Мф. XXIV, 3—28) увеличатся до последней степени бедствия людей и вместе с тем благая весть царства божия, т. е. возможность нового, ненасильнического устройства жизни, будет проповедана по всей земле.

«О дне же и часе том никто не знает, только отец мой один (Мф. XXIV, 36)», — тут же говорит Христос. Ибо оно может наступить всегда, всякую минуту, и тогда, когда мы не ожидаем его.

На вопрос о том, когда наступит этот час, Христос говорит, что знать этого мы не можем; но именно потому, что мы не можем знать времени наступления этого часа, мы не только должны быть всегда готовы к встрече его, как должен быть всегда готов хозяин, стерегущий дом, как должны быть готовы девы с светильниками, встречающие жениха, но и должны работать из всех данных нам сил для наступления этого часа, как должны были работать работники на данные им таланты (Мф. XXIV, 43; XXV, 1—30). На вопрос, когда наступит этот час, Христос увещевает людей всеми своими силами работать для скорейшего наступления его.

И другого ответа не может быть. Знать то, когда наступит день и час царства божия, люди никак не могут, потому что

наступление этого часа ни от кого другого не зависит, как от самих людей.

Ответ тот же, как ответ того мудреца, который, на вопрос прохожего: далеко ли до города? ответил: «Иди».

Как мы можем знать, далеко ли до той цели, к которой приближается человечество, когда мы не знаем, как будет подвигаться к этой цели человечество, от которого зависит — идти или не идти, остановиться, умерить свое движение или усилить его.

Всё, что мы можем знать, это то, что мы, составляющие человечество, должны делать и чего должны не делать для того, чтобы наступило это царство божие. А это мы все знаем. И стоит только каждому начать делать то, что мы должны делать, и перестать делать то, чего мы не должны делать, стоит только каждому из нас жить всем тем светом, который есть в нас, для того, чтобы тотчас же наступило то обещанное царство божие, к которому влечется сердце каждого человека.

XII

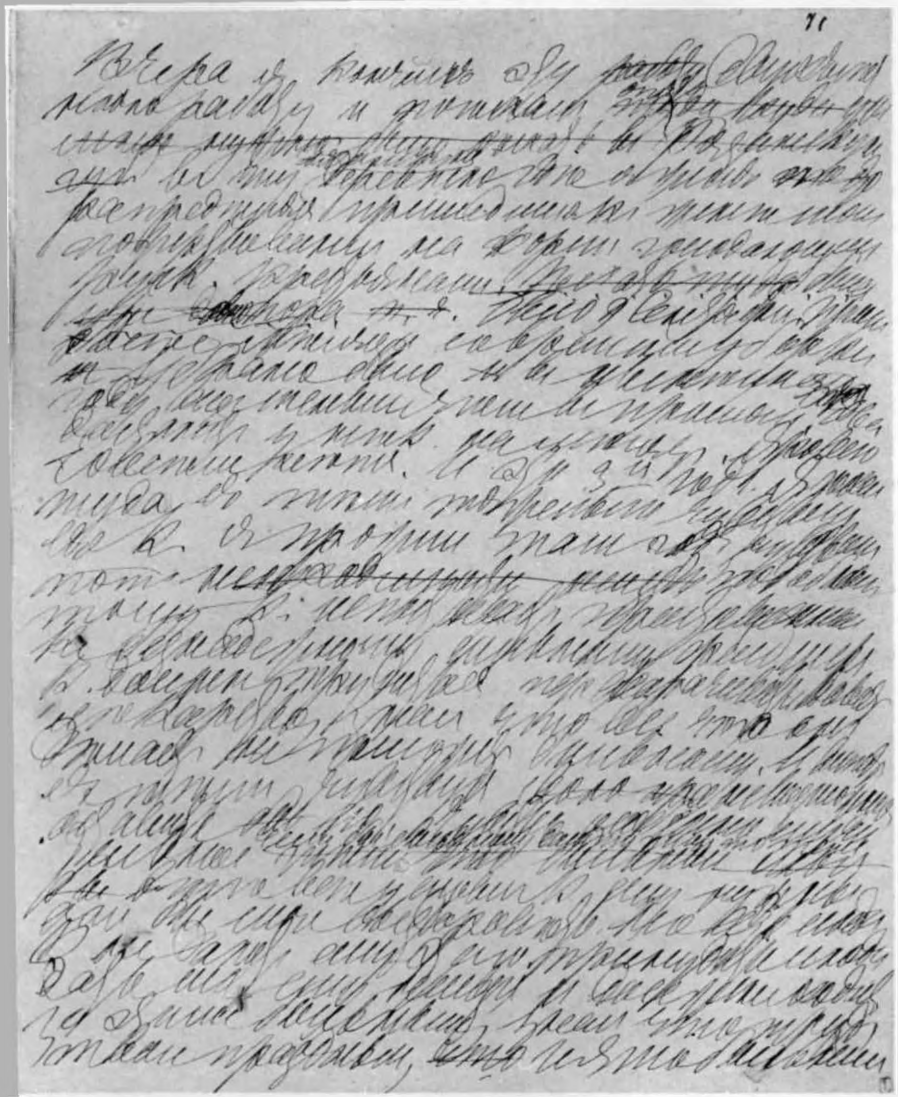
ЗАКЛЮЧЕНИЕ

1

Я кончал эту двухлетнюю работу, когда 9-го сентября мне случилось ехать по железной дороге в местность голодавших в прошлом году и еще сильнее голодающих в нынешнем году крестьян Тульской и Рязанской губерний. На одной из железнодорожных станций поезд, в котором я ехал, съехался с экстренным поездом, везшим под предводительством губернатора войска с ружьями, боевыми патронами и розгами для истязания и убийства этих самых голодающих крестьян.

Истязание людей розгами для приведения в исполнение решения власти, несмотря на то, что телесное наказание отменено законом 30 лет тому назад, в последнее время всё чаще и чаще стало применяться в России.

Я слыхал про это, читал даже в газетах про страшные истязания, которыми как будто хвастался нижегородский губернатор Баранов, про истязания, происходившие в Чернигове, Тамбове, Саратове, Астрахани, Орле, но ни разу мне не приходилось, как теперь, видеть людей в процессе исполнения этих дел.



Черновая редакция начала
XII главы

И вот я увидал воочию русских, добрых и проникнутых христианским духом людей с ружьями и розгами, едущими убивать и истязать своих голодных братьев.

Повод, по которому они ехали, был следующий:

В одном из имений богатого землевладельца крестьяне вырастили на общем с помещиком выгоне лес (вырастили, т. е. оберегали во время его роста) и всегда пользовались им, и потому считали этот лес своим или по крайней мере общим; владелец же, присвоив себе этот лес, начал рубить его. Крестьяне подали жалобу. Судья первой инстанции неправильно (я говорю — неправильно со слов прокурора и губернатора, людей, которые должны знать дело) решил дело в пользу помещика. Все дальнейшие инстанции, в том числе и сенат, хотя и могли видеть, что дело решено неправильно, утвердили решение, и лес присужден помещику. Помещик начал рубить лес, но крестьяне, не могущие верить тому, чтобы такая очевидная несправедливость могла быть совершена над ними высшею властью, не покорились решению и прогнали присланных рубить лес работников, объявив, что лес принадлежит им и они дойдут до царя, но не дадут рубить леса.

О деле донесено в Петербург министру. Министр доложил государю, государь велел министру привести решение суда в исполнение. Министр предписал губернатору. Губернатор потребовал войско. И вот солдаты, вооруженные ружьями со штыками, боевыми патронами, кроме того с запасом розог, нарочно приготовленных для этого случая и везомых в одном из вагонов, едут приводить в исполнение это решение высшей власти.

Приведение же в исполнение решения высшей власти совершается убийством, истязанием людей или угрозой того или другого, смотря по тому, окажут или не окажут они сопротивление.

В первом случае, если крестьяне оказывают сопротивление, совершается в России (то же самое совершается везде, где только есть государственное устройство и право собственности)— совершается следующее: начальник говорит речь и требует покорности. Возбужденная толпа, большею частью обманутая своими вожаками, ничего не понимает из того, что говорит чиновничьим, книжным языком представитель власти, и продолжает волноваться. Тогда начальник объявляет, что если они не покорятся и не разойдутся, то он принужден будет прибег-

нуть к оружию. Если толпа и при этом не покоряется и не расходится, начальник приказывает заряжать ружья и стрелять через головы толпы. Если толпа и при этом не расходится, начальник приказывает стрелять прямо в толпу, в кого попало, и солдаты стреляют и по улице падают раненые и убитые люди, и тогда толпа обыкновенно разбегается, и войска по приказанию начальников захватывают тех, которые представляются им главными зачинщиками, и отводят их под стражу.

После этого подбирают окровавленных, умирающих, изуродованных, убитых и раненых мужчин, иногда женщин, детей; мертвых хоронят, а изуродованных отсылают в больницу. Тех же, которых считают зачинщиками, везут в город и судят особенным военным судом. И если с их стороны было насилие, приговаривают к повешению. И тогда ставят виселицу и душат веревками несколько беззащитных людей, как это делалось много раз в России, как это делается и не может не делаться везде, где общественный строй стоит на насилии. Так это делается в случае сопротивления.

Во втором же случае, в случае покорности крестьян, совершается нечто особенное и специально русское. Совершается следующее: губернатор, приехав на место действия, произносит речь народу, упрекая его за его непослушание, и или становит войско по дворам деревни, где солдаты в продолжение месяца иногда разоряют своим постоем крестьян, или, удовлетворившись угрозой, милостиво прощает народ и уезжает, или, что бывает чаще всего, объявляет ему, что зачинщики за это должны быть наказаны, и произвольно, без суда, отбирает известное количество людей, признанных зачинщиками, и в своем присутствии производит над ними истязания.

Для того, чтобы дать понятие о том, как совершаются эти дела, опишу такое дело, совершенное в Орле и получившее одобрение высшей власти.

Совершилось в Орле следующее: точно так же, как здесь, в Тульской губернии, помещик пожелал отнять собственность крестьян, и точно так же крестьяне воспротивились этому. Дело было в том, что владелец без согласия крестьян пожелал держать на своей мельнице воду на том высоком уровне, при котором заливались их луга. Крестьяне воспротивились этому. Помещик принес жалобу земскому начальнику. Земский начальник незаконно (как это впоследствии признано и судом) решил дело

в пользу помещика, разрешив ему поднять воду. Помещик послал рабочих прудить канаву, через которую спускалась вода. Крестьяне возмутились этим неправильным решением и выслали своих женщин для того, чтобы помешать рабочим помещика прудить канаву. Женщины вышли на плотину, перевернули телеги и прогнали рабочих. Помещик подал жалобу на женщин за самоуправство. Земский начальник сделал распоряжение о том, чтобы посадить во всей деревне из каждого двора по одной женщине в тюрьму («холодную»). Решение было неудобоисполнимое, так как в каждом дворе было несколько женщин: нельзя было знать, какая подлежит аресту, и потому полиция не приводила решения в исполнение. Помещик пожаловался губернатору на неисполнительность полиции. И губернатор, не разобрав, в чем дело, строго приказал исправнику немедленно привести в исполнение решение земского начальника. Повинуясь высшему начальству, исправник приехал в деревню и с свойственным русской власти неуважением к людям приказал полицейским забирать из каждого дома по одной женщине. Но так как в каждом доме было более одной женщины и нельзя было знать, которая подлежит заключению, начались споры и сопротивление. Несмотря на эти споры и сопротивление, исправник приказал хватать женщин по одной из двора, какая попадется, и вести в место заключения. Мужики стали защищать своих жен и матерей, не дали их и при этом побили полицейских и исправника. Явилось новое страшное преступление: сопротивление власти, и об этом новом преступлении донесено в город. И вот губернатор, точно так же, как теперь ехал тульский губернатор, с батальоном солдат с ружьями и розгами, пользуясь и телеграфами, и телефонами, и железными дорогами, на экстренном поезде, с ученым доктором, который должен был следить за гигиеничностью сечения, олицетворяя вполне предсказанного Герценом Чингис-хана с телеграфами, приехал на место действия.

У волостного правления стояло войско, отряд городовых с красными шнурками, на которых висят револьверы, и собранные должностные лица из крестьян и обвиняемые. Кругом стояла толпа народа в 1000 или более человек. Подъехав к волостному правлению, губернатор вышел из коляски, произнес приготовительную речь и потребовал виноватых и скамейку. Требование это было не понято сначала. Но городовой, которого

губернатор всегда возил с собой и который занимался организацией истязаний, уже неоднократно совершавшихся в губернии, объяснил, что это значило скамейку для сечения. Принесли скамейку, принесли привезенные с собой розги и вызвали палачей. Палачи уже вперед были заготовлены из конокрадов той же деревни, так как военные отказались исполнять эту должность.

Когда всё было готово, начальник велел выйти первому из тех 12 человек, на которых указал помещик, как на самых виноватых. Первый вышедший был отец семейства, уважаемый в обществе сорокалетний человек, мужественно отстаивавший права общества и потому пользовавшийся уважением жителей. Его подвели к скамье, обнажили его и велели ему ложиться.

Крестьянин попробовал молить о пощаде, но, увидав, что это бесполезно, перекрестился и лег. Двое городовых бросились держать его. Ученый доктор стоял тут же, в готовности оказать нужную медицинскую научную помощь. Острожники, поплевав в руки, взмахнули розгами и начали бить. Оказалось, однако, что скамейка была слишком узка и трудно было удержать на ней корчившегося истязуемого. Тогда губернатор велел принести другую скамейку и подмостить доску. Люди, прикладывая руки к козырьку и приговаривая: «слушаю, ваше превосходительство», поспешно и покорно исполнили приказания; между тем полуобнаженный, бледный истязуемый человек, нахмурив брови и глядя в землю, дрожа челюстью и оголенными ногами, дожидался. Когда приставлена была другая скамья, его опять положили, и конокрады начали опять бить его. Всё больше и больше покрывалась рубцами и кровоподтеками спина, ягодицы, ляжки и даже бока истязуемого, и за каждым ударом раздавались глухие звуки, которых не мог сдержать истязуемый. Из толпы, стоявшей вокруг, слышались вопли жен, матерей, детей, родных истязуемого и всех тех, которые были отобраны для наказания.

Несчастный, опьяненный властью губернатор, которому казалось, что он не мог поступать иначе, загибая пальцы, считал удары и, не переставая, курил папироски, для закуривания которых несколько услужливых людей всякий раз торопились поднести ему зажженную спичку. Когда дано было более 50 ударов, крестьянин перестал кричать и шевелиться, и доктор, воспитанный в казенном заведении для служения своими научными знаниями своему государю и отечеству, подошел к истязуе-

мому, пощупал пульс, послушал сердце и доложил представителю власти, что наказываемый потерял сознание и что, по данным науки, продолжать наказание может быть опасным для его жизни. Но несчастный губернатор, уже совершенно опьяненный видом крови, велел продолжать, и истязание продолжалось до 70 ударов, того количества, до которого ему почему-то казалось нужным довести количество ударов. Когда дан был 70-й удар, губернатор сказал: «Довольно! Следующего!» И изуродованного человека, с вспухшей спиной и потерявшего сознание, подняли и снесли и привели другого. Рыдания и стоны толпы усиливались. Но представитель государственной власти продолжал истязание.

Так же били 2-го, 3-го, 4-го, 5-го, 6-го, 7-го, 8-го, 9-го, 10-го, 11-го, 12-го, — каждого по 70 ударов. Все они молили о пощаде, стонали, кричали. Рыдания и стоны толпы женщин всё становились громче и раздирательнее, и всё мрачнее и мрачнее становились лица мужчин. Но кругом стояли войска и истязание не остановилось до тех пор, пока не совершено было дело в той самой мере, в которой оно представлялось почему-то необходимым капризу несчастного, полупьяного, заблудшего человека, называемого губернатором.

Чиновники, офицеры, солдаты не только присутствовали при этом, но своим присутствием участвовали в этом деле и охраняли от нарушения со стороны толпы порядок совершения этого государственного акта.

Когда я спрашивал у одного из губернаторов, для чего производят эти истязания над людьми, когда они уже покорились и войска стоят в деревне, он с значительным видом человека, познавшего все тонкости государственной мудрости, отвечал мне, что это делается потому, что опытом дознано, что если крестьяне не подвергнуты истязанию, то они опять начнут противодействовать распоряжению власти. Совершенное же истязание над некоторыми закрепляет уже навсегда решение власти.

И вот теперь тульский губернатор с чиновниками, офицерами и солдатами ехал совершать такое же дело. Точно так же, т. е. убийством или истязанием, должно было привести в исполнение решение высшей власти, состоящее в том, чтобы молодой малый, помещик, имеющий 100 тысяч годового дохода, мог получить еще 3000 рублей за лес, мошеннически отнятый им у целого общества голодных и холодных крестьян, и мог промотать эти

деньги в две-три недели в трактирах Москвы, Петербурга или Парижа. На такое именно дело ехали теперь те люди, которых я встретил.

Судьба, как нарочно, после двухлетнего моего напряжения мысли всё в одном и том же направлении, натолкнула меня в первый раз в жизни на это явление, показавшее мне с полной очевидностью на практике то, что для меня давно выяснилось в теории, а именно то, что всё устройство нашей жизни зиждется не на каких-либо, как это любят себе представлять люди, пользующиеся выгодным положением в существующем порядке вещей, юридических началах, а на самом простом, грубом насилии, на убийствах и истязаниях людей.

Люди, владеющие большим количеством земель и капиталов или получающие большие жалованья, собранные с нуждающегося в самом необходимом рабочего народа, равно и те, которые, как купцы, доктора, художники, приказчики, ученые, кучера, повара, писатели, лакеи, адвокаты, кормятся около этих богатых людей, любят верить в то, что те преимущества, которыми они пользуются, происходят не вследствие насилия, а вследствие совершенно свободного и правильного обмена услуг, и что преимущества эти не только не происходят от совершаемых над людьми побоев и убийств, как те, которые происходили в Орле и во многих местах в России нынешним летом и происходят постоянно по всей Европе и Америке, но не имеют даже с этими насилиями никакой связи. Они любят верить в то, что преимущества, которыми они пользуются, существуют сами по себе и происходят по добровольному согласию людей, а насилия, совершаемые над людьми, существуют тоже сами по себе и происходят по каким-то общим и высшим юридическим, государственным и экономическим законам. Люди эти стараются не видеть того, что они пользуются теми преимуществами, которыми они пользуются, всегда только вследствие того же самого, вследствие чего теперь будут принуждены крестьяне, вырастившие лес и крайне нуждающиеся в нем, отдать его не оказавшему никакого участия в его оберегании во время роста и не нуждающемуся в нем богатому помещику, т. е. вследствие того, что если они не отдадут этот лес, их будут бить или убивать.

А между тем, если совершенно ясно, что орловская мельница стала приносить больший доход помещику и лес, выращенный

крестьянами, передается помещику только вследствие побоев и убийств или угроз их, то точно так же должно бы быть ясно, что и все другие исключительные права богатых, лишающих бедных необходимого, должны быть основаны на том же. Если нуждающиеся в земле для пропитания своих семей крестьяне не пашут ту землю, которая у них под дворами, а землей этой в количестве, могущем накормить 1000 семей, пользуется один человек — русский, английский, австрийский или какой бы то ни было крупный землевладелец, не работающий на этой земле, и если закупивший в нужде у земледельцев хлеб купец может безопасно держать этот хлеб в своих амбарах среди голодающих людей и продавать его в тридорога тем же земледельцам, у которых он купил его втрое дешевле, то очевидно, что это происходит по тем же причинам. И если не может один человек купить у другого продаваемого ему из-за известной условной черты, названной границей, дешевого товара, не заплатив за это таможенной пошлины людям, не имевшим никакого участия в производстве товара, и если не могут люди не отдавать последней коровы на подати, раздаваемые правительством своим чиновникам и употребляемые на содержание солдат, которые будут убивать этих самых плательщиков, то, казалось бы, очевидно, что и это сделалось никак не вследствие каких-либо отвлеченных прав, а вследствие того самого, что совершилось в Орле и что может совершиться теперь в Тульской губернии и периодически в том или другом виде совершается во всем мире, где есть государственное устройство и есть богатые и бедные.

Вследствие того, что не при всех насильственных отношениях людей совершаются истязания и убийства, люди, пользующиеся исключительными выгодами правящих классов, уверяют себя и других, что выгоды, которыми они пользуются, происходят не от истязаний и убийств, а от каких-то других таинственных общих причин, отвлеченных прав и т. п. А между тем, казалось бы, ясно, что если люди, считая это несправедливым (как это считают теперь все рабочие), отдают главную долю своего труда капиталисту, землевладельцу и платят подати, зная, что подати эти употребляются дурно, то делают они это прежде всего не по сознанию каких-то отвлеченных прав, о которых они никогда и не слыхали, а только потому, что знают, что их будут бить и убивать, если они не сделают этого.

Если же не всякий раз приходится сажать в тюрьму, бить и убивать людей, когда собирается землевладельцем аренда за землю и нуждающийся в хлебе платит обманувшему его купцу тройную цену, и фабричный довольствуется платой пропорционально вдвое меньшей дохода хозяина, и когда бедный человек отдает последний рубль на пошлину и подати, то происходит это оттого, что людей уже так много били и убивали за их попытки не делать того, чего от них требуется, что они твердо помнят это. Как усмиренный тигр в клетке не берет мяса, которое ему положено под морду, и не лежит спокойно, а прыгает через палку, когда ему велят делать это, не потому, что ему хочется делать это, а потому что он помнит раскаленный железный прут или голод, которому он подвергался каждый раз, когда не повиновался, точно так же и люди, подчиняющиеся тому, что им невыгодно, даже губительно для них, и что они считают несправедливым, делают это потому, что они помнят то, что бывало им за противодействие этому.

Люди же, пользующиеся преимуществами, произведенными давнишними насилиями, часто забывают и любят забывать то, как приобретены эти преимущества. А между тем стоит только вспомнить историю, не историю успехов разных династий властителей, а настоящую историю, историю угнетения малым числом людей большинства, для того чтобы увидать, что основы всех преимуществ богатых над бедными все произошли ни от чего другого, как от розог, тюрем, каторг, убийств.

Стоит только подумать о том неперестающем, упорном стремлении всех людей к увеличению своего благосостояния, которым руководятся люди нашего времени, для того чтобы убедиться, что преимущества богатых над бедными ничем иным не могли и не могут быть поддерживаемы.

Могут быть угнетения, побои, тюрьмы, казни, не имеющие целью преимущества богатых классов (хотя это очень редко), но смело можно сказать, что в нашем обществе, где на каждого достаточного, по-господски живущего человека приходится 10 измученных работой, завистливых, жадных и часто прямо с своими семьями страдающих рабочих, все преимущества богатых, вся роскошь их, всё то, чем лишним пользуются богатые против среднего рабочего, всё это приобретено и поддерживаемо только истязаниями, заключениями, казнями.

2

Встреченный мною 9-го сентября поезд, едущий с солдатами, ружьями, боевыми патронами и розгами к голодным крестьянам для того, чтобы утвердить за богачом помещиком отнятый им у крестьян небольшой лес, ненужный ему и страшно нужный крестьянам, с поразительной очевидностью доказывал, до какой степени выработалась в людях способность совершать самые противные их убеждениям и совести дела, не видя этого.

Экстренный поезд, с которым я съехался, состоял из одного вагона 1-го класса для губернатора, чиновников и офицеров и из нескольких товарных вагонов, набитых солдатами.

Молодцеватые молодые ребята солдаты в своих новых, чистых мундирах толпились стоя или спустив ноги, сидя в раздвинутых широких дверях товарных вагонов. Одни курили, другие толкались, шутили, смеялись, оскаливая зубы, третьи щелкали семечки, самоуверенно выплевывая их. Некоторые из них бегали по платформе к кадке с водой, чтобы напиться, и, встречая офицеров, умеряя шаг, делали свои глупые жесты прикладывания руки ко лбу и с серьезными лицами, как будто делали что-то не только разумное, но и очень важное, проходили мимо них, провожая их глазами, и потом еще веселее пускались рысью, топая по доскам платформы, смеясь и болтая, как это свойственно здоровым, добрым молодым ребятам, переезжающим в веселой компании из одного места в другое.

Они ехали на убийство своих голодных отцов и дедов, точно как будто на какое-нибудь веселое или по крайней мере на самое обыкновенное дело.

Такое же впечатление производили и нарядные чиновники и офицеры, рассыпанные по платформе и зале 1-го класса. У стола, уставленного бутылками, в своем полувоенном мундире сидел губернатор, начальник всей экспедиции, и ел что-то и спокойно разговаривал о погоде с встретившимися знакомыми, как будто дело, на которое он ехал, было такое простое и обыкновенное, что оно не могло нарушить его спокойствия и интереса к перемене погоды.

Поодаль от стола, не принимая пищи, сидел жандармский генерал с непроницаемым, но унылым видом, как будто тяготясь надоевшей ему формальностью. Со всех сторон двигались и шумели офицеры в своих красивых, украшенных золотом мундирах: кто, сидя за столом, допивал бутылку пива, кто, стоя

у буфета, разжевывал закусочный пирожок, отряхивал крошки, упавшие на грудь мундира, и самоуверенным жестом кидал монету, кто, подрагивая на каждой ноге, прогуливался перед вагонами нашего поезда, заглядывая на женские лица.

Все эти люди, ехавшие на убийство или истязание голодных и беззащитных, тех самых людей, которые кормят их, имели вид людей, которые твердо знают, что они делают то, что нужно делать, и даже несколько гордятся, «куражатся», делая это дело.

Что же это такое?

Все эти люди находятся в получасе езды от того места, где они, для того чтобы доставить богатому малому ненужные ему 3000, отнятые им у целого общества голодных крестьян, могут быть вынуждены начать делать дела самые ужасные, какие только можно себе представить, могут начать убивать или истязать так же, как в Орле, невинных людей, своих братьев, и они спокойно приближаются к тому месту и времени, где и когда это может начаться.

Сказать, что люди эти, все эти чиновники, офицеры и солдаты не знают того, что им предстоит и на что они едут, — нельзя, потому что они готовились к этому. Губернатор должен был сделать распоряжение о розгах, чиновники должны были покупать березовые прутья, торговаться и вписывать эту статью в расход. Военные отдавали и получали, и исполняли приказания о боевых патронах. Все они знают, что они едут истязать, а может быть, и убивать своих замученных голодом братьев и что начнут делать это, может быть, через час.

Сказать, что они это делают из убеждения, как это обыкновенно говорят и они сами повторяют, — из убеждения в необходимости поддержания государственного устройства, было бы несправедливо, во-первых, потому, что все эти люди едва ли когда-нибудь даже думали о государственном устройстве и необходимости его; во-вторых, никак не могут они быть убеждены, чтобы то дело, в котором они участвуют, служило бы поддержанию, а не разрушению государства, а в-третьих, в действительности большинство этих людей, если не все, не только не пожертвуют никогда своим спокойствием и радостью для поддержания государства, но никогда не пропустят случая воспользоваться для своего спокойствия и радости всем, чем только можно, в ущерб государству. Стало быть, не из-за отвлеченного принципа государства они делают это.

Что же это такое?

Ведь всех этих людей я знаю. Если не знаю лично всех, то знаю приблизительно их характеры, их прошедшее, образ мыслей. Ведь у всех их есть матери, у некоторых есть жены, дети. Ведь всё это большею частью по сердцу добрые, кроткие, часто нежные люди, ненавидящие всякую жестокость, не говоря уже об убийстве людей, не могущие многие из них совершать убийства и истязания животных; кроме того, всё это люди, исповедующие христианство и считающие насилие над беззащитными людьми гнусным и постыдным делом. Ведь ни один из этих людей в обыкновенной жизни не только не в состоянии сделать ради своей маленькой выгоды одну сотую того, что сделал орловский губернатор над людьми, но каждый из них обидится, если предположат о нем, что он может в частной жизни совершить что-нибудь подобное.

А между тем вот они в получасе езды от того места, где они могут быть неизбежно приведены к необходимости делать это.

Что же это такое?

Но не только эти люди, едущие в этом поезде и готовые на убийства и истязания, но как могли те люди, от которых началось всё дело: помещик, управляющий, судья и те, которые из Петербурга предписали это дело и участвуют в нем своими распоряжениями, как могли эти люди: министр, государь, тоже добрые, исповедующие христианство люди, как могли они затеять и предписать такое дело, зная его последствия? Как могут даже не участвующие в этом деле зрители, возмущающиеся всяким частным случаем насилия, даже истязанием лошади, — допускать совершение такого ужасного дела? Как могут они не возмутиться против него, не стать поперек дороги и не закричать: «Нет, этого, убивать и сечь голодных людей за то, что они не отдают мошеннически отнимаемое у них последнее достояние,— этого мы не позволим!» Но не только никто этого не делает, но, напротив, большинство людей, даже те люди, которые были заводчиками дела, как управляющий, помещик, судья и те, которые были участниками и распорядителями его, как губернатор, министр, государь, совершенно спокойны и даже не чувствуют укоров совести. Так же, повидимому, спокойны и все эти люди, едущие совершать это злодеяние.

Зрители, казалось бы, ничем не заинтересованные в деле, и те большею частью скорее с сочувствием, чем с неодобрением,

смотрели на всех тех людей, готовящихся к совершению этого гадкого дела. В одном со мной вагоне ехал купец, торговец лесом, из крестьян, он прямо и громко выразил сочувствие тем истязаниям, которые предполагались над крестьянами: «Нельзя не повиноваться начальству, — говорил он, — на то — начальство. Вот, дай срок, повыгонят блох. Небось бросят бунтовать. Так им и надо».

Что же это такое?

Сказать, что все эти люди: подстрекатели, участники, попустители этого дела такие негодяи, что, зная всю мерзость того, что они делают, они — одни за жалованье, за выгоды, а другие из-за страха наказания делают дело, противное своим убеждениям, — тоже никак нельзя. Все эти люди умеют в известных положениях постоять за свои убеждения. Ни один из этих чиновников не украдет кошелька, не прочтет чужого письма, не снесет оскорбления, не потребовав от оскорбителя удовлетворения. Ни один из этих офицеров не согласится передернуть в картах, не заплатить карточный долг, выдать товарища, убежать с поля сражения или бросить знамя. Ни один из этих солдат не решится выплюнуть причастия или даже съесть говядины в страстную пятницу. Все люди эти готовы перенести всякого рода лишения, страдания, опасности скорее, чем согласиться сделать дело, которое они считают дурным. Стало быть, есть в этих людях сила противодействия, когда им приходится сделать дело, противное их убеждению.

Сказать, что все эти люди такие звери, что им свойственно и не больно делать такие дела, еще менее возможно. Стоит только поговорить с этими людьми, чтобы увидать, что все они, и помещик, и судья, и министр, и царь, и губернатор, и офицеры, и солдаты не только в глубине души не одобряют такие дела, но страдают от сознания своего участия в них, когда им напомнят о значении этого дела. Они только стараются не думать об этом.

Стоит только поговорить с ними, со всеми участниками этого дела, от помещика до последнего городового и солдата, чтобы увидать, что все они в глубине души знают, что это дело дурное и что лучше бы было не участвовать в нем, и страдают от этого.

Ехавшая с нами в одном поезде либеральная дама, увидав в зале 1-го класса губернатора и офицеров и узнав про цель их поездки, начала нарочно, громко, так, чтобы они слышали,

ругать порядки нашего времени и срамить людей, участвующих в этом деле. Всем стало неловко. Все не знали, куда смотреть, но никто не возражал ей. Едущие в поезде делали вид, что не стоит возражать на такие пустые речи. Но было видно по лицам и бегающим глазам, что всем было стыдно. Это же я заметил и на солдатах. И они знали, что то дело, на которое они ехали, — дурное дело, но не хотели думать о том, что предстоит им.

Когда лесоторговец , и то, как я думаю, не искренно, а только для того, чтобы показать свою цивилизованность, начал говорить о том, как необходимы такие меры, то солдаты, слышавшие его, все отворачивались от него, делая вид, что не слышат, и хмурились.

Все эти люди, как те, которые, как помещик, управляющий, министр, царь, содействовали совершению этого дела, так же как и те, которые едут теперь в этом поезде, даже и те, которые, не участвуя в этом деле, видят со стороны совершение его, все знают, что дело это дурное, и стыдятся своего участия в нем и даже присутствия при нем.

Так зачем же они делали, делают и терпят его?

Спросите об этом и тех, которые, как помещик, затеяли дело, и тех, которые, как судьи, постановили, хотя и формально законное, но явно несправедливое решение, и тех, которые предписали исполнение решения, и тех, которые, как солдаты, городовые и крестьяне, своими руками будут исполнять эти дела: бить и убивать своих братьев, — все они, и подстрекатели, и пособники, и исполнители, и попустители этих преступлений, все скажут в сущности одно и то же.

Начальствующие, возбуждавшие, содействовавшие делу и распоряжавшиеся им, скажут, что делают то, что делают, потому, что такие дела необходимы для поддержания существующего порядка; поддержание же существующего порядка необходимо для блага отечества, человечества, для возможности общественной жизни и движения прогресса.

Люди низших сословий, крестьяне, солдаты, те, которые своими руками должны будут исполнять насилие, скажут, что они делают то, что делают, потому, что это предписано высшим начальством, а высшее начальство знает, что оно делает. То же, что начальство состоит из тех самых людей, которые и должны быть начальством, и знает, что делает, представляется им несомненной истиной. Если эти низшие исполнители и допускают

возможность ошибки или заблуждения, то только в низших начальственных лицах; высшая же власть, от которой исходит всё, кажется им несомненно непогрешимой.

Хотя и различно объясняя мотивы своей деятельности, и те и другие, как начальствующие, так и подчиняющиеся, сходятся в том, что делают они то, что делают, потому, что существующий порядок есть тот самый порядок, который необходим и должен существовать в настоящее время и поддерживать который поэтому составляет священную обязанность каждого.

На этом признании необходимости и потому неизменности существующего порядка зиждется и то всегда всеми участниками государственных насилий приводимое в свое оправдание рассуждение о том, что так как существующий порядок неизменен, то отказ отдельного лица от исполнения возлагаемых на него обязанностей не изменит сущности дела, а может сделать только то, что на месте отказавшегося будет другой человек, который может исполнить дело хуже, т. е. еще жесточе, еще вреднее для тех людей, над которыми производится насилие.

Эта-то уверенность в том, что существующий порядок есть необходимый и потому неизменный порядок, поддерживать который составляет священную обязанность всякого человека, и дает добрым и в частной жизни нравственным людям возможность участвовать с более или менее спокойной совестью в таких делах, как то, которое совершалось в Орле и к совершению которого готовились люди, ехавшие в тульском поезде.

Но на чем же основана эта уверенность?

Понятно, что помещику приятно и желательно верить в то, что существующий порядок необходим и неизменен, потому что этот-то существующий порядок и обеспечивает ему доход с его сотен и тысяч десятин, благодаря которому он ведет свою привычную, праздную и роскошную жизнь.

Понятно тоже, что судья охотно верит в необходимость того порядка, вследствие которого он получает в 50 раз больше самого трудолюбивого чернорабочего. Также понятно это для высшего судьи, получающего 6 и более тысяч жалованья, и для всех высших чиновников. Только при этом порядке он, как губернатор, прокурор, сенатор, член разных советов, может получать свои несколько тысяч жалованья, без которых он тотчас же погиб бы с своей семьей, так как, кроме как на том месте, которое он занимает, он, по своим способностям, трудо-

любию и знаниям, не мог бы получать и 0,001 того, что он получает. В том же положении и министр, и государь, и всякая высшая власть, с тою только разницей, что чем они выше и чем исключительнее их положение, тем им необходимее верить в то, что существующий порядок есть единственно возможный порядок, так как вне его они не только не могут получить равного положения, но должны будут пасть ниже всех других людей. Человек, поступивший вольным наймом в городовые за 10 рублей жалованья, которые он получит легко и во всяком другом месте, мало нуждается в сохранении существующего порядка и потому может и не верить в его неизменность. Но король или император, получающий на этом месте миллионы, знающий, что вокруг него есть тысячи людей, желающих столкнуть его и стать на его месте, знающий, что он нигде на другом месте не получит такого дохода и почета, знающий в большей части случаев, при более или менее деспотическом правлении, даже то, что, если его свергнут, его будут еще судить за всё то, что он делал, пользуясь своей властью, — всякий король или император не может не верить в неизменность и священность существующего порядка. Чем выше то положение, на котором стоит человек, чем оно выгоднее и поэтому шатче и чем страшнее и опаснее падение с него, тем более верит человек, занимающий это положение, в неизменность существующего порядка, и поэтому с тем большим спокойствием совести может такой человек совершать как будто не для себя, а для поддержания этого порядка, дела дурные и жестокие.

Так это для всех начальствующих людей, занимающих положения выгоднее тех, которые они могли бы занять без существующего порядка, начиная от низших полицейских чиновников до высшей власти. Все эти люди более или менее верят в неизменность существующего порядка потому, главное, что он выгоден им.

Но что заставляет крестьян, солдат, стоящих на низшей ступени лестницы, не имеющих никакой выгоды от существующего порядка, находящихся в положении самого последнего подчинения и унижения, верить в то, что существующий порядок, вследствие которого они находятся в своем невыгодном и униженном положении, и есть тот самый порядок, который должен быть и который поэтому надо поддерживать, совершая для этого даже дурные, противные совести дела?

Что заставляет этих людей делать то ложное рассуждение, что существующий порядок неизменен и потому должно поддерживать его, тогда как очевидно, что, напротив, он только оттого неизменен, что они-то и поддерживают его?

Что заставляет вчера взятых от сохи и наряженных в эти безобразные, неприличные с голубыми воротниками и золотыми пуговицами одежды ехать с ружьями и саблями на убийство своих голодных отцов и братьев? У этих уже нет никаких выгод и никакой опасности потерять занимаемое положение, потому что положение их хуже того, из которого они взяты.

Начальствующие лица высших сословий: помещики, купцы, судьи, сенаторы, губернаторы, министры, цари, офицеры участвуют в таких делах, поддерживая существующий порядок, потому что этот порядок выгоден им. Кроме того, они, часто добрые, кроткие люди, чувствуют себя в состоянии участвовать в таких делах еще и потому, что участие их ограничивается подстрекательствами, решениями, распоряжениями. Все эти начальствующие люди не сами делают то, что они вызывают, решают и приказывают делать. Большею частью они даже не видят того, как делаются все те страшные дела, которые ими вызваны и предписаны.

Но несчастные люди низших сословий, не получающие от существующего порядка никакой выгоды, находящиеся, напротив, вследствие этого порядка в величайшем презрении, они-то, для поддержания этого невыгодного для них порядка сами своими руками вырывающие людей из семей, вяжущие их, запирающие их в тюрьмы, каторги, стерегущие, стреляющие их, — зачем они это делают?

Что заставляет этих людей верить в то, что существующий порядок неизменен и что должно поддерживать его?

Ведь всякое насилие зиждется только на них, на этих людях, которые своими руками бьют, вяжут, запирают, убивают. Ведь если бы не было этих людей — солдат или полицейских, вообще вооруженных, готовых по приказанию насиловать, убивать всех тех, кого им велят, ни один из тех людей, которые подписывают приговоры казней, вечных заключений, каторг, никогда не решился бы сам повесить, запереть, замучить одну тысячную часть тех, которых он теперь спокойно, сидя в кабинете, распоряжается вешать и всячески мучить только потому, что он этого не видит, а делает это не он, а где-то вдалеке покорные исполнители.

Ведь все те несправедливости и жестокости, вошедшие в обычай существующей жизни, вошли в обычай только потому, что есть эти люди, всегда готовые поддерживать эти несправедливости и жестокости. Ведь если бы не было этих людей, то не только некому было бы насиловать все эти огромные массы насилуемых людей, но распоряжающиеся никогда и не решились бы не только предписывать, но не смели бы и мечтать о том, что они теперь с уверенностью предписывают. Ведь если бы не было этих людей, готовых по воле тех, кому они подчиняются, истязать, убивать того, кого велят, никто никогда не решился бы утверждать то, что с уверенностью утверждают все неработающие землевладельцы, а именно, что земля, окружающая мрущих от безземелья крестьян, есть собственность человека, не работающего на ней, и что мошеннически собранные хлебные запасы должны храниться в целости среди умирающего с голода населения, потому что купцу нужны барыши и т. п. Не будь этих людей, готовых по воле начальства истязать и убивать всякого, кого велят, не могло бы никогда прийти в голову помещику отнять у мужиков лес, ими выращенный, и чиновникам считать законным получение своих жалований, собираемых с голодного народа за то, что они угнетают его, не говоря уже о том, чтобы казнить, или запирать, или изгонять людей за то, что они опровергают ложь и проповедуют истину. Ведь всё это требуется и делается только потому, что все эти начальствующие люди несомненно уверены, что у них всегда под руками покорные люди, готовые привести всякие их требования в исполнение посредством истязаний и убийств.

Ведь только оттого совершаются такие дела, как те, которые делали все тираны от Наполеона до последнего ротного командира, стреляющего в толпу, что их одуряет стоящая за ними власть из покорных людей, готовых исполнять всё, что им прикажут. Вся сила, стало быть, в людях, исполняющих своими руками дела насилия, в людях, служащих в полиции, в солдатах, преимущественно в солдатах, потому что полиция только тогда совершает свои дела, когда за нею стоят войска.

Так что же привело этих-то, не имеющих от этого никакой выгоды, принужденных своими руками делать все эти страшные дела, добрых людей, от которых зависит всё дело, что привело этих добрых людей в то удивительное заблуждение, при котором они уверились, что существующий невыгодный, губитель-

ный и мучительный для них порядок и есть тот самый порядок, который и должен существовать?

Кто ввел их в это удивительное заблуждение?

Не сами же они уверили себя в том, что им нужно делать то, что не только мучительно, невыгодно и губительно для них и для всего их сословия, составляющего 0,9 всего населения, но и противно их совести.

Как же ты будешь убивать людей, когда в законе божьем сказано: не убий? — много раз спрашивал я у различных солдат и всегда приводил этим вопрошаемого, напоминая ему то, о чем он хотел бы не думать, в неловкое и смущенное положение. Он знал, что есть обязательный закон бога: не убий, и знал, что есть обязательная военная служба, но никогда не думал, что тут есть противоречие. Смысл робких ответов, которые я получал на этот вопрос, состоял всегда приблизительно в том, что убийство на войне и казнь преступников по распоряжению правительства не включается в общее запрещение убийств. Но когда я говорил, что такого ограничения не сделано в божьем законе, и упоминал об обязательном для всех христианском учении братства, прощения обид, любви, которые никак не могли согласоваться с убийством, люди из народа обыкновенно соглашались, но уже с своей стороны задавали мне вопрос: каким же образом делается то, спрашивали они, что правительство, которое, по их понятиям, не может ошибаться, распоряжается, когда нужно, войсками, посылая их на войну, и казнями преступников? Когда же я отвечал на это, что правительство, распоряжаясь такими делами, поступает неправильно, собеседник приходил в еще большее смущение и либо прекращал разговор, либо раздражался на меня.

«Стало быть, нашли такой закон. Я, чай, архиереи не хуже нашего знают», — сказал мне на это один русский солдат. И, сказав это, солдат, очевидно, почувствовал себя успокоенным, вполне уверенный, что руководители его нашли закон, тот самый, по которому служили его предки, служат цари, наследники царей и миллионы людей и служит он сам, и что то, что я ему говорил, была какая-нибудь хитрость или тонкость вроде загадки.

Все люди нашего христианского мира знают, несомненно знают и по преданию, и по откровению, и по непререкаемому голосу совести, что убийство есть одно из самых страшных преступле-

ний, которые только может сделать человек, как это и сказано в Евангелии, и что не может быть этот грех убийства ограничен известными людьми, т. е. что одних людей грех убить, а других не грех. Все знают, что если грех убийства — грех, то он грех всегда, независимо от тех людей, над которыми он совершается, как грех прелюбодеяния, воровства и всякий другой, но вместе с тем люди с детства, смолоду видят, что убийство не только признается, но благословляется всеми теми, которых они привыкли почитать своими духовными, от бога поставленными руководителями, видят, что светские руководители их с спокойной уверенностью учреждают убийства, носят на себе, гордясь ими, орудия убийства и от всех требуют, во имя закона гражданского и даже божеского, участия в убийстве. Люди видят, что тут есть какое-то противоречие, и, не будучи в силах распутать его, невольно предполагают, что противоречие это происходит только от их незнания. Самая грубость и очевидность противоречия поддерживает их в этом убеждении. Не могут они себе представить, чтобы просветители их, ученые люди, могли с такою уверенностью проповедовать два кажущиеся столь противоположными положения: обязанность для людей христианского закона и убийства. Не может себе простой неиспорченный ребенок, а потом юноша представить, чтобы те люди, так высоко стоящие в его мнении, которых он считает или священными, или учеными, для каких бы то ни было целей могли бы так бессовестно обманывать его. А это-то самое и сделано и, не переставая, делается над ним. Делается, во-1-х, тем, что всем рабочим людям, не имеющим времени самим разбирать нравственные и религиозные вопросы, с детства и до старости, примером и прямым поучением внушается, что истязания и убийства совместимы с христианством и что для известных государственных целей не только могут быть допущены, но и должны быть употребляемы истязания и убийства; во-2-х, тем, что некоторым из них, отобранным по набору, по воинской повинности или найму, внушается, что совершение своими руками истязаний и убийств составляет священную обязанность и даже доблестный, достойный похвал и вознаграждений поступок.

Общий обман, распространенный на всех людей, состоит в том, что во всех катехизисах или заменивших их книгах, служащих теперь обязательному обучению детей, сказано, что

насилие, т. е. истязание, заключения и казни, равно как и убийства на междоусобной или внешней войне для поддержания и защиты существующего государственного устройства (какое бы оно ни было, самодержавное, монархическое, конвент, консульство, империя того или другого Наполеона или Буланже, конституционная монархия, коммуна или республика), совершенно законны и не противоречат ни нравственности, ни христианству.

Во всех катехизисах или книгах, употребляемых в школах, сказано это. И люди так уверяются в этом, что вырастают, живут и умирают в этом убеждении, ни разу не усомнившись в нем.

Это один обман — общий, обман, производимый над всеми людьми; другой есть обман частный, производимый над отобранными тем или другим способом солдатами или полицейскими, исполняющими нужные для поддержания и защиты существующего строя истязания и убийства.

Во всех военных уставах сказано теми или другими словами то, что сказано в русском военном уставе следующими словами (§ 87): Точно и беспрекословно исполнять приказания начальства значит: полученное от начальства приказание в точности исполнить, не рассуждая о том, хорошо оно или нет и возможно ли его исполнить. Сам начальник отвечает за последствия отданного им приказания. (§ 88). Подчиненный не должен исполнять приказания начальника только в том случае, когда он ясно видит, что, исполняя приказание начальника, он... — невольно думаешь, что будет сказано: когда ясно видит, что, исполняя приказание начальника, он нарушает закон бога. Ничуть не бывало: *если он ясно видит, что нарушает присягу, и верность, и службу государю.*

Сказано, что человек, будучи солдатом, может и должен без исключения совершать *все* приказания начальника, состоящие для солдата преимущественно в убийстве, и, следовательно, нарушать все законы божеские и человеческие, но только не свою верность и службу тому, кто в данный момент случайно находится в обладании властью.

Так это сказано в русском военном уставе и точно то же, хотя и другими словами, сказано во всех военных уставах, как оно и не может быть иначе, потому что в сущности на этом обмане освобождения людей от повиновения богу или своей совести

и замене этого повиновения повиновением случайному начальнику основано всё могущество войска и государства.

Так вот на чем основывается та странная уверенность низших сословий в том, что существующий губительный для них порядок есть тот самый, который и должен быть, и что потому они должны истязаниями и убийствами поддерживать его.

Уверенность эта основывается на сознательном обмане, совершаемом над ними высшими сословиями.

Оно и не может быть иначе. Для того, чтобы заставить низшие, самые многочисленные классы людей угнетать и мучить самих себя, совершая при этом поступки, противные своей совести, необходимо было обмануть эти низшие, самые многочисленные классы. Так оно и сделано.

На днях я опять видел открытое совершение этого бесстыдного обмана и опять удивлялся на то, как беспрепятственно и нагло совершается он.

В начале ноября, проезжая по Туле, я увидал опять у ворот дома земской управы знакомую мне густую толпу народа, из которой слышались вместе пьяные голоса и жалостный вой матерей и жен. Это был рекрутский набор.

Как и всегда, я не мог проехать мимо этого зрелища; оно притягивает меня к себе какими-то злыми чарами. Я опять вошел в толпу, стоял, смотрел, расспрашивал и удивлялся на ту беспрепятственность, с которою совершается это ужаснейшее преступление среди бела дня и большого города.

Как и все прежние года, во всех селах и деревнях 100-миллионной России к 1-му ноября старосты отобрали по спискам назначенных ребят, часто своих сыновей, и повезли их в город.

Дорогой шло безудержное пьянство, в котором старшие не мешали рекрутам, чувствуя, что идти на такое безумное дело, на которое они шли, бросая жен, матерей, отрекаясь от всего святого только для того, чтобы сделаться чьими-то бессмысленными орудиями убийства, слишком мучительно, если не одурманить себя вином.

И вот они ехали, пьянствовали, ругались, пели, дрались, уродовали себя. Ночь они провели на постоялых дворах. Утром опять опохмелились и собрались у земской управы.

Одна часть их в новых полушубках, в вязаных шарфах на шеях, с влажными пьяными глазами или с дикими подбадривающими себя криками, или тихие и унылые толкутся около

ворот между заплаканными матерями и женами, дожидаясь очереди (я застал тот день, в который шел самый прием, т. е. осмотр назначенных в ставку); другая часть в это время толпится в прихожей присутствия.

В присутствии же идет спешная работа. Отворяется дверь, и сторож вызывает Петра Сидорова. Петр Сидоров вздрагивает, крестится и входит в маленькую комнатку с стеклянною дверью. В этой комнатке раздеваются призываемые. Только что принятый и вышедший голым из присутствия рекрут, товарищ Петра Сидорова, с дрожащей челюстью торопливо одевается. Петр Сидоров уже слышал и по лицу видит, что тот принят. Петр Сидоров хочет спросить, но его торопят и велят скорее раздеваться. Он скидывает полушубок, нога об ногу сапоги, снимает жилет, перетягивает через голову рубаху и с выступающими ребрами, голый, дрожа телом и издавая запах вина, табаку и пота, босыми ногами входит в присутствие, не зная, куда деть обнаженные жилистые руки.

В присутствии висит прямо на виду в большой золотой раме портрет государя в мундире с лентой и в углу маленький портрет Христа в рубахе и терновом венке. По середине комнаты стоит покрытый зеленым сукном стол, на котором разложены бумаги и стоит треугольная штучка с орлом, называемая зерцало. Вокруг стола сидят с уверенным, спокойным видом начальники. Один курит, другой перелистывает бумаги. Как только Сидоров вошел, к нему подходит сторож, и его ставят под мерку, толкают под подбородок, поправляют его ноги. Подходит один с папироской — это доктор, и, не глядя в лицо рекрута, а куда-то мимо, гадливо дотрагивается до его тела и меряет, щупает и велит сторожу разевать ему рот, велит дышать, что-то говорить. Кто-то что-то записывает. Наконец, ни разу не взглянув ему в глаза, доктор, говорит: «Годен! Следующего!» и с усталым видом садится опять к столу. Опять солдаты толкают малого, торопят его. Он кое-как, поспешая, натягивает рубаху, не попадая в рукава, кое-как завертывает штаны, портянки, надевает сапоги, ищет шарф, шапку, подхватывает в охапку полушубок, и его выводят в залу, отгораживая его скамьей. За этой скамьей ждут принятые. Такой же, как он, молодой малый из деревни, но из дальней губернии, уже готовый солдат с ружьем, с примкнутым острым штыком карауллит его, готовый заколоть его, если бы он вздумал бежать.

Между тем толпа отцов, матерей, жен, толкаемая городовыми, жмется у ворот, узнавая, чей принят, чей нет. Выходит один забракованный и объявляет, что Петруху приняли, и раздается взвизг Петрухиной молодайки, для которой это слово: «принят», значит разлука на 4—5 лет, жизнь солдатки в кухарках, в распутстве.

Но вот по улице проехал человек с длинными волосами и в особенном, отличающемся от всех наряде и, сойдя с дрожек, подходит к дому земской управы. Городовые расчищают ему дорогу между толпою. «Приехал «батюшка» приводить к присяге». И вот этот батюшка, которого уверили, что он особенный, исключительный служитель Христа, большей частью не видящий сам того обмана, под которым он находится, входит в комнату, где ждут принятые, надевает занавеску парчовую, выпростывая из-за нее длинные волосы, открывает то самое Евангелие, в котором запрещена клятва, берет крест, тот самый крест, на котором был распят Христос за то, что он не делал того, что велит делать этот мнимый его служитель, кладет их на аналой, и все эти несчастные, беззащитные и обманутые ребята повторяют за ним ту ложь, которую он смело и привычно произносит. Он читает, а они повторяют: обещаюсь и клянусь всемогущим богом пред святым его Евангелием... и т. д. защищать, т. е. убивать всех тех, кого мне велят, и делать всё то, что мне велят те люди, которых я не знаю и которым я нужен только на то, чтобы совершать те злодеяния, которыми они держатся в своем положении и которыми угнетают моих братьев. Все принятые ребята бессмысленно повторяют эти дикие слова, и так называемый «батюшка» уезжает с сознанием того, что он правильно и добросовестно исполнил свой долг, а все эти обманутые ребята считают, что те нелепые, не понятные им слова, которые они только что произнесли, теперь, на всё время их солдатства, освободили их от их человеческих обязанностей и связали их новыми, более обязательными солдатскими обязанностями.

И дело это совершается публично, и никто не крикнет обманывающим и обманутым: опомнитесь и разойдитесь, ведь это всё самая гнусная и коварная ложь, которая губит не только ваши тела, но и души.

Никто не делает этого; напротив, когда всех приняли и надо выпускать их, как бы в насмешку им, воинский начальник

с самоуверенными, величественными приемами входит в залу, где заперты обманутые, пьяные ребята, и смело по-военному кричит им: Здорово ребята! Поздравляю с *«царской службой»*. И они бедные (уже кто-то научил их) лопочат что-то непривычным, полупьяным языком, вроде того, что они этому рады.

Между тем толпа отцов, матерей, жен стоит у дверей и ждет. Женщины заплаканными, остановившимися глазами смотрят на дверь. И вот она отворяется, и выходят, шатаясь и кружась, принятые рекрута: и Петруха, и Ванюха, и Макар, стараясь не смотреть на своих и не видеть их. Раздается вой матерей и жен. Одни обнимаются и плачут, другие храбрятся, третьи утешают. Матери, жены, зная, что они теперь на три, четыре, пять лет остались сиротами без кормильца, воют и наголос причитают. Отцы мало говорят, а только с сожалением чмокают языками и вздыхают, зная, что теперь уж не видать им выхоженных ими и выученных помощников, а вернутся к ним уж не те смирные, работающие земледельцы, какими они были, а большей частью уже развращенные, отвыкшие от простой жизни щеголи-солдаты.

И вот вся толпа рассаживается по саням и трогается вниз по улице к постоялым дворам и трактирам, и еще громче раздаются вместе, перебивая друг друга, песни, рыдания, пьяные крики, причитания матерей и жен, звуки гармонии и ругательства. Все отправляются в кабаки, трактиры, доход с которых поступает правительству, и идет пьянство, заглушающее в них чувствуемое сознание беззаконности того, что делается над ними.

Две-три недели они живут дома и большею частью гуляют, т. е. пьянствуют.

В назначенный срок их собирают, сгоняют, как скотину, в одно место и начинают обучать солдатским приемам и учениям. Обучают их этому такие же, как они, но только раньше, года два-три назад, обманутые и одичалые люди. Средства обучения: обманы, одурение, пинки, водка. И не проходит года, как душевноздоровые, умные, добрые ребята, становятся такими же дикими существами, как и их учителя.

— Ну, а если арестант — твой отец и бежит? — спросил я у одного молодого солдата.

— Могу заколоть штыком, — отвечал он особенным, бессмысленным солдатским голосом. — А если «удаляется», *дол-*

жóн стрелять, — прибавил он, очевидно гордясь тем, что он знает, что нужно делать, когда отец его станет удаляться.

И вот когда он, добрый молодой человек, доведен до этого состояния, ниже зверя, он таков, какой нужен тем, которые употребляют его как орудие насилия. Он готов: погублен человек, и сделано новое орудие насилия.

И всё это совершается каждый год, каждую осень везде, по всей России, среди бела дня и большого города, на виду у всех, и обман так искусен, так хитер, что все видят его, знают в глубине души всю гнусность его, все страшные последствия его и не могут освободиться от него.

3

Когда откроются глаза на этот ужасный, совершаемый над людьми, обман, то удивляешься на то, как могут проповедники религии христианства, нравственности, воспитатели юношества, просто добрые, разумные родители, которые всегда есть в каждом обществе, проповедовать какое бы то ни было учение нравственности среди общества, в котором открыто признается всеми церквами и правительствами, что истязания и убийства составляют необходимое условие жизни всех людей, и что среди всех людей всегда должны находиться особенные люди, готовые убить братьев, и что каждый из нас может быть таким же?

Как же учить детей, юношей, вообще просвещать людей, не говоря уже о просвещении в духе христианском, но как учить детей, юношей, вообще людей какой бы то ни было нравственности рядом с учением о том, что убийство необходимо для поддержания общего, следовательно, нашего благосостояния и потому законно, и что есть люди, которыми может быть и каждый из нас, обязанные истязать и убивать своих ближних и совершать всякого рода преступления по воле тех, в руках кого находится власть. Если можно и должно истязать и убивать и совершать всякого рода преступления по воле тех, в руках кого находится власть, то нет и не может быть никакого нравственного учения, а есть только право сильного. Оно так и есть. В сущности такое учение, для некоторых теоретически оправдываемое теорией борьбы за существование, царствует в нашем обществе.

И действительно, какое же может быть нравственное учение, при котором можно допустить убийство для каких бы то ни было целей? Это так же невозможно, как какое бы то ни было математическое учение, при котором можно допустить, что 2 равно 3.

Может быть при допущении того, что 2 равно 3, подобие математики, но не может быть никакого действительного математического знания. И при допущении убийства в виде казни, войны, самозащиты, может быть только подобие нравственности, но никакой действительной нравственности. Признание жизни каждого человека священной есть первое и единственное основание всякой нравственности.

Учение око за око, зуб за зуб, жизнь за жизнь оттого и отменено христианством, что это учение есть только оправдание безнравственности, есть только подобие справедливости и не имеет никакого смысла. Жизнь есть величина, не имеющая ни веса, ни меры и не могущая быть приравнена никакой другой, и потому уничтожение жизни за жизнь не имеет смысла. Кроме того, всякий закон общественный есть закон, имеющий целью улучшение жизни людей. Каким же образом может уничтожение жизни некоторых людей улучшить жизнь людей? Уничтожение жизни не есть акт улучшения жизни, но акт самоубийства.

Уничтожение чужой жизни для соблюдения справедливости подобно тому, что бы сделал человек, когда для того, чтобы поправить беду, состоящую в том, что он лишился одной руки, он для справедливости отрубил бы себе и другую.

Но не говоря уже о грехе обмана, при котором самое ужасное преступление представляется людям их обязанностью, не говоря об ужасном грехе употребления имени и авторитета Христа для узаконения наиболее отрицаемого этим Христом дела, как это делается в присяге, не говоря уже о том соблазне, посредством которого губят не только тела, но и души «малых сих», не говоря обо всем этом, как могут люди даже в виду своей личной безопасности допускать то, чтобы образовывалась среди них, людей, дорожащих своими формами жизни, своим прогрессом, эта ужасная, бессмысленная и жестокая и губительная сила, которую составляет всякое организованное правительство, опирающееся на войско? Самая жестокая, ужасная шайка разбойников не так страшна, как страшна такая государственная организация. Всякий атаман разбойников все-

таки ограничен тем, что люди, составляющие его шайку, удерживают хотя долю человеческой свободы и могут воспротивиться совершению противных своей совести дел. Но для людей, составляющих часть правильно организованного правительства с войском, при той дисциплине, до которой оно доведено теперь, для таких людей нет никаких преград. Нет тех ужасающих преступлений, которые не совершили бы люди, составляющие часть правительства, и войска по воле того, кто случайно (Буланже, Пугачев, Наполеон) может стать во главе их.

Часто, когда видишь не только рекрутские наборы, учения военных, маневры, но городовых с заряженными револьверами, часовых, стоящих с ружьями и налаженными штыками, когда слышишь (как я слышу в Хамовниках, где я живу) целыми днями свист и шлепанье пуль, влипающих в мишень, и видишь среди города, где всякая попытка самоуправства, насилия запрещается, где не разрешается продажа пороха, лекарств, быстрая езда, бездипломное лечение и т. п., видишь в этом же городе тысячи дисциплинированных людей, обучаемых убийству и подчиненных одному человеку, — спрашиваешь себя: да как же те люди, которые дорожат своею безопасностью, могут спокойно допускать и переносить это? Ведь, не говоря о вреде и безнравственности, ничего не может быть опаснее этого. Что же глядят все, не говорю уже христиане, христианские пастыри, все человеколюбцы, моралисты, что глядят все те люди, которые хоть только дорожат своею жизнью, безопасностью, благосостоянием? Ведь организация эта будет действовать всё так же, в чьих бы руках она ни находилась: нынче власть эта, положим, в руках сносного правителя, но завтра ее может захватить Бирон, Елизавета, Екатерина, Пугачев, Наполеон первый, третий. Да и тот человек, в руках которого находится власть, нынче еще сносный, завтра может сделаться зверем, или на его место может стать сумасшедший или полусумасшедший его наследник, как баварский король или Павел.

Да не только высшие правители: все эти маленькие сатрапы, которые распространены везде, как разные Барановы, полицеймейстеры, даже становые, ротные командиры, урядники могут совершить страшные злодеяния прежде, чем успеют их сменить, как это и бывает беспрестанно.

Невольно спрашиваешь себя: как же допускают это люди, уже не ради высших правительственных соображений, а ради своей безопасности?

Ответ на этот вопрос тот, что допускают это не все люди (одни — большая часть людей — обманутые и подчиненные, и не могут не допускать чего бы то ни было), а допускают это люди, занимающие только при такой организации выгодное положение в обществе; допускают потому, что для этих людей риск пострадать оттого, что во главе правительства или войска станет безумный или жестокий человек, всегда меньше тех невыгод, которым они подвергнутся в случае уничтожения самой организации.

Судья, полицейский, губернатор, офицер будет занимать свое положение безразлично при Буланже или республике, при Пугачеве или Екатерине. Потеряет же он свое положение наверное, если распадется существующий порядок, который обеспечивает ему его выгодное положение. И потому все эти люди не боятся того, кто станет во главе организации насилия, они подделаются ко всякому, но боятся только уничтожения самой организации и потому всегда, часто даже бессознательно, поддерживают ее.

Часто удивляешься на то, зачем свободные люди, ничем к этому не принужденные, так называемый цвет общества, поступают в военную службу в России, в Англии, Германии, Австрии, даже Франции и ищут случая стать убийцами! Зачем родители, нравственные люди, отдают детей в заведения, приготовляющие к военному делу? Зачем матери, как любимые игрушки, покупают детям кивера, ружья, шашки? (Дети крестьян никогда не играют в солдаты.) Зачем добрые мужчины и даже женщины, ничем не причастные к военному делу, восторгаются разными подвигами Скобелевых и других и старательно расхваливают их; зачем люди, ничем к этому не принужденные, не получающие за это жалованья, как в России предводители, посвящают целые месяцы усидчивого труда на совершение физически тяжелого и нравственно мучительнейшего дела — приема рекрут? Зачем все императоры, короли ходят в военных нарядах, зачем делают маневры, парады, раздают награды военным, ставят памятники генералам и завоевателям? Зачем люди свободные, богатые считают честью поступить в лакейские должности к коронованным особам, унижаются,

льстят им и притворяются в том, что они верят в особенное величие этих лиц? Зачем люди, давно не верующие в средневековые церковные суеверия и не могущие верить в них, серьезно и неуклонно притворяются верующими, поддерживая соблазнительное и кощунственное религиозное учреждение? Зачем с такою ревностью ограждается невежество народа не только правительствами, но людьми свободными из высшего общества? Зачем они с такою яростью нападают на всякую попытку разрушения религиозных суеверий и на истинное просвещение народа? Зачем люди — историки, романисты, поэты, ничего уже не могущие получить за свою лесть, расписывают героями давно умерших императоров, королей или военоначальников? Зачем люди, называющие себя учеными, посвящают целые жизни на составление теорий, по которым выходило бы, что насилие, совершаемое властью над народом, не есть насилие, а какое-то особенное право?

Часто удивляешься на то, зачем, с какой стати светской женщине или художнику, казалось бы не интересующимся ни социальными, ни военными вопросами, осуждать стачки рабочих и проповедовать войну, и всегда так определенно нападать на одну сторону и защищать другую?

Но удивляешься всему этому только до тех пор, пока не поймешь, что делается это только потому, что все люди правящих классов всегда инстинктивно чувствуют, что поддерживает и что разрушает ту организацию, при которой они могут пользоваться теми преимуществами, которыми они пользуются.

Светская барыня и не делала рассуждения о том, что если не будет капиталистов и не будет войск, которые защищают их, то у мужа не будет денег, а у нее не будет ее салона и нарядов; и художник не делал такого же рассуждения о том, что капиталисты, защищаемые войсками, нужны ему для того, чтобы было кому покупать его картину; но инстинкт, заменяющий в этом случае рассуждение, безошибочно руководит ими. И точно тот же инстинкт руководит, за малыми исключениями, всеми людьми, поддерживающими все те политические, религиозные, экономические учреждения, которые выгодны для них.

Но неужели люди высших сословий могут поддерживать этот порядок вещей только потому, что он им выгоден? Не могут эти люди не видеть того, что этот порядок вещей сам по себе неразумен, не соответствует уже степени сознания людей

и даже общественному мнению и исполнен опасностей. Не могут люди правящих классов, — честные, добрые, умные люди из них, не страдать от этих внутренних противоречий и не видеть опасностей, которыми им угрожает этот порядок. И неужели люди низших сословий, все миллионы этих людей могут совершать с спокойным духом все очевидно злые дела, истязания и убийства, к которым их принуждают, только потому, что боятся наказаний? И действительно, этого не могло бы быть, и ни те, ни другие не могли бы не видеть неразумности своей деятельности, если бы особенность государственного устройства не скрывала от тех и других людей всей неестественности и неразумности совершаемых ими дел.

Неразумность эта скрывается тем, что при совершении каждого из таких дел в нем бывает столько подстрекателей, пособников, попустителей, что ни один из участвующих в деле не чувствует себя в нем нравственно ответственным.

Убийцы заставляют всех присутствующих при убийстве ударить уже убитую жертву, с тем чтобы ответственность распределилась между наибольшим количеством людей. Это самое, сложившись в определенные формы, установилось и в государственном устройстве при совершении всех тех преступлений, без постоянного совершения которых немыслимо никакое государственное устройство. Государственные правители всегда стремятся привлечь наибольшее количество граждан к наибольшему участию во всех совершаемых ими и необходимых для них преступлениях.

В последнее время это особенно ярко выразилось через привлечение граждан в суды в качестве присяжных, в войска в качестве солдат и в местное управление, в законодательное собрание в качестве избирателей и представителей.

Через государственное устройство, в котором, как в сплетенной из прутьев корзине, все концы так спрятаны, что нельзя найти их, ответственность в совершаемых преступлениях так скрывается от людей, что люди, совершая самые ужасные дела, не видят своей ответственности в них.

В старину за совершение злодейств обвиняли тиранов, но в наше время совершаются самые ужасные, немыслимые при Неронах преступления, и винить некого.

Одни потребовали, другие решили, третьи подтвердили, четвертые предложили, пятые доложили, шестые предписали,

седьмые исполнили. Убьют, повесят, засекут женщин, стариков, невинных, как у нас в России недавно на Юзовском заводе и как это делается везде в Европе и Америке — в борьбе с анархистами и всякими нарушителями существующего порядка: расстреляют, убьют, повесят сотни, тысячи людей, или, как это делают на войнах, — побьют, погубят миллионы людей, или как это делается постоянно, — губят души людей в одиночных заключениях, в развращенном состоянии солдатства, и никто не виноват.

На низшей ступени общественной лестницы — солдаты с ружьями, пистолетами, саблями истязают и убивают людей и этими же истязаниями и убийствами заставляют людей поступать в солдаты и вполне уверены, что ответственность за эти поступки снята с них тем начальством, которое предписывает им их поступки.

На высшей ступени — цари, президенты, министры, палаты предписывают эти истязания, и убийства, и вербовку в солдаты и вполне уверены в том, что так как они или от бога поставлены на свое место, или то общество, которым они управляют, требует от них того самого, что они предписывают, то они и не могут быть виноваты.

В середине между теми и другими находятся промежуточные лица, которые распоряжаются истязаниями и убийствами и вербовкой в солдаты и вполне уверены, что ответственность отчасти снята с них предписаниями свыше, отчасти тем, что этих самых распоряжений требуют от них все, стоящие на низших ступенях.

Власть предписывающая и власть исполняющая, лежащая на двух пределах государственного устройства, сходятся, как два конца, соединенные в кольцо, и одна обусловливает и поддерживает другую и все промежуточные звенья.

Без убеждения в том, что есть то лицо или те лица, которые берут на себя всю ответственность совершаемых дел, не мог бы ни один солдат поднять руки на истязание или убийство. Без убеждения в том, что этого требует весь народ, не мог бы никогда ни один император, король, президент, ни одно собрание предписать эти самые истязания и убийства. Без убеждения в том, что есть лица, выше его стоящие и берущие на себя ответственность в его поступке, и люди, стоящие ниже его, которые требуют для своего блага исполнения таких дел, не мог бы

ни один из людей, находящихся на промежуточных между правителем и солдатом ступенях, совершать те дела, которые он совершает.

Устройство государственное таково, что, на какой бы ступени общественной лестницы ни находился человек, степень невменяемости его всегда одна и та же: чем выше он стоит на общественной лестнице, тем больше он подлежит воздействию требования распоряжений снизу и тем меньше подлежит воздействию предписаний сверху, и наоборот.

Так, в том случае, который был передо мною, каждый из людей, участвовавших в этом деле, находился тем более под воздействием снизу требования распоряжений и тем менее под воздействием приказаний свыше, чем выше было его положение, и наоборот.

Но мало того, что все люди, связанные государственным устройством, переносят друг на друга ответственность за совершаемые ими дела: крестьянин, взятый в солдаты, — на дворянина или купца, поступившего в офицеры, а офицер — на дворянина, занимающего место губернатора, а губернатор — на сына чиновника или дворянина, занимающего место министра, а министр — на члена царского дома, занимающего место царя, а царь опять на всех этих чиновников, дворян, купцов и крестьян; мало того, что люди этим путем избавляются от сознания ответственности за совершаемые ими дела, они теряют нравственное сознание своей ответственности еще и оттого, что, складываясь в государственное устройство, они так продолжительно, постоянно и напряженно уверяют себя и других в том, что все они не одинаковые люди, а люди, различающиеся между собою, «как звезда от звезды», что начинают искренно верить в это. Так, одних людей они уверяют в том, что они не простые, одинаковые с другими люди, а люди особенные, которые должны быть особенно возвеличиваемы, другим же внушают всеми средствами, что они ниже всех других людей и потому должны безропотно подчиняться тому, что им предписывают высшие.

На этом-то неравенстве и возвеличении одних людей и уничтожении других и основывается преимущественно та способность людей не видеть неразумия существующего порядка жизни и жестокости и преступности его, и того обмана, который совершают одни и которому подвергаются другие.

Одни, те, которым внушено, что они облечены особенным, сверхъестественным значением и величием, так опьяняются этим своим воображаемым величием, что перестают уже видеть свою ответственность в совершаемых ими делах; другие люди, те, которым, напротив, внушается то, что они ничтожные существа, долженствующие во всем покоряться высшим, вследствие этого постоянного состояния унижения впадают в странное состояние опьянения подобострастия и под влиянием этого опьянения тоже не видят значения своих поступков и теряют сознание ответственности в них. Серединные же люди, отчасти подчиняясь высшим, отчасти считая себя высшими, подпадают одновременно опьянению и власти и подобострастия и от этого теряют сознание своей ответственности.

Стоит только взглянуть при каком-нибудь народе на опьяненного величием высшего начальника, сопутствуемого своим штатом: всё это на великолепных, разубранных лошадях, в особенных мундирах и знаках отличия, когда он под звуки стройной и торжественной трубной музыки проезжает перед фронтом замерших от подобострастия солдат, держащих на караул, — стоит взглянуть на это, чтобы понять, что в эти минуты, находясь в этом высшем состоянии опьянения, одинаково и высший начальник, и солдат, и все средние между ними могут совершить такие поступки, которые они никогда бы не подумали совершить при других условиях.

Но опьянение, испытываемое людьми при таких явлениях, как парады, выходы, церковные торжества, коронации, суть состояния временные и острые, но есть другие — хронические, постоянные состояния опьянения, которые одинаково испытывают и люди, имеющие какую бы то ни было власть, от власти царя до полицейского, стоящего на улице, и люди, подчиняющиеся власти и находящиеся в состоянии опьянения подобострастием, для оправдания этого своего состояния всегда приписывающие, как это проявлялось и проявляется у всех рабов, наибольшее значение и достоинство тем, кому они повинуются.

На этом обмане неравенства людей и вытекающего из него опьянения власти и подобострастия и зиждется преимущественно способность людей, соединенных в государственное устройство, совершать, не испытывая укоров совести, дела, противные ей.

Под влиянием такого опьянения — одинаково власти и подобострастия — люди представляются себе и другим уже не тем, что они есть в действительности, — людьми, а особенными, условными существами: дворянами, купцами, губернаторами, судьями, офицерами, царями, министрами, солдатами, подлежащими уже не обыкновенным человеческим обязанностям, а прежде всего и предпочтительно перед человеческими — дворянским, купеческим, губернаторским, судейским, офицерским, царским, министерским, солдатским обязанностям.

Так, помещик, судившийся за лес, сделал то, что он сделал, только потому, что он представлялся себе не простым человеком, который имеет такие же права на жизнь, как и все те люди — крестьяне, живущие с ним рядом, а представлялся себе крупным собственником и членом дворянского сословия, и вследствие этого под влиянием опьянения власти чувствовал себя оскорбленным притязаниями крестьян. Только от этого он, невзирая на те последствия, которые могли возникнуть из его требования, послал прошение о восстановлении своего мнимого права.

Точно так же судьи, присудившие неправильно лес помещику, потому только и сделали то, что сделали, что они представляются себе не просто людьми, такими же, как и все другие, и потому обязанными во всех делах руководиться только тем, что они считают правдой, а под опьянением власти представляются себе блюстителями правосудия, которые не могут ошибаться, и под влиянием же опьянения подобострастия представляются себе людьми, обязанными исполнять написанные в известной книге слова, называемые законом. Точно такими же условными лицами, а не тем, что они суть на самом деле, под влиянием опьянения власти или подобострастия, представляются людям и самим себе и все другие участники этого дела от царя, подписавшего согласие на докладе министра и предводителя, набиравшего в рекрутском наборе солдат, и священника, обманывавшего их, до последнего солдата, готовящегося теперь стрелять в своих братьев. Все они сделали то, что сделали, и готовятся делать то, что предстоит им, только потому, что представляются себе и другим не тем, что они суть в действительности, — людьми, перед которыми стоит вопрос: участвовать или не участвовать в дурном, осуждаемом их совестью деле, а представляются себе и другим различными условными

лицами: кто — царем-помазанником, особенным существом, призванным к попечению о благе 100 миллионов людей, кто — представителем дворянства, кто — священником, получившим особенную благодать своим посвящением, кто — солдатом, обязанным присягой без рассуждения исполнять всё, что ему прикажут.

Только под влиянием опьянения власти и подобострастия, вытекающих из их воображаемых положений, и могли и могут все эти люди делать то, что делают.

Не будь у всех этих людей твердого убеждения в том, что звания царей, министров, губернаторов, судей, дворян, землевладельцев, предводителей, офицеров, солдат суть нечто действительно существующее и очень важное, ни один из этих людей не подумал бы без ужаса и отвращения об участии в таких делах, которые они делают теперь.

Условные положения, установленные сотни лет назад, признававшиеся веками и теперь признаваемые всеми окружающими и обозначаемые особенными названиями и особыми нарядами, кроме того подтверждаемые всякого рода торжественностью, воздействием на внешние чувства, до такой степени внушаются людям, что они, забывая обычные и общие всем условия жизни, начинают смотреть на себя и всех людей только с этой условной точки зрения и только этой условной точкой зрения руководствуются в оценке своих и чужих поступков.

Так, вполне душевно здоровый и старый уже человек, только оттого, что на него надета какая-нибудь побрякушка или шутовской наряд, ключи на заднице или голубая лента, приличная только для наряжающейся девочки, и ему внушено при этом, что он генерал, камергер, андреевский кавалер или тому подобная глупость, вдруг делается от этого самоуверен, горд и даже счастлив, или, наоборот оттого, что лишается или не получает ожидаемой побрякушки и клички, становится печальным и несчастным, так что даже заболевает. Или, что еще поразительнее, вполне в остальном здоровый душевно, молодой, свободный и даже обеспеченный человек только оттого, что он назвался и его назвали судебным следователем или земским начальником, хватает несчастную вдову от ее малолетних детей и запирает или устраивает ее заключение в тюрьме, оставляя без матери ее детей, и всё это из-за того, что эта несчастная тайно торговала вином и этим лишила казну 25 рублей дохода,

и не чувствует при этом ни малейшего раскаяния. Или, что еще удивительнее, в остальном разумный и кроткий человек, только оттого, что на него надета бляха или мундир и ему сказано, что он сторож или таможенный солдат, начинает стрелять пулей в людей, и ни он, ни окружающие не только не считают его в этом виноватым, но считают его виноватым, когда он не стрелял; не говорю уже про судей и присяжных, приговаривающих к казням, и про военных, убивающих тысячи без малейшего раскаяния только потому, что им внушено, что они не просто люди, а присяжные, судьи, генералы, солдаты.

Такое постоянное неестественное и странное состояние людей в государственной жизни выражается словами обыкновенно так: «Как человек, я жалею его, но как сторож, судья, генерал, губернатор, царь, солдат я должен убить или истязать его», точно как будто может быть какое-нибудь данное или признанное людьми положение, которое могло бы упразднить обязанности, налагаемые на каждого из нас положением человека.

Так, например, в настоящем случае люди едут на убийство и истязание голодных людей и признают, что в споре крестьян с помещиком — крестьяне правы (это говорили мне все начальствующие), знают, что крестьяне несчастны, бедны, голодны; помещик богат и не внушает сочувствия, и все эти люди все-таки едут убивать крестьян для того, чтобы приобрести этим помещику 3000 рублей, только потому, что эти люди воображают себя в эту минуту не людьми, а — кто губернатором, кто чиновником, кто жандармским генералом, кто офицером, кто солдатом, и считают для себя обязательными не вечные требования совести человека, а случайные, временные требования своих офицерских, солдатских положений.

Как ни странно сказать это, единственное объяснение этого удивительного явления — то, что люди эти находятся в том же состоянии, в котором находятся те загипнотизированные люди, которым, как говорят, приказывают воображать или чувствовать себя в известных условных положениях и действовать так, как бы действовали те существа, которых они изображают; как, например, когда загипнотизированному лицу внушено, что он хромой, и он начинает хромать, слепой, и он не видит, что он зверь, и он начинает кусаться. В таком состоянии находятся не только люди, едущие в этом поезде, но и все люди,

исполняющие свои общественные и государственные обязанности предпочтительно и в ущерб человеческим.

Сущность этого состояния в том, что люди под влиянием внушенной им одной мысли не в силах обсуживать своих поступков и потому делают, не рассуждая, всё то, что в соответствии с внушенной мыслью предписывается им и на что они наводятся посредством примера, совета или намека.

Разница между загипнотизированными искусственным способом и теми, которые находятся под влиянием государственного внушения, состоит в том, что искусственно загипнотизированным внушено их воображаемое положение вдруг, одним лицом и в самый короткий промежуток времени, и потому внушение это представляется нам в резкой, удивляющей нас форме, тогда как людям, действующим под государственным внушением, их воображаемое положение внушается им исподволь, понемногу, незаметно, с детства, иногда не только годами, но целыми поколениями, и кроме того внушается не одним лицом, а всеми окружающими их.

«Но, — скажут на это, — всегда во всех обществах большинство людей: все дети, все поглощаемые трудом детоношения, рождения и кормления женщины, все огромные массы рабочего народа, поставленные в необходимость напряженной и неустанной физической работы, все от природы слабые духом, все люди ненормальные, с ослабленной духовной деятельностью вследствие отравления никотином, алкоголем и опиумом или других причин, — все эти люди всегда находятся в том положении, что, не имея возможности мыслить самостоятельно, подчиняются или тем людям, которые стоят на более высокой степени разумного сознания, или преданиям семейным или государственным, тому, что называется общественным мнением, и в этом подчинении нет ничего неестественного и противоречивого».

И действительно, в этом нет ничего неестественного, и способность людей маломыслящих подчиняться указаниям людей, стоящих на высшей степени сознания, есть всегдашнее свойство людей, то свойство, вследствие которого люди, подчиняясь одним и тем же разумным началам, могут жить обществами: одни — меньшинство — сознательно подчиняясь одним и тем же разумным началам, вследствие согласия их с требованиями своего разума; другие — большинство — подчиняясь тем же

началам бессознательно только потому, что эти требования стали общественным мнением. Такое подчинение маломыслящих людей общественному мнению не представляет ничего неестественного до тех пор, пока общественное мнение не раздвоется.

Но бывают времена, когда открывшаяся сначала некоторым людям высшая против прежней степень сознания истины, равномерно переходя от одних к другим, захватывает такое большое количество людей, что прежнее общественное мнение, основанное на низшей степени сознания, начинает колебаться и новое уже готово установиться, но еще не установилось. Бывают такие времена, подобные весне, когда старое общественное мнение еще не разрушилось и новое еще не установилось, когда люди уже начинают обсуживать поступки свои и других людей на основании нового сознания, а между тем в жизни по инерции, по преданию продолжают подчиняться началам, которые только в прежние времена составляли высшую степень разумного сознания, но которые теперь уже находятся в явном противоречии с ним. И тогда люди, с одной стороны, чувствуя необходимость подчиниться новому общественному мнению, и, с другой стороны, не решаясь отступать от прежнего, находятся в неестественном, колеблющемся состоянии. И в таком состоянии находятся по отношению к христианским истинам не только люди этого поезда, но и большинство людей нашего времени.

В таком состоянии находятся одинаково и люди высших сословий, пользующиеся исключительно выгодными положениями, и люди низших сословий, беспрекословно повинующиеся тому, что им предписывается.

Одни, люди правящих классов, не имея уже разумного объяснения занимаемых ими выгодных положений, поставлены в необходимость для удержания этих положений подавлять в себе высшие, разумные любовные способности и внушать самим себе необходимость своего исключительного положения; другие же, низшие сословия, задавленные трудом и умышленно одуряемые, находятся в постоянном состоянии внушения, неуклонно и постоянно производимом над ними людьми высших классов.

Только этим можно объяснить те удивительные явления, которыми наполнена наша жизнь и поразительным образцом которых представились мне те, встреченные мною 9-го сентября, знакомые мне, добрые, смирные люди, которые с спокойным

духом ехали на совершение самого зверского, бессмысленного и подлого преступления. Не будь в этих людях каким-либо средством усыплена совесть, ни один человек из них не мог бы сделать одной сотой того, что они собираются сделать, и очень может быть, что и сделают.

Не то что в них нет той совести, которая запрещает им делать то, что они собираются делать, как ее, такой совести, не было в людях даже 400, 300, 200, 100 лет тому назад, — сжигавших на кострах, пытавших, засекавших людей; она есть во всех этих людях, но только она усыплена в них; в одних — в начальствующих, в тех, которые находятся в исключительно выгодных положениях, — самовнушением, как называют это психиатры; в других, в исполнителях, в солдатах, — прямым, сознательным внушением, гипнотизацией, производимой высшими классами.

Совесть усыплена в этих людях, но она есть в них и сквозь то самовнушение и внушение, которое обладает ими, уже говорит в них и вот-вот может пробудиться.

Все эти люди находятся в положении подобном тому, в котором находился бы загипнотизированный человек, которому бы было внушено и приказано совершить дело, противное всему тому, что он считает разумным и добрым: убить свою мать или ребенка. Загипнотизированный человек чувствует себя связанным напущенным на него внушением, ему кажется, что он не может остановиться, но вместе с тем, чем ближе он подходит к времени и месту совершения поступка, тем сильнее подымается в нем заглушенный голос совести, и он всё больше и больше начинает упираться, корчиться и хочет пробудиться. И нельзя вперед сказать, сделает ли он, или не сделает внушенный ему поступок, — что возьмет верх: разумное сознание или неразумное внушение. Всё зависит от относительной силы того и другого.

Точно то же совершается теперь и в людях этого поезда и вообще во всех людях, совершающих в наше время государственные насилия и пользующихся ими.

Было время, когда люди, выехав с целью истязания и убийства, показания примера, не возвращались иначе, как совершив то дело, на которое они ехали, и, совершив такое дело, не мучились раскаяниями и сомнениями, а спокойно, засекши людей, возвращались в семью и ласкали детей, — шутили,

смеялись и предавались тихим семейным удовольствиям. Тогда и людям, пользовавшимся этими насилиями, и помещикам, и богачам и в голову не приходило, чтобы те выгоды, которыми они пользуются, имели бы прямую связь с этими жестокостями. Но теперь уже не то: люди знают уже или близки к тому, чтобы знать, что они делают и для чего делают то, что делают. Они могут закрывать глаза, заставлять бездействовать свою совесть, но с незакрытыми глазами и незаглушенной совестью они не могут уже — как те, которые совершают их, так и те, которые ими пользуются, — не видеть того значения, которое имеют эти дела. Бывает, что люди понимают значение того, что они сделали, только уже после совершения дела; бывает и то, что они понимают это перед самым совершением его. Так, люди, распоряжавшиеся истязаниями в Нижнем-Новгороде, Саратове, Орле, Юзовском заводе, поняли значение того, что они сделали, только после совершения дела и теперь мучаются стыдом перед общественным мнением и перед своей совестью. Мучаются и распорядители и исполнители. Я говорил с солдатами, исполнявшими такие дела, и они всегда старательно отклоняли разговор об этом; когда же говорили, то говорили с недоумением и ужасом. Бывают же случаи, когда люди опоминаются перед самым совершением дела. Так, я знаю случай с фельдфебелем, во время усмирения избитым двумя мужиками и подавшим об этом рапорт, но на другой день, как он увидал истязания, совершенные над другими крестьянами, упросившим ротного командира разорвать рапорт и отпустить побивших его мужиков. Знаю случай, когда солдаты, назначенные расстреливать, отказывались повиноваться, и знаю много случаев, когда начальствующие отказывались распоряжаться истязаниями и убийствами. Так что люди, учреждающие насилия и совершающие их, иногда опоминаются много прежде совершения внушенного им дела, иногда же перед самым совершением его, иногда и после его.

Люди, едущие в этом поезде, выехали для истязания и убийства своих братьев, но никто не знает того, сделают или не сделают они то, для чего они едут. Как ни скрыта для каждого его ответственность в этом деле, как ни сильно во всех этих людях внушение того, что они не люди, а губернаторы, исправники, офицеры, солдаты, и что, как такие существа, они могут нарушать свои человеческие обязанности, чем ближе они будут

подвигаться к месту своего назначения, тем сильнее в них будет подниматься сомнение о том: нужно ли сделать то дело, на которое они едут, и сомнение это дойдет до высшей степени, когда они подойдут к самому моменту исполнения.

Не может губернатор, несмотря на весь дурман окружающей обстановки, не задуматься в ту минуту, когда ему придется отдавать последнее решительное приказание об убийстве или истязании. Он знает, что дело орловского губернатора вызвало негодование лучших людей общества, и сам он уже под влиянием общественного мнения тех кругов, в которых он находится, не раз выражал неодобрение ему; он знает, что прокурор, который должен был ехать, прямо отказался от участия в деле, потому что считает это дело постыдным; знает и то, что в правительстве нынче-завтра могут произойти перемены, вследствие которых то, чем выслуживались вчера, может завтра сделаться причиной немилости; знает, что есть пресса, если не русская, то заграничная, которая может описать это дело и навеки осрамить его. Он уже чует то новое общественное мнение, которое отменяет то, что требовало прежнее. Кроме того, он не может быть вполне уверен в том, послушаются ли его в последнюю минуту исполнители. Он колеблется, и нельзя предугадать, что он сделает.

То же в большей или меньшей мере испытывают все чиновники и офицеры, едущие с ним. Все они знают в глубине души, что дело, которое делается, — постыдно, что участие в нем роняет и марает человека перед некоторыми людьми, мнением которых они уже дорожат. Они знают, что прийти к невесте или женщине, перед которой кокетничаешь, после убийства или истязания беззащитных людей — стыдно. И, кроме того, они так же, как и губернатор, сомневаются в том, наверное ли послушаются их солдаты. И как ни непохоже это на тот уверенный вид, с которым теперь все эти начальствующие люди движутся по станции и платформе, все они в глубине души не только страдают, но и колеблются. Даже затем и напускают они на себя этот самоуверенный тон, чтобы скрыть внутреннее колебание. И чувство это увеличивается по мере приближения их к месту действия.

И, как ни незаметно это и как ни странно сказать это, в таком же положении находится и вся эта масса молодых ребят, солдат, кажущихся столь покорными.

Все они уже не такие солдаты, какие были прежде, люди, отказавшиеся от трудовой естественной жизни и посвятившие свою жизнь исключительно разгулу, грабежу и убийству, как какие-нибудь римские легионеры или воины 30-летней войны, или даже хоть недавние 25-летние солдаты; всё это теперь большею частью люди, недавно взятые из семей, всё еще полные воспоминаниями о той доброй, естественной и разумной жизни, из которой они взяты.

Все эти большею частью крестьянские ребята знают, по какому делу они едут, знают, что помещики всегда обижают их братью, крестьян, и что поэтому и в этом деле должно быть то же. Кроме того, большая половина этих людей уже читает книги, и не все книги такие, в которых восхваляется военное дело, но есть и такие, в которых доказывается его безнравственность. Среди них служат часто свободомыслящие товарищи — вольноопределяющиеся и такие же молодые либеральные офицеры, и среди них уже заброшено зерно сомнения о безусловной законности и доблестности их деятельности. Правда, что все они прошли через ту страшную, искусную, веками выработанную муштровку, убивающую всякую самодеятельность человека, и так приучены к механическому повиновению, что при словах команды: Пальба шеренгой!.. Шеренга... Пли!.. и т. п., у них сами собою поднимаются ружья и совершаются привычные движения. Но ведь «пли!» будет значить теперь не то, что забавляться, стреляя в мишень, а значит убивать своих измученных, обиженных отцов, братьев, которые, вот они, стоят кучей с бабами, ребятами на улице и что-то кричат, махая руками. Вот они — кто с редкой бородкой в заплатанном кафтане и лаптях, такой же, как оставшийся дома в Казанской или Рязанской губернии родитель, кто с седой бородой, с согнутой спиной, с большой палкой, такой же, как отцов отец — дед, кто молодой малый в сапогах и красной рубахе, такой же, каким год назад был он сам, тот солдат, который должен теперь стрелять в него. А вот и женщина в лаптях и паневе, такая же, как оставленная дома мать...

Неужели стрелять в них?

И бог знает, что сделает каждый солдат в эту последнюю минуту. Одного малейшего указания на то, что этого нельзя делать, главное, что этого можно не делать, одного такого слова, намека будет тогда достаточно для того, чтобы остановить их.

Все люди, едущие в этом поезде, когда приступят к совершению того дела, на которое едут, будут в том же положении, в котором был бы загипнотизированный человек, которому внушено разрубить бревно, и он, подойдя уже к тому, что ему указано как бревно, и уже взмахнув топором, сам увидал бы или ему указали бы, что это не бревно, а его спящий брат. Он может совершить предписанное ему дело и может очнуться перед совершением его. Так же и все эти люди могут очнуться или не очнуться. Не очнутся они, и совершится такое же ужасное дело, какое было в Орле, и усилится в других людях то самовнушение и внушение, под влиянием которого они действуют; очнутся они, и не только не произойдет такого дела, но еще и многие из тех, которые узнают про оборот, который приняло дело, освободятся от того внушения, в котором они находились, или по крайней мере приблизятся к такому освобождению.

Но не только если все люди, едущие в этом поезде очнутся и воздержатся от совершения начатого дела, если очнутся и воздержатся хоть некоторые из них и выскажут смело другим людям преступность этого дела, то и тогда воздействие этих нескольких людей может сделать то, что и остальные люди очнутся от того внушения, под которым они находились, и предполагаемое злодеяние не будет совершено.

Мало того, если даже хоть несколько людей, не участвующих в этом деле, но только присутствующих при приготовлениях к нему или узнавших про совершившиеся уже прежде подобные дела, не останутся равнодушными, а прямо и смело выскажут свое отвращение к участникам таких дел и укажут им на всю неразумность, жестокость и преступность их, то и это не пройдет бесследно.

Так это и было в настоящем случае. Стоило некоторым людям, участникам и неучастникам этого дела, свободным от внушения, еще тогда, когда только готовились к этому делу, смело высказывать свое негодование перед совершившимися в других местах истязаниями и отвращение и презрение к людям, участвовавшим в них, стоило в настоящем тульском деле некоторым лицам выразить нежелание участвовать в нем, стоило проезжавшей барыне и другим лицам тут же на станции высказать тем, которые ехали в этом поезде, свое негодование перед совершаемым ими делом, стоило одному из полковых

командиров, от которых требовались части войск для усмирения, высказать свое мнение, что военные не могут быть палачами, и благодаря этим и некоторым другим, кажущимся неважными частным воздействиям на людей, находящихся под внушением, дело приняло совсем другой оборот, и войска, приехав на место, не совершили истязаний, а только срубили лес и отдали его помещику.

Не будь в некоторых людях ясного сознания того, что то, что они делают, — дурно, и не будь вследствие этого воздействий в этом смысле людей друг на друга, произошло бы то, что было в Орле. Будь это сознание еще сильнее и потому количество этих воздействий больше, чем то, какое было, очень может быть, что губернатор с войсками не решился бы даже и срубить леса, отдавая его помещику. Будь это сознание еще сильнее и воздействий этих еще больше, очень может быть, что губернатор не решился бы даже ехать на место действия. Будь сознание еще сильнее и воздействий еще больше, очень может быть, что не решился бы и министр предписывать и государь утверждать такое решение.

Всё зависит, следовательно, от силы сознания каждым отдельным человеком христианской истины.

И потому, казалось бы, на усиление в себе и других ясности требований христианской истины и должна бы была быть направлена деятельность всех людей нашего времени, утверждающих, что они желают содействовать благу человечества.

4

Но удивительное дело: именно те люди, которые в наше время более всех других говорят, что заботятся об улучшении человеческой жизни, и считаются руководителями общественного мнения, утверждают, что этого-то и не нужно делать и что для улучшения положения людей существуют другие, более действительные средства. Люди эти утверждают, что улучшение жизни человеческой происходит не вследствие внутренних усилий отдельных людей сознания, уяснения и исповедания истины, а вследствие постепенного изменения общих внешних условий жизни, и что потому силы каждого отдельного человека должны быть направлены не на сознание и уяснение себе и исповедание истины, а на постепенное изменение в полезном

для человечества направлении общих внешних условий жизни, всякое же исповедание отдельным человеком истины, несогласной с существующим порядком, не только не полезно, но вредно, потому что вызывает со стороны власти стеснения, мешающие этим отдельным людям продолжать их полезную для служения обществу деятельность. По учению этому все изменения в жизни человеческой происходят по тем же законам, по которым они происходят и в жизни животных.

Так что по учению этому все основатели религий, как Моисей и пророки, Конфуций, Лао-дзи, Будда, Христос и другие проповедовали свои учения, а последователи их принимали их не потому, что они любили истину, уясняли ее себе и исповедовали, а потому, что политические, социальные и, главное, экономические условия тех народов, среди которых появились и распространялись эти учения, были благоприятны для проявления и распространения их.

И потому главная деятельность человека, желающего служить обществу и улучшить положение человечества, должна по этому учению быть направлена не на уяснение истины и исповедание ее, а на улучшение внешних политических, социальных и, главное, экономических условий. Изменение же этих политических, социальных и экономических условий совершается посредством отчасти служения правительству и внесения в него либеральных и прогрессивных начал, отчасти содействием развитию промышленности и распространению социалистических идей и, главное, распространением научного образования.

По этому учению важно не то, чтобы исповедовать в жизни ту истину, которая открылась тебе, и вследствие этого неизбежно быть вынужденным осуществлять ее в жизни или по крайней мере не совершать поступков, противных исповедуемой истине: не служить правительству и не усиливать его власть, если считаешь власть эту вредною, не пользоваться капиталистическим строем, если считаешь этот строй неправильным, не выказывать уважения разным обрядам, если считаешь их вредным суеверием, не участвовать в судах, если считаешь их устройство ложным, не служить солдатом, не присягать, вообще не лгать, не подличать, а важно то, чтобы, не изменяя существующих форм жизни и, противно своим убеждениям, подчиняясь им, вносить либерализм в существующие учреждения: содействовать

промышленности, пропаганде социализма и успехам того, что называется науками, и распространению образования. По этой теории можно, оставаясь землевладельцем, купцом, фабрикантом, судьей, чиновником, получающим жалованье от правительства, солдатом, офицером, быть при этом не только гуманным человеком, но даже социалистом и революционером.

Лицемерие, имевшее прежде одну религиозную основу в учении о падении рода человеческого, об искуплении и о церкви, в этом учении получило в наше время новую научную основу и вследствие этого захватило в свои сети всех тех людей, которые уже не могут по степени своего развития опираться на лицемерие религиозное. Так что если прежде только человек, исповедующий церковное религиозное учение, мог, признавая себя при этом чистым от всякого греха, участвовать во всех преступлениях, совершаемых государством, и пользоваться ими, если он только при этом исполнял внешние требования своего исповедания, то теперь и все люди, не верящие в церковное христианство, имеют такую же твердую светскую научную основу для признания себя чистыми и даже высоконравственными людьми, несмотря на свое участие в государственных злодеяниях и пользование ими.

Живет не в одной России, но где бы то ни было — во Франции, Англии, Германии, Америке — богатый землевладелец и за право, предоставляемое им людям, живущим на его земле, кормиться с нее, сдирает с этих большею частью голодных людей всё, что только он может содрать с них. Право собственности на землю этого человека основывается на том, что при каждой попытке угнетенных людей без его согласия воспользоваться землями, которые он считает своими, приходят войска и подвергают людей, захватывающих эти земли, истязаниям и убийствам. Казалось бы, очевидно, что человек, живущий так, есть злое и эгоистическое существо и никак не может считать себя христианином или либеральным человеком. Казалось бы очевидным, что первое, что должен сделать такой человек, если он хочет хоть сколько-нибудь приблизиться к христианству или либерализму, состоит в том, чтобы перестать грабить и губить людей посредством поддерживаемого правительством убийствами и истязаниями его права на землю. Но так бы это было, если бы не было метафизики лицемерия, которая говорит, что с религиозной точки зрения владение или невладение землей —

безразлично для спасения, а с научной точки зрения — то, что отказ от владения землей был бы бесполезным личным усилием и что содействие благу людей совершается не этим путем, а постепенным изменением внешних форм. И вот этот человек, нисколько не смущаясь и не сомневаясь в том, что ему поверят, устроив земледельческую выставку, общество трезвости или разослав через жену и детей фуфайки и бульон трем старухам, смело в семье, в гостиных, в комитетах, печати проповедует евангельскую или гуманную любовь к ближнему вообще и в особенности к тому рабочему земледельческому народу, который он, не переставая, мучит и угнетает. И люди, находящиеся в том же положении, как и он, верят ему, восхваляют его и с ним вместе с важностью обсуждают вопросы о том, какими бы еще мерами улучшить положение того рабочего народа, на ограблении которого основана их жизнь, придумывая для этого всевозможные средства, но только не то одно, без которого невозможно никакое улучшение положения народа, и именно то, чтобы перестать отнимать у этого народа необходимую ему для пропитания землю.

Поразительнейшим примером такого лицемерия были заботы русских землевладельцев во время последнего года о борьбе с голодом, который они-то и произвели и которым они тут же пользовались, продавая не только хлеб по самой высокой цене, но картофельную ботву по 5 рублей за десятину на топливо мерзнущим крестьянам.

Или живет купец, вся торговля которого, как и всякая торговля, основана на ряде мошенничеств, посредством которых, пользуясь невежеством и нуждой людей, у них покупаются предметы ниже их стоимости и, пользуясь невежеством же, нуждой и соблазном, продаются назад выше стоимости. Казалось бы, очевидно, что человек, вся деятельность которого основана на том, что на его же языке называется мошенничеством, если только эти же дела совершаются при других условиях, должен бы стыдиться своего положения и никак уже не может, продолжая быть купцом, выставлять себя христианином или либеральным человеком. Но метафизика лицемерия говорит ему, что он может слыть добродетельным человеком, продолжая свою вредную деятельность: религиозному человеку нужно только верить, а либеральному нужно только содействовать изменению внешних условий — прогрессу промышленности

И вот этот купец (который часто кроме того совершает еще и ряд прямых мошенничеств, продавая дурное за хорошее, обвешивает, обмеривает или торгует исключительно губящими жизнь народа предметами, как вино, опиум) смело считает себя и считается другими, если только он прямо не обманывает в делах своих сотоварищей по обману, т. е. свою братью — купцов, то считается образцом честности и добросовестности. Если же он истратит 0,001 из украденных им денег на какое-нибудь общественное учреждение: больницу, музей, учебное заведение, то его считают еще и благотворителем того народа, на обмане и развращении которого основано всё его благосостояние; если же он пожертвовал часть украденных денег на церковь и бедных, — то и примерным христианином.

Или живет фабрикант, доход которого весь составляется из платы, отнятой у рабочих, и вся деятельность которого основана на принудительном, неестественном труде, губящем целые поколения людей; казалось бы, очевидно, что прежде всего, если человек этот исповедует какие-нибудь христианские или либеральные принципы, ему нужно перестать губить для своих барышей человеческие жизни. Но по существующей теории он содействует промышленности, и ему не нужно, даже было бы вредно для людей и общества, прекращать свою деятельность. И вот человек этот, жестокий, рабовладелец тысяч людей, устроив для искалеченных на его работе людей домики с двухаршинными садиками, и кассу, и богадельню, больницу, вполне уверен, что он этим с излишком заплатил за все те погубленные и губимые им физически и духовно человеческие жизни, спокойно, гордясь ею, продолжает свою деятельность.

Или живет правитель или какой бы то ни было гражданский, духовный, военный слуга государства, служащий для того, чтобы удовлетворить свое честолюбие или властолюбие, или, что чаще всего бывает, для того только, чтобы получить собираемое с изнуренного, измученного работой народа жалованье (подати, от кого бы ни шли, всегда идут с труда, т. е. с рабочего народа), и если он, что очень редко бывает, еще прямо не крадет государственные деньги непривычным способом, то считает себя и считается другими, подобными ему, полезнейшим и добродетельнейшим членом общества.

Живет какой-нибудь судья, прокурор, правитель и знает, что по его приговору или решению сидят сейчас сотни, тысячи

оторванных от семеи несчастных в одиночных тюрьмах, на каторгах, сходя с ума и убивая себя стеклом, голодом, знает, что у этих тысяч людей есть еще тысячи матерей, жен, детей, страдающих разлукой, лишенных свиданья, опозоренных, тщетно вымаливающих прощенья или хоть облегченья судьбы отцов, сыновей, мужей, братьев, и судья и правитель этот так загрубел в своем лицемерии, что он сам и ему подобные и их жены и домочадцы вполне уверены, что он при этом может быть очень добрый и чувствительный человек. По метафизике лицемерия выходит, что он делает полезное общественное дело. И человек этот, погубив сотни, тысячи людей, проклинающих его и отчаивающихся благодаря его деятельности в вере в добро и бога, с сияющей, благодушной улыбкой на гладком лице идет к обедне, слушает Евангелие, произносит либеральные речи, ласкает своих детей, проповедует им нравственность и умиляется перед воображаемыми страданиями.

Живут все эти люди и те, которые кормятся около них, их жены, учителя, дети, повара, актеры, жокеи и т. п., живут той кровью, которая тем или другим способом, теми или другими пиявками высасывается из рабочего народа, живут так, поглощая каждый ежедневно для своих удовольствий сотни и тысячи рабочих дней замученных рабочих, принужденных к работе угрозами убийств, видят лишения и страдания этих рабочих, их детей, стариков, жен, больных, знают про те казни, которым подвергаются нарушители этого установленного грабежа, и не только не уменьшают свою роскошь, не скрывают ее, но нагло выставляют перед этими угнетенными, большею частью ненавидящими их рабочими, как бы нарочно дразня их, свои парки, дворцы, театры, охоты, скачки и вместе с тем, не переставая, уверяют себя и друг друга, что они все очень озабочены благом того народа, который они, не переставая, топчут ногами, и по воскресеньям в богатых одеждах, на богатых экипажах едут в нарочно для издевательства над христианством устроенные дома и там слушают, как нарочно для этой лжи обученные люди на все лады, в ризах или без риз, в белых галстуках, проповедуют друг другу любовь к людям, которую они все отрицают всею своею жизнью. И, делая всё это, люди эти так входят в в свою роль, что серьезно верят, что они действительно то самое, чем притворяются.

Всеобщее лицемерие, вошедшее в плоть и кровь всех сословий нашего времени, дошло до таких пределов, что ничто уже в этом роде никого уже не возмущает. Недаром гипокритство значит актерство, и притворяться — играть роль можно всякую. Такие явления, как то, что наместники Христа благословляют в порядке стоящих убийц, держащих заряженное на своих братьев ружье, на молитву; что священники, пастыри всяких христианских исповеданий всегда так же неизбежно, как и палачи, участвуют в казнях, своим присутствием признавая убийство совместимым с христианством (на опыте в Америке во время убийства электричеством присутствовал пастор), — все такие явления никого уже не удивляют.

Недавно была международная тюремная выставка в Петербурге, где выставляли орудия истязаний: кандалы, модели одиночных заключений, т. е. орудия пытки худшие, чем кнуты и розги, и чувствительные господа и дамы ходили осматривать это и веселились этим.

Никого не удивляет и то, как либеральная наука доказывает, рядом с признанием равенства, братства, свободы людей, необходимость войска, казней, таможен, цензуры, регламентации проституции, изгнания дешевых работников, запрещений эмиграции, необходимости и справедливости колонизации, основанной на отравлении, ограблении и уничтожении целых пород людей, называемых дикими, и т. п.

Говорят о том, что будет тогда, когда все люди будут исповедовать то, что называется христианством (т. е. различные враждебные между собой исповедания), когда все будут сыты и одеты, будут все соединены друг с другом с одного конца света до другого телеграфами, телефонами, будут сообщаться воздушными шарами, когда все рабочие проникнутся социальными учениями и когда рабочие союзы соберут столько-то миллионов членов и рублей, и все люди будут образованы, все будут читать газеты, знать все науки.

Но что же может произойти полезного и доброго от всех этих усовершенствований, если при этом люди не будут говорить и делать то, что они считают правдой?

Ведь бедствия людей происходят от разъединения. Разъединение же происходит оттого, что люди следуют не истине, которая одна, а лжам, которых много. Единственное средство соединения людей воедино есть соединение в истине. И потому,

чем искреннее люди стремятся к истине, тем ближе они к этому соединению.

Но как же могут люди соединиться в истине или хотя бы приблизиться к ней, если они не только не высказывают ту истину, которую знают, но считают, что этого не нужно делать, и притворяются, что считают истиной то, что не считают истиной.

И потому никакое улучшение положения людей невозможно до тех пор, пока люди будут притворяться, т. е. сами от себя скрывать истину, до тех пор, пока не признают того, что единение их, а потому и благо их возможно только в истине, и потому не будут ставить выше всего другого признание и исповедание истины, той истины, которая открылась им.

Пусть совершатся все те внешние усовершенствования, о которых могут только мечтать религиозные и научные люди; пусть все люди примут христианство и пусть совершатся все те улучшения, которых желают разные Беллами и Рише со всевозможными добавлениями и исправлениями, но пусть при этом останется то лицемерие, которое есть теперь; пусть люди не исповедуют ту истину, которую они знают, а продолжают притворяться, что верят в то, во что не верят, и уважают то, чего не уважают, и положение людей не только останется то же, но будет становиться всё хуже и хуже. Чем будут сытее люди, чем больше будет телеграфов, телефонов, книг, газет, журналов, тем будет только больше средств распространения несогласных между собой лжей и лицемерия и тем больше будут разъединены и потому бедственны люди, как это и есть теперь.

Пусть совершатся все эти внешние изменения, и положение человечества не улучшится. Но пусть только каждый человек сейчас же в своей жизни по мере сил своих исповедует ту правду, которую он знает, или хотя по крайней мере пусть не защищает ту неправду, которую он делает, выдавая ее за правду, и тотчас же в нынешнем 93-м году совершились бы такие перемены к освобождению людей и установлению правды на земле, о которых мы не смеем мечтать и через столетия.

Недаром единственная не кроткая, а обличительная и жестокая речь Христа была обращена к лицемерам и против лицемерия. Развращает, озлобляет, озверяет и потому разъединяет людей не воровство, не грабеж, не убийство, не блуд, не подлоги, а ложь, та особенная ложь лицемерия, которая уничтожает в сознании людей различие между добром и злом, ли-

шает их этим возможности избегать зла и искать добра, лишает их того, что составляет сущность истинной человеческой жизни, и потому стоит на пути всякого совершенствования людей.

Люди, не знающие истины и делающие зло, возбуждая в других сострадание к своим жертвам и отвращение к своим поступкам, делают зло только тем, над кем они совершают его, но люди, знающие истину и делающие зло, прикрытое лицемерием, делают зло и себе и тем, над кем его совершают, и еще тысячам и тысячам других людей, соблазняемых той ложью, которою они стараются прикрыть совершаемое ими зло.

Воры, грабители, убийцы, обманщики, совершающие дела, признаваемые злом ими самими и всеми людьми, служат примером того, чего не нужно делать, и отвращают людей от зла. Люди же, делающие те же дела воровства, грабежа, истязаний, убийств, прикрываясь религиозными и научными либеральными оправданиями, как это делают все землевладельцы, купцы, фабриканты и всякие слуги правительства нашего времени, призывают других к подражанию своим поступкам и делают зло не только тем, которые страдают от него, но тысячам и миллионам людей, которых они развращают, уничтожая для этих людей различие между добром и злом.

Одно состояние, нажитое торговлей предметами, необходимыми для народа или развращающими народ, или биржевыми операциями, или приобретением дешевых земель, которые потом дорожают от нужды народной, или устройством заводов, губящих здоровье и жизни людей, или посредством гражданской или военной службы государству, или какими-либо делами, потворствующими соблазнам людей, — состояние, приобретаемое такими делами не только с разрешения, но с одобрения руководителей общества, скрашенное при этом показною благотворительностью, без сравнения более развращает людей, чем миллионы краж, мошенничеств, грабежей, совершенных вне признанных законом форм и подвергающихся уголовному преследованию.

Одна казнь, совершенная не находящимися под действием страсти, достаточными, образованными людьми, с одобрения и с участием христианских пастырей и выставляемая как нечто необходимое и даже справедливое, развращает и озверяет людей больше, чем сотни и тысячи убийств, совершенных людьми рабочими, необразованными, да еще в увлечениях страсти.

Казнь такая, какую предлагал устроить Жуковский, такая, при которой люди испытывали бы даже, как предлагал Жуковский, религиозное умиление, была бы самым развращающим действием, которое только можно себе представить. (См. VI том полн. собр. соч. Жуковского.)

Всякая, самая короткая война с сопровождающими обыкновенно войну тратами, истреблениями посевов, воровствами, допускаемым развратом, грабежами, убийствами, с придумываемыми оправданиями необходимости и справедливости ее, с возвеличением и восхвалением военных подвигов, любви к знамени, к отечеству и с притворством забот о раненых и т. п., — развращает в один год людей больше, чем миллионы грабежей, поджогов, убийств, совершаемых в продолжение сотни лет одиночными людьми под влиянием страстей.

Одна, степенно ведомая в пределах приличия роскошная жизнь благопристойной, так называемой добродетельной семьи, проедающей, однако, на себя столько рабочих дней, сколько достало бы на прокормление тысяч людей, в нищете живущих рядом с этой семьей, — более развращает людей, чем тысячи неистовых оргий грубых купцов, офицеров, рабочих, предающихся пьянству и разврату, разбивающих для потехи зеркала, посуду и т. п.

Одна торжественная процессия, молебствие или проповедь с амвона или кафедры лжи, в которую не верят проповедующие, производит без сравнения более зла, чем тысячи подлогов и фальсификаций пищи и т. п.

Говорят о лицемерии фарисеев. Но лицемерие людей нашего времени далеко превосходит невинное сравнительно лицемерие фарисеев. У тех был хоть внешний религиозный закон, из-за исполнения которого они могли не видеть своих обязанностей по отношению своих близких, да и обязанности-то эти были тогда еще неясно указаны; в наше же время, во-первых, нет такого религиозного закона, который освобождал бы людей от их обязанностей к близким, всем без различия (я не считаю тех грубых и глупых людей, которые думают еще и теперь, что таинства или разрешение папы могут разрешать их грехи); напротив, тот евангельский закон, который в том или другом виде мы все исповедуем, прямо указывает на эти обязанности, и кроме того эти самые обязанности, которые тогда в туманных выражениях были высказаны только некоторыми пророками,

теперь уже так ясно высказаны, что стали такими труизмами, что их повторяют гимназисты и фельетонисты. И потому людям нашего времени, казалось бы, уж никак нельзя притворяться, что они не знают этих своих обязанностей.

Люди нашего времени, пользующиеся держащимся насилием порядком вещей и вместе с тем уверяющие, что они очень любят своих ближних и совсем не замечают того, что они всей своей жизнью делают зло этим ближним, подобны человеку, непрестанно грабившему людей, который бы, будучи, наконец, захвачен с поднятым ножом над отчаянным криком зовущей себе на помощь жертвой, уверял бы, что он не знал, что то, что он делал, было неприятно тому, кого он грабил и собирался резать. Ведь как нельзя этому грабителю и убийце отрицать того, что у всех на виду, так точно нельзя, казалось бы, теперь уже и людям нашего времени, живущим насчет страданий угнетенных людей, уверять себя и других, что они желают добра тем людям, которых они, не переставая, грабят, и что они не знали того, каким образом приобретается ими то, чем они пользуются.

Нельзя уж нам уверять, что мы не знали про те 100 тысяч человек в одной России, которые сидят всегда по тюрьмам и каторгам для обеспечения нашей собственности и спокойствия, и что мы не знаем про те суды, в которых мы сами участвуем и которые по нашим прошениям приговаривают покушающихся на нашу собственность и безопасность людей к тюрьмам, ссылкам и каторгам, в которых люди, нисколько не худшие, чем те, которые их судят, гибнут и развращаются; что мы не знали того, что всё, что мы имеем, мы имеем только потому, что это добывается и ограждается для нас убийством и истязаниями. Нельзя нам притворяться, что мы не видим того городового, который с заряженным револьвером ходит перед окнами, защищая нас в то время, как мы едим свой вкусный обед или смотрим новую пьесу, и про тех солдат, которые сейчас же выедут с ружьями и боевыми патронами туда, где будет нарушена наша собственность.

Ведь мы знаем, что если мы доедим свой обед, и досмотрим новую пьесу, и довеселимся на бале, на елке, на катанье, скачке или охоте, то только благодаря пуле в револьвере городового и в ружье солдата, которая пробьет голодное брюхо того обделенного, который из-за угла, облизываясь, глядит на наши удовольствия и тотчас же нарушит их, как только уйдет городо-

вой с револьвером или не будет солдата в казармах, готового явиться по нашему первому зову.

И потому как человеку, пойманному среди бела дня в грабеже, никак нельзя уверять всех, что он замахнулся на грабимого им человека не затем, чтобы отнять у него его кошелек, и не угрожал зарезать его, так и нам, казалось бы, нельзя уже уверять себя и других, что солдаты и городовые с револьверами находятся около нас совсем не для того, чтобы оберегать нас, а для защиты от внешних врагов, для порядка, для украшения, развлечения и парадов, и что мы и не знали того, что люди не любят умирать от голода, не имея права вырабатывать себе пропитание из земли, на которой они живут, не любят работать под землей, в воде, в пекле, по 10—14 часов в сутки и по ночам на разных фабриках и заводах для изготовления предметов наших удовольствий. Казалось бы, невозможно отрицать того, что так очевидно. А между тем это-то самое и делается.

И хотя и есть среди богатых живые люди, каких я, к счастью, встречаю всё чаще и чаще, особенно из молодых и женщин, которые при напоминании о том, как и чем покупаются их удовольствия, не стараясь скрыть истину, схватываются за голову и говорят: «Ах, не говорите об этом. Ведь если так, то жить нельзя»; хотя и есть такие искренние люди, которые, хотя и не могут избавиться от него, видят свой грех, огромное большинство людей нашего времени так вошло в свою роль лицемерия, что уж смело отрицает то, что режет глаза всякому зрячему.

«Всё это несправедливо, — говорят они: — никто не принуждает народ работать у землевладельцев и на фабриках. Это дело свободного договора. Крупная собственность и капиталы необходимы, потому что организуют работу и дают ее рабочему классу. Работы же на фабриках и заводах совсем не так ужасны, как вы их представляете. И если есть некоторые злоупотребления на фабриках, то правительство и общество принимают меры к тому, чтобы устранить их и сделать труд рабочих еще более легким и даже приятным. Рабочий народ привык к физическим работам и пока ни на что другое не способен. Бедность же народа происходит совсем не от землевладения, не от угнетения капиталистов, а от других причин: она происходит от необразования, грубости, пьянства народа. И мы, правительственные люди, противодействующие этому обеднению мудрым

управлением, и мы, капиталисты, противодействующие этому распространением полезных изобретений, мы, духовенство, — религиозным обучением, а мы, либералы, — устройством союзов рабочих, увеличением и распространением образования, этим путем, не изменяя своего положения, увеличиваем благосостояние народа. Мы не хотим, чтобы все были бедны, как бедные, а хотим, чтобы все были богаты, как богатые. То же, что людей будто бы истязают и убивают для того, чтобы заставить их работать на богатых, есть софизм; войска посылаются против народа только тогда, когда народ, не понимая своей выгоды, бунтует и нарушает спокойствие, нужное для всеобщего блага. Так же необходимо и обуздание злодеев, для которых устроены тюрьмы, виселицы, каторги. Мы сами бы желали упразднить их и работаем в этом направлении».

Лицемерие в наше время, поддерживаемое с двух сторон: quasi-религией и quasi-наукой, дошло до таких размеров, что если бы мы не жили среди него, то нельзя бы было поверить, что люди могут дойти до такой степени самообмана. Люди дошли в наше время до того удивительного положения, что так огрубело сердце их, что они глядят и не видят, слушают и не слышат и не разумеют.

Люди уже давно живут жизнью, противной их сознанию. Если бы не было лицемерия, они не могли бы жить этой жизнью. Этот противный их сознанию строй жизни продолжается только потому, что он прикрыт лицемерием.

И чем больше увеличивается расстояние между действительностью и сознанием людей, тем больше растягивается и лицемерие. Но и лицемерию есть пределы. И мне кажется, что мы в наше время дошли до этого предела.

Каждый человек нашего времени с невольно усвоенным им христианским сознанием находится в положении, совершенно подобном положению спящего человека, который видит во сне, что он должен делать то, чего, как он знает это и во сне, он не должен делать. Он знает это в самой глубине своего сознания, и все-таки как будто не может изменить своего положения, не может остановиться и перестать делать то, чего, он знает, ему не должно делать. И, как это бывает во сне, положение его, становясь всё мучительнее и мучительнее, доходит, наконец, до последней степени напряжения, и тогда он начинает сомневаться в действительности того, что представляется ему, и де-

лает усилие сознания, чтобы разорвать то наваждение, которое сковывает его.

В таком же положении находится средний человек нашего христианского мира. Он чувствует, что всё то, что делается им самим и вокруг него, есть что-то нелепое, безобразное, невозможное и противное его сознанию, чувствует, что положение это становится всё мучительнее и мучительнее и дошло уже до последней степени напряжения.

Не может этого быть: не может быть того, чтобы мы, люди нашего времени, с нашим вошедшим уже в нашу плоть и кровь христианским сознанием достоинства человека, равенства людей, с нашей потребностью мирного общения и единения народов, действительно жили бы так, чтобы всякая наша радость, всякое удобство оплачивалось бы страданиями, жизнями наших братий и чтобы мы при этом еще всякую минуту были бы на волоске от того, чтобы, как дикие звери, броситься друг на друга, народ на народ, безжалостно истребляя труды и жизни людей только потому, что какой-нибудь заблудший дипломат или правитель скажет или напишет какую-нибудь глупость другому такому же, как он, заблудшему дипломату или правителю.

Не может этого быть. А между тем всякий человек нашего времени видит, что это самое делается и это самое ожидает его. И положение становится всё мучительнее и мучительнее.

И как человек во сне не верит тому, чтобы то, что ему представляется действительностью, было бы точно действительностью, и хочет проснуться к другой, настоящей действительности, так точно и средний человек нашего времени не может в глубине души верить тому, чтобы то ужасное положение, в котором он находится и которое становится всё хуже и хуже, было бы действительностью, и хочет проснуться к настоящей действительности, к действительности уже живущего в нем сознания.

И как стоит человеку во сне только сделать усилие сознания и спросить себя: да не сон ли это? для того, чтобы мгновенно разрушилось казавшееся ему таким безнадежным положение и он проснулся бы к спокойной и радостной действительности, точно так же и современному человеку стоит только сделать усилие сознания, усомниться в действительности того, что ему представляет его собственное и окружающее его лицемерие, и спросить себя: да не обман ли это? чтобы он почувствовал себя

тотчас же перешедшим так же, как и проснувшийся человек, из воображаемого и страшного мира в настоящую, спокойную и радостную действительность.

И для этого человеку не нужно делать никаких подвигов и поступков, а нужно сделать только внутреннее усилие сознания.

5

Но может ли человек сделать это усилие?

По существующей и необходимой для лицемерия теории человек не свободен и не может изменить своей жизни.

«Человек не может изменить своей жизни, потому что он не свободен; не свободен же он потому, что все поступки его обусловлены предшествующими причинами. И что бы ни делал человек, существуют всегда те или другие причины, по которым человек совершил те или другие поступки, и потому человек не может быть свободен и изменять сам свою жизнь», — говорят защитники метафизики лицемерия. И они были бы совершенно правы, если бы человек был существо бессознательное и неподвижное по отношению истины, т. е., раз познав истину, всегда бы оставался на одной и той же степени познания ее. Но человек — существо сознательное и познающее всё большую и большую степень истины, и потому, если человек и не свободен в совершении тех или других поступков, потому что для каждого поступка существует причина, самые причины этих поступков, заключающиеся для сознательного человека в том, что он признает ту или другую истину достаточной причиной поступка, находятся во власти человека.

Так что человек, не свободный в совершении тех или других поступков, свободен в том, на основании чего совершаются поступки. Вроде того как машинист на паровозе, не свободный в том, чтобы изменить уже совершившееся или совершающееся движение паровоза, свободен в том, чтобы вперед определить его будущие движения.

Что бы ни делал сознательный человек, он поступает так, а не иначе, только потому, что он или теперь признает, что истина в том, что должно поступать так, как он поступает, или потому, что он когда-то прежде признал это, теперь же только по инерции, по привычке поступает так, как он это признал должным прежде.

В том или другом случае причиной его поступка было не известное явление, а признание известного положения истиной и вследствие того признание того или другого явления достаточной причиной поступка.

Ест ли человек, или воздерживается от пищи, работает или отдыхает, бежит опасности или подвергается ей, если он сознательный человек, он поступает так, как поступает, только потому, что теперь считает это должным, разумным: считает, что истина состоит в том, чтобы поступать так, а не иначе, или уже давно прежде считал это.

Признание же известной истины или непризнание ее зависит не от внешних, а от каких-то других причин, находящихся в самом человеке. Так что иногда при всех внешних, казалось бы, выгодных условиях для признания истины один человек не признает ее, и, напротив, другой при всех самых невыгодных к тому условиях без всяких видимых причин признает ее. Как это и сказано в Евангелии: «и никто не придет ко мне, если отец не привлечет его к себе» (Иоан. VI, 44), т. е. что признание истины, составляющее причину всех явлений жизни человеческой, не зависит от внешних явлений, а от каких-то внутренних свойств человека, не подлежащих его наблюдению.

И потому человек, не свободный в своих поступках, всегда чувствует себя свободным в том, что служит причиной его поступков, — в признании или непризнании истины. И чувствует себя свободным не только независимо от внешних, происходящих вне его событий, но даже и от своих поступков.

Так, человек, совершив под влиянием страсти поступок, противный сознанной истине, остается все-таки свободным в признании или непризнании ее, т. е. может, не признавая истину, считать свой поступок необходимым и оправдывать себя в совершении его, и может, признавая истину, считать свой поступок дурным и осуждать себя в нем.

Так, игрок или пьяница, не выдержавший соблазна и подпавший своей страсти, остается все-таки свободным признавать игру и пьянство или злом, или безразличной забавой. В первом случае он, если и не тотчас избавляется от своей страсти, тем больше освобождается от нее, чем искреннее он признает истину; во втором же он усиливает свою страсть и лишает себя всякой возможности освобождения.

Точно так же и человек, не выдержавший жара и, не спасши своего товарища, выбежавший из горящего дома, остается свободным (признавая истину о том, что человек с опасностью своей жизни должен служить чужим жизням) считать свой поступок дурным и потому осуждать себя за него; или (не признавая эту истину) считать свой поступок естественным, необходимым и оправдывать себя в нем. В первом случае — в том, когда он признает истину, несмотря на свое отступление от нее, он готовит себе целый ряд неизбежно имеющих вытечь из такого признания самоотверженных поступков; во втором случае готовит целый ряд противоположных первым эгоистических поступков.

Не то чтобы человек был свободен всегда признавать или не признавать всякую истину. Есть истины, давно уже признанные или самим человеком, или переданные ему воспитанием, преданием и принятые им на веру, следование которым стало для него привычкой, — второй природой, и есть истины, только неясно, вдалеке представляющиеся ему. Человек одинаково несвободен в непризнании первых и в признании вторых. Но есть третий род истин, таких, которые не стали еще для человека бессознательным мотивом деятельности, но вместе с тем уже с такою ясностью открылись ему, что он не может обойти их и неизбежно должен так или иначе отнестись к ним, признать или не признать их. По отношению этих-то истин и проявляется свобода человека.

Всякий человек в своей жизни находится по отношению к истине в положении путника, идущего в темноте при свете впереди двигающегося фонаря: он не видит того, что еще не освещено фонарем, не видит и того, что он прошел и что закрылось уже темнотою, и не властен изменить своего отношения ни к тому, ни к другому; но он видит, на каком бы месте пути он ни стоял, то, что освещено фонарем, и всегда властен выбрать ту или другую сторону дороги, по которой движется.

Для каждого человека есть всегда истины, не видимые ему, не открывшиеся еще его умственному взору, есть другие истины, уже пережитые, забытые и усвоенные им, и есть известные истины, при свете его разума восставшие перед ним и требующие своего признания. И вот в признании или непризнании этих-то истин и проявляется то, что мы сознаем своей свободой.

Вся трудность и кажущаяся неразрешимость вопроса о свободе человека происходит оттого, что люди, решающие этот вопрос, представляют себе человека неподвижным по отношению истины.

Человек несомненно несвободен, если мы представим себе его неподвижным, если мы забудем, что жизнь человека и человечества есть только постоянное движение от темноты к свету, от низшей степени истины к высшей, от истины, более смешанной с заблуждениями, к истине, более освобожденной от них.

Человек был бы несвободен, если бы он не знал никакой истины, и точно так же не был бы свободен и даже не имел бы понятия о свободе, если бы вся истина, долженствующая руководить его в жизни, раз навсегда, во всей чистоте своей, без примеси заблуждений была бы открыта ему.

Но человек не неподвижен относительно истины, а постоянно, по мере движения своего в жизни, каждый отдельный человек, так же как и всё человечество, познает всё большую и большую степень истины и всё больше и больше освобождается от заблуждений. И потому люди всегда находятся в трояком отношении к истине: одни истины так уже усвоены ими, что стали бессознательными причинами поступков, другие только начинают открываться им, и третьи, хотя и не усвоены еще ими, до такой степени ясности открыты им, что они неизбежно так или иначе должны отнестись к ним, должны признать или не признать их.

И вот в признании или непризнании этих-то истин и свободен человек.

Свобода человека не в том, что он может независимо от хода жизни и уже существующих и влияющих на него причин совершать произвольные поступки, а в том, что он может, признавая открывшуюся ему истину и исповедуя ее, сделаться свободным и радостным делателем вечного и бесконечного дела, совершаемого богом или жизнью мира, и может, не признавая эту истину, сделаться рабом ее и быть насильно и мучительно влекомым туда, куда он не хочет идти.

Истина не только указывает путь жизни человеческой, но открывает тот единственный путь, по которому может идти жизнь человеческая. И потому все люди неизбежно, свободно или не свободно пойдут по пути истины: одни — сами собою совершая предназначенное им дело жизни, другие — невольно подчиняясь закону жизни. Свобода человека в этом выборе.

Такая свобода, в таких узких пределах, кажется людям столь ничтожною, что они не замечают ее; одни (детерминисты) считают эту долю свободы столь малою, что вовсе не признают ее; другие, защитники полной свободы, имея в виду свою воображаемую свободу, пренебрегают этой кажущейся им ничтожной степенью свободы. Свобода, заключенная между пределами незнания истины и признания известной степени ее, кажется людям не свободою, тем более, что, хочет или не хочет человек признать открывшуюся ему истину, он неизбежно будет принужден к исполнению ее в жизни.

Лошадь, запряженная вместе с другими в воз, не свободна не идти впереди воза. И если она не везет, воз будет бить ее по ногам, и она пойдет туда же, куда пойдет воз, и будет невольно везти его. Но, несмотря на эту ограниченную свободу, она свободна сама везти воз или быть влекомой им. То же и с человеком.

Велика ли, невелика ли эта свобода в сравнении с той фантастической свободой, которую мы бы хотели иметь, свобода эта одна несомненно существует, и свобода эта есть свобода, и в этой свободе заключается благо, доступное человеку.

И мало того, что свобода эта дает благо людям, она же есть и единственное средство совершения того дела, которое делается жизнью мира.

По учению Христа человек, который видит смысл жизни в той области, в которой она несвободна, в области последствий, т. е. поступков, не имеет истинной жизни. Истинную жизнь, по христианскому учению, имеет только тот, кто перенес свою жизнь в ту область, в которой она свободна, — в область причин, т. е. познания и признания открывающейся истины, исповедания ее, и потому неизбежно следующего, — как воз за лошадью, исполнения ее.

Полагая жизнь свою в делах плотских, человек делает те дела, которые всегда находятся в зависимости от пространственных и временных, вне его находящихся причин. Он сам даже ничего не делает, ему только кажется, что делает он, но в действительности творятся все те дела, которые ему кажется, что он делает, через него высшею силою, и он не творец жизни, а раб ее; полагая же жизнь свою в признании и исповедании открывающейся ему истины, он, соединяясь с источником всеобщей жизни, совершает дела уже не личные, частные, зависящие

от условий пространства и времени, но дела, не имеющие причины и сами составляющие причины всего остального и имеющие бесконечное, ничем не ограниченное значение.

Пренебрегая сущностью истинной жизни, состоящей в признании и исповедании истины, и напрягая свои усилия для улучшения своей жизни на внешние поступки, люди языческого жизнепонимания подобны людям на пароходе, которые бы для того, чтобы дойти до цели, заглушили бы паровик, мешающий им разместить гребцов, и в бурю старались бы, вместо того чтобы идти готовым уже паром и винтом, грести не достающими до воды веслами.

Царство божие усилием берется, и только делающие усилие восхищают его, — и это-то усилие отречения от изменений внешних условий для признания и исповедания истины и есть то усилие, которым берется царство божие и которое должно и может быть сделано в наше время.

Стоит людям только понять это: перестать заботиться о делах внешних и общих, в которых они не свободны, а только одну сотую той энергии, которую они употребляют на внешние дела, употребить на то, в чем они свободны, на признание и исповедание той истины, которая стоит перед ними, на освобождение себя и людей от лжи и лицемерия, скрывавших истину, для того чтобы без усилий и борьбы тотчас же разрушился тот ложный строй жизни, который мучает людей и угрожает им еще худшими бедствиями, и осуществилось бы то царство божие или хоть та первая ступень его, к которой уже готовы люди по своему сознанию.

Как бывает достаточно одного толчка для того, чтобы вся насыщенная солью жидкость мгновенно перешла бы в кристаллы, так, может быть, теперь достаточно самого малого усилия для того, чтобы открытая уже людям истина охватила бы сотни, тысячи, миллионы людей, — установилось бы соответствующее сознанию общественное мнение, и вследствие установления его изменился бы весь строй существующей жизни. И сделать это усилие зависит от нас.

Только бы каждый из нас постарался понять и признать ту христианскую истину, которая в самых разнообразных видах со всех сторон окружает нас и просится нам в душу; только бы мы перестали лгать и притворяться, что мы не видим эту истину или желаем исполнять ее, но только не в том, чего она

прежде всего требует от нас; только бы мы признали эту истину, которая зовет нас, и смело исповедовали ее, и мы тотчас же увидали бы, что сотни, тысячи, миллионы людей находятся в том же положении, как и мы, так же, как и мы, видят истину и так же, как и мы, только ждут от других признания ее.

Только бы перестали люди лицемерить, и они тотчас же увидали бы, что тот жестокий строй жизни, который один связывает их и представляется им чем-то твердым, необходимым и священным, от бога установленным, уже весь колеблется и держится только той ложью лицемерия, которой мы вместе с подобными нам поддерживаем его.

Но если это так, если справедливо, что от нас зависит разрушить существующий строй жизни, имеем ли мы право разрушать его, не зная ясно того, что мы поставим на его место? Что будет с миром, если уничтожится существующий порядок вещей?

«Что будет там, за стенами оставляемого нами мира?» [1]

Страх берет — пустота, ширина, воля... Как идти, не зная куда, как терять, не видя приобретений!..

«Если бы Колумб так рассуждал, он никогда не снялся бы с якоря. Сумасшествие ехать по океану, не зная дороги, по океану, по которому никто не ездил, плыть в страну, существование которой — вопрос. Этим сумасшествием он открыл новый мир. Конечно, если бы народы переезжали из одного готового hotel garni в другой, еще лучший, — было бы легче, да беда в том, что некому заготовлять новых квартир. В будущем хуже, нежели в океане — ничего нет, — оно будет таким, каким его сделают обстоятельства и люди.

«Если вы довольны старым миром, — старайтесь его сохранить, он очень хил и надолго его не станет; но если вам невыносимо жить в вечном раздоре убеждений с жизнью, думать одно и делать другое, выходите из-под выбеленных средневековых сводов на свой страх. Я очень знаю, что это нелегко. Шутка ли расстаться со всем, к чему человек привык со дня рождения, с чем вместе рос и вырос. Люди готовы на страшные жертвы, но не на те, которые от них требует новая жизнь. Готовы ли они пожертвовать современной цивилизацией, образом жизни, религией, принятой условной нравственностью? Готовы ли они

---

[1] Слова Герцена.

лишиться всех плодов, выработанных с такими усилиями, плодов, которыми мы хвастаемся три столетия, лишиться всех удобств и прелестей нашего существования, предпочесть дикую юность образованной дряхлости, сломать свой наследственный замок из одного удовольствия участвовать в закладке нового дома, который построится, без сомнения, гораздо лучше после нас?» (Герцен, т. V, стр. 55).

Так говорил почти полстолетия тому назад русский писатель, своим проницательным умом уже тогда ясно видевший то, что видит теперь уже всякий самый мало размышляющий человек нашего времени: невозможность продолжения жизни на прежних основах и необходимость установления каких-то новых форм жизни.

С самой простой, низменной, мирской точки зрения уже ясно, что безумно оставаться под сводом не выдерживающего своей тяжести здания и надо выходить из него. И действительно, трудно придумать положение, которое было бы бедственнее того, в котором находится теперь христианский мир с своими вооруженными друг против друга народами, с своими постоянно неудержимо возрастающими для поддержания всё растущих этих вооружений податями, со всё разгорающейся ненавистью рабочего сословия к богатому, с висящим надо всеми дамокловым мечом войны, всякую секунду готовым и необходимо долженствующим рано или поздно оборваться.

Едва ли какая-либо революция может быть бедственнее для большой массы народа постоянно существующего порядка или скорее беспорядка нашей жизни с своими обычными жертвами неестественной работы, нищеты, пьянства, разврата и со всеми ужасами предстоящей войны, имеющей поглотить в один год больше жертв, чем все революции нынешнего столетия.

Что будет с нами, со всем человечеством, если каждый из нас исполнит то, что требует от него бог через вложенную в него совесть? Не будет ли беды оттого, что, находясь весь во власти хозяина, я в устроенном и руководимом им заведении исполню то, что он мне велит делать, но что мне, не знающему конечных целей хозяина, кажется странным?

Но даже не этот вопрос: «что будет?» тревожит людей, когда они медлят исполнить волю хозяина, их тревожит вопрос, как жить без тех привычных нам условий нашей жизни, которые мы называем наукой, искусством, цивилизацией, культурой. Мы

чувствуем для себя лично всю тяжесть настоящей жизни, мы видим и то, что порядок жизни этой, если будет продолжаться, неизбежно погубит нас, но вместе с тем мы хотим, чтобы условия этой нашей жизни, выросшие из нее: наши науки, искусства, цивилизации, культуры при изменении нашей жизни остались бы целы. Вроде того, как если бы человек, живущий в старом доме, страдающий от холода и неудобств этого дома и знающий кроме того то, что дом этот вот-вот завалится, согласился бы на перестройку его только с тем, чтобы не выходить из него: условие, равняющееся отказу от перестройки дома. «А что, как я выйду из дома, лишусь на время всех удобств, а новый дом не построится или построится иначе и в нем не будет того, к чему я привык?»

Но ведь когда есть материал, его строители, то все вероятия за то, что новый дом построится лучше прежнего, а вместе с тем есть не только вероятие, но несомненность того, что старый дом завалится и задавит тех, которые останутся в нем. Удержатся ли прежние, привычные условия жизни, уничтожатся ли они, возникнут ли совсем новые, лучшие, нужно неизбежно выходить из старых, ставших невозможными и губительными, условий нашей жизни и идти навстречу будущего.

«Исчезнут науки, искусства, цивилизации, культуры!»

Да ведь всё это суть только различные проявления истины — предстоящее же изменение совершается только во имя приближения к истине и осуществления ее. Так как же могут исчезнуть проявления истины вследствие осуществления ее? Они будут иные, лучшие и высшие, но никак не уничтожатся. Уничтожится в них то, что было ложно; то же, что было от истины, то только более процветет и усилится.

6

Одумайтесь, люди, и веруйте в Евангелие, в учение о благе. Если не одумаетесь, все так же погибнете, как погибли люди, убитые Пилатом, как погибли те, которых задавила башня Силоамская, как погибли миллионы и миллионы людей, убивавших и убитых, казнивших и казненных, мучащих и мучимых, и как глупо погиб тот человек, засыпавший житницы и сбиравшийся долго жить и умерший в ту же ночь, с которой он хотел начинать жизнь. «Одумайтесь, люди, и веруйте в Евангелие», —

говорил Христос 1800 лет тому назад и говорит еще с большей убедительностью теперь, — предсказанною им и совершившеюся теперь бедственностью и неразумностью нашей жизни, дошедшей теперь до последних пределов бедственности и неразумия.

Ведь теперь, после стольких веков тщетных стараний языческим устройством насилия обеспечить нашу жизнь, казалось бы, не может не быть очевидным для всякого, что все направленные к этой цели усилия вносят только новые опасности в жизнь и личную и общественную, но никак не обеспечивают ее.

Ведь, как бы мы ни назывались, какие бы мы ни надевали на себя наряды, чем бы и при каких священниках ни мазали себя, сколько бы ни имели миллионов, сколько бы охраны ни стояло по нашему пути, сколько бы полицейских ни ограждали наше богатство, сколько бы мы ни казнили так называемых злодеев-революционеров и анархистов, какие бы мы сами ни совершали подвиги, какие бы ни основывали государства и ни воздвигали крепости и башни от Вавилонской до Эйфелевой, — перед всеми нами всегда стоят два неотвратимые условия нашей жизни, уничтожающие весь смысл ее: 1) смерть, всякую минуту могущая постигнуть каждого из нас, и 2) непрочность всех совершаемых нами дел, очень быстро, бесследно уничтожающихся. Что бы мы ни делали: основывали государства, строили дворцы и памятники, сочиняли поэмы и песни, — всё это не надолго и всё проходит, не оставляя следа. И потому, как бы мы ни скрывали это от себя, мы не можем не видеть, что смысл жизни нашей не может быть ни в нашем личном плотском существовании, подверженном неотвратимым страданиям и неизбежной смерти, ни в каком-либо мирском учреждении или устройстве.

Кто бы ты ни был, читающий эти строки, подумай о твоем положении и о твоих обязанностях, — не о том положении землевладельца, купца, судьи, императора, президента, министра, священника, солдата, которое временно приписывают тебе люди, и не о тех воображаемых обязанностях, которые на тебя налагают эти положения, а о твоем настоящем, вечном положении существа, по чьей-то воле после целой вечности несуществования вышедшего из бессознательности и всякую минуту по чьей-то воле могущего возвратиться туда, откуда ты вышел. Подумай о твоих обязанностях: не о тех воображаемых обязанностях твоих землевладельца к своему имению, купца к капиталу, императора, министра, чиновника к государству, а о тех на-

стоящих твоих обязанностях, которые вытекают из твоего настоящего положения существа, вызванного к жизни и одаренного разумом и любовью. То ли ты делаешь, что требует от тебя тот, кто послал тебя в мир и к которому ты очень скоро вернешься? То ли ты делаешь, что он хочет от тебя? То ли ты делаешь, когда, будучи землевладельцем, фабрикантом, ты отбираешь произведения труда бедных, строя свою жизнь на этом ограблении, или, будучи правителем, судьей, насилуешь, приговариваешь людей к казням, или, будучи военным, готовишься к войнам, воюешь, грабишь, убиваешь?

Ты говоришь, что так устроен мир, что это неизбежно, что ты не по своей воле делаешь это, но принужден к этому. — Но разве это может быть, чтобы в тебя заложено было с такой силой отвращение к страданиям людей, к истязаниям, к убийству их, чтобы в тебя вложена была такая потребность любви к людям и еще более сильная потребность любви от них, чтобы ты ясно видел, что только при признании равенства всех людей, при служении их друг другу возможно осуществление наибольшего блага, доступного людям, чтобы то же самое говорили тебе твое сердце, твой разум, исповедуемая тобой вера, чтобы это самое говорила наука и чтобы, несмотря на это, ты бы был по каким-то очень туманным, сложным рассуждениям принужден делать всё прямо противоположное этому; чтобы ты, будучи землевладельцем или капиталистом, должен был на угнетении народа строить всю свою жизнь, или чтобы, будучи императором или президентом, был принужден командовать войсками, т. е. быть начальником и руководителем убийц, или чтобы, будучи правительственным чиновником, был принужден насильно отнимать у бедных людей их кровные деньги для того, чтобы пользоваться ими и раздавать их богатым, или, будучи судьей, присяжным, был бы принужден приговаривать заблудших людей к истязаниям и к смерти за то, что им не открыли истины, или — главное, на чем зиждется всё зло мира, — чтобы ты, всякий молодой мужчина, должен был идти в военные и, отрекаясь от своей воли и от всех человеческих чувств, обещаться по воле чуждых тебе людей убивать всех тех, кого они тебе прикажут?

Не может этого быть.

Если и говорят тебе люди, что всё это необходимо для поддержания существующего строя жизни, а что существующий

строй с своей нищетой, голодом, тюрьмами, казнями, войсками, войнами необходим для общества, что если бы этот строй нарушился, то наступят худшие бедствия, то ведь это говорят только те, которым выгоден этот строй жизни, все же те, их в 10 раз больше, которые страдают от этого строя жизни, все думают и говорят обратное. И ты сам в глубине души знаешь, что это неправда, что существующий строй жизни отжил свое время и неизбежно должен быть перестроен на новых началах и что потому нет никакой нужды, жертвуя человеческими чувствами, поддерживать его.

Главное же то, что если бы и допустить, что существующий строй необходим, почему ты именно чувствуешь себя обязанным, попирая все лучшие человеческие чувства, поддерживать его? Кто тебя приставил нянькой этого разрушающегося строя? Ни общество, ни государство, ни все люди никогда не просили тебя о том, чтобы ты поддерживал этот строй, занимая то место землевладельца, купца, императора, священника, солдата, которое ты занимаешь; и ты знаешь очень хорошо, что ты занял, принял свое положение вовсе не с самоотверженною целью поддерживать необходимый для блага людей порядок жизни, а для себя: для своей корысти, славолюбия, честолюбия, своей лени, трусости. Если бы ты не желал этого положения, ты не делал бы всего того, что постоянно нужно делать, чтобы удерживать твое положение. Попробуй только перестать делать те сложные, жестокие, коварные и подлые дела, которые ты, не переставая, делаешь, чтобы удерживать свое положение, и ты сейчас же лишишься его. Попробуй только перестать, будучи правителем или чиновником, лгать, подличать, участвовать в насилиях, казнях; будучи священником, перестать обманывать; будучи военным, перестать убивать; будучи землевладельцем, фабрикантом, перестать защищать свою собственность судами и насилиями, и ты тотчас лишишься того положения, которое, ты говоришь, навязано тебе и которым ты будто бы тяготишься.

Не может быть того, чтобы человек был поставлен против своей воли в положение, противное его сознанию.

Если ты находишься в этом положении, то не потому, что это необходимо для кого-то, а только потому, что ты этого хочешь. И потому, зная, что это положение прямо противно и твоему сердцу, и твоему разуму, и твоей вере, и даже науке, в которую

ты веришь, нельзя не задуматься над вопросом о том, то ли ты делаешь, что тебе должно делать, если остаешься в этом положении и, главное, стараешься оправдать его?

Ведь можно бы было рисковать ошибиться, если бы ты имел время увидать и поправить свою ошибку и если бы то, во имя чего ты так рискуешь, имело бы какую-нибудь важность. Но когда ты знаешь наверное, что ты всякую секунду можешь исчезнуть без малейшей возможности ни для себя, ни для тех, кого ты вовлечешь в свою ошибку, поправить ее, и знаешь, кроме того, что что бы ты ни сделал во внешнем устройстве мира, всё это очень скоро и так же наверно, как и ты сам, исчезнет, не оставив следа, то очевидно, что не из-за чего тебе рисковать такой страшной ошибкой.

Ведь это так просто и ясно, если бы только мы лицемерием не затемняли себе несомненно открытую нам истину.

«Делись тем, что у тебя есть, с другими, не собирай богатств, не величайся, не грабь, не мучай, не убивай никого, не делай другому того, чего не хочешь, чтобы тебе делали», — сказано не 1800, а 5000 лет тому назад, и сомнения в истине этого закона не могло бы быть, если бы не было лицемерия: нельзя бы было, если не делать этого, то по крайней мере не признавать, что это всегда нужно делать и что тот, кто не делает этого, делает дурно.

Но ты говоришь, что есть еще общее благо, для которого можно и должно отступить от этих правил: для общего блага можно убивать, истязать, грабить. Лучше погибнуть одному человеку, чем всему народу, говоришь ты, как Каиафа, и подписываешь одному, и другому, и третьему человеку смертный приговор, заряжаешь ружье на этого долженствующего для блага общего погибнуть человека, сажаешь его в тюрьму, отбираешь у него его имущество. Ты говоришь, что ты делаешь эти жестокие дела потому, что ты чувствуешь себя человеком общества, государства, обязанным служить ему и исполнять его законы, землевладельцем, судьей, императором, военным. Но ведь, кроме твоей принадлежности к известному государству и вытекающих из того обязанностей, у тебя есть еще принадлежность к бесконечной жизни мира и к богу и вытекающие из этой принадлежности обязанности.

И как твои обязанности, вытекающие из твоей принадлежности к известной семье, обществу, всегда подчиняются высшим

обязанностям, вытекающим из принадлежности к государству, так и твои обязанности, вытекающие из твоей принадлежности к государству, необходимо должны быть подчинены обязанностям, вытекающим из твоей принадлежности к жизни мира, к богу.

И как неразумно было бы срубить телеграфные столбы для того, чтобы обеспечить отопление семейства или общества и увеличить благосостояние его, потому что это нарушит законы, соблюдающие благо государства, точно так же неразумно, для того чтобы обеспечить государство и увеличить благосостояние его, истязать, казнить, убить человека, потому что это нарушает несомненные законы, соблюдающие благо мира.

Обязанности твои, вытекающие из твоей принадлежности к государству, не могут не быть подчинены высшей вечной обязанности, вытекающей из твоей принадлежности к бесконечной жизни мира или к богу, и не могут противоречить им, как это и сказали 1800 лет тому назад ученики Христа (Деян. Ап. IV, 19): «Судите, справедливо ли слушать вас более, чем бога» и (V, 29) «Должно повиноваться больше богу, нежели человекам».

Тебя уверяют, что для того, чтобы не нарушился вчера устроенный несколькими людьми в известном уголке мира постоянно изменяющийся порядок, ты должен совершать поступки истязаний, мучений, убийств отдельных людей, нарушающие вечный, установленный богом или разумом неизменный порядок мира. Разве может это быть?

И потому не можешь ты не задуматься над твоим положением землевладельца, купца, судьи, императора, президента, министра, священника, солдата — связанным с угнетениями, насилиями, обманами, истязаниями и убийствами, и не признать незаконности их.

Я не говорю, что, если ты землевладелец, чтобы ты сейчас же отдал свою землю бедным, если капиталист, сейчас бы отдал свои деньги, фабрику рабочим, если царь, министр, служащий, судья, генерал, то чтобы ты тотчас отказался от своего выгодного положения, если солдат (т. е. занимаешь то положение, на котором стоят все насилия), то, несмотря на все опасности отказа в повиновении, тотчас бы отказался от своего положения.

Если ты сделаешь это, ты сделаешь самое лучшее, но может случиться — и самое вероятное — то, что ты не в силах будешь сделать этого: у тебя связи, семья, подчиненные, начальники,

ты можешь быть под таким сильным влиянием соблазнов, что будешь не в силах сделать это, — но признать истину истиной и не лгать ты всегда можешь. Не утверждать того, что ты остаешься землевладельцем, фабрикантом, купцом, художником, писателем потому, что это полезно для людей, что ты служишь губернатором, прокурором, царем не потому, что тебе это приятно, привычно, а для блага людей; что ты продолжаешь быть солдатом не потому, что боишься наказания, а потому, что считаешь войско необходимым для обеспечения жизни людей; не лгать так перед собой и людьми ты всегда можешь, и не только можешь, но и должен, потому что в этом одном, в освобождении себя от лжи и исповедании истины состоит единственное благо твоей жизни.

И стоит тебе только сделать это и само собой неизбежно изменится и твое положение.

Одно, только одно дело, в котором ты свободен и всемогущ, дано тебе в жизни, все остальные вне твоей власти. Дело это в том, чтобы познавать истину и исповедовать ее.

И вдруг, оттого что такие же, как и ты, жалкие, заблудшие люди уверили тебя, что ты солдат, император, землевладелец, богач, священник, генерал, — ты начинаешь делать очевидно, несомненно противное твоему разуму и сердцу зло: начинаешь истязать, грабить, убивать людей, строить свою жизнь на страданиях их и, главное, — вместо того, чтобы исполнять единственное дело твоей жизни — признавать и исповедовать известную тебе истину, — ты, старательно притворяясь, что не знаешь ее, скрываешь ее от себя и других, делая этим прямо противоположное тому единственному делу, к которому ты призван.

И в каких условиях ты делаешь это? Ты, всякую минуту могущий умереть, подписываешь смертный приговор, объявляешь войну, идешь на войну, судишь, мучаешь, обираешь рабочих, роскошествуешь среди нищих и научаешь слабых и верящих тебе людей тому, что это так и должно быть и что в этом обязанность людей, рискуя тем, что в тот самый момент, как ты сделал это, залетит в тебя бактерия или пуля, и ты захрипишь и умрешь и навеки лишишься возможности исправить, изменить то зло, которое ты сделал другим и, главное, себе, погубив задаром один раз в целой вечности данную тебе жизнь, не сделав в ней то одно, что ты несомненно должен был сделать.

Ведь, как это ни просто, и как ни старо, и как бы мы ни одуряли себя лицемерием и вытекающим из него самовнушением, ничто не может разрушить несомненности той простой и ясной истины, что никакие внешние усилия не могут обеспечить нашей жизни, неизбежно связанной с неотвратимыми страданиями и кончающейся еще более неотвратимой смертью, могущей наступить для каждого из нас всякую минуту, и что потому жизнь наша не может иметь никакого другого смысла, как только исполнение всякую минуту того, что хочет от нас сила, пославшая нас в жизнь и давшая нам в этой жизни одного несомненного руководителя: наше разумное сознание.

И потому сила эта не может хотеть от нас того, что неразумно и невозможно: устроения нашей временной, плотской жизни, жизни общества или государства. Сила эта требует от нас того, что одно несомненно, и разумно, и возможно: служения царствию божию, т. е. содействия установлению наибольшего единения всего живущего, возможного только в истине, и потому признания открывшейся нам истины и исповедания ее, того самого, что одно всегда в нашей власти.

«Ищите царствия божия и правды его, а остальное приложится вам». Единственный смысл жизни человека состоит в служении миру содействием установлению царства божия. Служение же это может совершиться только через признание истины и исповедание ее каждым отдельным человеком.

«И не придет царствие божие приметным образом, и не скажут: вот оно здесь или вот оно там. Ибо вот: царствие божие внутрь вас есть».

ОГЛАВЛЕНИЕ

I. УЧЕНИЕ О НЕПРОТИВЛЕНИИ ЗЛУ НАСИЛИЕМ С САМОГО ОСНОВАНИЯ ХРИСТИАНСТВА ИСПОВЕДОВАЛОСЬ И ИСПОВЕДУЕТСЯ МЕНЬШИНСТВОМ ЛЮДЕЙ

О книге «В чем моя вера?». Сведения, вызванные этой книгой. Письма квакеров. Провозглашение Гаррисона. Адин Баллу, его сочинения и катехизис. «Сеть веры» Хельчицкого. Отношение людей к сочинениям, разъясняющим учение Христа. Книга «О войне» Даймонда. Книга «Утверждение непротивления» Мосера. Отношение правительства к людям, в 1818 г. отказавшимся от военной службы. Вообще враждебное отношение правительств и либеральных людей к людям, отказывающимся от участия в государственных насилиях, и их сознательное стремление замолчать и скрыть эти проявления христианского непротивления.

II. СУЖДЕНИЯ О НЕПРОТИВЛЕНИИ ЗЛУ НАСИЛИЕМ ЛЮДЕЙ ВЕРУЮЩИХ И НЕВЕРУЮЩИХ

Судьба книги «В чем моя вера?». Уклончивость ответов религиозных критик на вопросы, поставленные в этой книге. 1-й ответ: насилие не противоречит христианству. 2-й ответ: необходимость насилия для обуздания злодеев. 3-й ответ: обязательность насилия для защиты ближнего. 4-й ответ: признание нарушения заповеди о непротивлении за простую слабость. 5-й ответ: уклонение от ответа деланием вида, что вопрос этот уже давно решен. Эта ложь и прикрытие себя авторитетом церкви, древности и святости есть единственный выход для людей религиозных из противоречия насилия и христианства

как в теории, так и в жизни. Обычное отношение духовенства и властей к исповеданию истинного христианства. Общий характер русских светских критик. Иностранные светские критики. Неверность суждений тех и других критик происходит от непонимания истинного значения учения Христа.

III. НЕПОНИМАНИЕ ХРИСТИАНСТВА ЛЮДЬМИ ВЕРУЮЩИМИ

Смысл христианского учения, ясный для меньшинства, сделался совершенно непонятным для большинства людей. Причина этого — ложное понимание христианства и ложная уверенность как людей верующих, так и неверующих, что они его понимают. Понимание христианства для людей верующих скрывается церковью. Появление христианского учения. Сущность его и отличие от языческих учений. Христианство, не вполне понятое сначала, всё больше и больше уяснялось для людей, принявших его, благодаря соответствию его с истиной. Одновременно с этим возникло утверждение понимания истинного смысла учения, подтверждаемое чудесностью его передачи. Собор учеников по Деяниям. Авторитетное и чудесное утверждение истинности понимания учения Христа логически дошло до признания символа веры и церкви. Церковь не могла быть основана Христом. Определения церкви по катехизисам. Церквей всегда несколько и всегда враждебных одна другой. Что такое ересь. Сочинение Г. Арнольда о ересях. Ереси есть проявления движения в церквах. Церкви разъединяют людей и всегда враждебны христианству. В чем состоит деятельность русской церкви. Мф. XXIII, 23. Нагорная проповедь или символ веры. Православная церковь скрывает от народа истинное понимание христианства. То же делают и другие церкви. Все современные внешние условия таковы, что разрушают учение церкви, и потому церкви употребляют все усилия для того, чтобы поддержать свое учение.

IV. НЕПОНИМАНИЕ ХРИСТИАНСТВА ЛЮДЬМИ НАУЧНЫМИ

Отношение людей науки к религиям вообще. Что такое религии и их значение для жизни человечества. Три понимания жизни. Христианское учение есть выражение божеского жизне-

понимания. Непонимание христианства людьми науки, изучающими его внешние проявления, происходит оттого, что они рассматривают его с точки зрения общественного жизнепонимания. Вытекающее из этого непонимания мнение, что учение Христа преувеличено и неисполнимо. Выражение божеского жизнепонимания в Евангелии. Ложное суждение людей науки о христианстве происходит от их уверенности в обладании непогрешимым орудием познания. Отсюда вытекают два недоразумения относительно христианского учения. 1-е недоразумение о неисполнимости учения происходит оттого, что христианское учение дает иное руководство жизнью, чем дает общественное учение. Христианство дает не правило, но идеал. Христос к силе животной прикладывает сознание силы божеской. Христианство кажется исключающим возможность жизни только тогда, когда указание идеала принимается за правило. Идеал нельзя принижать. Жизнь, по учению Христа, есть движение. Идеал и заповеди. 2-е недоразумение о замене любви к богу и служения ему любовью и служением человечеству. Люди науки предполагают, что их учение о служении человечеству и христианство — одно и то же. Учение о любви к человечеству имеет в основе общественное жизнепонимание. Любовь к человечеству, логически вытекая из любви к личности, не имеет смысла, потому что человечество — фикция; христианская любовь, вытекая из любви к богу, имеет своим предметом не только человечество, но весь мир. Христианство учит жить согласно своей божественной природе. Оно указывает, что сущность души человека есть любовь и что благо его получается от любви его к богу, которого он сознает в себе любовью.

V. ПРОТИВОРЕЧИЯ НАШЕЙ ЖИЗНИ С НАШИМ ХРИСТИАНСКИМ СОЗНАНИЕМ

Люди считают, что можно принять христианство, не изменяя своей жизни. Языческое жизнепонимание не соответствует уже тому возрасту, в котором находится человечество и которому может удовлетворить только христианское жизнепонимание. Христианское жизнепонимание не понято еще людьми, но сама жизнь приводит к необходимости принятия его. Требования нового жизнепонимания всегда кажутся непонятными, мистическими и сверхъестественными. Таковы для большинства

людей и требования христианского жизнепонимания. Усвоение христианского жизнепонимания неизбежно совершится вследствие и материальных и духовных причин. Вследствие того, что люди, зная требования высшего жизнепонимания, продолжают держаться низших форм жизни, возникают противоречия и страдания, отравляющие жизнь и требующие ее изменения. Противоречия нашей жизни. Противоречие экономическое и страдания, из него вытекающие, и для рабочих и для богатых людей. Противоречие государственное и страдания, вытекающие из повиновения государственным законам. Противоречие международное и сознание его современниками: Комаровский, Ферри, Бут, Passy, Lawson, Wilson, Bartlett, Defourny, Монета. Резкость противоречия военного.

VI. ОТНОШЕНИЕ ЛЮДЕЙ НАШЕГО МИРА К ВОЙНЕ

Люди не стараются уничтожить противоречие между жизнью и сознанием изменением жизни, а образованные, передовые из них употребляют все силы для того, чтобы скрыть требования сознания и оправдать свою жизнь, и этим влекут общество к состоянию даже не языческому, а к состоянию первобытной дикости. Неопределенность отношения передовых людей нашего времени к войне, к всеобщему вооружению и к воинской повинности. Отношение *одних* — как к случайному политическому явлению, поправимому одними внешними мерами. Конгресс мира. Статья в «Revue des Revues». Предложение M. de Camp. Значение третейских судов и разоружения. Отношение правительств к людям этого разряда и делам, которыми они занимаются. Отношение *других* — как к жестокому, но неизбежному явлению. Мопассан. Эд. Род. Отношение *третьих* — как к необходимому, даже полезному делу. Дусэ. Кларети. Золя. Вогюэ.

VII. ЗНАЧЕНИЕ ОБЩЕЙ ВОИНСКОЙ ПОВИННОСТИ

Общая воинская повинность не есть политическая случайность, а есть последний предел противоречия, заключавшегося в общественном жизнепонимании. Возникновение власти в обществе. Основа власти есть телесное насилие. Для возможности

совершения насилия властью ей необходима организация вооруженных людей — войско. Возникновение в обществе власти, т. е. насилия, есть начало, разлагающее общественное жизнепонимание. Отношение власти и масс, отношение правительств и рабочих, т. е. покоренных людей. Правительства стараются держать рабочих в убеждении о необходимости государственного насилия для безопасности от внешних врагов. Но войско нужно, главным образом, для обороны себя от своих подданных, подавленных рабочих. Речь Каприви. Все преимущества правящих классов обеспечиваются насилием. Возрастание войск до всеобщей воинской повинности. Общая воинская повинность разрушает все те выгоды общественной жизни, которые призвано хранить государство. Общая воинская повинность есть последний предел повиновения, так как она во имя государства требует отречения от всего, что может быть дорого человеку. Нужно ли государство? Жертвы, требуемые им от граждан через общую воинскую повинность, не имеют уже никаких оснований. И человеку выгоднее не подчиняться требованиям государства, чем подчиняться им.

VIII. НЕИЗБЕЖНОСТЬ ПРИНЯТИЯ ХРИСТИАНСКОГО УЧЕНИЯ О НЕПРОТИВЛЕНИИ ЗЛУ НАСИЛИЕМ ЛЮДЬМИ НАШЕГО МИРА

Христианство не есть законодательство, а новое понимание жизни, и потому оно не было обязательно и не было принято всеми людьми во всем его значении, а лишь немногими, остальные же приняли его в извращенном виде. Христианство, кроме того, есть пророчество о погибельности языческой жизни и потому необходимости принятия христианского учения. Непротивление злу насилием есть одна из сторон христианского учения, которая в наше время неизбежно должна быть принята людьми. Два способа разрешения всякой борьбы. Первый способ состоит в том, чтобы найти общие определения зла, обязательные для всех, и бороться с этим злом насилием. Второй способ — христианский — состоит в том, чтобы вовсе не бороться со злом насилием. Хотя безуспешность первого способа уже сознавалась в первые века христианства, но он продолжал прилагаться, и только по мере движения человечества становилось всё очевиднее, что общего определения зла нет и не может быть. Теперь же это очевидно для всех, и если существует насилие, пред-

назначенное для борьбы со злом, то не потому, что оно продолжает считаться нужным, а потому, что люди не умеют от него избавиться. Трудность избавления зависит от хитрости и сложности государственного насилия. Насилие это поддерживается 4-мя средствами: устрашением, подкупом, гипнотизацией и применением военной силы. Избавление от государственного насилия не может произойти вследствие свержения государственной власти. Люди бедственностью языческой жизни приведены к необходимости признания обойденного ими учения Христа с его непротивлением злу. К той же необходимости принятия христианского учения приводит и сознание его истинности, распространенное в нашем мире. Сознание это находится в полном противоречии с нашей жизнью, что особенно очевидно на общей воинской повинности, но люди, вследствие привычки и воздействия 4-х средств государственного насилия, не видят этого противоречия христианства с обязанностями солдата. Люди не видят этого даже и тогда, когда им с полной очевидностью сами власти представляют всю безнравственность обязанностей солдата. Призыв к воинской повинности — есть крайнее испытание для каждого человека, предложение выбора между принятием христианского учения непротивления или рабской покорности существующему государственному устройству. Люди обыкновенно, отрекаясь от всего святого, покоряются требованиям государственного устройства и как будто не видят иного выхода. Для людей языческого жизнепонимания и нет иного выхода и не будет, несмотря на все еще более ужасные бедствия войны. Общество из таких людей должно погибнуть, и никакие общественные переустройства не спасут его. Языческая жизнь дошла до последних пределов — она уничтожает самую себя.

IX. ПРИНЯТИЕ ХРИСТИАНСКОГО ЖИЗНЕПОНИМАНИЯ ОСВОБОЖДАЕТ ЛЮДЕЙ ОТ БЕДСТВЕННОСТИ НАШЕЙ ЯЗЫЧЕСКОЙ ЖИЗНИ

Внешняя жизнь христианских народов остается языческою, но они уже проникнуты христианским сознанием. Выход из этого противоречия в принятии христианского жизнепонимания. В нем только каждый человек свободен, и оно только освобождает его от всякой человеческой власти. Освобождение это совершается не изменением внешних условий, а только измене-

нием понимания своей жизни. Христианское жизнепонимание требует отречения от насилия и, освобождая человека, принявшего его, освобождает и мир от всякой внешней власти. Выход из теперешнего, кажущегося безвыходным, положения в том, чтобы каждый человек, способный усвоить христианское жизнепонимание, принял его и жил сообразно с ним. Но люди считают этот путь слишком медленным и видят спасение во внешних изменениях жизни при участии государственной власти. Это ни к чему не приведет, потому что люди сами производят то зло, от которого страдают. Это особенно очевидно на покорном исполнении воинской повинности, от которой выгоднее всякому отказаться, чем покориться. Освобождение людей произойдет только через освобождение себя каждым отдельным человеком, и проявляющиеся уже случаи такого освобождения угрожают разрушением государственного устройства. Отречение людей от нехристианских требований правительств подрывает власть правительств и освобождает людей. И потому случаи такого отречения страшнее для государственной власти, чем всякие заговоры и насилия. Отказы в России от присяги, уплаты податей, от паспортов, от полицейских должностей, от участия в суде, от воинской повинности. Подробности одного из отказов от воинской повинности. Случаи таких отказов в других государствах. Правительства не знают, что делать с людьми, отказывающимися на основании христианского учения от их требований, обличающими их и обходящимися без них. Люди эти, не борясь, изнутри разрушают основы правительств. Наказывать таких людей значит самим отречься от христианства и способствовать распространению того самого сознания, во имя которого совершаются эти отказы. Поэтому положение правительств отчаянное, и люди, проповедующие бесполезность личного освобождения, только задерживают разрушение существующего насильнического государственного устройства.

X. БЕСПОЛЕЗНОСТЬ ГОСУДАРСТВЕННОГО НАСИЛИЯ ДЛЯ УНИЧТОЖЕНИЯ ЗЛА. НРАВСТВЕННОЕ ДВИЖЕНИЕ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА СОВЕРШАЕТСЯ НЕ ТОЛЬКО ЧЕРЕЗ ПОЗНАНИЕ ИСТИНЫ, НО И ЧЕРЕЗ УСТАНОВЛЕНИЕ ОБЩЕСТВЕННОГО МНЕНИЯ

Христианство разрушает государство. Но что нужнее: принятие христианства или существование государства? Есть люди, защищающие необходимость, и есть люди, отрицающие на одно-

родных с первыми основаниях необходимость государственного устройства. Отвлеченными рассуждениями нельзя доказать ни того, ни другого. Вопрос этот решает степень сознания человека, запрещающая или дозволяющая ему участвовать в государственном устройстве. Сознание бесполезности и безнравственности участия в государственном устройстве, противоречащем христианским требованиям, решает для каждого этот вопрос, несмотря на участь государства. Довод защитников государства, как формы общественной жизни, необходимой для защиты добрых от злых до тех пор, пока не все народы и не все члены государства стали христианами. Властвуют, т. е. обладают насилием, всегда наиболее злые. Вся история есть история захватывания власти более злыми над более добрыми. Признание властями необходимости борьбы насилием со злом равносильно уничтожению самих себя. Уничтожение государственного насилия не может увеличить количества насилия. Уничтожение насилия не только возможно, но оно совершается на наших глазах. Но уничтожается оно не государственным насилием, а тем, что люди, насилием достигая власти и познавая тщету ее и плодов ее, становятся более добрыми и неспособными употреблять насилие. Через этот процесс проходят отдельные люди и целые народы. Этим путем христианство проникает в сознание людей и не только несмотря на употребляемое властью насилие, но посредством него, и потому упразднение власти не только не опасно, но совершается постоянно самою жизнью. Возражение защитников государственного устройства, что распространение христианства едва ли когда-нибудь случится. Распространение христианских истин, отрицающих насилие, совершается не только одним внутренним постепенным путем познания истины пророческим чувством и сознания тщеты власти и отречения отдельных людей от нее, но и другим, внешним путем, при котором сразу большие массы людей, низших по развитию, по одному доверию к первым принимают новую истину. Известная степень распространения истины создает общественное мнение, которое заставляет сразу признать новую истину большую массу людей, которая раньше противилась этой истине. И потому отречение от насилия всех людей может совершиться очень скоро, именно тогда, когда установится христианское общественное мнение. Признание необходимости насилия мешает установлению христианского общественного

мнения и извращает его. Насилие заставляет людей не верить той духовной силе, которая одна движет людьми. Ни народы, ни отдельные люди не покорялись насилием, а покорялись только общественным мнением, которому не может противодействовать никакое насилие. Покорить дикие народы и диких людей можно только распространением между ними христианского общественного мнения, христианские же народы для этого покорения делают всё, что только может разрушать устанавливающееся христианское общественное мнение. Нельзя эти неудачные опыты приводить в доказательство невозможности покорения людей христианством. Насилие, извращая общественное мнение, только мешает общественному устройству быть тем, чем оно должно быть, и при устранении насилия христианское общественное мнение получит распространение. Что бы ни было при устранении насилия, это неизвестное будущее не может быть хуже теперешнего положения, и потому бояться его нечего. Познание неизвестного и движение в него есть сущность жизни.

XI. ХРИСТИАНСКОЕ ОБЩЕСТВЕННОЕ МНЕНИЕ УЖЕ ЗАРОДИЛОСЬ В НАШЕМ ОБЩЕСТВЕ И НЕИЗБЕЖНО РАЗРУШИТ НАСИЛЬНИЧЕСКОЕ УСТРОЙСТВО НАШЕЙ ЖИЗНИ. КОГДА ЭТО БУДЕТ

Положение и устройство нашего общества ужасно, но оно всё держится общественным мнением и им же может быть разрушено. В людях уже изменяется взгляд на насилие, и круг людей, готовых служить правительству, становится всё меньше, и сами слуги государства стыдятся своего положения и потому часто не исполняют своих обязанностей. Все эти явления суть признаки появившегося общественного мнения, которое, всё распространяясь, сделает то, что некому будет поступать на правительственные должности. Кроме того, всё яснее и яснее становится, что самые эти должности и люди, занимающие их, ни на что не нужны. Люди уже начинают понимать ненужность всех учреждений насилия, а если это поняли некоторые люди, то поймут и все. Время освобождения людей неизвестно, но оно зависит от самих людей, от того, насколько каждый человек будет жить тем светом, который есть в нас.

XII. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

ПОКАЙТЕСЬ, ПОТОМУ ЧТО ЦАРСТВИЕ БОЖИЕ БЛИЗКО, ПРИ ДВЕРЯХ

1

Встреча с поездом, везшим солдат для усмирения голодающих крестьян. Повод, по которому они ехали. Как исполняются решения высшей власти в случаях непокорности крестьян. Орловское дело, как образчик дел истязаний и убийств, производимых для утверждения прав богатых. Все преимущества богатых основываются на таких же насилиях.

2

Состав тульского поезда и поведение лиц, находящихся в нем. Как могут эти люди делать такие дела. Причина этого ни в незнании, ни в убеждениях, ни в жестокости, ни в малодушии, ни в неведении безнравственности таких дел. Они делают эти дела потому, что дела эти необходимы для поддержания существующего порядка, поддерживать же существующий порядок есть, по их мнению, обязанность каждого. На чем основана уверенность в необходимости и неизменности существующего порядка. Для высших классов уверенность эта основывается на выгодности для них существующего порядка. Но что заставляет верить в неизменность существующего порядка людей низших классов, не имеющих от него никакой выгоды и своими руками делающих для поддержания этого порядка противные совести дела? Происходит это оттого, что низшие классы обманываются высшими как в необходимости существующего порядка, так и в законности необходимых для поддержания его насилий. Обман общий. Обман частный — военный. Рекрутский набор.

3

Как допускают люди признание законности убийства рядом с проповедью нравственности и существование в своей среде военной организации и насилия, постоянно угрожающей безопасности общества? Допускают это только высшие, для которых такая организация выгодна, так как поддерживает их исключительное положение. Допускают это высшие и исполняют это низшие, несмотря на сознание безнравственности дел насилия,

еще и потому, что благодаря государственному устройству нравственная ответственность за такие дела разлагается на большое число участников и каждый считает ответственным другого, а не себя. Кроме того, потеря сознания нравственной ответственности происходит и вследствие обмана неравенства людей и происходящего из этого опьянения — для высших — власти, а для низших — подобострастия. Состояние этих людей, совершающих противные совести дела, подобно состоянию загипнотизированных, действующих под влиянием внушения людей. Чем отличается подчинение государственному внушению от подчинения вышестоящим по сознанию людям и общественному мнению. Существующий порядок, вытекающий из отжитого общественного мнения и противоречащий уже существующему новому общественному мнению, поддерживается только благодаря усыплению совести, производимому самовнушением высших классов и гипнотизацией низших высшими. Совесть или разумное сознание этих людей может проснуться, и бывают случаи, когда она просыпается, и потому нельзя сказать, сделают ли эти люди то, зачем выехали. Всё зависит от степени сознания незаконности дел насилия, и сознание это может проснуться непосредственно в самих людях или посредственно — воздействием проснувшихся людей.

4

Всё зависит от силы сознания каждым отдельным человеком христианской истины. Но передовые люди нашего времени не считают нужным уяснение христианской истины и исповедание ее, а для улучшения жизни человеческой считают достаточным изменение внешних условий жизни в пределах, дозволенных властями. На этой научной теории лицемерия, заменившей лицемерие религиозное, основываются оправдания своего положения людьми богатых классов. Благодаря этому лицемерию они, пользуясь насилием, ложью для своих исключительно выгодных положений, могут притворяться друг перед другом христианами и успокаиваться. Это же лицемерие позволяет людям, проповедующим христианство, участвовать в учреждениях насилия. Никакие внешние улучшения жизни не сделают ее менее бедственною. Бедствия происходят от разъединения, разъединение происходит от следования не истине, а лжам.

Единение возможно только в истине. Лицемерие препятствует этому единению, так как, лицемеря, люди скрывают от себя и других ту истину, которую знают. Лицемерие обращает все улучшения жизни во зло. Лицемерие извращает понятие о добре и зле и потому стоит на пути совершенствования людей. Открытые злодеи и преступники делают меньше зла людям, чем те, которые живут узаконенным насилием, прикрываясь лицемерием. Все сознают беззаконность нашей жизни и давно бы изменили ее, если бы она не была прикрыта лицемерием. Но мы, кажется, дошли до пределов лицемерия, и нам нужно сделать только усилие сознания, чтобы, как человеку под кошмаром, проснуться к иной действительности.

5

Может ли человек сделать это усилие? По существующей теории лицемерия, человек не свободен изменить свою жизнь. Человек не свободен в своих поступках, но он свободен в признании или непризнании известной уже ему истины. Признание истины есть причина поступков. Троякое отношение человека к истинам. Причина кажущейся неразрешимости вопроса о свободе человека. Свобода человека только в признании открывающейся ему истины, иной свободы нет. Признание истины дает свободу и указывает путь, по которому добровольно или невольно должен идти человек. Признание истины и действительной свободы дает человеку возможность быть участником божьего дела и не рабом, а творцом жизни. Стоит только людям сделать усилие отречения от заботы об улучшении внешних условий жизни и все силы употребить на признание и исповедание известной им истины, и тотчас же разрушился бы мучительный существующий строй жизни и наступила бы доступная уже людям ступень царства божия. Для этого только нужно перестать лгать и притворяться. Но что тогда нас ждет впереди?

Мучительность вопросов о том, что будет с человечеством, если люди станут исполнять веления своей совести, и как жить без привычных нам условий нашей культурной жизни, устраняется тем соображением, что от осуществления истины ничто истинное и благое не может исчезнуть, а может только освободиться от примеси лжи и усилиться.

Жизнь наша дошла до пределов бедственности и не может быть обеспечена никакими устройствами. Вся наша жизнь и все ее языческие устройства не имеют смысла. То ли мы делаем, признавая за собой положения и обязанности к государству, чего хочет от нас бог? Мы находимся в таком положении не потому, что мир так устроен, что это неизбежно, а потому, что мы этого хотим, что это выгодно некоторым из нас. Всё сознание наше противоречит этому положению и деятельности, и выход из этого тот, чтобы признать христианскую истину: не делать другому того, чего не хочешь, чтобы тебе делали. Как обязанности к себе должны подчиняться обязанностям к людям, так обязанности к людям должны подчиняться обязанностям к богу. Выход из нашего положения в том, чтобы если не сразу отречься от своего положения и прав, то признать свою вину и не оправдывать себя и не лицемерить. Единственный смысл жизни в том, чтобы познавать истину и исповедовать ее, признание же своего государственного положения и деятельности лишает нашу жизнь всякого смысла. Бог хочет от нас, чтобы мы, живя, служили царствию божьему, т. е. устанавливали наибольшее единение всего живущего, возможное только в истине.

ВАРИАНТЫ

* № 1 (рук. АЧ 19/19).

1 гл. То, что сделано б[ыло] уже прежде.
2 гл. Суждения церковн[ых] и вольнодумных кр[итиков].
3 гл. Die shädlichsten Wahrheiten und Wahrheiten maessig entstellt. [1] Причина непонимания церковни[ков] — церковь.
4 гл. Причина непонимания светских — наука.
5 гл. Два недоразумения препятств[уют] пониманию христианства людьми научными.
6 гл. Неизбежность замены общественного жизнепонимания христианским.
7 [гл.]. Страдания жизни: правительства. Значение общей воинской повинности.
8-я [гл.]. Какое же разрешение? Прекращение подлости. (Schiller'а письмо.) Пробуждение от гипнотизма, сознание долга— добродетели, как было, гражданской, теперь — христианской.
9-я [гл.]. Чем же она выразится? Не выразится ли она квиетизмом, равнодушием? Подвигом спокойствия — преддверия любви, неделания зла.
Заключение.
Как это будет.[2]

* № 2 (рук. АЧ 19/1).

Катехизис этот написан американцем Адином Балу, родившимся в 1803 году в Америке и до сих пор живущим в..... и исповедующим учение, высказанно[е] в этом катехизисе. Учение это так же старо, как христианство, но всегда исповедовалось всеми истинными христианами.

Всегда во все времена были голоса, возвышавшиеся против безбожного утверждения о том, что насилие может быть соединено с христианством, что может быть христианское войско, христианские казни, христианские суды, христианская государственная власть, основанная на насилии.

Такие голоса возвышались в Византии против царствующей с императорами и допускающей насилие церкви, такие же голоса слышались в Средние века — голоса богомилов, моравских братьев, Хельчицкого, такие же голоса поднимались и

---

[1] [Вреднейшие истины и истины отчасти искаженные].
[2] *Сбоку, справа, приписка*: Правительства уж не помощь, а вред. Защита от междоусобий не стоит лишений.

в более близкое от нас время и в Европе и в Америке среди меннонитов, квакеров и др.

Яснее же всего, мне кажется, это опровержение ложного учения о том, что христианство может соединяться с насилием, выразилось 50 лет тому назад в Америке в среде людей, назвавших себя и свое общество и свое исповедание веры словом, определяющим главную особенность их верования. Общество, составившееся тогда, назвало себя обществом непротивленцев, журнал, к[оторый] они издавали, назывался «Непротивляющимся», и выражение своего верования, к[оторое] тогда в 1838 году 17 сентября в Бостоне подписали 138 членов, называлось исповеданием непротивления. В основании этого общества принимал участие и Адин Балу.

Вот это исповедание...

Сын[1] зачинщика этого дела г-н Garrison сообщил мне эти сведения еще в 85 году. Когда же я написал ему, прося сообщить мне то, что ему известно о судьбе этого общества теперь, он отвечал мне, что, сколько ему известно, общество это распалось и не имеет последователей. Но это было несправедливо. В прошлом году я получил от г-на Вильсона письмо с книгами г-на Балу. Из письма оказывалось, что в..... Гондель существует собрание верующих, исповедующих учение непротивления, что руководит ими Адин Балу и по его большой старости ⟨и слабости⟩ (ему 87 лет), помощник его г-н Вильсон. И что Адином Балу написано в продолжение 50 лет, во время, к[оторое] он работал для распространения своего учения, много прекрасных книг, из к[оторых] переводятся некот[орые] и переведен прилагаемый катехизис.

Г-ну Гарисону да и всем людям, занятым политическим, промышленным, денежным, литературным, ученым делом, кажется, что кучка людей, живущих в маленьком городке и исповед[ующих] непротивление, есть такое ничтожество, о к[отором] не стоит упоминать. Как это казалось римлянам 1-х веков о христ[ианах], живших где-то по захолустьям, но как было тогда, так и теперь: не бойся, малое стадо, ибо тебе отец опред[елил] дать царство.[2]

* **№ 3** (рук. АЧ 19/3).

17 июль 1890 г.

ОБ АМЕРИКАНСКИХ НЕПРОТИВЛЕНЦАХ

1860 лет тому назад провозглашено Христом его учение в его проповеди на горе, и в учении этом было сказано: не противьтесь злому. Учение это всё было принято одними людьми, отверг-

[1] *Зачеркнуто*: главного возбу[дителя]

[2] *На полях справа написано*: Рано ли, поздно [ли] восторжествует истина христианства, а не ложь его.

нуто другими. Но как для тех, так и для других значение слов: не противься злому было совершенно ясно и не требовало никаких толкований. Все понимали, что слова эти значили то, что Христос отвергал прежний закон мести ока за око и зуба за зуб и устанавливал новый закон смирения, перенесения обид и возмездия добром за зло. Учение о непротивлении злу злом было в духе всего учения и потому разумелось само собой и не требовало никаких разъяснений.

Так это было и после Христа: одни принимали всё его учение, включая в него и предписание о непротивлении злу злом, и были гонимы и, не противясь, смиренно переносили гонения, другие не принимали этого учения и гнали сторонников его.

Так это было до времени Константина, когда царь этот, оставаясь по духу язычником, принял по внешности христианское учение.

Царь Константин и его приближенные, приняв по внешности христианство, т. е. заменили в языческих храмах поклонение богам поклонением Христу и богородице, продолжали вести языческую жизнь во всем — и в распущенности и роскоши жизни и в особенности в управлении народами.

В христианском по имени государстве остались насилия, суды, тюрьмы, казни, войны. Константин и его советчики до такой степени не понимали духа учения Христа, что, воюя, они, так же как прежде призывали на помощь своих языческих богов, теперь призывали Христа и рассказывали басни о том, что на небе явился Константину крест с надписью «Сим победиши», как будто Христос может содействовать убийству одних людей другими. И вот с тех пор появился злейший враг Христов, не гонители и мучители, как в прежние времена, а обманщики, новые фарисеи, подставившие на место христианства бездушное языческое учение, в котором христианское только имя и слова, сведенные все к внешним совершенно подобным языческим обрядам, к богослужениям в храмах и таинствам.

Ложное и коварное учение это исполнило пророческие слова Христа о том, что на седалище Моисееве сели книжники и фарисеи, затворяющие царство небесное, не входящие сами и не впускающие хотящих войти, берет и громко провозглашает из Евангелия только самые темные места или те, которые не имеют никакого жизненного значения и старательно перетолковывает те, которые требуют [1] жизненного исполнения.

Таким местом, особенно затруднительным для перетолкования, было для церквей, соединившихся с светской насильственной властью, место Мф. V, 38—42, где просто и ясно сказано, что христианин не может употреблять насилия. Но дьявол помог им, и сделалось непостижимо то, что люди, исповедую-

[1] *В подлиннике*: требует

щие на словах учение Христа, учение любви, прощения, смирения, братства, жертвы собою для братьев, что люди [1] 15 веков до сих пор, называя себя христианами, продолжают ссылать, пытать, казнить и убивать тысячами людей, призывая на эти дьявольские дела благословение Христа, которого они будто бы обожают.

Так это было в продолжение 15 веков, и так это продолжается до сих пор. Но всегда, с самых первых времен христианского церковного константиновского обмана, были верующие, которых царствующая с убийцами-царями церковь называла ересями, но которые в действительности одни несли в себе истинное христианское предание, дошедшее и до нас. Церковный обман тем особенно жесток и ужасен, что темные люди, имеющие несчастье родиться в среде этого обмана, воспитываются в убеждении, что все другие верования, те самые, в которых хранится Христово предание, — суть ереси, а что истина находится в одной царствующей склещившейся с властью церкви, тогда как очевидно, что в ней одной употребляющей или благословляющей[2] насилие, уж наверное не может быть христианской истины и христианского предания (И. IX, 44), так как в человекоубийцах не может быть истины. — Но, несмотря на жестокий торжествующий обман этот, всегда рядом с ним жило и росло истинное Христово предание, признающее всё его учение во всем его значении и в том числе и в исполнении закона непротивления злу злом. Таковы были в древности павл[икиане], в Средние века богомилы, моравские братья и др. Таковы же в наше время в Европе и в Америке меноните, квакеры и др.

Верующие эти, исповедуя истинное учение Христа, чуждались того дьявольского учения, которое называло себя церковью, и не находили нужным опровергать, часто страха ради иудейского, лживость того учения, но с древнейших времен слышатся голоса против безбожного утверждения о том, что насилие может быть соединено с христианством, что может быть христианское войско, христианские казни, христианские суды, христианское государство, христианская власть, основанная на насилии. Такие голоса возвышались и во времена Византии и в Средние века; таковы большинство отцев церкви, Гус, Хельчицкий, Фокс и др.

Яснее же всего, мне кажется, это опровержение ложного учения о том, что христианство может соединяться с насилием, выразилось 50 лет тому назад в Америке в среде людей, назвавших себя и свое общество и свое исповедание веры словами, определяющими их главное несогласие с царствующим христианством. Общество, составившееся тогда, назвало себя общест-

---

[1] *Зачеркнуто*: называющие себя христианами

[2] *В подлиннике*: благословляющих

вом непротивленцев; журнал, который они издавали, назывался непротивляющимся, и выражение своего верования, которое тогда в 1838 году 17 сентября в Бостоне подписали 138 образованнейших и лучших людей Америки, называлось исповеданием непротивления.

Исповедание это возникло в американском обществе, имеющем целью уничтожение войны. Рассуждая о мерах установления всеобщего мира между людьми, В. Л. Гарисон, один из величайших людей не только Америки, но и всего мира, посвятив свою жизнь освобождению рабов в Америке и достигши этой цели, В. Л. Гарисон пришел к заключению, что установление всеобщего мира может быть основано только на признании отвергнутого и скрытого ложной церковью принципа непротивления. И он предложил следующее провозглашение, которое и было подписано 138 членами.

* № 4 (рук. АЧ 23/92, л. 12).

Вся жизнь наших высших классов есть сплошное противоречие, тем более мучительное, чем чутче нравственное сознание человека. Я уже писал про это и не могу не писать, не повторять одного и того же — Carthago delenda est.[1] Не могу без недоумения и ужаса говорить об этом, зная и испытав то холодное и враждебное молчание, которое встречает эти слова.

Ужас мой состоит в том, что я не знаю, кто сумасшедший: я ли, повторяющий всё одно и то же, и[ли] люди, слушающие это и непонимающие или делающие вид, что они не понимают. Разве может спокойно жить, не говорю в роскоши, но в условиях достатка городской жизни, нравственный человек нашего времени. Разве может человек высшего класса... забыть то, что всё то, чем он пользуется, есть плод трудов гибели задавленных жизней рабочих, поколениями без просвета умирающих [2] невежественными, пьяными, распутными, полудикими существами в рудниках, на фабриках, заводах, в деревнях на земледельческом труде.

Ведь сейчас[3] вы, который будет читать это, кто бы вы ни были, у вас верно есть постель с бельем, хлеб, молоко, мясо вволю, главное досуг и днем и ночью, и тут же рядом с вами мужики, бабы, фабричные, не имеющие ничего этого, не имеющие не то что досуга, но отдыха; старики, дети, женщины, измученные трудом, бессонными ночами, болезнями, работами на нас, и мы, исповедую[щие] любовь, братство, гуманность, хоть только справедливость, живем, пользуясь их трудами не для нужды, а для услаждения своей жизни, для прихоти.

---

[1] [Карфаген должен быть разрушен.]
[2] *В рукописи*: умирающими
[3] *Зачеркнуто*: я пишу

* № 5 (рук. АЧ 26/157, л. 4).

Что может быть ужаснее всех этих вновь выдуманных и всё придумываемых средств истребления — пушек, ядер, бомб, ракет с бездымным порохом, торпед и др. орудий смерти, приносящих гибель от невидимых врагов, а между тем все люди готовы на это, и завтра какой-нибудь несчастный безумец объяви[т] войну, и люди покорно побредут, куда их пошлют, и будут убивать и калечить других людей...

* № 6 (рук. АЧ 26/157, л. 3).

Что может быть безумнее и мучительнее того положения, в котором живут теперь европейские народы, тратя большую часть своих богатств на приготовление к истреблению своих соседей, людей, с которыми не только ничто не разъединяет их, но с которыми они все живут в самом тесном духовном общении? Что может быть ужаснее того, что ожидает эти европейские народы всякую минуту, когда в недобрый час какой-нибудь безумец, называющий себя императ[ором] или еще каким-нибудь именем, шут гороховый скажет что-нибудь не так, как это нравится другому?

* № 7 (рук. АЧ 26/157, л. 3).

〈Говорят, что война кончится усилением средств истребления, что война погубит сама себя. Трудно выдумать более странное и жалкое рассуждение. Сказать, что война прекратится оттого, что людям станет очень мучительно от нее, всё равно что сказать, что развращенный человек потому, что он, дойдя до последней степени упадка и расслабления, страдает от своих пороков.〉

№ 8 («Свободное слово», 1905, № 15, столб. 22—27).

Есть пословица: «Не послушаешься отца, матери, послушаешься ослиной шкуры», т. е. барабана. И пословица эта применима даже в прямом смысле к людям нашего времени, не принявшим учения Христа или принявшим его в извращенном церковью виде. Люди, не принявшие учения Христа во всем его значении, должны отречься от всего человеческого и слушаться одного барабана. И освобождение от барабана только одно: исповедание учения Христа, не урезанного от главных требований его, а всего христианского учения во всем его значении...

Уже сколько времени, более столетия, бьются европейские народы над тем, чтобы установить новые формы жизни, давно определенные в сознании. Но всё тот же старый, самый грубый деспотизм руководит жизнью, и новые формы жизни не только не получают приложения, но те самые явления жизни, уже давно отвергнутые сознанием людей, как-то: рабство и изнурение одних людей в пользу праздности и роскоши других, казни

и войны, становятся всё жесточе и жесточе. Причина этому та, что нет такого определения добра и зла, с которым бы все люди были согласны, и потому, какие бы ни были установлены формы жизни, они должны быть поддерживаемы насилием...

Какие бы хитроумные и мнимо обеспечивающие свободу и равенство формы ни придумывал бы человек общественного жизнепонимания, он не сможет освободиться от насилия, потому что он сам насильник.

И потому, как бы ни усиливался деспотизм правительств, каким бы страшным бедствием ни подвергал он людей, человек общественного жизнепонимания всегда будет покоряться ему. Такой человек будет или изощрять свой ум, оправдывать существующее насилие и находить, что всё дурное хорошо, или утешаться тем, что вот в скором времени он потихоньку от правительства придумает средства свергнуть его, и когда достигнет этого, то установит уже совсем другое, хорошее правительство, при котором уничтожится всё то, что теперь ему кажется злом. До тех же пор, пока не совершилось не то быстрое, не то медленное изменение существующих форм, от которого он ожидает спасения, он будет рабски повиноваться существующим правителям, кто бы они ни были и чего бы они от него ни требовали, потому что, хотя он и может не одобрять ту власть, которая в данную минуту употребляет насилие, он не только не отрицает самого насилия и органов его, но считает их необходимыми для жизни. И потому он всегда будет покоряться существующему правительственному насилию. Общественный человек — насильник и потому всегда неизбежно — раб.

Та покорность, с которой люди Европы, в особенности те, которые так гордятся свободой, приняли одну из самых не только деспотических, но и позорных мер, когда-либо изобретенных тиранами, — общую воинскую повинность, — очевиднее всего доказывает это. Принятая беспрекословно, не только без возмущения, но с какой-то особенной либеральной радостью и с соревнованием усвоенная всеми народами, всеобщая воинская повинность служит поразительным доказательством невозможности для человека общественного жизнепонимания при каком бы то ни было угнетении и унижении освободиться от насилия и изменить существующий строй.

Что может быть безумнее и мучительнее того положения, в котором живут теперь европейские народы, тратя бóльшую часть своих богатств на приготовление к истреблению своих соседей, — людей, с которыми ничто не только не разъединяет их, но с которыми они живут в самом тесном духовном общении? Что может быть ужаснее того, что ожидает эти европейские народы всякую минуту, когда в недобрый час какой-нибудь безумец, называющий себя императором, скажет что-нибудь не так, как это нравится другому такому же безумцу? Что может быть ужаснее всех этих вновь выдуманных и всё приду-

мываемых средств истребления: пушек, ядер, бомб, ракет с бездымным порохом, торпед и других орудий смерти? А между тем все люди готовы на это. Завтра может начаться война, и люди, как животные, подгоняемые хворостиной под обух, покорно побредут туда, куда их пошлют, и будут безропотно гибнуть и губить других людей, не спрашивая себя даже, зачем они это делают, и не только не будут раскаиваться в этом, а будут храбриться и гордиться теми побрякушками, которые им позволят надеть на себя за то, что они хорошо убивали людей, и будут восхвалять и ставить памятники тем несчастным или злодеям, которые их поставили в это положение...

Люди либеральной Европы забавляются тем, что им не запрещено писать всякий вздор в книжках и говорить, что им вздумается на обедах, митингах и в палатах, и им кажется, что они совершенно свободны, вроде того, как волам, которые пасутся в огороде бойни, кажется, что они совершенно свободны. А между тем едва ли когда-либо деспотизм власти причинял людям такие бедствия, как те, которые он причиняет людям теперь, и когда-либо презирал людей так, как он презирает их теперь. Никогда наглость насильников и подлость насилуемых не доходили до такой степени, до которой они дошли теперь...

Юноши идут в ставку, отцы и матери, те самые, которых они обещали убивать, спокойно провожают их. Очевидно, уже нет такого унижения и позора, которых не перенесли бы люди нашего времени. Нет той подлости, того преступления, которое они бы не совершили, если это доставит им хоть малое удовольствие и избавит хотя от небольшой опасности. Никогда еще ни насилие власти, ни развращение покоренных не доходили до такой степени. Есть и всегда было у всех людей, находящихся в обладании своих духовных сил, нечто такое, что они считают святым и чего не могут уступить ни за что, и во имя чего они готовы перенести лишения, страдания и даже смерть; есть это нечто духовное, чего человек не уступит ни за какое материальное благо, почти во всяком человеке, на какой бы низкой степени развития он ни находился. Скажите русскому мужику, чтобы он выплюнул причастие или осквернил икону. Он умрет, но не сделает этого. Он обманут и не считает святым то, что свято (жизнь человеческую), а икону, то, что не свято, считает святыней. Но у него есть это нечто святое, чего он не уступит. Есть предел его гибкости. В нем есть кость, которая не гнется. Но где эта кость у того цивилизованного человека, который идет в рабы к правительству? Где, в чем то святое, которого он не уступит? Его нет. Он весь мягкий и гнется до конца. Ведь если бы должно было быть что-либо святое для него, по всему тому, о чем с таким лицемерным пафосом толкуется в его мире, то это — гуманность, т. е. уважение к человеку, к его правам, к его свободе, к его жизни. И что же? Его, ученого, передового человека, того, который в высшем

учебном заведении узнал всё то, что до него выработано человечеством, того, который сам себя считает выше толпы, — его, всё время толковавшего о свободе, правах, неприкосновенности жизни человека, берут, наряжают в шутовской наряд, велят вытягиваться, унижаться перед всеми теми, у кого на наряде лишний галун, велят кривляться, кланяться, ломаться, велят обещаться убивать братьев и родителей, и он на всё готов и только спрашивает, когда и как ему велят это делать. И завтра его выпустят, и он, как встрепанный, опять с важностью продолжает проповедовать права, свободу, неприкосновенность жизни человека...

И тут-то — с таким составом людей, обещающихся убивать своих родителей, — либералы, социалисты, анархисты, вообще люди общественного жизнепонимания толкуют о том, как устроить такое общество, при котором бы люди были свободны. Да какое же нравственное и разумное общество можно устроить из таких людей? Из таких людей, как их ни переставляй, ничего другого нельзя устроить, как только стадо животных, управляемое криками и кнутами пастухов...

Над людьми мира нависла страшная тяжесть зла и давит их. Люди, стоящие под этой тяжестью, всё более и более задавливаемые, ищут средств избавиться от нее.

Они знают, что общими силами они могут поднять тяжесть и сбросить ее с себя; но они не могут согласиться все вместе взяться за нее, и каждый сгибается ниже и ниже, предоставляя тяжести ложиться на чужие плечи, и тяжесть всё больше и больше давит людей и давно бы уже раздавила их, если бы не было людей, руководящихся в своих поступках не соображениями о последствиях внешних поступков, а только внутренним соответствием поступка с голосом совести. И такие люди и были и есть — христиане, потому что в том, чтобы вместо цели внешней, для достижения которой нужно согласие всех, ставить себе цель внутреннюю, для достижения которой не нужно ничьего согласия, и состоит сущность христианства. И потому спасение от порабощения, в котором находятся люди, невозможное для людей общественных, и совершалось и совершается только христианством, только заменой общественного жизнепонимания христианским...

Цель общей жизни не может быть вполне известна тебе, — говорит христианское учение каждому человеку, — и представляется тебе только как всё большее и большее приближение к бесконечному благу всего мира, к осуществлению царства божия; цель же личной жизни несомненно известна тебе и состоит в осуществлении в себе наибольшего совершенства любви, необходимого для осуществления царства божия. И цель эта всегда известна тебе и всегда достижима.

Тебе могут быть неизвестны наилучшие частные внешние цели; могут быть положены преграды для осуществления их;

но приближение к внутреннему совершенству, увеличение любви в себе и в других не может быть ничем и никем остановлено. И стоит только человеку поставить себе вместо ложной внешней общественной цели эту одну истинную, несомненную и достижимую внутреннюю цель жизни, чтобы мгновенно распались все те цепи, которыми он, казалось, был так неразрывно скован, и он почувствовал бы себя совершенно свободным...

Христианин освобождается от государственного закона тем, что не нуждается в нем ни для себя, ни для других, считая жизнь человеческую более обеспеченною законом любви, который он исповедует, чем законом, поддерживаемым насилием...

Для христианина, познавшего требования закона любви, все требования закона насилия не только не могут быть обязательны, но всегда представляются теми самыми заблуждениями людей, которые подлежат обличению и упразднению...

Сущность христианства есть исполнение воли бога. Исполнение же воли бога возможно только при полной внешней свободе. Свобода есть необходимое условие христианской жизни...

Исповедание христианства освобождает людей от всякой внешней власти. Но оно не только освобождает их от внешней власти, оно вместе с тем дает им возможность достижения того улучшения жизни, которого они тщетно ищут через изменение внешних форм жизни.

Людям кажется, что положение их улучшается вследствие изменения внешних форм жизни, а между тем изменение внешних форм есть всегда только последствие изменения сознания, и только в той мере улучшается жизнь, в которой это изменение основано на изменении сознания.

Все внешние изменения форм жизни, не имеющие в основе своей изменения сознания, не только не улучшают состояния людей, но большею частью ухудшают его. Не правительственные указы уничтожили избиение детей, пытки, рабство, а изменение сознания людей вызвало необходимость этих указов. И только в той мере совершилось улучшение жизни, в которой оно было основано на изменении сознания, т. е. в той мере, в которой в сознании людей закон насилия заменился законом любви. Людям кажется, что если изменение сознания влияет на изменение форм жизни, то должно быть и обратное, и так как направлять деятельность на внешние изменения и приятнее (последствия деятельности виднее) и легче, то они всегда предпочитают направлять свои силы не на изменение сознания, а на изменение форм, и потому большею частью заняты не сущностью дела, а только подобием его. Внешняя, суетливая, бесполезная деятельность, состоящая в установлении и применении внешних форм жизни, скрывает от людей ту сущест-

венную внутреннюю деятельность изменения сознания, которая одна может улучшить их жизнь. И это-то заблуждение больше всего мешает общему улучшению жизни людей.

Лучшая жизнь может быть только тогда, когда к лучшему изменится сознание людей, и потому все усилия людей, желающих улучшить жизнь, должны бы быть направляемы на изменение сознания своего и других людей. Но этого-то и не хотят делать люди, а, напротив, все свои силы направляют на изменение форм жизни, надеясь, что посредством изменения форм изменится и сознание...

Христианство и только христианство освобождает людей от того рабства, в котором они находятся в наше время, и христианство и только христианство дает людям возможность действительного улучшения своей личной и общей жизни.

Казалось бы, должно быть ясно, что только христианство дает спасение отдельно каждому человеку и что оно же одно дает возможность улучшения общей жизни человечества, но люди не могли принять его до тех пор, пока жизнь по общественному жизнепониманию не была изведана вполне, до тех пор, пока поле заблуждений, жестокостей и страданий общественной и государственной жизни не было исхожено по всем направлениям.

Часто, как самое убедительное доказательство неистинности, а главное неисполнимости учения Христа, приводится то, что учение это, известное людям 1800 лет, не было принято во всем его значении, а принято только внешним образом. «Если столько уже лет оно известно и все-таки не стало руководством жизни людей, если столько мучеников и исповедников христианства бесцельно погибло, не изменив существующего строя, то это очевидно показывает то, что учение это неистинно и неисполнимо», — говорят люди.

Говорить и думать так — всё равно, что говорить и думать, что если посеянное зерно не только не дает тотчас же и цвета и плода, а еще некоторое время лежит в земле и разлагается, то это есть и доказательство того, что зерно это не настоящее и не всхожее.

То, что христианское учение не было принято во всем его значении тогда же, когда оно появилось, а было только принято во внешнем извращенном виде, было и неизбежно и необходимо.

Учение, разрушающее всё прежнее миросозерцание и устанавливающее новое, не могло быть принято при своем появлении во всем его значении и могло быть принято только во внешнем извращенном виде, а вместе с тем это-то принятие его только внешним образом было необходимо для того, чтобы люди, неспособные понять учение духовным путем, были самою жизнью приведены к принятию его в его настоящем виде.

Разве можно себе представить римлян и варваров, которые приняли бы учение Христа в том его значении, в котором мы понимаем его теперь? Разве могли римляне или варвары поверить в то, что насилие ни в каком случае не может привести ни к чему другому, как к увеличению насилия, что пытки, казни, войны ничего не уясняют и не разрешают, а всё запутывают и усложняют?

Люди, тогда огромное большинство людей, не были в состоянии понять учение Христа одним духовным путем, надо было привести их к пониманию его самою жизнью, тем, чтобы, изведав то, что всякое отступление от учения есть погибель, они узнали бы, что оно — истина.

И учение было принято, как не могло быть иначе, как внешнее богопочитание, заменившее язычество, и жизнь продолжала идти дальше и дальше по пути язычества. Но извращенное учение это было неразрывно связано с Евангелием, и жрецы лжехристианства, несмотря на все старания, не могли скрыть от людей самой сущности учения, и учение это, против воли их, понемногу раскрываясь людям, сделалось частью их сознания...

В продолжение 18 веков шла эта двойная работа — положительная и отрицательная: с одной стороны, всё большего и большего удаления людей в своей жизни по пути язычества от уяснявшегося учения Христа; с другой стороны, всё большего и большего уяснения и упрощения истин этого учения. И чем дальше шла эта двойная работа, тем яснее становилось, что́ есть заблуждение и что̀ — истина...

Люди могли не одумываться, не признавать своей веры в Евангелие до тех пор, пока заблуждение насилия не дошло до своих последних пределов, как оно дошло в наше время; но теперь это уже невозможно. Люди уже не могут не одуматься и не заявить своей веры в Евангелие, когда каждый из них призывается уже не к возлиянию языческим богам, как это было в древности, а к участию в самом ужасном, жестоком смертоубийстве, при котором вперед оговаривается возможность, необходимость отцеубийства. Общая воинская повинность и есть тот последний кирпич, положенный на криво начатую стену, от которого заваливается всё криво обоснованное общественное насильственное здание.

И заваливается это здание не потому, что слишком тяжело нести всю ту экономическую тяготу, которая накладывается на них вооружением, и не потому, что страшны ожидаемые войны, и не потому, что страшны бедствия, которыми угрожают всему обществу отпетые Равашоли, — заваливается здание потому, что требования, предъявляемые людям венцом общественного строя — воинской повинностью, до такой степени противны христианскому учению, вошедшему в сознание всех людей, что люди не могут из этих требований не понять всю

ложь того общественного устройства, в котором они жили, и всю истину того учения, которое уже 1800 лет отрицало его.

Христианская истина, прежде познававшаяся только высоким подъемом пророческого чувства, теперь сделалась истиною, самою доступною каждому самому простому человеку, и требование исповедания ее предлагается теперь на каждом шагу каждому человеку.

Рост сознания происходит равномерно, не скачками, и никогда нельзя найти той черты, которая отделяет один период жизни человечества от другого, а между тем эта черта есть, как есть эта черта между ребячеством и юностью, зимою и весною и т. п. Если нет определенной черты, то есть переходное время. И такое переходное время переживает теперь европейское человечество. Всё готово для перехода от одного состояния в другое, нужен только тот толчок, который совершит изменение. И толчок может быть дан каждую секунду. Общественное сознание уже отрицает прежнюю форму жизни и давно готово на усвоение новой. Все одинаково и знают и чувствуют это. Но инерция прошедшего, робость перед будущим делают то, что то, что уже давно готово в сознании, иногда еще долго не переходит в действительность. В такие моменты достаточно иногда одного слова для того, чтобы сознание получило выражение, и та главная в совокупной жизни человечества сила — общественное мнение — мгновенно перевернула бы без борьбы и насилия весь существующий строй...

Положение нашего европейского человечества со своими чиновниками, податями, духовенством, тюрьмами, гильотинами, крепостями, пушками, динамитами действительно кажется ужасным. Но ведь это всё только кажется. Ведь всё это, все те ужасы, которые совершаются, и те, которые мы ожидаем, все ведь зиждутся на нашем представлении. Ведь всего этого не только не может быть, но и должно не быть соответственно состоянию сознания человечества. Ведь сила не в тюрьмах, кандалах, виселицах, пушках, порохе, а в сознании людей, запирающих в тюрьмы, вешающих, стоящих над пушками. А сознание этих людей находится в самом напряженном, растягиваемом в две противоположные стороны, вопиющем противоречии. Христос сказал, что он победил мир, и он действительно победил его. Зло мира, как ни ужасно оно, уже не существует, потому что оно не существует уже в сознании людей. И нужен только ничтожный толчок для того, чтобы оно уничтожилось и заменилось новой формой жизни...

Города на льду построены большие, тяжелые, но лед-то уж растаял и чуть держит, и чем грузнее эти города, тем скорее зальет их вода и ничего от них не останется.

Когда в первые времена христианства воин Федор заявил властям, что он, как христианин, не может носить оружия, и когда он был казнен за это, то власти, казнившие его, совер-

шенно искренно смотрели на него, как на сумасшедшего, и не только не старались скрывать таких проявлений, но, казня, выставляли их на всеобщий позор. Но теперь, когда в Австрии, в Пруссии, в Швеции, в Швейцарии, в России и во всей Европе, в какой-то чрезвычайной прогрессии всё чаще и чаще проявляются случаи отказа от повиновения для исполнения воинской службы, случаи эти представляются властям уже не только не сумасшествием, но самым опасным пробуждением от сумасшествия, и правительства не только не выставляют эти случаи на всеобщий позор, но старательно скрывают их, зная, что спасение людей от их унижения, порабощения и невежества произойдет не через революции, рабочие союзы, конгрессы мира и книги, а через самый простой путь, — тот, что каждый человек, которого будут привлекать к участию в насилии над своими братьями и над самим собою, с недоумением спросит: «Да зачем же я буду делать это?»

Не хитрые, мудрые устройства союзов, арбитрации и т. п. спасут человечество, а только такое рассуждение, когда оно сделается общим. А общим оно может и должно сделаться скоро. Положение всех людей нашего времени совершенно подобно положению человека, спящего и мучимого тяжелым кошмаром. Человек видит себя в ужасном положении, ожидает ужасного бедствия, в котором он сам принимает участие. Он знает, что этого не должно делать, но не может остановиться, и бедствие всё ближе и ближе надвигается на него. Человек приходит в отчаяние, чувствует, что так не может продолжаться, и задает себе вопрос: да правда ли всё это?

И стоит ему только усомниться в действительности того, что представляется, для того чтобы пробудиться, и мгновенно исчезло бы всё, что так томило и мучило.

То же и с тем положением насилия, рабства и жестокости и необходимого участия в них, того ужасного противоречия христианского сознания и варварской жизни, в котором находятся наши европейские люди. Стоит только очнуться от того сна, в котором они находятся и, пробудиться к тому открытому христианством уже 1800 лет иному, высшему, жизнепониманию, со всех сторон призывающему нас к себе, чтобы мгновенно исчезло всё то, что так ужасно, и чтобы, как это бывает при пробуждении от кошмара, стало бы радостно на душе оттого, что есть то, что есть, и было бы даже трудно представить себе, как могла пригрезиться такая бессмыслица.

Ведь стоит только на минуту очнуться от того постоянного одурения, в котором стараются поддерживать нас правительства, и с точки зрения тех самых требований нравственности, которые мы заявляем к детям, даже к животным, запрещая им драться, взглянуть на то, что мы делаем, чтобы ужаснуться перед всей очевидностью противоречия, в котором мы живем. Ведь стоит только человеку очнуться от гипнотизма подражатель-

ности, в котором он живет, и трезво взглянуть на то, что от него требует государство, чтобы не то что отказаться в повиновении, а прийти в страшное удивление и негодование, что к нему могут обращаться с такими требованиями.

И пробуждение это может совершиться каждую минуту.

* № 9 (рук. АЧ 30/290 об. л. 31).

И большинство людей — в особенности женщины — не видя прямой связи между их выгодами и насилиями, часто искренно верят, что связи этой нет и что пользование богатством среди нужды не обусловливается истязаниями и убийствами.

Но есть положение, в к[отором] такое незнание уже становится невозможным. Не может помещик, затеявший всё дело и вызвавший войска, не знать, что те 3000 [рублей], к[оторые] он получит за лес, получатся только вследствие истязаний или убийств. И он знает это, потому что, будучи в своем имении в тот день, когда к нему ехали войска, он, вместо того чтобы принимать их, в то же утро от стыда и совести... уехал.

Как ни искусно скрывается связь убийств и истязаний с преимуществами богатых, в этом случае уже ни он, ни все окружающие не могли не видеть ее.

* № 10 (рук. АЧ 30/290, л. 16).

Как не может тот помещик, который получит свои 3000 рублей после того, как для приобретения этих 3000 [рублей]убьют или высекут несколько человек, не видеть того, что эти деньги приобретутся убийством или истязаниями крестьян, так не может не видеть этого заводчик после того, как оружием будет разогнана сходка стачечников, остановивших у него работу, и как не может не видеть этого всякий торговец, банкир, государственный чиновник, если только он подумает о том, каким образом приобретены и поддерживаются те преимущества, к[оторыми] он пользуется.

Тем более не могут не видеть этого те люди, к[оторые] теперь едут в этом поезде с тем, чтобы истязать или убивать крестьян, не могут они не видеть того, что если они откажутся от участия в этом деле, то лишатся почестей и жалованья, а согласятся участвовать в нем, то получат еще больше жалованья и почестей.

И как они ни стараются скрыть от себя эту дилемму, они видят ее и знают в глубине души, что они сознательно избирают второе и делают тот самый поступок, к[оторый] они называют подлостью. И в глубине души им стыдно.

* № 11 (рук. АЧ 30/290, лл. 48—49).

Все они находятся как бы в некотором гипнотическом состоянии людей, в состоянии людей, не видящих и не желающих видеть значение совершаемых ими поступков. Но главный мо-

тив, поставивший людей в это положение и поддерживающий их в нем, есть личная выгода этих людей: только оттого поступили все эти люди на службу, что они нашли это для себя выгодным, приятным, лестным; только затем они продолжают служить и стараются скрыть от себя значение своих поступков, что им это выгодно, приятно, лестно. Но что же привело и поддерживает всех подчиненных лиц — солдат в такое же положение?

Что заставляет этих кротких, добрых ребят, вчера взятых от сохи и наряженных в эти странные одежды, ехать с ружьями на убийство своих голодных отцов и братьев? У этих уже нет никаких выгод, положение их хуже того, из к[оторого] они взяты, и нет — почти нет опьянения властью, п[отому] ч[то] власти у них нет другой, как только та, чтобы исполнять по приказанию высших самые страшные, противные им обязанности палачей. И над кем же? Над своими братьями.

Отстаивая выгоды своих угнетателей, что побуждает этих людей становиться в такое положение и оставаться в нем? И это тем более удивительно, что распоряжаются стрелянием, сажанием в тюрьмы, содержанием на каторгах, казня[ми] разные: цари, министры, прокуроры, губернаторы, смотрители, но...[1]

№ 12 (рук. АЧ 30/296, л. 28).

С точки зрения общественного жизнепонимания, на которой он[2] находится, ему представляется совершение этого дела неизбежно необходимым. Оно кажется ему необходимым потому, во-1-х, что он чиновник, получавший от государства, к[оторому] он служит, награды, жалованье, почести и имеющий получить дальнейшие награды и вследствие этого обязанный исполнять требования государства. Во-вторых, потому, что если бы он отказался исполнить теперь возложенную на него обязанность, он сразу лишился бы того общественного положения, которое он приобретал 30-летним трудом, он прямо бы признал всю свою предшествующую 30-летнюю деятельность грубой ошибкой и, главное, лишил бы свою семью, приученную уже к известной степени роскоши, данной ему его положением, всех преимуществ и нажил бы вечные упреки. В-3-х, и главное, он должен доделывать начатое дело, потому что оно начато и находится в процессе совершения.... ему кажется невозможным остановиться.

№ 13 (рук. АЧ 30/289, л. 1).

Но что же привело подначальных людей, людей из народа, солдат, едущих в этом поезде с штыками, пулями и розгами

---

[1] *Далее текст обрывается.*
[2] [Тульский губернатор Н. А. Зиновьев.]

на своих братьев, не имеющих получить никаких выгод от тех злодеяний, к[оторые] они будут совершать над своими братьями?

Удивительнее всего при этом еще то, что начальствующие лица не составляют силы — сами по себе слабы и малочисленны и потому не могут физическим насилием принудить сильных и многочисленных людей из народа.

Так что же заставляет этих людей из народа совершать дела, противные их чувству, совести, разуму и к исполнению которых они никем не могут быть принуждены, потому что сила находится в их руках?

Ответ слишком прост и ясен, чтобы можно было сомневаться в нем: обман, дерзкий, наглый, мошеннически безбожный обман, сознательно совершаемый над этими людьми правящими классами.[1]

№ 14 (рук. АЧ 30/296, об. л. 19).

Я попробовал поговорить с некоторыми из этих людей о всей гнусности того дела, в кот[ором] они участвуют, но не успел я еще высказать своей мысли, только что я начал, как они уже поняли меня и поспешно, с горячностью стали доказывать мне, что, во-первых, они делают это не для себя, что это необходимо для государства, для блага всех, что, во-2-х, если не они будут это делать, то будут на их месте другие, к[оторые] будут делать это дело жесточе, и что, в-3-х, [они и не могут поступать иначе] в этом их священная обязанность перед государством, перед присягой, перед [*1 неразобр.*]

Очевидно, что все эти доводы только придумываются ими, но что люди эти в таком состоянии, что не могут поступать иначе. Очевидно, что дело, к[оторое] они совершают, до такой степени противно всему существу их, что они не хотят даже думать о нем, представлять его себе, но почему [-то] не могут остановиться в совершении его. Они все находятся в том состоянии, кот[орое] называется гипнозом...

*** № 15** (рук. АЧ 30/298, л. 2).

Боюсь, что в книге этой ⟨«Ц[арство] б[ожие] в[нутри] в[ас] е[сть]»⟩, вследствие отступлений, примеров, разъяснений, возражений на предполагаемые возражения, сущность ее изложения христианского жизнепонимания показалась бы сложной и запутанной,[2] и потому постараюсь отдельно в этом послесловии выяснить необходимость отречения от сч[ас]тья жизни, неизбежность усвоения иного, христианского ⟨жизнепонимания⟩, отличие его от прежнего языческого и последствия,

---

[1] *Текст, начиная со слов*: ответ слишком прост *и до конца сноски, сбоку обведен чертою с пометой Толстого*: Пр[опустить].

[2] *В рукописи*: показалось бы сложным и запутанным

неизбежно вытекающие из замены одного жизнепонимания другим.

Самое обычное, общее и наивное понимание жизни то, которое усваивает каждый человек при первом проблеске сознания, состоит в том, что жизнь его дана ему в его распоряжение для его блага и что вся деятельность жизни должна и может быть руководима только этим приобретением наибольшего блага. Всё, что существует в мире при этом жизнеп[онимании], представляется таким, каким оно должно быть: мир существует так, как он должен и существовать. Жизнь же моя, говорит себе человек, состоит в том, чтобы, подчинившись законам этого мира, получить наибольшее возможное благо.

* **№ 16** (рук. АЧ 35/428).

Пишу это послесловие, во-первых и главное, для того, чтобы, насколько это еще возможно, исправить ошибки, сделанные в этой книге, и, кроме того, разъяснить, насколько я сумею, основную мысль ее, затерянную в ней[1] среди отступлений, разъяснений, возражений и примеров.

Главная ошибка моя в этой книге, ошибка, в которой я каюсь перед богом и за которую прошу прощения у людей, состоит[2] в увлечении, заставлявшем меня отступать от того закона любви, во имя которого я и писал то, что писал, и в незаконном и строгом суждении о людях.

* **№ 17** (рук. АЧ 35/428).

Три главные мысли составляют сущность этой книги. Боюсь что они затериваются среди всех отступлений, примеров, разъяснений, возражений на предполагаемые возражения, и потому постараюсь изложить их в этом послесловии с тою краткостью и ясностью, с которой они выяснились для меня, и насколько я буду в состоянии это сделать.

Первая и главная мысль есть изложение сущности христианского жизнепонимания, заменившего языческое: вторая — необходимость усвоения людьми нашего времени этого жизнепонимания, изменяющего весь строй жизни; третья — определение той деятельности, которая вытекает из этого жизнепонимания.

Нет основ. Существующие основы рушатся. Чтоб найти твердую точку опор, надо подломить[3] их. То, что они призна-

---

[1] *Зачеркнуто*: и затемненную в книге

[2] *Первоначально было*: состояла в том, что в процессе писания книги, увлекаясь ходами мысли, я часто забывал

В дальнейшем этот текст был заменен новым, который был также отброшен автором: состояла в том часто недобром, насмешливом, осуждающем тоне, с которым я говорил о людях, в том, что приписывал людям дурные намерения, о которых не мог и не имел права судить. Я искренно раскаиваюсь в этом

[3] *В рукописи ошибочно*: подложить

ны, не доказывает того, что опасно подломить их, а напротив— то, что безопасно.

Самое обычное, общее и наивное понимание жизни то, которое усваивает каждый человек при первом проблеске сознания, и то, которое имели люди в продолжение веков и имеет теперь большая часть людей, состоит в том, что мир совершенен и разумен и существует для блага человека и что потому задача человека состоит в том, чтобы получить в этом мире наибольшее возможное благо. Это жизнепонимание языческое.

Другое жизнепонимание, свойственное людям более вдумчивым, то, которое имели лучшие люди еврейского и языческого мира, состояло в том, что всё существующее в мире совершенно и разумно, но человек не совершенен, и потому задача человека стараться совершенствоваться.

Третье жизнепонимание, свойственное людям, исповедующим лжехристианскую церковную веру, состоит в том, что всё существующее совершенно и разумно, кроме человека, потому что он пал, и потому человек должен быть сверхъестественным образом спасен для того, чтобы получить свойственное ему благо.

Все три жизнепонимания эти вытекают из основания языческого, признающего мир разумным и совершенным. Около 2000 лет тому назад появилось еще совершенно иное жизнепонимание, состоящее в том, что всё существующее неразумно и несовершенно и потому человек не может получить блага в этом мире, а лучшее для него состояние есть уничтожение.

Это одно жизнепонимание, вытекающее из признания мира несовершенным и неразумным. Это жизнепонимание буддийское. Другое жизнепонимание, вытекающее из того же признания мира неразумным и несовершенным, состоит в том, что всё существующее неразумно и несовершенно; но всё неразумное постоянно делается более и более разумным и совершенным, и в этом движении от неразумности к разумности, от несовершенства к совершенству — и жизнь и благо человека. Это есть жизнепонимание истинно христианское.

В сущности все эти различные жизнепонимания суть только изменения двух основных: того, по которому всё существующее разумно, другое, по которому всё существующее неправильно и неразумно.

Говорили и говорят, что всё существующее разумно.Трудно сказать что-нибудь более несправедливое, что-нибудь более безнравственное, более нарушающее основной, единственный смысл человеческой жизни. Напротив — всё существующее, всё, что есть, то всегда неразумно. Разумно только то, что не существует, чего нет в действительности, то, что есть только в сознании людей, то, к чему стремятся люди. Если бы то, что есть, было разумно, не было бы жизни точно так же, как ее не было бы, если бы сознание человека не было разумно, не

было бы указания того, к чему стремится жизнь человеческая (да, я думаю, и всякая жизнь). Жизнь только в том и состоит, что неразумное становится разумным.

Если бы существующее было разумно, то не было бы жизни, человеческой жизни так, как мы понимаем ее; не было бы движения; было бы полное спокойствие: нирвана, существование с богом, с началом всего. Если же бы в человеке не было разумного сознания, то точно так же не было бы жизни человеческой, человек существовал бы так же бессознательно, как он существовал до этой жизни в утробе матери, во сне, в обмороке. Мы сознаем себя живыми только тогда, когда, вследствие несоответствия условий нашей жизни с требованиями нашего сознания, мы стремимся изменить свое состояние сообразно требованиям сознания, и жизнь наша есть только изменение несоответствующих требованиям сознания состояний в состояния, наиболее соответствующие ему.

И потому можно сказать, что разумно движение от неразумного к разумному, но никак нельзя сказать, что разумно то, что существует.

Если *копают* колодезь, или *роют* пруд, или *сажают* лес, или *удобряют* почву, или *учат* детей, то это делают только потому, что существуют неразумные условия отсутствия воды, леса там, где разумно их иметь, непроизводительной земли там, где люди кормятся ее произведениями; не будь неразумных условий и требований разума, не было бы работы. То же самое и в жизни человеческой: каждый акт человеческой жизни есть не что иное, как стремление привести существующие условия (в согласие) с требованиями того, что человек считает разумным. И потому можно сказать, что разумно совершенствовать мир и себя, как часть этого мира, но никак нельзя сказать, что мир разумен, точно так же как нельзя сказать, что человек неразумен.

А между тем большинство людей утверждали и утверждают, что всё существующее разумно: утверждают это и философы, и люди науки, и самые простые, неученые люди. Это утверждают одинаково все люди с одинаковым дохристианским, языческим и лжехристианским, церковным жизнепониманием.

«Всё, что существует, имеет основание существовать, так как оно существует, и задача философии состоит в том, чтобы найти эти основания и выяснить их», — говорят философы. «Если существует государственное устройство, — говорили гегелианцы, — то задача философии в том, чтобы найти разумное назначение этой формы жизни». «Всё, что существует, подлежит известным законам, и задача науки вообще, — говорят ученые, — найти эти законы и проследить проявления их в жизни». «Если существует борьба за существование, — говорят эволюционисты, — то задача науки в том, чтобы найти и определить те последствия, которые происходят от подчине-

ния всего существующего этому закону». «Если существует угнетение бедных богатыми, — говорят экономисты, — то задача науки, найти законы этого подчинения». «Всё, что существует, существует по воле благого и мудрого бога и потому всё совершенно и разумно. Если человек страдает, то это происходит по вине его предков, и это есть временное состояние, которое исправится», — говорят лжехристиане-церковники.

«Если прежде нас жившие люди считали, что хорошо и разумно жить так, как они жили, — говорят простые люди, — руководясь, как они говорят, здравым смыслом, то мы, живущие после них, не должны легкомысленно уничтожать введенных ими порядков и отрицать то, что освящено опытом веков, а должны с уважением продолжать и поддерживать учреждения предков и только осторожно, в случае крайней необходимости, видоизменять, но никак не уничтожать то, что в продолжение веков оказалось пригодным и разумным».

Так говорят и философы, и люди науки, и верующие, и простые, неученые люди, все люди языческого и лжехристианского жизнепонимания. По жизнепониманию этому жизнь всего мира такова, какою она и должна быть, т. е. разумна, и потому задача каждого отдельного человека, живущего в мире, состоит в том, чтобы, подчиняясь законам этого мира или, выраженной в откровении, воле творца мира, найти для себя наибольшее доступное благо в этой жизни или хоть в будущей. Противоположность этого жизнепонимания с христианским состоит преимущественно в том, что по этому пониманию человек есть хозяин своей жизни и может и должен пользоваться наилучшим образом для себя и для себе подобных теми благами, которые даны ему. Все препятствия к осуществлению этого блага — личного ли, общественно-государственного ли, блага ли всего человечества, — должны быть устранены внешними усилиями человека: государственным устройством — деспотическим, конституционным, республиканским или коммунистическим, наукой, искусством в обширном смысле. От злых людей может человек оградиться войсками, полицией, уголовным судом, филантропическими учреждениями, образованием; от болезней человек оградится наукой, медициной, гигиеной; от голода — агрономической химией, механикой, физикой (будут делать искусственный дождь, будут химически производить пищу); от пожаров и всяких несчастий — страхованиями и т. д.

По христианскому же пониманию человек не есть хозяин своей жизни и не может распоряжаться ею, и цель его не может состоять в своем личном благе или в благе семьи, общества, человечества, тем более что приобретение этого блага не в его власти.

По христианскому учению человек не принадлежит себе, а той силе, которая послала его в мир, и поэтому для достиже-

ния высшего блага не может ставить себе свою личную (или общественную) цель, а должен стремиться к достижению той цели, которую поставила себе та сила, которая послала его в мир. Человек, по христианскому учению, есть самодеятельное орудие высшей силы, имеющей свою определенную цель, и потому может получить наивысшее благо только тогда, когда будет служить этой высшей силе.

Всякий человек, приходящий в мир, находится в нем, по христианскому мировоззрению, в положении странника, очутившегося в благоустроенном имении большого недоступного ему хозяина, в котором идет неустанная работа поддержания и усовершенствования хозяйства этого имения. Странник может отнестись к своему пребыванию в этом имении двояким образом: вообразить себе, что всё то, что его окружает, все блага, которыми он пользуется, явились сами собой и всегда были и будут, и потому может, не работая для хозяина, начать пользоваться всем тем, что заготовлено тут другими, и может, поняв, что всё то, что есть перед ним, есть произведение других людей, по воле хозяина войти в указанное хозяином дело, считать себя работником хозяина.

КОММЕНТАРИИ

«ЦАРСТВО БОЖИЕ ВНУТРИ ВАС»

ИСТОРИЯ ПИСАНИЯ И ПЕЧАТАНИЯ

1

Трактат «Царство божие внутри вас» писался Толстым с небольшими перерывами около трех лет, с июля 1890 г. по май 1893 г.

Первоначально Толстой думал написать лишь небольшое предисловие к переводу брошюры «Катехизис непротивления» («Non-resistance catechisme») Адина Баллу, американского общественного деятеля и сторонника учения о непротивлении злу насилием. Но работа над этим предисловием захватывала Толстого все более и более; в процессе работы замысел углублялся, размеры статьи все более и более расширялись, и к концу работы из небольшой статьи выросло обширное сочинение, в котором отразились многие события общественно-политической жизни того времени.

Еще до писания «Царства божия внутри вас» Толстой уже был хорошо знаком с деятельностью Вильяма-Ллойда Гаррисона, Петра Хельчицкого, Адина Баллу и других проповедников учения о непротивлении злу насилием. Их учения были им творчески использованы в своей книге.

Вильям-Ллойд Гаррисон (William-Lloyd Garrison, 1805—1879), американский общественный деятель, основал в Филадельфии общество против рабства (общество «аболиционистов»), по поручению которого написал трактат «Декларация чувств» («Declaration of sentiments») — «Провозглашение основ, принятых членами общества, основанного для установления между людьми всеобщего мира», проповедовал учение о непротивлении злу насилием. Его сын Вендель-Филиппс Гаррисон (Wendel Garrison, 1844—1907), ознакомившись в английском переводе с книгой Толстого «В чем моя вера?» и найдя в ней мысли, сходные «с исповеданием его отца» (рук. АЧ 19/15, л. 2), обратился к Толстому с письмом и прислал ему «Декларацию», составленную его отцом.

Это письмо Венделя Гаррисона неизвестно. Но, судя по ответу на него Толстого от марта — апреля 15? 1886 г. (т. 63, стр. 343—344), оно было получено Толстым в 1886 г. в марте месяце, а не в 1885 г., как пишет Толстой в черновых рукописях своего трактата (см. вар. № 2).

В упомянутом письме Толстой спрашивал Венделя Гаррисона, нет ли у него краткой биографии Вильяма Гаррисона. Сыновья Вильяма Гаррисона прислали Толстому в подарок краткую биографию их отца и два его фотографических портрета, [1] а впоследствии и подробную биографию их отца в нескольких томах, составленную ими (Нью-Йорк, 1885—1889).

Много лет спустя, в 1903 г., Толстой вспоминал, что, читая ее, он испытал «духовную радость» (т. 36, стр. 95—99). «Декларацию» Гаррисона Толстой перевел и свой перевод неоднократно исправлял в черновых рукописях; вместе со сведениями об общественной деятельности Гаррисона он включил ее в I главу книги «Царство божие внутри вас».

В черновых рукописях «Царства божия внутри вас» содержатся высказывания Толстого о Гаррисоне, не вошедшие в окончательный текст книги. Так, в рукописи АЧ 19/3 он называет Гаррисона, посвятившего свою жизнь освобождению рабов в Америке, «одним из величайших людей не только Америки, но и всего мира», а в рукописи АЧ 19/6 — «знаменитым американцем».

В рукописи АЧ 19/15 (л. 3) Толстой пишет, что он «около того же времени», когда находился в переписке с сыном Гаррисона получил из Америки (очевидно, в январе — феврале 1886 г.) от менонитов книгу Даниэля Мюссе под заглавием «Non-resistance asserted, или Kingdom of Christ and Kingdom of this world Separated» («Утверждение непротивления, или Разделение царства Христа и царства мира сего»), 1864. Об этой книге Толстой подробно пишет в I главе своего трактата.

В завершенной редакции «Царства божия внутри вас» (I глава) Толстой сообщает, что вскоре по выходе его книги «В чем моя вера?» в немецком переводе он получил из Праги от одного профессора тамошнего университета сведения о Петре Хельчицком (1390—1460), чешском писателе XV в., авторе книги «Сеть веры», в которой обличались, с религиозной точки зрения, неправды тогдашнего общественного строя. От него же он узнал, что эта книга впервые должна была быть напечатана на чешском языке в журнале Академии наук в Петербурге.

В связи с полученными сведениями о книге Петра Хельчицкого Толстой спрашивал Н. Н. Страхова в письме от 21 апреля 1889 г.: «Что Хельчицкого Сеть Веры была ли напечатана в журнале академии и если была, то в каких номерах?» (т. 64, стр. 250).

Н. Н. Страхов ответил Толстому 18 мая 1889 г., что книгу «Сеть веры» начали набирать, но произошел перерыв в печатании из-за смерти переводчика, молодого ученого Г. С. Анненкова, который наблюдал за печатанием. Далее Н. Н. Страхов добавлял: «Может быть, мне удастся достать напечатанные листы, и тогда я привезу их в Ясную Поляну». [2]

Приехав 30 мая 1889 г. в Ясную Поляну, Страхов привез сверстанные листы книги «Сеть веры». 1 июня 1889 г. Толстой писал из Ясной Поляны Черткову: «Страхов теперь здесь. Он привез мне напечатанные, но не конченные листы «Сети Веры» Хельчицкого. Очень хорошо» (т. 86, стр. 238).

---

[1] Письмо Венделя Гаррисона к Толстому от 5 мая н. с. 1886 г. (ГМТ).

[2] «Переписка Л. Н. Толстого с Н. Н. Страховым», изд. Общества Толстовского музея, Спб. 1914, стр. 380—381.

Толстой 18 июня 1889 г. сообщал П. И. Бирюкову: «Был у нас Страхов и уехал, привез мне Сеть Веры Хельчицкого, напечатанная вся в листах, вся напечатана по-чешски, но по-русски приложенный перевод не кончен печатанием — около $^1/_3$. Очень замечательное сочинение» (т. 64, стр. 268).

Подробный разбор книги Петра Хельчицкого «Сеть веры» Толстой поместил в I главе своего трактата «Царство божие внутри вас», считая эту книгу «одной из редких уцелевших от костров книг, обличающих официальное христианство».

Будучи летом 1889 г. в Ясной Поляне, Н. Н. Страхов рассказал Толстому про немецкого лютеранского богослова, историка протестантской церкви Готфрида Арнольда (1666—1714).

31 мая 1889 г. Толстой заносит в свой Дневник: «Страхов привез «Сеть веры» и говорил еще о Готлибе Арнольде. История ереси, в которой он истинную струю признает в ересях» (т. 50, стр. 89). Из его дневниковой записи 24 июля 1889 г. узнаем: «Получил от Страхова книги Арнольда 1720 года история церкви настоящая» (т. 50, стр. 111).

Об этом сочинении Толстой писал 6 августа 1889 г. П. И. Бирюкову: «Есть много статей и книг хороших из Америки и Арнольда 17-го века история церквей замечательная» (т. 64, стр. 294).

По просьбе Толстого, Страхов прислал сведения о литературной деятельности Готфрида Арнольда и мнение ученых о ней. [1]

Название сочинения Готфрида Арнольда и его разбор приведены Толстым в III главе его трактата «Царство божие внутри вас».

Летом 1889 г. к Толстому обратился с письмом от 21 июня н. с. Льюис-Жильберт Вильсон (Lewis-Gilbert Wilson, 1858—1921), американский писатель-богослов, помощник и единомышленник Баллу. Он прислал Толстому книгу Баллу «Христианское непротивление» («Christian non-resistance») и несколько небольших брошюр его. Из этого письма Толстой впервые узнал о Баллу (Adin Ballou, 1803—1890).

По получении письма Вильсона Толстой немедленно набросал в своей Записной книжке ответ (см. т. 50, стр. 208—209). В окончательной редакции письмо к Вильсону было послано 22 июня 1889 г. (см. т. 64, стр. 270—273). В нем Толстой с большою похвалою отозвался о деятельности Баллу, отметив лишь некоторые расхождения в их взглядах.

Ознакомившись с письмом Толстого к Вильсону, Баллу в свою очередь, в письме от 14 января н. с. 1890 г., разбирая возражения Толстого, отстаивал свои взгляды. На это письмо Баллу Толстой ответил письмом от 21—24 февраля 1890 г. (т. 65, стр. 34—36).

Впечатление, произведенное на Толстого личностью и писаниями Баллу, было огромно. Об этом говорят высказывания Толстого в Дневнике и в письмах.

19 июня 1889 г. Толстой отметил в своем Дневнике: «Из Америки о non-resistance очень интересное» (т. 50, стр. 97).

---

[1] См. письмо Толстого к Н. Н. Страхову от 6 августа 1889 г. (т. 64, стр. 292); ответное письмо Н. Н. Страхова от 13 августа 1889 г. — ПС, стр. 387—389.

20 июня: «Читал Adin Ballou Non-resistance. Дал Леве переводить. Превосходно» (т. 50, стр. 98).

23 июня 1889 г. Толстой сообщал Д. А. Хилкову, что получил книги и брошюры Баллу; «сочинения эти замечательной силы», он их намерен «перевести» и попытается «распространить» (т. 64, стр. 278). А 1 ноября писал П. И. Бирюкову, что «очень рад», что книга Баллу «Христианское непротивление» произвела на Бирюкова такое же впечатление, как и на него, — «восторга, желания общения с ним, выражения ему своей благодарности и любви» (т. 64, стр. 323).

В рукописи АЧ 19/1 Толстой отметил, что в основании Общества против рабства в Америке принимал участие и А. Баллу (см. вар. № 2), «подписавшийся» в 1838 г. под «Провозглашением» В. Л. Гаррисона (рук. АЧ 19/6, л. 19).

Его главная книга «Христианское непротивление», писал Толстой в рукописи АЧ 19/6 (л. 20), «переведена по-русски и находится у нас в рукописи и, когда будет возможно, будет напечатана».

Перевод этой книги со своими поправками Толстой пытался напечатать в «Газете А. Гатцука». Но из-за цензурных препятствий он в печати не появился. Только в 1908 г. этот перевод был издан в Москве «Посредником» под заглавием «Учение о христианском непротивлении злу насилием».

16 января 1890 г. Толстой в своем Дневнике сделал запись: «Надо написать письма Попову и Бирюкову и два предисловия к Баллу и к Алексееву» (т. 51, стр. 12).

Очевидно, Толстой предполагал, кроме перевода, написать также «Предисловие» к сочинениям Баллу. Но это желание не было им тогда реализовано.

2

30 мая н. с. 1890 г. А. Баллу снова написал Толстому в ответ на его письмо от 21—24 февраля 1890 г.

1 июля 1890 г. Толстой уведомлял Черткова: «Я на днях получил... прекрасное письмо от самого старика Балу, он не спорит больше, а так любовно братски пишет, что сердце радуется» (т. 87, стр. 31—32).

Из этого же письма узнаем, что А. Баллу прислал Толстому свои издания, в том числе брошюру «Катехизис непротивления», которую перевел гостивший у Толстого в Ясной Поляне Н. Н. Страхов.

Этот перевод с большими исправлениями Толстого сохранился полностью; с него снимались копии, которые тоже исправлялись Толстым (см. «Описание рукописей»).

27 и 28 июня 1890 г. Толстой исправлял перевод «Катехизиса» А. Баллу, как свидетельствуют о том его записи в Дневнике под этими датами (т. 51, стр. 55).

Исправляя перевод «Катехизиса» Баллу, Толстой задумал написать к нему предисловие. 8 июля 1890 г. он отметил в Дневнике: «Написал предисловие к катехизису Балу» (т. 51, стр. 60).

В действительности Толстой написал начерно «Предисловие» и к «Катехизису» А. Баллу и к «Декларации» В. Гаррисона (см. вар. № 2). Это

«Предисловие» еще не имело авторского заглавия и послужило началом трактата «Царство божие внутри вас».

Но это «Предисловие» не удовлетворило Толстого. Он пишет новое начало, присоединив к нему ранее написанное «Предисловие», которое он подвергает коренной переработке: начало зачеркивает, производит перестановку текста, вносит большие исправления и дополнения. Так составилась рукопись нового «Предисловия» к переводам «Катехизиса» А. Баллу и «Декларации» В. Гаррисона с авторским заглавием «Об американских непротивленцах» и с датою, поставленною на первом листе автографа М. Л. Толстой: «17 июля 1890 г.» (см. вар. № 3).

Копия с нового «Предисловия», переписанная рукой М. Л. Толстой (рук. АЧ 19/4), вся испещрена многочисленными поправками Толстого. Заглавие «Об американских непротивленцах» Толстым исправлено и заменено: «Об американских непротивляющихся». На первом листе копии поставлена М. Л. Толстой дата: «17 июля 1890». Рукопись заключена в обложку с надписью на ней рукой М. Л. Толстой: «17 июля 1890. Ясная Поляна».

Толстой пишет дополнения о церкви, которые потом были им включены в новое «Предисловие» (рук. АЧ 19/6). В первом дополнении о церкви (рук. АЧ 19/4) Толстой ссылается на французского историка Гастона Буассье (1823—1908). В этом дополнении отражены примерно те же мысли, которые Толстой высказал в Дневнике 17 марта 1890 г.: «Gaston Boissier пишет, что христиане в первые века только сначала были строги и враждебно относились к Риму, к государству, а потом стали приноравливаться к государству, и христианство не вредило государству» (т. 51, стр. 29).

В рукописи АЧ 19/6 Толстой указывает, что читал статью Буассье «Очерки истории религии» (Gaston Boissier, «Etudes d'histoire réligieuse», «Revue des Deux Mondes», 1890, Mars).

Вышеупомянутые сведения о Гастоне Буассье, содержащиеся в черновых материалах Толстого, в окончательный текст «Царства божия внутри вас» не вошли.

Продолжая работу над новым «Предисловием», Толстой в рукописи АЧ 19/6 зачеркивает заглавие «Об американских непротивляющихся», считая, видимо, что оно благодаря вставкам о церкви уже больше не соответствует содержанию рукописи. Рукопись остается без заглавия. На первом листе рукописи и на обложке, в которую она заключена, рукою М. Л. Толстой обозначена дата: «18 июля 1890 г.».

Оставляя статью без названия, Толстой продолжает работать над ней. В Дневнике и письмах своих он именует ее различно: то «Предисловием», то статьей о непротивлении.

В Дневнике 28 июля 1890 г. Толстой записал: «Поправил перевод Гарисона и Балу и написал краткое предисловие» (т. 51, стр. 68). В письме к Черткову от того же числа он более точно определяет характер своей работы: «Спасибо, что напоминаете об Отце Сергии. Я возьмусь за него. А то всё отвлекался предисловием к декларации Гарисона и катехизису Балу, которое разрастается в большую и очень нужную статью об обмане церкви» (т. 87, стр. 37). А на следующий день, 29 июля, отметил в Днев-

нике: «Придя домой, писал предисловие к непротивлению. И кончил коекак» (т. 51, стр. 69).

Толстой в вышеприведенных дневниковых записях, повидимому, имел в виду свой черновой набросок (рук. АЧ 19/7) на нескольких четвертушках, предназначенный для расширения «Предисловия». В нем говорилось, что в 1884 г. Толстым была напечатана книга «В чем моя вера?», в которой высказывалась мысль, что «заповедь непротивления злу насилием есть существеннейшая заповедь христианского учения»; непризнание ее обязательной, как это делает церковное учение, «уничтожает всё значение христианства»; далее Толстой писал там о критике его книги «В чем моя вера?». Впоследствии этот черновой набросок после работы над ним превратился во II главу «Царства божия внутри вас».

Одновременно у Толстого возникла мысль написать «Заключение» к переводам катехизиса Адина Баллу и «Декларации» Вильяма Гаррисона. 29 июля 1890 г. Толстой отметил, что ему «хотелось бы написать заключение» (т. 51, стр. 69). 2 августа 1890 г., как свидетельствует запись в Дневнике, он «дописал заключение к Балу и Гарисону. Ночью думал о том, как бы написать о церкви мягко, любовно» (т. 51, стр. 71).

Среди черновых материалов, относящихся к «Заключению» (рук. АЧ 20/25), имеются два первоначальных автографа. Первый автограф — с авторским заглавием «Заключение». Видимо, этот черновой набросок не удовлетворил Толстого, и он оставил его незаконченным. Второй автограф, на четвертушке, без авторского заглавия, представлял полную черновую редакцию «Заключения», начинающуюся словами: «Таковы два выражения истинного христианского исповедания, написанные в Америке 50 лет тому назад». С этой черновой редакции была потом переписана рукою М. Л. Толстой копия. Можно предполагать, что именно эту черновую редакцию Толстой подразумевал в вышеупомянутой записи своего Дневника.

В связи со своей работой над «Заключением» Толстой 3 августа 1890 г. писал Д. А. Хилкову: «Хотелось бы написать ясно, вразумительно всё зло, делаемое церковью» (т. 65, стр. 135).

В письме к Черткову от 17 сентября 1890 г. он подробно излагает мысли, которые ему хотелось бы высказать в «Заключении» к переводам «Катехизиса» Баллу и «Декларации» Гаррисона: «Заключение это очень хотелось бы написать кратко, ясно и так, как чувствую. Проще яснее показать значение непротивления для христианина и то, какою на основании этого закона должна представляться вся история христианства и та вера православная, католическая, протестантская, которая неправильно называется христианской» (т. 87, стр. 47).

В тот же день Толстой писал и П. И. Бирюкову, высказывая в письме приблизительно те же мысли, хотя и в иной форме: «Писать мне многое хочется, но главное, что на очереди и влечет меня, это заключение к декларации Гарисона и катехизису Балу (он умер), в котором хотелось бы ясно и коротко выразить значение непротивления для христианства и то, что люди, признающие закон непротивления и не признающие его, не могут исповедывать одно и то же учение и потому не могут и называться одним и тем же именем» (т. 65, стр. 166).

В Дневнике 15 сентября 1890 г. Толстой писал, что ему «хочется писать с эпиграфом: «Я пришел огонь свести на землю и как желал бы, чтоб он возгорелся» (т. 51, стр. 89). Эти слова из Евангелия он хотел поставить эпиграфом к своей работе. Но это намерение не было им осуществлено. Впоследствии приведенными здесь словами он заключил IX главу трактата в окончательной редакции.

22 сентября 1890 г. Толстой записал в Дневнике: «Поправил сначала декларацию и Балу. И хочу оставить старое заключение. А о том, что церковники не христиане, писать отдельно» (т. 51, стр. 91). Замысел Толстого выделить из «Заключения» материал о том, что «церковники не христиане» и писать его «отдельно», остался невыполненным.

В то же время Толстой работал и над «Предисловием» к переводам «Катехизиса» А. Баллу и «Декларации» В. Гаррисона. Работая над «Предисловием», он снова, повидимому, пытался изменить его редакцию. Эту мысль как будто подтверждает первоначальный текст листа-четвертушки из рукописи АЧ 20/22.

Этот лист имел заглавие: «Заповедь непротивления злу насилием и общая воинская повинность». Первоначальный текст был следующий: «Пятьдесят два года тому назад существовало в Америке одно из тех обществ мира, которые появились в начале нынешнего столетия и распространились теперь по всему миру. Деятельным членом этого американского общества мира 1838 года был знаменитый борец за освобождение негров Вильям Ллойд Гарисон.

Рассуждая о мерах прекращения войны, В. Л. Гарисон пришел к заключению, что установление всеобщего мира может быть основано только на явном признании заповеди непротивления злу насилием, выраженной (Мф. V, 38) во всем ее значении; так понимают ее квакеры, с которыми Гарисон находился в дружеских сношениях». Перед текстом стояла арабская цифра 1, свидетельствующая о том, что новое «Предисловие», по авторскому замыслу, должно было делиться на главы и нижестоящий текст относился к первой главе. Заглавие и текст переписаны рукой Т. Л. Толстой. Включив потом текст этого листа в контекст рукописи АЧ 20/22, Толстой зачеркнул заглавие, а текст подверг коренной переработке.

Но как велась работа, сколько работал Толстой над новой редакцией «Предисловия», об этом ни в письмах, ни в Дневниках Толстого нет никакого упоминания, и его рукописи не дают ответа на эти вопросы.

3

Одновременно с писанием «Предисловия» и «Заключения» к переводам «Катехизиса непротивления» А. Баллу и «Декларации» В. Гаррисона Толстой собирал и изучал нужные ему материалы по истории христианских церквей. Он пересматривал и перечитывал огромное количество относящихся к этому предмету материалов и свои мысли о прочитанном тут же заносил в Дневник.

По его просьбе А. М. Калмыкова прислала ему книги: Евграф Смирнов, «История христианской православной церкви. Курс III и IV классов

духовных семинарий», изд. 5-е, Спб. 1889; его же «История христианской православной церкви. Курс V класса духовных семинарий», изд. 4-е, Спб. 1886. [1]

Н. Н. Страхов в письме от 22 августа 1890 г. предлагал Толстому прислать книги: И. Лопухин, «Некоторые черты о внутренней церкви», Спб. 1816; P. Poiret, «L'oeconomie divine», Amsterdam, 1687 (Пуаре, «Божественная экономия»); Jeanne Marie Bouvières de la Moth Guyon, «La Sainte Bible», Paris, 1790 (Жанна-Мария Бувьер де ла Мот-Гюйон, «Святая библия», Париж); A. Hausrath, «Neutestamentliche Zeitgeschichte», Heidelberg, 1868—1873 (Гаусрат, «История Нового завета», Гейдельберг).

3 сентября 1890 г. Толстой отвечал Н. Н. Страхову из Ясной Поляны: «Спасибо, дорогой Николай Николаевич, за книги и за письмо. От книг не отказываюсь, так как они у вас дублеты... Вообще ваши книги много раз мне были полезны» (т. 65, стр. 160).

Получив книги, Толстой снова благодарит Страхова: «Очень благодарен вам за книги. Всё читал или, скорее, всем пользуюсь» (т. 65, стр. 173).

После чтения присланной Страховым «Истории Нового завета» Гаусрата он 16 сентября 1890 г. отметил в Дневнике: «Утром читал Hausrath'a. Как много труда положено, и как мало узнаешь. Научный прием — это прием умерщвления живого» (т. 51, стр. 89).

На следующий день, 17 сентября 1890 г., опять записывает в Дневнике свои мысли о Гаусрате: «Читал Hausrath'a о фарисеях и садукеях — и всё то же. Для заключения необходимо показать, что христиане всегда, по слову Христа, были гонимы. Не все те, которые были гонимы, были христиане; но те, которые не были гонимы, не были христиане» (т. 51, стр. 89).

Толстой читал книги по истории первых веков христианства: E. de Pressensé, «Histoire de trois premiers siècles de l'Eglise Chretienne» (Е. Прессансе, «История трех первых веков христианской церкви»), пять томов, Париж, 1858—1869. Эти книги с многочисленными пометами Толстого хранятся в яснополянской библиотеке.

19 сентября 1890 г. он записал в Дневник: «Читал Precensé. Какое ничтожество!» (т. 51, стр. 89).

В письме от 29 сентября 1890 г. М. Л. Толстая по поручению отца просила В. Г. Черткова прислать книгу: Ф. и С. Терновские, «Опыт руководства по церковной истории. Три первые века христианства», Киев, 1878, и другие материалы, которые были нужны Толстому, чтобы «кратко и кротко и ясно изобличить ложь церковного учения» (ГМТ).

А запись в его Дневнике от 4 октября 1890 г. свидетельствует, что Толстой читал по истории первых веков христианства книгу о царствовании Константина, привезенную ему его сыном Л. Л. Толстым: A. de Broglie, «L'Eglise et l'Empire romain au IV-e siècle», I (А. де Брогль, «Церковь и Римская империя в IV веке», I, Париж, 1860); потом книгу А. М. Иванцова-Платонова «Ереси и расколы первых трех веков христианства», М. 1877 (т. 51, стр. 91—92).

Книгу Брогля Толстой нашел «очень полезной», а сочинение Иванцова-Платонова назвал «*научной* болтовней». Из этих книг Толстой сделал

[1] Письмо Толстого к А. М. Калмыковой от 27 августа 1890 г. (т. 65, стр. 151); ответное письмо А. М. Калмыковой от 20 сентября 1890 г. (ГМТ).

выписки в свой Дневник (см. т. 51, стр. 92—94). Экземпляр сочинения Иванцова-Платонова с пометами Толстого хранится в яснополянской библиотеке.

В письме от 6 октября 1890 г. Чертков сообщал, что посылает «Терновского, еще книгу от И. И. Горбунова-Посадова и английскую брошюру «Crimes of Christianity» («Преступления христианства», Лондон, 1885).

15? октября 1890 г. Толстой писал Черткову: «Благодарю вас за книги. Я вчера получил их. Crimes of Christianity очень интересно. Нет ли продолжения?» (т. 87, стр. 48).

Судя по Дневникам, письмам и рукописям Толстого, его работа над «Заключением», которая производилась в августе, сентябре и октябре 1890 г., потребовала от него большого напряжения. 15 августа 1890 г. в Ясной Поляне Толстой занес в свой Дневник: «Начал поправлять заключение к непротивлению, и казалось, что сделал хорошо, но вышло не хорошо» (т. 51, стр. 76).

3 сентября 1890 г.: «Сел писать заключение. Ничего не мог. Оно всё разрастается... Вчера 2 сентября. Встал поздно, дурно спал. Читал, пытался писать тщетно» (т. 51, стр. 85).

4 сентября 1890 г.: «Опять тщетные попытки писать заключение. Должно быть, не выйдет» (т. 51, стр. 85—86).

5 сентября 1890 г.: «Всё то же. Пытался писать тщетно заключение» (т. 51, стр. 86). «Пытался окончить или написать новое заключение — не мог», — читаем в Дневнике его запись от 8 октября 1890 г. (т. 51, стр. 94—95). Но после «тщетных» попыток писать «Заключение» его работа пошла успешнее. Уже 14 октября Толстой записывает в Дневник: «Вчера писал заключение к Балу и нынче в первый раз с увлечением. Похоже, что теперь напишется» (т. 51, стр. 95).

В письме от 15? октября Толстой уведомлял Черткова, что кончает «Заключение» к переводам «Катехизиса» Баллу и «Декларации» Гаррисона. «Очень хочется, — замечал он, — написать ясно о значении заповеди непротивления. Я давно уж бьюсь с этим, теперь кажется, что выйдет» (т. 87, стр. 48—49). А запись в Дневнике от 30 октября говорила о том, что он «много и хорошо писал заключение» (т. 51, стр. 98—101).

Среди черновиков, относящихся к первой стадии работы Толстого над трактатом, сохранилось десять черновых рукописей «Заключения». С черновой редакции «Заключения», о которой уже говорилось выше, было переписано шесть последовательных копий, которые все усиленно правились Толстым. Четвертая копия была переписана рукою С. А. Толстой и сплошь испещрена авторскими исправлениями и дополнениями. Эта рукопись заключена в две обложки. Рукой С. А. Толстой сделана надпись: на первой обложке — «Заключение», на второй — «Заключение к Катехизису Балу и Провозглашению Гаррисона. 20 августа 1890 г.». Пятая копия «Заключения» переписана рукой Л. Ф. Анненковой, тоже с многочисленными авторскими поправками. На обложке рукой М. Л. Толстой обозначена дата: «28 августа 1890 года». На последнем листе рукописи рукою Анненковой поставлены помета и дата: «Ясная Поляна. 29 августа 1890».

Исправив шестую копию, Толстой заново пишет «Заключение». Сохранился полностью черновой автограф этого «Заключения» (7 лл. 4°, исписанных с обеих сторон), без заглавия, но с авторскими подписью и датою на последнем листе: «Л. Т. 9 ок[тября 1890]». С чернового автографа списана копия, его дата скопирована. Списанная копия и усиленно исправленная Толстым была последней рукописью «Заключения». Перенесенная переписчиком дата из автографа не указывала на время работы Толстого над данной рукописью.

Много внимания Толстой уделил и работе над «Предисловием». Помимо черновых материалов, публикуемых в виде вариантов №№ 2—3, имеются пять рукописей, относящихся к последней стадии работы Толстого над «Предисловием». Эти рукописи — последовательные копии с чернового наброска (рукопись АЧ 19/7), который Толстой намеревался включить в свое «Предисловие». Все пять последовательных копий содержат многочисленные исправления и дополнения Толстого. Авторская правка в них ведется в направлении приближения рукописного текста к печатному тексту второй главы трактата (см. «Описание рукописей»).

Таким образом, работа Толстого велась в двух направлениях: писания «Предисловия» и «Заключения» и собирания, изучения материалов к ним.

4

Во время работы над «Предисловием» и «Заключением» у Толстого возникает замысел большого произведения: «Да, хорошо бы выразить учение Христа, как я его понимаю теперь» (т. 51, стр. 98).

Толстой продолжал еще работать над «Предисловием» и «Заключением». В Дневнике от 12 ноября 1890 г. он отметил: «Дома писал: сначала поправлял и пересматривал; очень медленно подвигаюсь, если подвигаюсь, но в голове ясно» (т. 51, стр. 103). Но уже 16 ноября оставил запись в Дневнике: «Писал нынче сначала. Начал с своих впечатлений вследствие издания В чем моя вера. До сих пор идет складно» (т. 51, стр. 105). Среди черновиков трактата сохранился автограф с авторским заглавием: «О непротивлении злу, о церкви и об общей воинской повинности», начинающийся словами: «В 1884 [1] году я написал книгу под заглавием «В чем моя вера». Далее в автографе говорилось: «Книга моя, как я и ожидал, была задержана русской духовной цензурой... вместо того чтобы быть сожженной, она была расхищена разными высокими чиновниками, охотниками до редкостей» (рук. АЧ 19/13).

По своему содержанию этот черновой набросок отдаленно напоминал вступление и I главу трактата. Так Толстой начал осуществлять свой замысел большого произведения, получившего впоследствии окончательное название «Царство божие внутри вас» и поглотившее в себе неоконченные «Предисловие» и «Заключение» к «Катехизису» и «Декларации». Многие мысли Толстого о церкви, содержащиеся в «Предисловии» и «Заключении», вошли потом в III главу «Царства божия внутри вас».

---

[1] В автографе ошибочно: 1885.

Заглавие автографа «О непротивлении злу, о церкви и об общей воинской повинности» — это первое название трактата, которое долго удерживалось в рукописях.

В Дневниках и письмах работу над трактатом Толстой называл, как она была озаглавлена у него в автографе, а иногда просто статьей о непротивлении злу. О своей новой работе Толстой отмечает в дневниковой записи от 18 ноября 1890 г.: «Писал сначала о непротивлении злу. Кажется, что теперь форма найдена. Хотя и не очень хорошая, но такая, в которую можно уложить много хорошего. Постараюсь не изменять и не отступать» (т. 51, стр. 106). Об этой работе он писал 17 ноября Г. А. Русанову: «Пишу я о противлении злу, о церкви и воинской повинности (не говорите этого) и чувствую себя обязанным высказать то, что думаю и чувствую об этом» (т. 65, стр. 189). В тот же день он сообщал и П. И. Бирюкову: «Да не смею теперь ничем заниматься, кроме как тем, что пишу теперь о противл[ении] злу, о церкви и о воинской общей повинности. Всё это в связи и всё это очень важно» (т. 65, стр. 190).

В Дневниках и письмах работу над трактатом Толстой несколько раз назвал «О противлении злу, о церкви и об воинской общей повинности». Однако ни одна из рукописей трактата такого заглавия не имеет (см. «Описание рукописей»).

В письме от 14 ноября 1890 г. Толстой просил Черткова прислать ему книгу квакера Ионафана Даймонда «An Enquiry into the Accordancy of War with the principles of Christianity», London, 1824 («Исследование о совместимости войны с принципами христианства», Лондон).

Об этой книге Чертков писал Толстому 4 июня 1885 г. из Англии: «Здесь мы живем в местности, наполненной квакерами. Я несколько знакомлюсь с их литературою... Войну и присягу они безусловно отрицают» (ГМТ). В этом письме Чертков послал Толстому выписку из вышеупомянутой книги Даймонда, в которой «замечательно полно и убедительно исследовано отношение Христа и его первых последователей к войне». Эта книга была Чертковым послана Толстому (см. письмо к Черткову от 30 ноября 1890 г., т. 87, стр. 56). Цитаты из этой книги приводятся Толстым в I главе «Царства божия внутри вас».

Сохранились обложки (папка № 130), свидетельствующие о первоначальной стадии работы Толстого над трактатом. На одной из обложек ранней рукописи М. Л. Толстой поставлены дата, заглавие и помета: «О непротивлении злу, о церкви и общей воинской повинности. Черновые. 23 ноября 1890 г.». На обложках к последующим рукописям поставлены даты тоже ее рукой: «3 декабрь 1890 г.», «12 дек. 1890 г.», «13 декабрь 1890 г.», «20 дек. [1890]», «24—29 дек. [1890]».

В письме от 16 ноября к старшей дочери в Москву Толстой просил ее достать ему критические статьи духовных писателей на его книгу «В чем моя вера?». Ему нужно «точно цитировать, как духовные писатели отделываются от предписаний Христа о непротивлении злу» (т. 65, стр. 187). Он просил и Черткова прислать ему английские и русские критические статьи на его религиозные сочинения (письмо к Черткову от 21 ноября, т. 87, стр. 55).

Изучив критическую литературу о своих религиозных сочинениях, Толстой во II главе трактата подверг эту литературу подробному разбору.

Как видно из дневниковой записи от 21 ноября (т. 51, стр. 108), Толстой 20 и 21 ноября 1890 г. «довольно много» писал во второй главе о светских и религиозных критиках книги «В чем моя вера?».

17 ноября 1890 г. он читал книгу немецкого богослова Готфрида Арнольда по истории церквей и ересей. Про этого историка протестантской церкви Толстому в 1889 г. рассказывал в Ясной Поляне Н. Н. Страхов. После чтения этой книги Толстой отметил в Дневнике: «Много можно узнать из нее...» Чтение этой книги было нужно ему для работы над III главой трактата, в которой дан анализ различных определений понятия церкви.

Из его записи в Дневнике 23 ноября узнаем: «Писал много. Перешел к церкви и подвигаюсь хорошо» (т. 51, стр. 109). Толстой, следовательно, стал работать над III главой трактата. Работа над этой главой у него продолжалась и в декабре 1890 г. (т. 51, стр. 114, 115).

В Дневнике 31 декабря 1890 г. Толстой подвел итог своей работе над трактатом: «Писал много. Пересматривал назади, 3 главы почти готовы, и всё дело принимает вид» (т. 51, стр. 116).

5

31 декабря 1890 г. Толстой получил от Черткова рукописную копию, являвшуюся компиляцией из черновиков статьи Толстого об искусстве 1889 г. Он принимается за исправление чертковской компиляции. Пытается работать одновременно и над статьей об искусстве и над продолжением трактата. В Дневнике 3 января 1891 г. читаем: «Два дня писал. Подвигаюсь, но не выбрался еще из церкви» (т. 52, стр. 3). В записи имеется в виду работа над III главой. 5 января: «Вчера 4-е, писал довольно много. Подвигаюсь медленно. — Вечером начал было писать об искусстве, но не запутался, а слишком глубоко запахал» (т. 52, стр. 3). 5 января 1891 г.: «Писал довольно много. Кончаю, кажется, о церкви» (т. 52, стр. 3). Письмо к Бирюкову от 7 января уже свидетельствовало, что Толстой пишет IV главу трактата (т. 65, стр. 215).

Работая над трактатом, Толстой видит, что «основа заложена и останется» (письмо к Страхову от 7 января 1891 г., т. 65, стр. 216).

А из его записи в Дневнике 25 января узнаем: «Всё это время писал понемногу свою статью. Подвинулся. 6 глав, могу сказать, кончены. Два раза брался за науку и искусство, и всё перемарал, вновь написал и опять перемарал, и не могу сказать, чтобы подвинулся» (т. 52, стр. 5).

Работа над статьей об искусстве и над трактатом в январе и феврале 1891 г. шла у Толстого медленно и не удовлетворяла его. «Я всё стараюсь писать свое — о непротивлении злу, о церкви и о воинской повинности, и всё мало подвигаюсь», — писал он 1? февраля М. А. Шмидт и О. А. Баршевой (т. 65, стр. 235). «Медленно идет моя работа, — писал он и Бирюкову 21 февраля. — Чертков прислал мне черновые об искусстве, и я начал опять о науке и искусстве, и оторвался от своей статьи о непроти-

влении злу, и опять остановился, и опять вернулся к статье о непр[о]т[ивлении] злу» (т. 65, стр. 255—256). А в Дневнике 24 февраля отметил: «Бросил писать о науке и искусстве и вернулся к непротивлению злу» (т. 52, стр. 13). 28 февраля он послал Черткову свое «писанье о науке и искусстве» и в тот же день писал ему: «Хочу на время не развлекаться и отдать все свои слабеющие силы статье о непр[отивлении] злу. Всё думается, что она нужна, нужнее всего другого» (т. 87, стр. 73).

Запись в Дневнике 25 января 1891 г. о том, что Толстым «кончены» первые шесть глав трактата, не следует понимать так, что эти главы были им окончательно написаны и готовы к печати. Как показывают Дневники и письма Толстого, над этими главами он работал на протяжении почти всего 1891 г. Судя по черновым его рукописям, эти главы неоднократно просматривались Толстым и подвергались значительной переработке. В процессе работы над ними он написал многочисленные дополнения, производил перестановки текста, одни главы соединял с другими, другие неоднократно перемещал (см. «Описание рукописей»).

9 марта Толстой заносит в Дневник: «Все три дня писал, хотя немного, но толково, и подвигаюсь. Кажется, кончаю 4-ю главу» (т. 52, стр. 17). 13 марта: «Нынче пересматривал писанье, поправлял. Всё более и более уясняется» (т. 52, стр. 20).

Работа у Толстого шла медленно и с напряжением. 14 марта 1891 г. он писал из Ясной Поляны к В. П. Золотареву: «Все силы, которых мало, отдаю на писанье статьи о непротивлении злу, о церкви и воинской повинности и почти не подвигаюсь. А знаю, что есть, что сказать, и нужно это сказать» (т. 65, стр. 268). О том же он писал 22—24 марта и И. Б. Файнерману: «Я очень занят работой, которая идет очень медленно, напряженно, но которая засела так, что поглощает те слабые силы, которые есть во мне» (т. 65, стр. 274).

17 и 18 марта Толстой «ничего не писал, только пересматривал», «перечитывал, поправляя» (т. 52, стр. 20), но 25 марта он «писал 6-ю главу и кое-как кончил; отнес определение жизнепонимания в 7-ю. Очень ясно всё представляется» (т. 52, стр. 24).

Из письма его к Черткову от 4? апреля видно, что работа над трактатом «идет медленно, очень медленно, но идет» (т. 87, стр. 80). 15 апреля он писал тому же адресату, что «работа подвигается лучше» (т. 87, стр. 83).

А 17 апреля 1891 г. о своей работе над трактатом сообщал Н. Н. Ге-сыну, что пишет «с большим усилием», писание «медленно» подвигается, зато в работе проявляет много «терпенья, упорства», «по 20 раз» переделывает (т. 65, стр. 289).

18 апреля Толстой «опять переправлял» III и IV главы (т. 52, стр. 27). А потом «два раза переставлял 7 главу» (т. 52, стр. 29). 2 мая же отметил в Дневнике: «Всё время писал... И только кончил 3-ю и 4-ю главу, котор[ые] соединил из 5 и 6-й. Становится яснее» (т. 52, стр. 29).

В письме от 18 мая 1891 г. В. Г. Чертков прислал Толстому для его трактата выписку из рукописного дневника генерала Н. Н. Муравьева-Карского (1794—1866), не пропущенную цензурой, о пяти крестьянах Тамбовской губернии, отказавшихся в 1818 г. от военной службы и за

это жестоко наказанных военным начальством. Эту выписку Толстой полностью, без всяких изменений, включил в I главу своего трактата.

22 мая 1891 г. ему «уяснилось всё в целом», и он «написал конспект 9 глав» (т. 52, стр. 32). По этому черновому конспекту трактат делился на девять глав и заключение (см. вар. № 1).

В июле в Ясную Поляну приезжал Н. Н. Страхов. Толстой «с эгоизмом... ждал его осуждения» своего писания, но «он не осудил» (т. 52, стр. 47).

Продолжая работу над трактатом, Толстой 12 августа писал, что «остановился на 8-ой главе и, кажется, обдумал ее сегодня» (т. 52, стр. 48).

По составленному авторскому конспекту трактат мыслился Толстым состоящим из девяти глав и заключения (см. вар. № 1). Теперь, работая над VIII главой, он свой замысел изменил и VIII главу считал последней, заключительной своего трактата. В Дневнике под датой 13 сентября отметил: «За это время писал довольно много. Подвинулся так, что близок к концу. Пишу VIII гл., которой и окончится» (т. 52, стр. 50). Однако в дальнейшей работе VIII глава так разрослась, что Толстому пришлось ее разделить на три главы — VIII, IX и X, к которым были еще написаны им XI и заключительная XII глава, разбитая на шесть подглав.

6

В 1891—1892 гг. Толстой принял деятельное участие в помощи пострадавшим от народного бедствия — голода, охватившего центральные губернии России.

Узнав о страданиях голодающего народа, он не мог «жить дома, писать», чувствовал «потребность участвовать, что-то делать» (письмо к Н. Н. Ге-отцу и Н. Н. Ге-сыну от 9? ноября 1891 г., т. 66, стр. 81—82).

Работа по оказанию помощи голодающим крестьянам, составление отчетов, писание статей о голоде, естественно, отнимали у Толстого много сил и внимания. И тем не менее он продолжает писать свой трактат.

3 и 4 октября Толстой «писал 8-ю главу и хорошо кончил», 5 и 6 октября «поправлял первые главы» (т. 52, стр. 55). В действительности VIII глава не была им закончена; работа над VIII главой велась Толстым и в продолжение первой половины 1892 г.

9? октября Толстой писал Бирюкову, что закончил свою статью о непротивлении злу. «Буду поправлять еще, — добавлял он, — но если бы я умер, то она и в теперешнем виде имела бы цельный смысл» (т. 66, стр. 56).

Литературная обработка написанного, как обычно это бывало у Толстого, сопровождалась многочисленными переделками, перестановками в тексте и всевозможными исправлениями и дополнениями. Так, в дневниковой записи от 24 октября говорилось, что он «бился над 4-ой главой»; 24 октября «писал 4-ую главу» и в тот же день «кажется, кончил 4-ую главу. И пересмотрел окончательно 6-ю и до половины 7-ю» (т. 52, стр. 55—57). 6 ноября Толстой «поправил еще 7-ю и 8-ю главы» (т. 52, стр. 57). И 16 ноября в Бегичевке «поправлял 7-ю и 8-ю главы. 7-ю кончил. 8-ю не мог кончить» (т. 52, стр. 58). 18 ноября, тоже в Бегичевке,

«пробовал писать 8-ю главу. Ничего не шло» (т. 52, стр. 58), но уже 24 ноября «писал 8-ю главу недурно» (т. 52, стр. 59).

12 ноября в Бегичевку приехал М. Н. Чистяков с поручением от Черткова привезти рукопись трактата с VIII главой. Толстой попытался закончить VIII главу к отъезду Чистякова, но не смог этого сделать. За несколько дней до отъезда Толстого из Бегичевки в Москву, 25 ноября, М. Н. Чистяков писал Черткову: «Сейчас переговорил с Львом Николаевичем о рукописи, и вот на чем мы остановились: 7 глав остаются здесь со мною, а 8-я пойдет с ним в Москву. Он там ее закончит и перешлет сюда... Во всяком случае раньше как через недели две, получить рукопись едва ли можно» (т. 87, стр. 118).

Но Толстому и в Москве не удалось закончить VIII главу, и М. Н. Чистяков привез Черткову первые семь глав трактата.

Получив их, Чертков писал Толстому 20 декабря 1891 г.: «Все 7 глав у нас теперь переписаны в надлежащем количестве и проверены. И мы ждем 8-ю» (ГМТ).

Работа над этой главой у Толстого продолжалась и в декабре 1891 г.

Таким образом, с 8 июля 1890 г., со дня написания Толстым черновой редакции «Предисловия» к переводам «Катехизиса» А. Баллу и «Декларации» В. Гаррисона, по декабрь 1891 г. Толстым были написаны первые семь глав трактата, а VIII была им не закончена. В процессе работы «Предисловие» и «Заключение» переросли в трактат большого общественного значения.

Для изучения творческого процесса Толстого большой интерес представляют сохранившиеся черновые рукописи трактата «Царство божие внутри вас», которые содержат в себе многие ценные высказывания, не вошедшие в окончательный текст. 16 ноября 1890 г. был написан черновой набросок с заглавием «О непротивлении злу, о церкви и об общей воинской повинности» (рук. АЧ 19/13).

Копией с этого автографа являлась рукопись АЧ 20/22 с тем же заглавием. После усиленной авторской правки эта рукопись уже близко подходила к окончательному тексту I главы. Но она еще не содержала в себе рассказа из рукописного дневника Н. Н. Муравьева-Карского о пяти крестьянах, отказавшихся по религиозным убеждениям в 1818 г. от военной службы. Следовательно, рукопись АЧ 20/22 могла быть написана до 18 мая 1891 г., когда В. Г. Чертков этот рассказ послал Толстому. Следующей рукописью I главы является рукопись АЧ 35/405 (папка № 127). Эта рукопись — неточная копия рукописи АЧ 20/22. Надо думать, что между этими рукописями была одна промежуточная.

В рукописи АЧ 35/405 Толстой впервые включает присланную ему Чертковым выписку из рукописного дневника Н. Н. Муравьева-Карского. Значит, эта рукопись могла быть написана уже после 18 мая 1891 г.

В рукописи АЧ 35/405 Толстой зачеркивает первоначальное заглавие трактата: «О непротивлении злу насилием, о церкви и об общей воинской повинности». Взамен его пишет новое: «Учение христианское не как мистическое учение, а как новое жизнепонимание». И тут же в эпиграфе приводит буквально слова из Евангелия от Луки (17, 21): «Царствие божие внутрь вас есть».

Последней сохранившейся рукописью с авторскою правкою I главы является рукопись АЧ 20/23, совпадающая полностью с печатным текстом. Эта рукопись — неточная копия предшествующей рукописи АЧ 35/405. Видимо, между рукописями АЧ 35/405 и АЧ 20/23 была также одна промежуточная. Как и предыдущие, рукопись АЧ 20/23 имела первоначальное заглавие «О непротивлении злу, о церкви и об общей воинской повинности». Это заглавие Толстым зачеркнуто и заменено: «Учение Христа и общая воинская повинность». В этой рукописи Толстой ставит эпиграф, как и в предшествующей (АЧ 35/405): «Царствие божие внутрь вас есть».

Новое заглавие трактата «Учение Христа и общая воинская повинность» (по счету третье) сохранялось Толстым в рукописях до конца его работы над сочинением, получившим окончательное название «Царство божие внутри вас».

Повидимому, изменение заглавия трактата в рукописях АЧ 35/405 и АЧ 20/23 было произведено им незадолго до отправки рукописей первых семи глав Черткову в Воронежскую губернию с М. Н. Чистяковым.

В рукописи I главы (АЧ 20/22, л. 49) Толстой писал о правительственных репрессиях против отказывающихся от военной службы: «Самое удобное для правительства было бы, разумеется, казнить отказывающегося: засечь палками или каким-нибудь иным способом, как это делалось прежде; но железные дороги, телеграфы, печать; нельзя этого сделать тайно». Для продолжения этого текста Толстой на полях л. 49 делает вставку о Чингис-хане со ссылкой на слова А. И. Герцена, высказанные Герценом в «Письме к императору Александру II (по поводу книги барона Корфа)», напечатанном в «Колоколе» 1857 г. [1] Текст вставки был следующий: «Как говорил когда-то Герцен: Чингис-хан с железными дорогами, телеграфами был бы ужасен; но, к счастью, самые железные дороги и телеграфы не позволяют Чингис-хану быть вполне Чингис-ханом».

В апреле 1891 г. из Ясной Поляны М. Л. Толстой были посланы Черткову черновые рукописи трактата. Ознакомившись по ним с I главой, Чертков нашел в ней излишние резкости против русского правительства. В письме от 29 апреля 1891 г. он отрицательно отнесся к тому, что Толстой упоминает о Чингис-хане с ссылкой на слова Герцена. В Дневнике 10 мая 1891 г. Толстой отметил: «Хорошее было письмо от Черткова, который осуждает за резкость в статье. Вчера отвечал ему» (т. 52, стр. 31). Толстой ответил Черткову 8 мая 1891 г.: «Получил вчера ваше заказное письмо... Большое спасибо вам за него. Не могу вам выразить, какое остро-радостное чувство я испытал, читая его. Острое, потому что было чувство оскорбленного самолюбия, но чувство сознания правды, добра и благодарности настолько было сильнее, что неприятное чувство только придавало saveur [2] всему. Разумеется, я всё это вычеркну. И это письмо да будет у вас доказательством того, что я желаю и прошу вас вычеркнуть прежде, чем отдать переводить, вычеркнуть всё недоброе» (т. 87, стр. 88).

---

[1] А. И. Герцен, Полное собрание сочинений и писем, под редакцией М. К. Лемке, т. IX, Спб. 1919, стр. 27.

[2] [вкус]

В последней рукописи I главы (АЧ 20/23) текст о Чингис-хане с ссылкой на слова А. И. Герцена был вычеркнут и в печатную редакцию не вошел. Текст, предшествующий вставке о Чингис-хане, вошел в печатную редакцию с значительными изменениями (см. печ. текст, стр. 24, строки 10—13). Кроме того, самый конец I главы, где говорилось о правительственных репрессиях и преследованиях отказавшихся от военной службы, был вычеркнут полностью.

Еще в ранней рукописи АЧ 19/16, восходящей к автографу (рук. АЧ 19/7), превратившемуся впоследствии во II главу, Толстой вспоминал свое письмо к обер-прокурору Синода К. П. Победоносцеву, вызванное событиями 1881 г. Известно, что после убийства Александра II Толстой обратился к Александру III с письмом, доказывая в нем, что царь, как христианин, должен простить обвиняемых по делу о цареубийстве; просил Победоносцева передать это письмо Александру III (т. 63, стр. 44—60). Победоносцев, ознакомившись с письмом, отказался выполнить просьбу Толстого и ответил ему уже после казни народовольцев: «Прочитав письмо Ваше, я увидел, что Ваша вера одна, а моя и церковная другая, и что наш Христос — не Ваш Христос. Своего я знаю мужем силы и истины, исцеляющим расслабленных, а в Вашем показались мне черты расслабленного, который сам требует исцеления. Вот почему я по своей вере и не мог исполнить Ваше поручение» (ГМТ).

В рукописи АЧ 19/16 (л. 20 — автограф) Толстой приводит ответ Победоносцева, называя его фамилию: «Мне писал Победоносцев на мою просьбу во имя христианства ходатайствовать о прощении убийц 1-го марта, что его, Победоносцева, Христос не есть Христос смирения и слабости, а Христос силы и власти (не помню точных слов, но смысл этот самый)».

Этот текст о Победоносцеве попадает в более позднюю рукопись АЧ 20/22 главы II [1] уже в иной редакции, и Толстой говорит в ней о Победоносцеве, не называя его фамилии: «Один борец за православие, занимающий важную должность, на мою просьбу во имя христианства ходатайствовать о прощении убийц, отвечал мне, что Христос, которого исповедует он, этот его православный Христос, не есть мой Христос (как он выразился), Христос смирения и слабости, а Христос силы и власти, т. е. такой, который не только не велит прощать убийц, но велит казнить их. Не помню точных слов, но смысл этот самый» (л. 58 — копия с большими авторскими дополнениями).

В этой рукописи (л. 58) на полях Толстой делает вставку о поэте В. А. Жуковском, имея в виду его статью «О смертной казни» (1849): «Не знаю лучшего примера... извращения христианства людьми, стоящими у власти, как записка сладкого, изнеженного христианского поэта Жуковского о том, как устроить смертную казнь в церкви. Как это будет трогательно».

Вышеупомянутые высказывания Толстого о Победоносцеве и поэте Жуковском в окончательный текст II главы не вошли. Но безусловно Толстой имел в виду ответ Победоносцева на свое письмо по поводу со-

[1] Рукопись АЧ 20/22 содержит первые две главы трактата.

бытия 1 марта 1881 г., когда писал в завершенной редакции II главы: «Если бы все люди знали, что церковь проповедует Христа, казнящего и не прощающего и воюющего, то никто бы не верил в эту церковь и некому было бы доказывать то, что она доказывает».

21—25 июня 1891 г. в Ясной Поляне у Толстого гостил И. И. Горбунов-Посадов. Во время пребывания там он ознакомился с рукописью трактата. 25 июня Толстой «прочел ему начало 6-й главы» (т. 52, стр. 42).

В письме от 6 июля И. И. Горбунов-Посадов предлагал Толстому в VI главе (четвертой в окончательной редакции), там, где говорится о заповедях Христа, внести изменения: «Вы употребили здесь «можно», — писал он, — конечно, вместо старого «должно», отнимая этим у заповедей характер правил. Но мне кажется, что слово это «можно» звучит как-то уже слишком слабо. Нельзя ли так — «ниже которых для человека недостойно и уже вполне возможно не спускаться...» (ГМТ).

Толстой обещал изменить свои «выражения» (т. 66, стр. 18). После этого письма И. И. Горбунова-Посадова он внес свои исправления в недошедшую до нас рукопись, которые потом красными чернилами были перенесены переписчиком в последние рукописи IV главы (АЧ 22/64, 88, АЧ 35/420). Судя по этим авторским поправкам Толстой лишь частично воспользовался советом И. И. Горбунова-Посадова: в пяти фразах, где говорилось о заповедях Христа, он вместо слов: «ниже которой можно не спускаться» поставил: «ниже которой вполне возможно не спускаться» (см. печ. текст, стр. 80).

В окончательной редакции V главы, говоря о стачках, рабочих союзах, Толстой так определяет положение господствующих классов: «Правящие классы по отношению рабочих находятся в положении подмявшего под себя противника и держащего, не выпуская его, не столько потому, что он не хочет выпустить его, сколько потому, что он знает, что стоит ему выпустить на мгновение подмятого, чтобы самому быть сейчас же зарезанным, потому что подмятый озлоблен и в руке его нож».

Это высказывание Толстого перекликается с его мыслями, записанными в Дневнике 15 ноября 1890 г.: «Я писал дальше об угнетении. Думал: К *статье о противл[ении]*. Низшие рабочие классы всегда ненавидят и только ждут возможности выместить всё накипевшее, но верх теперь прав[ящих] классов. Они лежат на рабочих и не могут выпустить: если выпустят, им конец. Всё остальное игра и комедия; сущность дела — это борьба на жизнь и смерть. Они, как разбойники, караулят добычу и защищают добычу от других» (т. 51, стр. 105).

В других дневниковых записях Толстого тоже содержатся его высказывания по вопросу о противоречиях между правящими классами и рабочими массами, использованные им в его трактате.[1]

Черновые рукописи Толстого заключают в себе его мысли по этому вопросу, представляющие большой интерес, хотя автором они и не были включены в окончательный текст трактата (см. вар. № 4).

В VI главе Толстой поместил в собственном переводе высказывания о войне из сочинений Мопассана («Sur l'eau»), Рода («Le sens de la vie»)

[1] См. Дневник 8 октября 1890 г. — т. 51, стр. 94—95; Дневник 16 февраля 1891 г. — т. 52, стр. 11, и т. д.

и Вогюэ («A travers l'exposition. IX. Dernières remarques» — «Revue des Deux Mondes», 1889, novembre.

О Вогюэ Толстой писал еще в Дневнике 22 ноября 1889 г., имея в виду вышеупомянутую его статью, отрывок из которой он привел в VI главе трактата: «Статья Вогюэ о выставке и о войне — надо выписать: оставим, мол, болтунов толковать о том, что благо человечество достигнет наукой, трудом, общением и наступит золотой век, который, если бы наступил, то был бы мерзостью. Нужна кровь и т. д. Очень хотелось писать об этом» (т. 50, стр. 181—182). В завершенной редакции VI главы Толстой писал о Вогюэ, что «люди, которые, как Вогюэ и др., исповедуя закон эволюции, признают войну не только неизбежной, но полезной и потому желательной, — эти люди страшны, ужасны своей нравственной извращенностью» (см. варианты о войне за №№ 5—7).

В 1891 г. в России появился в русском переводе пацифистский роман из эпохи франко-прусской войны немецкой писательницы Берты фон Зутнер (1843—1914) «Waffen nieder!» («Долой оружие!»). Ознакомившись с романом в русском переводе, вышедшем под редакцией Ф. И. Булгакова, Толстой обратился к его автору с письмом от 9 октября 1891 г.:

«Я читал ваш роман, который мне прислал г. Булгаков, в то время, как получил ваше письмо.

Я очень ценю ваше произведение, и мне приходит мысль, что опубликование вашего романа является счастливым предзнаменованием.

Отмене невольничества предшествовала знаменитая книга женщины, г-жи Бичер-Стоу, дай бог, чтобы ваша книга предшествовала уничтожению войны. Я не верю, чтобы третейский суд был действенным средством для уничтожения войны. Я заканчиваю одно писание по этому предмету, в котором говорю об единственном средстве, которое, по моему мнению, может сделать войны невозможными. Между тем все усилия, подсказанные искренной любовью к человечеству, принесут свои плоды, и конгресс в Риме, я в этом уверен, будет много содействовать, как и прошлогодний конгресс в Лондоне, популяризации идеи о явном противоречии, в котором находится Европа, между военным положением народов и нравственными правилами христианства и гуманности, которые они исповедуют» (т. 66, стр. 58—60).

Закончив чтение романа Берты Зутнер, Толстой 21 октября отметил в Дневнике: «Вечером читал и кончил «Долой оружие». Хорошо собрано. Видно горячее убеждение, но бездарно» (т. 52, стр. 56).

В завершенной редакции VI главы Толстой высказал отрицательное отношение к конгрессам мира. О втором конгрессе мира, состоявшемся в июне 1890 г. в Лондоне, он писал: «Вот результаты конгресса: собрав с разных концов света от ученых лично или письменно их мнения, конгресс, начав молебствием в соборе и кончив обедом со спичами, в продолжение 5 дней выслушал много речей и пришел к следующим решениям». Далее Толстой излагает 19 пунктов решения этого конгресса, резко обличая его лицемерную деятельность.

В этой же главе Толстой отрицательно отозвался и о третейских судах: «Удивительно, чем могут себя обманывать люди, когда им нужно обмануть себя». Единственное средство, которое, по его мнению, может сделать

войны невозможными, это «изменение жизни или сознания» современного общества.

12 ноября 1891 г. Чертков писал Толстому: «Вам, кажется, предстоит теперь окончить ваше большое писание о церкви и воинской повинности. Для этого вам следовало бы иметь под рукою ваше прежнее обращение к «людям братьям»... Поэтому посылаю вам при сем мой список» (ГМТ).

Под «обращением» Чертков разумел неоконченную статью Толстого 1889 г., впервые напечатанную им в Англии под названием «Обращение к людям братьям» в «Полном собрании сочинений Л. Н. Толстого, запрещенных в России», изд. «Свободное слово», т. X, Christchurch, 1904, стр. 143—147.

В нашем издании эта статья напечатана под заглавием «Воззвание» в т. 27, стр. 530—533.

Черткову казалось, что этой статьей Толстой может закончить VIII главу, над которой он работал в то время, предполагая ее сделать заключительной своего трактата.

Толстой ответил Черткову из Бегичевки 25 ноября 1891 г.: «Благодарю за присылку «обращения». Я понимаю, что хорошо бы было заключить им или таким же; но не знаю, выйдет ли» (т. 87, стр. 112).

С приезжавшим в ноябре 1891 г. в Ясную Поляну М. Н. Чистяковым Чертков послал Толстому свои пометки в рукописи трактата.

По поводу этих пометок Толстой писал Черткову из Бегичевки 14 декабря 1891 г.: «С Матвеем Николаевичем расстался как с дорогим братом... Поручение свое об изменениях в рукописи он исполнил в точности. С некоторыми замечаниями я совсем согласен, с другими совсем не согласен и не могу согласиться. Главное, не могу согласиться с смягчениями. Смягчать, оговариваясь, нельзя. Это нарушает весь тон, а тон выражает чувство, а чувство заражает (чувство иногда негодования) больше, чем всякие доводы» (т. 87, стр. 117).

Свои пометки Чертков нанес в последней рукописи (АЧ 35/419) III главы. Эти пометки относительно небольшие. Из них приводим две как наиболее значительные.

В рукописи АЧ 35/419 (л. 45) у Толстого была фраза: «В наше время человек совершенно невежественный или совершенно равнодушный к религии может оставаться в церковной вере». Чертков эту фразу зачеркнул как резко обличительную. Толстой, просматривая, не согласился с ним. Эту фразу он восстановил, но внес в нее незначительные свои изменения, с которыми она потом вошла в окончательный текст.

В той же рукописи на лл. 46 и 47 у Толстого была фраза: «С самого первого пробуждения сознания ребенка его начинают обманывать, с торжественностью внушать ему то, во что не верят сами внушающие». Чертков внес изменение: «во что большей частью сами не верят внушающие». Толстой не согласился, чертковские поправки зачеркнул и фразу оставил в прежней редакции, полностью совпадающей с печатной.

30 декабря 1891 г., возвращаясь из Бегичевки в Москву, Толстой писал с дороги Черткову, прося его внести исправление «в 3-й главе, где говорится о том, что необходимо выбрать Нагорную проповедь или сим-

вол веры Никейский, надо поставить «Константинопольско-Никейский» (т. 87, стр. 119).

Толстой назвал символ веры константинопольско-никейским потому, что он был составлен на двух вселенских соборах: первом в малоазиатском городе Никее в 325 г. и втором в городе Константинополе в 381 г.

Однако в последней авторской рукописи (АЧ 21/40) и в окончательном тексте это место читается в следующей редакции: «Нагорная проповедь или символ веры; нельзя верить тому и другому. И церковники выбрали последнее: символ веры учится и читается, как молитва и в церквах, а Нагорная проповедь исключена даже из чтений евангельских в церквах, так что в церквах никогда, кроме как в те дни, когда читается всё Евангелие, прихожане не услышат ее».

7

Деятельность Толстого по оказанию помощи голодающим крестьянам продолжалась и в 1892 г. Уделяя ей много внимания и времени, Толстой в то же время продолжал напряженно работать и над своим трактатом.

15 января 1892 г. Толстой сообщал из Москвы Черткову: «Я еще в Москве, и очень каюсь, тягочусь здешней жизнью... Одно, чем могу немного утешаться, это то, что написал здесь и, кажется, что кончил 8-ю главу. Всё это вышло не так, как я думал. То воззвание, которое я думал и вы посоветовали поместить в конце, не подошло. Но, кажется, вышло так, как должно было. Завтра, если буду жив, поправлю по переписанному, и надеюсь, что исправлю, вычеркну, прибавлю, переставлю, но не изменю» (т. 87, стр. 123—124). Цитированное письмо свидетельствовало, что Толстой не воспользовался списком со своей неоконченной статьи 1889 г., посланным ему Чертковым 12 ноября 1891 г.

VIII глава потребовала от него большого, напряженного труда. «Вот уже 3-й месяц всё пишу, переделываю и переделываю 8-ю, последнюю, главу моего сочинения... и всё не могу кончить, всё кажется не так сильно и убедительно, как оно у меня в сердце и в голове», — сообщал Толстой из Бегичевки Д. А. Хилкову 31 января 1892 г. (т. 66, стр. 147).

3 февраля он отметил в Дневнике: «Пытался писать, не идет» (т. 52, стр. 61).

29 февраля: «Всё пишу и не могу кончить» (т. 52, стр. 63).

3 апреля: «Всё время стараюсь кончить 8-ую главу и всё дальше от конца» (т. 52, стр. 64).

В марте 1892 г. к Толстому в Москву приезжал от Черткова М. Н. Чистяков за рукописью VIII главы. Толстой предполагал свою работу закончить в скором времени. Но М. Н. Чистяков, пробыв некоторое время в Москве в ожидании рукописи, съездив по поручению Толстого в Бегичевку, в начале апреля уехал из Москвы, не дождавшись окончания работы над VIII главой.

Письмом от 9 апреля 1892 г. он уведомлял Черткова: «8-ю главу Лев Николаевич очень хотел окончить к моему возвращению [1] и послать со

[Из Бегичевки].

мной к тебе на просмотр, но так и не докончил, и когда докончит — трудно сказать» (т. 87, стр. 136).

Лишь около 19 апреля 1892 г. Толстой закончил VIII главу своего трактата и отослал ее для переписки Черткову (т. 87, стр. 141).

После написания VIII главы свою работу над трактатом Толстой считал законченной. 26 апреля он писал из Бегичевки Д. А. Хилкову: «Писание свое я кончил и послал Черткову для переписки и рассылки переводчикам» (т. 66, стр. 207).

Получив 27 апреля от Черткова переписанную рукопись VIII главы, Толстой нашел, что она «в безобразном виде», и приступил к новому пересмотру этой главы.

«Еще новость: приехал дня два тому назад от Черткова его секретарь и приятель, Евдоким, с моей рукописью, и я ее перечитывал и перечитываю и исправляю. И опять путаюсь и мараю и недоволен», — сообщал Толстой жене 1 мая из Бегичевки (т. 84, стр. 146).

На следующий день он писал тому же адресату: «Опять заколодила моя 8-я глава, но всё надеюсь кончить» (т. 84, стр. 148).

Е. П. Соколов, который привез Толстому переписанную им VIII главу, должен был с целью ускорения работы, согласно инструкции Черткова, переписывать правленные Толстым рукописи этой главы.

Однако, прожив около месяца в Бегичевке, он уехал обратно к Черткову в Воронежскую губернию, так и не получив ее окончательный текст.

Работая над VIII главой, Толстой, как видно из письма его к Н. Н. Ге-сыну от 12 мая, дал своему трактату новое название: «Царство божие внутри вас есть» (т. 66, стр. 214). 31 мая он писал и Г. А. Русанову, что свое новое сочинение озаглавит: «Царство божие внутрь вас есть» (т. 66, стр. 224).

Среди черновых материалов VIII главы рукопись АЧ 26/180 заключена в обложку с обозначением на ней рукой Толстого нового заглавия трактата: «Царствие божие внутри вас». И далее он поставил эпиграф, текст которого незначительно отличался от печатного.

Давая новое название своему трактату (по счету четвертое), Толстой сохранял и прежнее, обозначенное им в последней рукописи (АЧ 20/23) I главы: «Учение Христа и общая воинская повинность». Очевидно, автор еще окончательно не решил вопроса о точном названии своего сочинения.

С 20 июня в Ясной Поляне гостил Н. Н. Страхов. Он одобрил писание Толстого. Толстому «это приятно и ободряет, но не останавливает в работе».

По совету Н. Н. Страхова, Толстой разделил разросшуюся VIII главу на три главы — восьмую, девятую и десятую (т. 87, стр. 153).

До этого разделения ранняя редакция VIII главы имела иное начало, чем печатная.

Это начало, под заглавием «О значении отказа от военной службы», В. Г. Чертков опубликовал в Англии в журнале «Свободное слово», 1905, № 15 (январь, февраль), столб. 22—27. Оно было напечатано с некоторыми пропусками текста, вошедшего в окончательную редакцию VIII главы.

Сохранились черновые рукописи, содержащие это начало (рук. АЧ 26/155, 164, 165, 175, 180). Но Чертков напечатал начало VIII главы по рукописи более поздней и нам неизвестной. Поэтому вариант начала VIII главы публикуется по печатному тексту «Свободного слова» (см. вар. № 8).

Отправив около 19 апреля 1892 г. для переписки Черткову VIII главу, Толстой тут же послал дополнение к этой главе в письме к А. Н. Дунаеву (см. т. 90). Он просил А. Н. Дунаева: «В том месте в конце 8-й главы, где написано: «вы говорите, что если я не исполню ваших требований, то мне будет худо», надо продолжить так: «но то худое, которым вы пугаете меня, не может быть мне страшно». Дополнение кончалось словами: «Стоит нам очнуться, и власти вашей никакой не будет» (см. т. 90).

После разделения, по совету Н. Н. Страхова, VIII главы на три — восьмую, девятую и десятую, это дополнение в окончательную редакцию этих глав не вошло.

В письме от 15 июля из Бегичевки М. Л. Толстая сообщала Черткову, что «последние главы... пишутся еще, но здесь медленно и с трудом» (ГМТ). А 18 июля по поручению отца просила Черткова послать Е. И. Попова или кого-нибудь другого за VIII главой. Вместе с тем она писала: «Он думает, что кончает. Я думаю, что еще не кончает. Но очень хорошо, если приедет кто-нибудь, если даже и придется здесь долго ждать, так как перепиской я не поспеваю и этим задерживаю его» (ГМТ).

24 июля в Бегичевку приехал Е. И. Попов, чтобы помочь в качестве переписчика Толстому в работе над трактатом. Из Бегичевки Е. И. Попов переехал в Ясную Поляну, где продолжал помогать Толстому, переписывая его рукописи.

6 августа 1892 г. в Ясной Поляне Толстой записал в Дневнике: «8-ая глава кончена, но над 9-й и 10-й всё вожусь. И начинаю думать, что толкусь на месте... Выписал Попова. Он живет у нас, переписывает и ждет» (т. 52, стр. 69).

Толстой, «сколько было сил, работал над 8, 9 и 10 главами и первые 2 кончил. Но 10-ю только смазал. Всё нет настоящего заключения» (т. 52, стр. 72). Работу над трактатом надеется «кончить» в сентябре, свое сочинение «теперь» уже мыслит состоящим из двенадцати глав (т. 66, стр. 259). 27 сентября сообщал Черткову: «Работа подвигается. Написано 11 глав и окончены и начерно написана 12-я глава, составляющая заключение» (т. 87, стр. 160).

В письме от 19 октября ему же он высказывал надежду «кончить» свой трактат через неделю (т. 87, стр. 164). Но уже 6 ноября записал в Дневнике: «Работа идет над заключением. Приближаясь к концу, но не конец» (т. 52, стр. 75).

29 или 30 октября Толстой слушал в тульском суде «большое дело о шайке воров», а 14 ноября он «опять» был в Туле, чтобы видеть рекрутский набор, — это нужно было ему для работы над XII главой его трактата (т. 84, стр. 165 и 173).

6 декабря 1892 г. В. Г. Чертков обратился к Толстому с письмом, предлагая ему внести изменения в X главе, в том месте, где высказывалась «мысль об отрезвляющем влиянии власти», а люди уподоблялись кипению

воды. Самый конец X главы он находил неясным. «Если насилие очищает и смягчает насилующих, — писал он, — то каким образом из этого вытекает (там сказано: «и потому»), что «уничтожение государственного насилия всегда желательно?» (ГМТ).

Толстой не согласился с Чертковым, считая, что «сказано ясно», но заключительный период X главы он нашел «дурно выраженным». И поправил его так: «И потому утверждение защитников государственного насилия о том, что, если упразднить государственное насилие, то злые будут властвовать над добрыми, не только не доказывает того, чтобы это (властвование злых над добрыми) было опасно, так как это самое и происходит при государственном насилии, но, напротив, доказывает то, что государственное насилие, дающее возможность злым властвовать над добрыми, и есть то зло, которое желательно уничтожить и которое постоянно уничтожается самою жизнью» (т. 87, стр. 170—171).

Этот отрывок впоследствии подвергся снова авторским изменениям, хотя и очень незначительным. В завершенной редакции он, благодаря произведенной Толстым перестановке текста, в результате которой бывшая XI глава вошла в состав второй половины X главы, из заключительного периода X главы превратился в одну из фраз, находящихся приблизительно в середине текста этой главы (см. «Описание рукописей»).

8

В окончательной редакции заключительной, XII главы Толстой писал, что 9 сентября 1892 г. ему «случилось» ехать по железной дороге в местность, где оказывалась им помощь голодающим крестьянам. На одной из железнодорожных станций, по пути в Бегичевку, поезд, в котором он ехал, встретился с экстренным поездом, в котором под предводительством тульского губернатора Н. А. Зиновьева ехал карательный отряд истязать и убивать «этих самых голодающих крестьян».

В завершенном тексте XII главы Толстым были опущены некоторые детали. Но из черновых материалов этой главы видно, что встреча Толстого с карательным отрядом произошла на станции Узловая Сызрано-Вяземской железной дороги, что отряд этот ехал усмирять крестьян села Бобрики, не дававших рубить лес помещику графу Бобринскому, «мошеннически» отнятый последним «у целого общества голодных и холодных крестьян».

Толстой признавал, что «впечатление Узловой было ужасно» (т. 84, стр. 160). На него «мучительно тяжелое впечатление произвел поезд администрации и войск, ехавших для усмирения» крестьян (т. 52, стр. 71).

Об этой встрече писала Т. Л. Толстая своей матери 10 сентября. По ее словам, встреча с карательным отрядом произвела на всех, и особенно на Толстого, «ужасно неприятное впечатление»; тульский губернатор Н. А. Зиновьев, возглавлявший карательный отряд, «казался очень сконфуженным и жалким» (т. 84, стр. 160—161).

П. И. Бирюков встречу с карательным отрядом относил к числу таких событий личной жизни Л. Н. Толстого, как смерть его отца и бабушки, столкновение с гувернером-французом, смертная казнь в Париже, мо-

сковская перепись и знакомство с городской нищетой. В своей книге «Биография Льва Николаевича Толстого» он писал о настроении, в каком приехал Толстой в Бегичевку 9 сентября: «Я жил в это время в Бегичевке, заведуя столовыми Льва Николаевича. Мы ждали его приезда для составления отчета за прошлый год, и в назначенный день, 9 сентября, он приехал. Я встретил его на крыльце дома, когда он выходил из экипажа. Радостная улыбка встречи остановилась на моих губах, когда я увидел взволнованное, расстроенное, мрачное лицо Л. Н-ча. Я понял, что что-нибудь случилось дорогой.

И только что Л. Н-ч взошел в дом, как, не садясь, с волнением и слезами в голосе начал рассказывать о том, что с ним произошло...

Этот случай заставил его снова переработать заключение своей книги и с новой силой утвердить то положение, что благополучие господствующего класса зиждется на насилии и страдании угнетенного рабочего большинства» (Б, III, стр. 202—203).

Под впечатлением своей встречи с карательною экспедицией Толстой тут же сделал набросок, ставший началом XII заключительной главы, которая затем была написана им заново, а прежде написанная XII глава, вследствие перестановки стала XI главой, бывшая XI вошла в состав X главы (см. «Описание рукописей»).

Работа среди голодающих крестьян, событие 9 сентября дали Толстому остро обличительный материал для его трактата.

Об этой работе он так писал Г. А. Русанову 31 мая 1892 г.: «Много я за нынешний год, копаясь во внутренностях народа и пытаясь делать невозможное — помогать деньгами беде людской, многое я узнал, передумал и более всего проверил и подтвердил известное, а именно, что внешней беды нет, а все беды внутренние. Какая будет развязка, не знаю, но что дело подходит к ней и что так продолжаться, в таких формах, жизнь не может, — я уверен» (т. 66, стр. 224).

В черновых рукописях XII главы содержатся высказывания Толстого, не вошедшие в окончательный текст этой главы.

Так, в рукописи АЧ 31/334 губернаторов орловского Неклюдова и нижегородского Баранова, прославившихся истязаниями крестьян, Толстой называет «палачами», которые, если в правительстве произойдут изменения, «перестанут быть в моде» (л. 31), а в другом месте той же рукописи (л. 42) — «мерзавцами», заменив это слово потом словом «несчастные».

В рукописи АЧ 29/271 имеется отрывок, помеченный Толстым словом «Пр[опустить]»: «для тех одичалых людей, как те несчастные конокрады и Барановы и Неклюдовы, которые не чувствуют внутреннего отвращения к истязанию и убийству и стараются отличиться своим палачеством, уже существует внешняя узда общественного мнения, которое начинает уже с омерзением отворачиваться от таких людей».

В черновых материалах XII главы имеются высказывания Толстого и о тульском губернаторе Н. А. Зиновьеве, возглавлявшем карательную экспедицию против крестьян села Бобрики:

он «знает, какой стон негодования вызвали в лучших людях подлость и зверство Баранова и Неклюдова, истязавших беспомощных людей» (рук. АЧ 30/296, л. 28).

«Он много ночей уж не спал, думая о том, как бы избавиться от этого ужасного поручения. И теперь он готов пожертвовать многим, чтобы избавиться от этого положения, но какая-то невидимая сила влечет его, и он не может остановиться. Через день, может быть, ему придется быть палачом и убийцей. Ему нельзя будет отступить. Он знает это и мучается» (рук. АЧ 33/395, л. 2).

«Несчастный этот человек, подавив в себе все человеческие чувства и не понимая значения того, [1] что он делал, велел выйти первому обвиняемому, отцу семейства (это был старик) и велел ему раздеваться и ложиться. Старика раздели, обнажили его измученное работой на этих самых...» (текст обрывается, рук. АЧ 33/376, л. 15).

«Представитель священной государственной власти, той самой, которая 20 лет тому назад торжественным указом отменила телесное наказание, представитель священной власти государства и справедливости всё это время сидея или стоял, куря папироски, и, вероятно, считал количество ударов. А чиновники и войска присутствовали и охраняли порядок и торжественность совершающегося государственного акта, т. е. надругательства над всем, что только есть или когда-либо было святым для человека» (рук. АЧ 33/388, л. 40).

В рукописи АЧ 33/374, л. 62 Толстой делает замечание об угнетении господствующими классами трудящихся масс: «людей убивают, вешают, истязуют замученных, беззащитных людей только для того, чтобы у богатых были шелковые платья, рысаки, охоты, вкусные кушанья» (см. вар. №№ 9—14).

В XII главе Толстой снова пишет о поэте В. А. Жуковском, имея в виду его статью «О смертной казни» (1849), напечатанную в «Собрании сочинений В. Жуковского», изд. 6-е, т. 6, Спб. 1869, стр. 611—617. Именно на это издание ссылается Толстой в завершенной редакции XII главы своего трактата.

В. А. Жуковский в статье «О смертной казни», пишет Толстой, предлагал устроить такую казнь, при которой «люди испытывали бы даже религиозное умиление». Эта казнь, по мнению Толстого, «была бы более развращающим действием, чем всё, что только могли придумать все дьяволы, чтобы развратить род человеческий» (рук. АЧ 33/370, л. 10).

Это высказывание о В. А. Жуковском в окончательный текст XII главы (подглава четвертая) вошло в иной редакции.

Судя по рукописям трактата, XII заключительная глава, в сравнении с VIII главой, потребовала от Толстого еще более напряженного труда. Начав писать ее еще в сентябре 1892 г., работу над ней он продолжал и в последующие месяцы. Об этой работе Толстой писал 24 декабря 1892 г. к Н. Н. Ге-сыну: «Мы в Москве, я весь в своей книге, в писаньи ее — последняя глава — заключенье, и ничего не вижу, ни о чем не думаю, кроме как о ней» (т. 66, стр. 287).

В начале января 1893 г. в Москву приехал Е. И. Попов с поручением от Черткова получить от Толстого рукописи последних

---

[1] *Зачеркнуто*: ужаса, который он совершал, всего того позора, которым он покрывал себя

глав и помочь Толстому в качестве переписчика в его работе над трактатом.

Выяснив, что работа еще далека от окончания, он писал Черткову 12 января 1893 г.: «Дело в таком положении, что нельзя предвидеть конца, так как он говорит, что думает не о том, чтобы кончить, а о том, чтобы получше написать. И хочет опять соединить, перетасовать и исправлять, так что дела еще очень много, и я не знаю, как я распоряжусь собой. Пока буду жить здесь» (ГАУ).

31 января 1893 г. Е. И. Попов выехал из Москвы в Ясную Поляну. Прожил там короткое время и в начале февраля, вместе с Толстым, уехал в Бегичевку, чтобы помочь ему там перепиской его рукописей закончить трактат.

В Бегичевке Толстой продолжал писать последнюю, XII главу. Он «всё кончает свое писанье. Очень, до греха, поглощен им» (т. 66, стр. 295). Однако Толстой свой трактат в Бегичевке не закончил. Вернувшись в Ясную Поляну, он писал оттуда 25 февраля Н. Н. Страхову: «Я в жизни никогда с таким напряжением и упорством не работал, как я теперь работаю над всей моей книгой и в особенности над заключительными главами ее» (т. 66, стр. 299).

Но работа над этой книгой у Толстого сильно затянулась, и он закончил ее лишь в мае 1893 г. в Ясной Поляне.

П. И. Бирюков, гостивший в феврале и в начале марта 1893 г. в Воронежской губернии у Черткова, высказал ему свое мнение о XII главе трактата. По его мнению, то, над чем тогда работал Толстой, является новым самостоятельным сочинением, не связанным с содержанием трактата. Он полагал, что XII глава должна остаться в том виде, в каком она была первоначально написана Толстым, еще до его встречи с карательным поездом. Чертков не согласился с Бирюковым. Он считал, что все написанное Толстым в XII главе после 9 сентября 1892 г. является необходимым заключением к книге «Царство божие внутри вас».

О своем несогласии с Бирюковым Чертков написал Толстому 6 марта 1893 г. Толстой ответил ему письмом от 17 марта 1893 г. «Я рад, что вы не согласны с Пошей. Я с вами согласен» (т. 87, стр. 182).

Трактат «Царство божие внутри вас» находился еще в первоначальной стадии своего писания, когда уже возник и стал обсуждаться вопрос о переводе и печатании нового сочинения Л. Н. Толстого.

Работая над первыми главами «Царства божия внутри вас», Толстой обещал в декабре 1890 г. предоставить рукопись своего сочинения для перевода на английский язык англичанину, доктору восточных языков и литературы, Э. М. Диллону (1854—1933).

Письмом от 11 декабря 1891 г. из Петербурга Э. М. Диллон напомнил Толстому о его обещании: «Статья, или, скорее, труд Ваш, о котором Вы мне говорили год тому назад, окончена ли?» (ГМТ).

Толстой ответил ему из Бегичевки 24 или 25 декабря 1891 г.: «Большая статья почти готова и на днях будет вам прислана через Черткова» (т. 66, стр. 126).

Можно думать, что приблизительно в то же время Толстой обещал и немецкому издателю Иосифу Кюршнеру (Joseph von Kürschner, 1853—

1902) напечатать в его книгоиздательстве свой трактат в переводе Рафаила Лёвенфельда.

14 сентября 1891 г. Толстой писал переводчику своих сочинений на датский язык П. Г. Ганзену: «Я уже давно работаю над большой довольно вещью, которая, разумеется, будет доставлена вам для перевода Чертковым. По его письму судя, он имеет это в виду» (т. 66, стр. 45).

Как видно из письма Толстого от 1...3 марта 1892 г. к Н. Я. Гроту, последний предлагал Толстому напечатать в журнале «Вопросы философии и психологии», редактором которого он являлся, какую-нибудь часть «Царства божия внутри вас». Толстой в то время был очень занят VIII главой своего сочинения; он ответил Гроту, что с его предложением он «с радостью и благодарностью воспользовался бы, но вся статья в таком еще хаосе, что трудно в ней разобраться», а ему хотелось бы свою статью показать читателю «в таком виде, который заставил бы обратить на себя внимание» (т. 66, стр. 172).

В письме от 18 июня 1892 г. Т. Л. Толстая сообщала Черткову, что, по поручению отца, посылает ему письмо немецкого издателя Иосифа Кюршнера, который должен был издать «Царство божие внутри вас» в переводе Рафаила Лёвенфельда. Вместе с тем она сообщала, что пишет Кюршнеру о том, чтобы он уведомил Черткова, кому послать рукопись — ему или Лёвенфельду (ГМТ).

Так как Толстой в продолжение всего 1892 г. усиленно работал над своим трактатом, то рукопись этого сочинения ни одному из переводчиков в том году не посылалась.

У Толстого, как это можно заключить из его письма к Черткову от 27 июня 1892 г., было намерение предложить рукопись своего трактата для перевода на английский язык англичанину, преподавателю Петербургского университета, К. И. Тернеру (Turner, 1832—1903). О нем Толстому говорила Т. А. Кузминская. «Он почтенный человек, — писал Толстой, — и Татьяна Андреевна нынче едет в Петербург и будет видеться с ним... Как вы об этом думаете? Я предложил Тане переговорить с ним об этом и дать ему ваш адрес» (т. 87, стр. 153).

К намерению Толстого Чертков отнесся одобрительно. «Если Turner возьмется перевести вашу книгу, то это будет очень хорошо», — писал Чертков Толстому 1 июля 1892 г. Но в письме Чертков высказывал и свои опасения: «Боюсь только, что его религиозные взгляды, насколько я их знаю, могут послужить ему препятствием» (ГМТ).

К. И. Тернер, после разговора с Т. А. Кузминской, обратился к Черткову с письмом от 29 июня, выражая в нем согласие перевести на английский язык новое сочинение Толстого. В 1893 г. 5 апреля он снова написал Черткову письмо с запросом, будет ли ему предоставлена рукопись «Царства божия внутри вас» для перевода на английский язык. Однако право перевода ему не было дано.

Около 20 марта 1893 г. Толстой послал рукопись своего трактата в Америку с профессором Московского университета И. И. Янжулом, уезжавшим туда в командировку.

Толстой предполагал предоставить перевод своей книги для американского издания переводчице своих произведений Изабелле Гапгуд.

Рукопись «Царства божия внутри вас» была послана в Америку полностью, с заключительной XII главой, хотя Толстой и не считал ее окончательно законченной.

Об этом он писал Черткову 17 марта 1893 г.: «Янжул профессор едет в Америку. Я с ним посылаю Гапгуд мою рукопись всю. Он едет в субботу. И я кончил, могу допустить, что кончил. Сказать, что кончил, я никогда не дождусь. Но уж дошел до того, что стал портить... Удобно то, что Янжул поможет Гапгуд в трудных местах и, в случае отказа Гапгуд, даст другому» (т. 87, стр. 182).

Отослав для перевода рукопись «Царства божия внутри вас» в Америку, Толстой продолжал отделывать XII главу. «Я всё кончаю. Хотя и послал в Америку с Янжулом, но всё переделываю конец», — писал он П. И. Бирюкову 15 апреля (т. 66, стр. 309). «Всё занят своим писанием — всё кончаю. И так занят, что, проработав утро, к вечеру чувствую себя не в силах серьезно думать», — писал он Д. А. Хилкову 16 апреля (т. 66, стр. 312).

Около 22 апреля 1893 г. Толстой послал со своим знакомым, художником Н. А. Касаткиным, уезжавшим за границу, первые одиннадцать глав своего трактата переводчикам — Рафаилу Лёвенфельду в Берлин, И. Д. Гальперину-Каминскому в Париж.

Н. А. Касаткин, не застав в Берлине Лёвенфельда, рукопись отправил по почте издателю И. Кюршнеру (т. 87, стр. 190).

Как видно из письма Толстого к И. И. Янжулу от 30 апреля 1893 г., Изабелла Гапгуд, ознакомившись с рукописью книги «Царство божие внутри вас» и будучи не согласна с мыслями, выраженными в ней, уведомила Толстого письмом, что «совесть ее не позволяет ей переводить» эту книгу, но она укажет И. И. Янжулу переводчика (т. 66, стр. 313—314).

В этом письме Толстой просил И. И. Янжула, чтобы он не давал переводчику последней, XII главы, и писал ему: «Я еще переделывал и переделываю ее и вышлю ее на днях либо с едущим за границу, либо почтой. Пожалуйста, скажите переводчику, чтобы он не выпускал перевода без 12 главы».

Рукопись «Царства божия внутри вас» была передана переводчице А. П. Делано (Aline Delano), русской по происхождению, проживавшей в Бостоне.

3 мая 1893 г. Толстой писал из Москвы Черткову: «Мы с Евгением Ивановичем заняты окончанием, которое теперь наступило» (т. 87, стр. 194). 4 мая он уехал в Ясную Поляну, захватив с собою рукопись последней, XII главы, чтобы там ее закончить.

Но уже 13 мая Толстой оттуда извещал Е. И. Попова: «Я заболел небольшим жаром и окончательно решил не поправлять больше рукописи. Посылаю вам ее, какая есть... Во всяком случае, пожалуйста, перепишите и пошлите, если будет случай, то с случаем, а нет, то просто почтой» (т. 61, стр. 315).

Рукопись из Ясной Поляны была послана с писательницей Л. И. Веселитской (В. Микулич), приезжавшей туда познакомиться с Толстым.

Из цитированного письма видно, что речь шла о посылке рукописи заключительной, XII главы переводчикам — Р. Лёвенфельду в Берлин, И. Д. Гальперину-Каминскому в Париж и в Америку.

14 мая 1893 г. Толстой отметил в Дневнике: «Вчера отослал совсем. Плохо, так плохо. Я заболел, и это меня особенно побудило кончить. Я свободен» (т. 52, стр. 78).

Судя по этой записи в Дневнике, трактат «Царство божие внутри вас» Толстой закончил в Ясной Поляне 13 мая 1893 г. Нужно отметить, однако, что в последних рукописях XII главы, в конце трактата, рукой переписчика Е. И. Попова скопированы авторские дата и подпись: «14 мая 1893 г. Ясная Поляна. Л. Толстой» (см. «Описание рукописей»). Эти скопированные авторские дата, подпись и помета свидетельствовали о том, что Толстой считал 14 мая 1893 г. днем завершения своей работы над трактатом «Царство божие внутри вас».

Между прочим, издание Августа Дейбнера (первопечатный текст) напечатало трактат именно с этою датой: «14 мая 1893 г. Ясная Поляна». А в 1896 г. издатель М. К. Элпидин «Царство божие внутри вас» напечатал с авторскими датой, подписью и пометой: «14 мая 1893 г. Ясная Поляна. Л. Толстой».

Закончив свою почти трехлетнюю работу над трактатом, Толстой испытывал «чувство свободы мысли», которого «давно не испытывал» (т. 87, стр. 195).

О настроении Толстого после окончания им книги «Царство божие внутри вас» писала В. Г. Черткову 17 мая Т. Л. Толстая: «Папа кончил книгу и отослал конец Евгению Ивановичу в Москву. Он что-то осиротел без этой привычной работы» (ГМТ).

Отправив рукопись XII главы Е. И. Попову, Толстой приступил к писанию «Послесловия» к своей книге. В нем он намеревался развить мысли, записанные им в Дневнике 29 мая 1893 г.: «Говорят, существующее разумно; напротив, всё, что есть, всегда неразумно. Разумно только то, чего нет, что рассудители называют фантазией. Если бы то, что есть, было бы разумно, не было бы жизни; и точно так же ее не было бы, если бы не было разумно то, чего нет (т. е. идеала).

Жизнь есть только вечное движение от неразумного к разумному» (т. 52, стр. 81).

Эта запись в Дневнике Толстого должна была послужить ему наметкою для будущего его «Послесловия» к трактату «Царство божие внутри вас» (см. вар. № 17).

Письмом от 4 июня Толстой уведомлял Черткова: «Начал было писать послесловие, да пока не идет» (т. 87, стр. 200). А 5 июня записал в Дневнике: «Всё пытался писать послесловие, связав его с определением жизни, как движение от неразумного к разумному, но не подвинулся, от физических ли, умственных ли причин, не знаю» (т. 52, стр. 83).

Дальнейшие упоминания в письмах и Дневнике Толстого о «Послесловии» [1] служили указанием, что работа эта не переставала занимать его.

[1] См. письмо А. Н. Дунаеву от 7 июня 1893 г. (т. 66, стр. 350); Дневник 10 июня (т. 52, стр. 85); письмо Л. Л. и М. Л. Толстым от 10 июня (т. 66, стр. 350—351); письмо Черткову от 3 ноября (т. 87, стр. 234); письмо Г. А. Русанову от 27? ноября и 3 декабря (т. 66, стр. 437); письмо Черткову от 8 февраля 1894 г. (т. 87, стр. 255).

Чертков к намерению Толстого написать «Послесловие» к своей книге отнесся одобрительно. 11 июня 1893 г. он писал Толстому: «Мне очень понравилась ваша мысль написать послесловие к Царству божию... оно устранит недоразумения и сделает невозможным перетолкования, и вместе с тем очень поможет искреннему читателю» (ГМТ).

Поднимая неоднократно перед Толстым вопрос об излишней резкости тона в «Царстве божием внутри вас», В. Г. Чертков, когда эта книга стала распространяться в России в гектографированном виде, высказывал Толстому сожаление, что до сих пор не написано «Послесловие». [1] По его мнению, в этом «Послесловии» Толстой должен признать, что теперь он не согласен «с духом жестокого осуждения, которое местами дает себя чувствовать в этой книге».

В письме от 26 февраля 1894 г., отвечая Черткову, Толстой обращался к нему с просьбой: «Еще напишите мне яснее, что вы думаете нужно признать дурным в Царстве божием, там так много этого злого, что я не знаю, что — главное. Напишите, пожалуйста, и укажите подробно» (т. 87, стр. 260). Из приведенного письма видно, что Толстой и в 1894 г. не оставлял своего намерения написать «Послесловие» к своей книге «Царство божие внутри вас».

Однако «Послесловие» не было им написано, работу над ним он оставил в самом начале. Сохранились разрозненные черновые материалы «Послесловия», которые печатаем в виде вариантов №№ 15—17. Варианты №№ 15—16 даем по автографам, а вариант № 17 — по копии, переписанной рукой В. Г. Черткова и Е. И. Попова (без авторских исправлений), устраняя по автографу одну явную ошибку, допущенную при переписке. Эта копия — наиболее полный текст «Послесловия» в редакции, на которой была прекращена работа Толстого.

Рукописи «Послесловия» не датированы и без заглавия. Рукопись варианта № 17 заключена в обложку с пометами на ней В. Г. Черткова и Е. И. Попова: «Неоконченное послесловие к Ц. б.».

9

Немецкий издатель Иосиф Кюршнер, получив через художника Н. А Касаткина рукопись первых одиннадцати глав «Царства божия внутри вас», первоначально хотел напечатать перевод книги в своем журнале «Aus fremden Zungen». За разрешением он, видимо, обращался к Толстому через его дочь Татьяну Львовну.

Толстой к предложению Кюршнера отнесся отрицательно, так как считал, что «все суждения о сочинении, появляющемся по частям... только служили бы поводом к недоразумениям» (т. 66, стр. 356).

Кюршнер согласился с желанием Толстого выпустить его трактат отдельной книгой. [2]

---

[1] Письмо Черткова к Толстому от 13 февраля 1894 г. (ГМТ).
[2] Письмо Кюршнера к Толстому от 12 июля 1893 г. (ГМТ).

Получив рукопись XII главы в мае 1893 г. от Е. И. Попова, Кюршнер об этом уведомил Толстого. [1]

Американская переводчица А. Делано в письме от 16 июля н. с. 1893 г. из Бостона тоже известила Толстого, что «12-ая глава получилась благополучно» (ГМТ).

В. Г. Чертков в письме от 26 июня писал Толстому, что Е. И. Попов по его просьбе составит «подробное оглавление каждой главы»; это конспективное изложение трактата по главам необходимо «дослать» переводчикам. Толстой нашел, что конспект по главам «очень хорошо сделать» (т. 87, стр. 208).

Сохранились черновые рукописи этого конспекта (рук. АЧ 35/428). Из них видно, что вначале Е. И. Попов составил конспект трактата начерно в сшитой им тетради. Потом этот черновик он переписал набело в ученическую тетрадь, озаглавив на обложке тетради: «Оглавление к книге «Царство божие внутри вас». Переписанный конспект трактата просматривался В. Г. Чертковым, который внес небольшие исправления, а в главе XII сделал дополнение. Вместе с поправками Черткова конспект был послан Толстому, [2] который, просматривая, делал в нем черным карандашом свои относительно небольшие поправки и дополнения. Вместе с авторскими поправками конспект трактата совпадал с печатным текстом.

16 августа 1893 г. Толстой записал в Дневнике: «Главное, появилась за границей выписка из этой книги об Орловском деле, и началась суета, и воздействия, и ложные понимания, и клевета. Вчера Соня и Кузминские читали и указали мне на неточности: 1) то, что вешают в деревне, 2) что всегда секут, 3) обиды Зиновьеву. (Зиновьев прочел в Штокгольме и очень обижен, огорчен, озлоблен.) Нынче послали телеграммы, прося приостановить печатание всеми переводчиками» (т. 52, стр. 96).

В приведенной дневниковой записи имелось в виду появившееся во многих заграничных газетах описание из XII главы «Царства божия внутри вас» встречи Толстого 9 сентября 1892 г. на станции Узловая с карательным поездом, направлявшимся во главе с тульским губернатором Зиновьевым истязать крестьян села Бобрики, и расправы, совершенной орловским губернатором Неклюдовым над крестьянами деревни Оболешевки Орловской губернии. Это описание, появившееся в заграничной прессе, по словам Толстого, «подняло бурю в русских правительственных сферах».

Находившийся в то время в Ясной Поляне А. М. Кузминский, читая XII главу «Царства божия внутри вас», обратил внимание Толстого на неточности при изображении наказаний, применяемых при крестьянских волнениях.

В первоначальной редакции «Царства божия внутри вас», в XII главе фраза: «И тогда ставят виселицу и душат веревками несколько беззащитных людей, как это делалось много раз в России» (печ. текст, стр. 222, строки 14—16) читалась так: «И тогда в деревне, где было возмущение,

---

[1] См. письмо Толстого к Е. И. Попову от 2 июля 1893 г. — т. 66, стр. 362; письмо Кюршнера к Толстому от 27 июня 1893 г. (ГМТ).

[2] См. письмо Е. И. Попова к Т. Л. Толстой от 30 июня 1893 г. (ГМТ).

ставят виселицу и в виду родных и односельцев торжественно душат несколько беззащитных людей, как это делалось много раз в России в нынешнее царствование» (рук. АЧ 33/363а, л. 4).

А. М. Кузминский указал Толстому, что повешения в деревнях не производились, и Толстой исправил эту фразу и абзац, в который она входила. После авторских исправлений из этого абзаца было видно, что везут в город зачинщиков, там их судят военным судом и вешают в городе (а не в деревне).

Толстой изменил и другие места в XII главе, в которых шла речь о телесных наказаниях крестьян.

Помимо этого, он внес поправки в XII главе для смягчения своей критики. Так, в вышеприведенной фразе: «И тогда в деревне, где было возмущение...» безусловно с этой целью были зачеркнуты слова: «в нынешнее царствование».

После фразы: «Для того, чтобы дать понятие о том, как совершаются эти дела, опишу такое дело, совершенное в Орле и получившее одобрение высшей власти» (печ. текст, стр. 222, строки 30—32) первоначально у Толстого был текст, который он зачеркнул, несомненно, чтобы смягчить критику так называемого «орловского дела»: «Описываю этот случай не потому, чтобы он представлял что-либо особенное, а только потому, что случай этот мне хорошо известен и представляет образец всех подобных дел» (рук. АЧ 33/363а, лл. 4—5).

По этим же соображениям Толстой изменил текст, где говорилось о тульском губернаторе Н. А. Зиновьеве. Первоначально у него было: «У стола, уставленного бутылками, в своем смешном полувоенном наряде сидел губернатор...» (рук. АЧ 33/363а, л. 18). Слово «смешном» Толстой зачеркнул, а слово «наряде» заменил: «мундире». С этими исправлениями данная фраза вошла в печатный текст (стр. 229, строки 28—30).

Были посланы телеграммы переводчикам с просьбой задержать печатание XII главы: И. Д. Гальперину-Каминскому в Париж, А. Делано в Бостон, Р. Лёвенфельду в Берлин. Кроме телеграмм, всем им 17 августа были отправлены письма с указанием исправлений, которые следовало внести в некоторые фразы XII главы «Царства божия внутри вас».

Сохранилось лишь письмо Лёвенфельду. «Очень убедительно прошу вас, — писал Толстой в этом письме, — сделать эти поправки как в немецком, так и в русском тексте, который вы передали печатать. Неисполнение моей этой просьбы очень огорчило бы меня. Пожалуйста же, сделайте это и известите меня».

Из писем А. Делано Толстому от 28 августа и 10 октября 1893 г. видно, что она получила телеграмму относительно изменений в рукописи и письмо «с вложенными в него изменениями рукописи», которые «сделала» в своем переводе (ГМТ).

14 октября 1893 г. Т. А. Кузминская писала своему мужу, что тульский губернатор Н. А. Зиновьев, после появления в иностранных газетах выдержки из XII главы об истязаниях крестьян Тульской и Орловской губерний, сказал своему вице-губернатору Свербееву, что его знакомство с Толстым прекращено.

Помимо описания в иностранной прессе экзекуции, совершенной над крестьянами Тульской и Орловской губерний, французская газета «Figaro» напечатала из XII главы выдержку о рекрутском наборе. Толстой писал, что ему «это немножко неприятно» (т. 84, стр. 194).

Известие о напечатании этой выдержки очень огорчило С. А. Толстую. «Такое чувство, — писала она мужу 16 сентября, — что над тобой какая-то невидимая рука махает ножом, и ты вот-вот попадешь под удар» (ГМТ).

В конце октября 1893 г. в Париже вышла из печати книга Толстого «Царство божие внутри вас» в переводе И. Д. Гальперина-Каминского под заглавием «Le salut est en vous» в издании Perrin et C° (т. 66, стр. 395).

По поводу этого издания 29 октября Толстому писал Н. Н. Страхов: «Ваша книга «Царство божие» встречена тихо, но очень враждебно, как и следовало ожидать. Цензура объявила, что это самая вредная книга из всех, которые ей когда-нибудь пришлось запрещать». [1]

Н. Н. Страхов имел в виду цензуру для иностранных изданий, которая отказалась допустить в Россию книгу «Царство божие внутри вас» во французском переводе.

Не зная еще о напечатании трактата по-французски и ознакомившись с ним по гектографу, В. В. Стасов писал Толстому 16 ноября 1893 г., что книга «Царство божие внутри вас» привела его «в великое восхищение». Но вместе с тем уведомлял Толстого, что нашел в тексте трактата «заявление, что «Сеть веры», чешского мыслителя XV века, Хельчицкого, начала было печататься у нас в Академии наук, да потом так и застряла». По сообщению Стасова, эта книга уже вышла из печати. Советовал Толстому об этом указать в сноске при печатании «Царства божия внутри вас», посылал ему в подарок от директора Публичной библиотеки А. Ф. Бычкова печатный экземпляр книги Петра Хельчицкого «Сеть веры». [2]

В книге Хельчицкого был дан полный чешский текст, а русский перевод — в сокращенном изложении.

В письме от 25 ноября 1893 г., отвечая Стасову, Толстой просил его поблагодарить А. Ф. Бычкова за присланную книгу Хельчицкого «Сеть веры» и сообщал ему, что «попробует послать заметку» о выходе в свет книги Хельчицкого в Берлин и Лондон для помещения ее в книге «Царство божие внутри вас» (т. 66, стр. 434).

В 1893 г. «Царство божие внутри вас» вышло из печати в Италии в переводе на итальянский язык Софии Бер: «Il regno di dio è in voi», Рим, 1893.

Впоследствии, читая этот перевод «для практики итальянского языка», Толстой «увидал, что там ужасно много длиннот» (т. 87, стр. 338).

10 декабря 1893 г. он писал В. В. Стасову, что книга «Царство божие внутри вас», вышедшая в Париже по-французски, по его мнению, давно бы должна была выйти и в Берлине, он опасается, что ее «издатель — он штутгардский — заробел» (т. 66, стр. 447—448).

---

[1] «Переписка Л. Н. Толстого с Н. Н. Страховым. 1870—1894», изд. Общества Толстовского музея, Спб. 1914, стр. 453.

[2] «Лев Толстой и В. В. Стасов. Переписка 1878—1906», «Прибой», 1929, стр. 116—117.

В связи с такими опасениями Толстой 5 января 1894 г. обратился с письмом к переводчику Р. Лёвенфельду: «Я давно уже собираюсь писать вам, чтобы спросить о судьбе переводимой вами и печатаемой как по-русски, так и по-немецки моей книги. Будьте так добры, сообщите мне, и если можно, подробно о том, что послужило причиной ее невыхода до сих пор. Это очень меня интересует. Я предполагаю, что издатель сомневается выпустить ее, чтобы не подвергнуться обвинению. Если это так, пожалуйста, сообщите мне всё это. Может быть, я могу устранить предстоящие затруднения. Выпускать же книгу с пропусками мне очень нежелательно, но, я думаю, и неудобно, так как она в целости вышла в Париже и, должно быть, теперь уже вышла и в Лондоне» (т. 67, стр. 16).

Отвечая Толстому, Лёвенфельд писал ему 13/25 января 1894 г.: «Оба издания, немецкое и русское, уже готовы. Один экземпляр русского издания вам был послан, сегодня отсылаю второй через одного московского книгопродавца... Немецкий экземпляр издания вы получите несколько позднее» (ГМТ).

Таким образом, оба издания (русское и немецкое) «Царства божия внутри вас» в Германии были напечатаны в начале января 1894 г. Русский текст трактата (первопечатный) вышел в Берлине в издательстве Августа Дейбнера, немецкий — в Штутгарте в издательстве «Deutsche Verlangsanstalt».

Русское издание «Царства божия внутри вас» состояло из двух частей. Первая часть заключала в себе первые восемь глав, вторая — четыре последние главы.

Издательство Августа Дейбнера первую часть трактата напечатало с двумя заглавиями и двумя эпиграфами.

Первое заглавие «Учение Христа и общая воинская повинность» и эпиграф при этом заглавии: «Царствие божие внутрь вас есть» в первопечатный текст перешли из последней рукописи (АЧ 20/23) I главы. Несомненно, с упомянутыми заглавием и эпиграфом были посланы в Германию в апреле 1893 г. первые одиннадцать глав трактата. Судя по сохранившимся копиям трактата (без авторских исправлений), [1] вначале и списки для переводчиков и издателей готовились с такими же заглавием и эпиграфом.

Второе заглавие было дано в окончательной редакции: «Царство божие внутри вас, или Христианство не как мистическое учение, а как новое жизнепонимание». Оно было сообщено, очевидно, немецкому издателю, когда трактат уже печатался. При этом заглавии был помещен эпиграф, тоже в окончательной редакции, состоящий из трех изречений. Первое изречение в эпиграфе «Познаете истину, и истина освободит вас» являлось незначительным изменением евангельских слов: «И познаете истину, и истина сделает вас свободными» (Иоан. VIII, 32). Во втором изречении «И не бойтесь убивающих тело, души же не могущих убить; а бойтесь более того, кто может и душу и тело погубить в геенне» точно передавались слова из Евангелия от Матфея (X, 28). Третье изречение: «Вы куплены дорогою ценою; не делайтесь рабами человеков» было

[1] Папка № 129 (рук. АЧ 36/429—442).

буквально взято из Первого послания апостола Павла к коринфянам (VII, 23).

Вторая часть трактата Августом Дейбнером была напечатана с одним заглавием и эпиграфом, утвердившимися за этим произведением.

В рукописи АЧ 35/417 (пашка № 128), являющейся точной копией без авторских исправлений с последней рукописи АЧ 20/23 I главы, содержится текст окончательной редакции заглавия и эпиграфа трактата.

Текст трактата в издательстве Августа Дейбнера вышел с цензурными пропусками. В VIII главе был выпущен текст о Вильгельме II, начиная со слов: «Но мало этого. В Германии, там, откуда и взялась общая воинская повинность» (стр. 162, строки 24—25), кончая словами: «А они готовы» (стр. 164, строка 9). В IX главе после слов: «Зачем я буду обещаться повиноваться» и т. д., кончая словами: «послезавтра Пугачев». Далее следовал пропуск нескольких слов: «Нынче Баварский сумасшедший король, завтра Вильгельм» (стр. 173, строки 30—31). В X главе было изъято несколько слов: «пьяный сифилитик» — слова, относившиеся к Петру I (было напечатано: «Петр со своими шутами»), «блудница» — слово, относившееся к Екатерине II (было просто напечатано: «Екатерина со своими любовниками»).

Помимо этого, издание Августа Дейбнера содержало множество типографских опечаток и текстовых пропусков. Из-за пропусков в тексте некоторые места в трактате стали бессмысленными. Желание Толстого, высказанное в письме к Лёвенфельду от 5 января 1894 г., чтобы его книга была выпущена без пропусков, не осуществилось.

В обеих частях трактата было напечатано конспективное изложение «Царства божия внутри вас» по главам в редакции, идентичной с текстом конспекта, составленного Е. И. Поповым и просмотренного и поправленного Толстым (рук. АЧ 35/428).

В первой части, после конспективного изложения трактата, было помещено примечание, относящееся к 28-й уже напечатанной странице, где говорилось о книге Петра Хельчицкого «Сеть веры», «только недавно ставшей известной и до сих пор еще не напечатанной»: «Книга Хельчицкого в последних месяцах нынешнего года окончена изданием Академии и напечатана». Очевидно, Толстой просил Августа Дейбнера это примечание напечатать от издательства, полагая, что его книга выйдет в свет в 1893 г. Но так как книга задержалась в печати и вышла в начале 1894 г., то это примечание уже утрачивало свое значение.

Во второй части, под текстом заключительной, XII главы были напечатаны дата и помета: «14 мая 1893 г. Ясная Поляна».

В 1894 г. издательство Библиографического бюро (объединение издательств в Германии) перепечатало книгу «Царство божие внутри вас», пользуясь набором издательства Августа Дейбнера, повторив, следовательно, все недостатки этого издания.

В начале 1894 г. «Царство божие внутри вас» в переводе А. П. Делано (Aline Delano) вышло в лондонском издании Вальтера Скотта под заглавием: «The Kingdom of God is within you or Christianity nos as a Mystical Doctrine, but as a New Life». Conception Authorised Translation from the Original Russian M. S. by A. Delano, Walter Scott, London, 1894.

Кроме английского перевода А. Делано, «Царство божие внутри вас» было издано, тоже в начале 1894 г., в переводе Констанции Гарнет лондонской фирмой Вильям Гейнеман под заглавием: «The Kingdom of God is within you». Translated from the Russian by Constance Garnett, W. Heinemann, London, 1894. Впоследствии Толстой благодарил Констанцию Гарнет за ее «прекрасный перевод» трактата «Царство божие внутри вас» (т. 72, стр. 396—397).

Американская переводчица А. П. Делано письмом от 3 мая 1894 г. сообщала Толстому, что ему послан экземпляр «Царства божия внутри вас» в ее переводе. Кроме того, она сообщала, что эта книга продается в Соединенных Штатах Америки в двух переводах: ее и Констанции Гарнет (ГМТ).

10

Судя по переписке Толстого с В. В. Стасовым в ноябре и декабре 1893 г.,[1] В. В. Стасов вначале ознакомился с книгой «Царство божие внутри вас» по гектографическому списку, далеко не полному, который составлял лишь незначительную часть трактата.

Ознакомившись с «Царством божиим внутри вас» во французском переводе, В. В. Стасов, считавший, что «прелесть, притягательная сила и значение» Толстого в том, что «он настоящий артиллерист, разрушитель и нарушитель скверных твердынь и казематов», когда «закрыл последнюю страницу» трактата, нашел, что это произведение — «первая книга» XIX в.[2]

Впоследствии, прочитав эту книгу по-русски, он нашел, что «такой книги еще не бывало... это самая великая книга всего нашего XIX века».[3]

По его убеждению, заключительная, XII глава «сама по себе есть целый новый мир». Эту главу он называл «бесценной», «несравненной».[4]

Великий русский художник И. Е. Репин, находясь за границей, писал оттуда 19 апреля 1894 г. Т. Л. Толстой о книге «Царство божие внутри вас», что «эта вещь ужасающей силы» (ГМТ), и в том же письме сообщал, что в Италии он видел эту книгу на итальянском языке, выставленную в витринах книжных магазинов.

В письме из Парижа к тому же адресату от 2 мая 1894 г. он снова повторял, что книга «Царство божие внутри вас» — «страшно сильная вещь» (ГМТ).

Русская цензура, объявив «Царство божие внутри вас» во французском переводе самой вредной книгой, отказалась допустить эту книгу в пределы России. Но когда эта книга была напечатана по-русски в издательстве Августа Дейбнера, она стала распространяться в огромном количестве экземпляров в гектографированном и машинописном виде и всякими путями и способами проникать в Россию. Русское правительство при-

---

[1] См. письмо В. В. Стасова от 30 ноября («Лев Толстой и В. В. Стасов. Переписка», стр. 120); ответное письмо Толстого от 10 декабря — т. 66, стр. 447.

[2] См. письмо В. В. Стасова к Толстому от 3 февраля 1894 г. («Лев Толстой и В. В. Стасов. Переписка», стр. 124).

[3] См. письмо В. В. Стасова к Толстому от 9 июня 1894 г. («Лев Толстой и В. В. Стасов. Переписка», стр. 126).

[4] См. письмо В. В. Стасова к Толстому от 26 августа 1894 г. («Лев Толстой и В. В. Стасов, Переписка», стр. 139).

нимало энергичные меры против распространения «Царства божия внутри вас» в пределах России.

В архиве Главного управления по делам печати сохранился секретный циркуляр Е. Феоктистова от 18 мая 1894 г. за № 2829 следующего содержания: «До министерства внутренних дел дошли сведения, что сочинение графа Л. Толстого «Царство божие внутри вас есть», напечатанное за границей и безусловно запрещенное к обращению, в настоящее время в значительном количестве экземпляров тайно проникло в пределы империи и распространяется между прочим путем перепечатывания на пишущих машинах, в особенности в южных губерниях». Далее для «предотвращения тайного воспроизведения этого сочинения и распространения его в публике» предписывался бдительный и негласный надзор за всеми типографиями, литографиями и лицами, имеющими пишущие машинки.

Трактат «Царство божие внутри вас» в 1896 г. был опубликован в Женеве М. К. Элпидиным без пропусков, которые были произведены цензурой в издании Августа Дейбнера. Заглавие и эпиграф в этом издании были напечатаны в окончательной редакции, но конспективное изложение трактата по главам было опущено. В конце книги были поставлены авторские дата, подпись и помета: «14 мая 1893 г. Ясная Поляна. Л. Толстой».

Главным делом В. Г. Черткова в Англии, после высылки его из России в 1897 г., было издание запрещенных русской цензурой сочинений Л. Н. Толстого. В 1898 г. он напечатал в своем издании «Свободное слово» «Царство божие внутри вас». В 1902 г. эту книгу он перепечатал (Christchurch, Hants, England, 1902).

За время печатания трактата в переписке Толстого с Чертковым нет никаких упоминаний об изменениях, сокращениях или дополнениях текста (см. т. 88). Очевидно, редакция этого произведения, установленная Толстым в 1893 г., не вызывала у Черткова никаких сомнений, и он считал ее для себя не подлежащей каким-либо изменениям.

Трактат «Царство божие внутри вас» в России впервые появился в печати в июле 1906 г. в Петербурге в издании «Русское свободное слово» («Полное собрание сочинений, запрещенных русской цензурой, графа Л. Н. Толстого», тт. I—II). В этом издании цензурные купюры отсутствовали. Во II томе этого издания было помещено конспективное изложение трактата по главам.

В 1907 г. «Царство божие внутри вас» было издано московским книгопродавцем М. В. Клюкиным полностью, тоже без цензурных пропусков. Но конспект трактата был напечатан в сокращенном виде. По тексту этого издания, со ссылкою на него, в 1908 г. трактат «Царство божие внутри вас» перепечатал «Посредник», заменив весь иностранный текст русским переводом.

В том же году «Царство божие внутри вас» вышло из печати в Петербурге в издании Е. В. Герцика: Л. Н. Толстой, Полное собрание сочинений, вышедших за границей. Напечатано, согласно указанию автора, с оригиналов В. Г. Черткова, т. V. Кроме того, Е. В. Герцик напечатал в 1908 г. «Царство божие внутри вас» отдельною книгою: Толстой Л. Н., «Царство

божие внутри вас», с издания «Свободного слова», № 9, под ред. В. Г. Черткова, с автографом автора».

Под автографом Е. В. Герцик имел в виду напечатанную им в начале книги цитату из письма Толстого к нему от 1 апреля 1906 г.: «Желательно при этом только то, чтобы сочинения эти были изданы в неискаженном виде. Для этого я бы советовал вам обратиться к Черткову В. Г. (Hants, Christchurch) для приобретения оригиналов, с которых печатать» (см. т. 76, стр. 134).

Письмо Толстого от 1 апреля 1906 г. являлось ответом на письмо Герцика от 30 марта 1906 г., в котором последний просил разрешения у Толстого издать его сочинения, запрещенные русской цензурой.

Оба издания Е. В. Герцика «Царства божия внутри вас» были изъяты из продажи.[1]

В собрание сочинений Л. Н. Толстого его трактат «Царство божие внутри вас» был включен в 1911 г., в 12-е издание (ч. 14-я). Текст был напечатан без цензурных купюр, содержащихся в издании Августа Дейбнера. В виде приложения к трактату был напечатан вариант из VIII главы по тексту журнала «Свободное слово» с незначительными изменениями, внесенными, повидимому, С. А. Толстой по цензурным соображениям. Но в этом издании С. А. Толстая не напечатала конспективного изложения трактата по главам.

Из дальнейших изданий следует отметить издание В. М. Саблина, которое «Царство божие внутри вас» напечатало в VI томе Собрания сочинений Л. Н. Толстого (М. 1912), судя по всему, по тексту 12-го издания (1911) С. А. Толстой. В конце книги был тоже помещен в виде приложения вариант из VIII главы, а конспективное изложение трактата также не было напечатано.

Наконец, следует упомянуть об издании И. Д. Сытина, которое напечатало только «извлечения» из книги «Царство божие внутри вас» в XV томе Полного собрания сочинений Льва Николаевича Толстого, М. 1913, под редакцией и с примечаниями П. И. Бирюкова. В этом издании вступление и первые пять глав даны с цензурными изъятиями, VI—IX главы вовсе не напечатаны, в XII главе первые четыре подглавы совсем выпущены, а две последние подглавы напечатаны с цензурными пропусками.

ТЕКСТОЛОГИЧЕСКИЕ ПРИМЕЧАНИЯ

Ни в одном из прижизненных изданий «Царства божия внутри вас» Л. Н. Толстой корректур не правил.

Его авторская работа над трактатом в последней ее стадии заключалась в том, что с законченных им рукописей переписчиками изготовлялись для переводчиков и издателей списки; эти списки он просматривал, вносил в них свои поправки (незначительные), которые обычно вносились переписчиками в предшествующие рукописи, а если Толстой свои исправ-

[1] См. «Книжная летопись Главного управления по делам печати» за 1908 г. № 35, стр. 15.

ления вносил в предшествующие рукописи, то такие авторские поправки переносились переписчиками в списки.

Изучение рукописных материалов и печатных текстов «Царства божия внутри вас» позволяет сделать вывод, что сохранились не все авторские рукописи окончательной редакции; лучшим текстом трактата, по полноте и достоверности, являются издания В. Г. Черткова (в текстовом отношении идентичные).

Поэтому трактат «Царство божие внутри вас» публикуем по тексту издания В. Г. Черткова: «Свободное слово», № 9, 2-е издание, 1902 (Christchurch, Hants, England). При этом устраняем все вкравшиеся в него типографские опечатки и ошибки.

Например, в III главе напечатано: «...точное определение того, что есть церковь (никак нечто фантастическое...)», а следует: «не как». В IV главе напечатана фраза: «Взгляните на птиц небесных: они ни сеют, ни жнут». А следует: «не сеют, не жнут». В той же главе: «На какой бы степени несовершенства он не находился». А следует «ни находился».

Исправляем и другие, примерно такие же, типографские погрешности.

В эпиграфе, в изречении из Евангелия от Иоанна, ошибочно указана глава VII вместо VIII; в изречении из Первого послания апостола Павла к коринфянам указан стих 22 вместо 23.

В III главе напечатана фраза в такой редакции: «Служители церквей всех исповеданий, в особенности в последнее время, стараются выставить себя сторонниками движения в христианстве: они делают уступки, желают исправить вкравшиеся в церковь злоупотребления».

В последних авторских рукописях (АЧ 35/407, л. 27; АЧ 21/40, л. 73; АЧ 35/419, л. 26) слово «церковь» дано во множественном числе. И по смыслу лучше: «в церкви». Печатаем по последней авторской рукописи АЧ 21/40: «в церкви» (стр. 55, строки 17—20).

В той же главе у Толстого в последней рукописи (АЧ 21/40, л. 82): «И пусть не говорят, что одно не мешает другому» (стр. 59—60, строки 40—1). И по смыслу эта фраза должна быть в этой редакции. А в издании «Свободное слово» напечатано: «мешает». Печатаем по рукописи АЧ 21/40.

В V главе исправляем ошибку, вкравшуюся при переписке. Во всех изданиях в России и за границей печаталось: «безрассветного труда», по рукописи № 92 (об. л. 8 — автограф-вставка) восстанавливаем «беспросветного труда» — стр. 92, строка 11.

Кроме того, восстанавливаем в XII главе авторский текст в двух фразах, в которые, явно по цензурным соображениям, с целью смягчить авторскую критику, внесены рукой С. А. Толстой исправления, перешедшие потом в печатный текст.

В последней, законченной авторской рукописи АЧ 33/363а (л. 2) XII главы была фраза: «О деле донесено в Петербург министру. Министр доложил государю, государь велел министру привести решение суда в исполнение. Министр предписал губернатору» (стр. 221, строки 21—23).

После исправлений С. А. Толстой эта фраза приняла другую редакцию: «О деле донесено в Петербург, откуда было предписано губернатору привести решение суда в исполнение». В этой редакции она и была напечатана.

В той же рукописи, л. 62 (в третьей подглаве), у Толстого было: «Точно такими же условными лицами, а не тем, что они суть на самом деле, под влиянием опьянения власти или подобострастия, представляются и самим себе и все другие участники этого дела от царя, подписавшего согласие на докладе министра, и предводителя, набиравшего в рекрутском наборе солдат» (стр. 254, строки 28—33).

После исправлений С. А. Толстой эта фраза по своему смыслу стала уже другой: «Точно такими же условными лицами, а не тем, что они суть на самом деле, под влиянием опьянения власти или подобострастия, представляются людям и самим себе и все другие участники этого дела от высших представителей власти, подписывающих согласие на докладе, от предводителя, набиравшего в рекрутском наборе солдат». В этом виде она и была напечатана.

Все изменения, которые внес сам Толстой в текст XII главы, после появления в иностранных газетах выдержки из этой главы об истязании крестьян Тульской и Орловской губерний, были, судя по его письмам, выражением его авторской воли.

Печатается конспективное изложение трактата по главам. Мысль о составлении такого конспекта («Оглавления») была одобрена Толстым, а составленный Е. И. Поповым конспект трактата просматривался и исправлялся им. Устраняем по рукописи опечатки, содержащиеся в опубликованном тексте конспекта. В III главе напечатано: «Определение церкви по катехизисам», следует: «Определения церкви по катехизисам». В XII главе: «царство божие близко», следует: «царствие божие близко»; «служили царству божьему», следует: «служили царствию божьему».

ОПИСАНИЕ РУКОПИСЕЙ ТРАКТАТА «ЦАРСТВО БОЖИЕ ВНУТРИ ВАС»

Среди произведений Л. Н. Толстого его трактат «Царство божие внутри вас» содержит наибольшее количество рукописного материала. Этот рукописный материал заключает в себе 13 374 листа разного формата (34 папки за №№ 97—130).

Рукописи трактата хранятся в Отделе рукописей Государственного музея Л. Н. Толстого Министерства культуры РСФСР (Москва).

Варианты из «Царства божия внутри вас» в настоящем издании расположены в порядке сюжетного развития этого произведения в завершенной редакции.

1. АЧ 19/1—18, 20, 21; АЧ 20/25. Рукописный черновой материал, относящийся к первоначальной стадии работы Толстого над трактатом «Царство божие внутри вас»: перевод «Катехизиса непротивления» Адина Баллу, выполненный Н. Н. Страховым и переписанный его рукою, с многочисленными поправками Толстого (АЧ 19/1, 21); две копии с этого перевода, с авторскими исправлениями (АЧ 19/2); копия перевода «Декларации» В.-Л. Гаррисона (без конца) с поправками Толстого (АЧ 19/4); автограф (1 л. 4°, заполненный текстом с обеих сторон), первая черновая редакция «Предисловия» Толстого к переводам «Катехизиса непротивления»

Адина Баллу и «Декларации» В.-Л. Гаррисона, без заглавия, без даты (АЧ 19/1); вторая черновая редакция «Предисловия» Толстого к переводам «Катехизиса непротивления» Адина Баллу и «Декларации» В.-Л. Гаррисона, с авторским заглавием «Об американских непротивленцах» (АЧ 19/3); копия второй черновой редакции «Предисловия» рукой М. Л. Толстой, с заглавием автора «Об американских непротивляющихся» и с усиленной его правкой (АЧ 19/4); копия предыдущей рукописи рукою М. Л. Толстой, с многочисленными поправками Толстого, в рукописи отражены первые вставки Толстого о церкви, заглавие «Предисловия» — «Об американских непротивляющихся» Толстым зачеркнуто (АЧ 19/6); рукописный черновой материал «Заключения» Толстого к переводам «Катехизиса непротивления» Адина Баллу и «Декларации» В.-Л. Гаррисона (АЧ 20/25); автограф, впоследствии превратившийся во II главу «Царства божия внутри вас» (АЧ 19/7); последовательные копии с этого автографа (неполные) с исправлениями, дополнениями и текстовыми сокращениями Толстого (АЧ 19/7, 10, 13, 16, 17); автограф с авторским заглавием «О непротивлении злу, о церкви и об общей воинской повинности», ставший в завершенной редакции вступлением и I главой трактата «Царство божие внутри вас» (АЧ 19/13). В рук. АЧ 19/13 (об. л. 6) — недатированное черновое письмо Толстого к Е. А. Покровскому, начинающееся словами: «Очень благодарен вам, уважаемый Егор Арсеньевич.....».

Письмо опубликовано в т. 27, стр. 709; т. 65, стр. 188.

Из рукописей АЧ 19/1, 3 извлекаются вар. №№ 2—3.

2. АЧ 20/22—24, 26—39; АЧ 35/405—406, 417—418. Рукописный материал (автографы и копии с авторской правкой), относящийся к первым трем главам «Царства божия внутри вас».

Рукопись АЧ 20/22 содержит две первые главы трактата с заглавием: «О непротивлении злу, о церкви и об общей воинской повинности». Глава I в ней, испещренная авторскими исправлениями, мало отличается от окончательной редакции; глава II (неполная), несмотря на огромную в ней авторскую правку, еще относится к ранним редакциям и сильно отличается от завершенного текста.

Рукопись АЧ 35/405 с первоначальным заглавием: «О непротивлении злу, о церкви и об общей воинской повинности», зачеркнутым и замененным автором новым: «Учение христианское не как мистическое учение, а как новое жизнепонимание». При новом заглавии Толстой пишет эпиграф, в котором приводит буквально слова из Евангелия от Луки (17, 21): «Царствие божие внутрь вас есть». Рукопись АЧ 35/405 — ранняя редакция главы I.

Рукопись АЧ 20/23 заключает в себе две первые главы «Царства божия внутри вас», с таким же первоначальным заглавием, как и предшествующая: «О непротивлении злу, о церкви и об общей воинской повинности». Это заглавие Толстой зачеркивает и ставит новое: «Учение Христа и общая воинская повинность». И уже при новом заглавии пишет эпиграф, в котором приводит те же слова из Евангелия, что и в предыдущей рукописи АЧ 35/405: «Царствие божие внутрь вас есть».

В этой рукописи глава II Толстым написана еще в ранней редакции. С рукописи главы I (АЧ 20/23), сплошь переписанной рукой Т. Л. Тол-

стой и считавшейся автором последней, был изготовлен переписчиками список (нам неизвестный). Толстой, просматривая этот список, внес в него свои незначительные исправления, которые были перенесены (красными чернилами) переписчиком в рукопись АЧ 20/23. Вместе с этими поправками рукопись была уже окончательной редакцией главы I.

Рукопись АЧ 35/417 — без авторских исправлений, копия рукописи АЧ 20/23. Эта копия была переписана, когда в рукопись АЧ 20/23 были перенесены переписчиками авторские поправки из неизвестного списка. Рукопись АЧ 35/417 вначале имела то же заглавие и тот же эпиграф, что и предыдущая: «Учение Христа и общая воинская повинность» (заглавие), «Царствие божие внутрь вас есть» (эпиграф).

Лист первый (папиросный) этой рукописи является механической копией с текста, написанного рукой Е. И. Попова. В этом тексте рукой Е. И. Попова было обозначено заглавие, утвердившееся за трактатом: «Царство божие внутри вас», а в эпиграфе помещен текст, в точности совпадающий с печатным.

После обозначения в этой рукописи заглавия трактата в окончательной редакции прежнее заглавие: «Учение Христа и общая воинская повинность» было зачеркнуто (красным карандашом), повидимому, В. Г. Чертковым.

Рукописи АЧ 20/31—36 — неполные копии II главы, с авторскою правкою, еще отличающиеся от завершенного текста.

Рукопись АЧ 35/406 (II главы), являясь, видимо, копией рукописи АЧ 20/23 — ранняя редакция II главы. Последовательные копии рукописи АЧ 35/406—АЧ 20/37, 39 и АЧ 35/418. Рукопись АЧ 20/37 — полная рукопись II главы, но не последней редакции.

Последние сохранившиеся рукописи главы II — АЧ 20/39 и АЧ 35/418. В обеих этих рукописях содержатся незначительные поправки (карандашом и красными чернилами), нанесенные автором в списке, нам неизвестном, и перенесенные в эти рукописи переписчиком.

Помимо этого, некоторые текстовые разночтения, содержавшиеся в изданиях Августа Дейбнера и В. Г. Черткова, возможно, следует объяснить, что сохранились не все списки с авторскими исправлениями главы II.

Рукопись АЧ 20/28 — автограф (17 лл. 4°, исписанных с обеих сторон), черновая редакция III главы трактата.

3. АЧ 21/40—63, АЧ 35/407, 419. Рукописный материал в преобладающей своей части относится к главе III, в незначительной своей части — к главе I трактата.

Большинство рукописей — ранние редакции III главы; все они носят следы большой авторской правки.

Судя по отметкам в рукописях АЧ 21/42—44, 47—48, 50, глава III переставлялась автором неоднократно: эта глава была четвертой, пятой, снова стала четвертой и т. д.

Рукопись АЧ 21/54, содержащая в себе разрозненный материал III главы, заключена в обложку с надписью на ней рукой переписчика: «Глава 3-я и 4-я. О непротивлении, о церкви и общей повинности. Ясная Поляна. Апреля 5 д[ня] 91 г.».

В рукописи АЧ 21/59 сохранилась половина обложки (1 л. 4°). На лицевой ее странице рукой М. Л. Толстой написано: «Глава 3. О непротивлении, церкви и общей воинской повинности. 25 марта 1891 год[а] Ясная Поляна». На обороте обложки — автограф начала III главы, совпадающего с печатной редакцией.

АЧ 35/407, АЧ 21/40, АЧ 35/419 — последовательные копии, с авторской правкой, полные, последние рукописи главы III. В рукописи АЧ 35/419 нанесены исправления рукой Черткова. Просматривая эти исправления, Толстой с некоторыми из них согласился, и эти исправления были перенесены рукой переписчика в предшествующую рукопись АЧ 21/40, с другими Толстой не согласился. И эти исправления были им зачеркнуты.

4. Рукописный материал: АЧ 22/64—88, АЧ 35/408, 420, АЧ 19/19. Значительная часть его — черновики ранней редакции главы IV трактата. Рукописи АЧ 22/65—87 — неполные копии и разрозненные материалы из главы IV. Рукопись АЧ 22/72 заключена в обложку с надписью рукой М. Л. Толстой: «Глава 4. Май 1891 г. О н[епротивлении], ц[еркви], в[оинской] п[овинности]», и рукопись АЧ 22/75 — в обложку с надписью рукой М. Л. Толстой: «Глава IV. Черновые. 28 апр. 1891 г. О непротив[лении], церкви и общей воинской повинности». Рукопись АЧ 22/77 тоже заключена в обложку с надписью рукой М. Л. Толстой: «Глава 4. О непротивлении, церкви и воинской пов[инности]. ‹2 май› ⟨13 мая⟩ 18 май 1891 г. Черновые».

Работая над IV главой, Толстой «написал конспект» своего сочинения, состоявший из девяти глав и заключения (рукопись АЧ 19/19). Публикуем его в виде вар. № 1.

Рукопись АЧ 35/408 (из папки № 127), с большой авторской правкой, ранняя редакция IV главы. Заключена в обложку с надписью рукой М. Л. Толстой: «Глава 4. О непротивлении, о церкви и общей воинской повинности. 18 май 1891 г. ⟨17 июнь 1891 г.⟩ 3 август[а]».

Рукопись АЧ 22/64 — полная копия главы IV, с исправлениями Толстого, незначительно отличающаяся от окончательного текста.

Последним полным вариантом главы IV, правленным Толстым, является рукопись АЧ 22/88. С этой рукописи списана рукой В. Г. Черткова копия, которая Толстым не правилась (рукопись АЧ 35/420 из папки № 128).

5. АЧ 23/89—101, АЧ 35/409, 421. Рукописный материал (автографы, копии, с большой авторской правкой), относящийся к V главе трактата.

Рукопись АЧ 23/89 (ранняя редакция) заключена в обложку с надписью на ней рукой М. Л. Толстой: «Глава 5. О непротивлении, церкви и общ[ей] пов[инности]. 20 май 1891 г.».

На обложке рукописи АЧ 23/90 помета рукой М. Л. Толстой: «Глава VI. О непр[отивлении], церк[ви], в[оинской] пов[инности]. 1891 г. 4 июль». А в рукописи АЧ 23/92 Толстой зачеркивает римскую цифру «VI» и ставит «V». Таким образом, он дважды произвел перестановку целых глав, в результате которой глава V была шестой и снова стала пятой.

К последней стадии работы Толстого над V главой следует отнести рукописи: АЧ 35/409 (из папки № 127), АЧ 23/99 (неполная), АЧ 35/421 и АЧ 23/101.

Рукописи АЧ 35/409 и АЧ 23/99 заключены в обложки с надписью на них рукой М. Л. Толстой: «Глава V. 1891 года». С рукописи АЧ 23/99 списаны копия рукой В. Г. Черткова (рук. АЧ 35/421 из папки № 128, без авторских исправлений) и копия рукой Е. И. Попова (рук. АЧ 23/101), которая исправлялась Толстым (незначительно), и это исправление отражено в печатном тексте. Рукопись АЧ 23/101 — полная копия всей V главы.

Из рукописи АЧ 23/92 публикуется вариант № 4.

6. АЧ 24/102—110, АЧ 35/410, 422. Рукописный материал (автографы, копии и разрозненные листы с авторской правкой), заключающий в себе VI главу трактата.

Рукопись АЧ 24/102 (неполная) — копия с авторской правкой и автографы-вставки, написанные для расширения текста, ранняя редакция VI главы. Стоявшая на лицевой странице первого листа римская цифра «VII» свидетельствовала о том, что эта глава автором считалась седьмой. Но Толстой цифру «VII» исправляет на «VI», то есть производит перестановку, в результате которой бывшая VII глава теперь становиться шестой. На л. 9 рукописи помета рукой М. Л. Толстой: «Глава 6-ая. 1891 г. Июль. О н[епротивлении], ц[еркви], в[оинской] п[овинности]».

Рукопись АЧ 35/410 (из папки № 127), являясь копией предыдущей (с исправлениями Толстого), должна быть отнесена тоже к ранним редакциям VI главы. Дальше следует отметить рукопись АЧ 24/105, которая — неточная копия предыдущей. Копией с этой рукописи была рукопись АЧ 35/422 (из папки № 128), переписанная рукой Е. И. Попова, с небольшими исправлениями Толстого (на лл. 43 и 51).

Последней, окончательной рукописью VI главы была рукопись АЧ 24/110. Большая авторская правка по всей рукописи повлекла за собой значительную переделку этой главы трактата. Надо думать, что именно с этой рукописи потом изготовлялись переписчиками списки VI главы для переводчиков и издателей.

7. АЧ 25/111—120, АЧ 35/411, 423. Рукописный материал (автографы, копии и разрозненные листы с исправлениями Толстого) включает VII главу «Царства божия внутри вас».

Ранними авторскими редакциями VII главы являются рукописи АЧ 25/115, 117, 118.

Рукопись АЧ 35/411 (из папки № 127), являясь копией рукописи АЧ 25/115, на лицевой странице первого листа имела обозначение вначале римской цифрой «VIII», исправленной потом на «VII». Это означало, что глава, считавшаяся прежде восьмой, теперь, после авторской текстовой перестановки, стала седьмой.

Рукопись АЧ 25/119 — копия предыдущей, с авторскими исправлениями, полная рукопись VII главы, незначительно отличается от завершенного текста. С этой рукописи была списана копия рукой В. Г. Черткова и Е. И. Попова, которая Толстым не правилась (рук. АЧ 35/423, из папки № 128). С рукописи АЧ 25/119 была списана рукой Е. И. Попова вторая копия, правленная Толстым и являющаяся последним, окончательным авторским вариантом VII главы «Царства божия внутри вас» (рук. АЧ 25/120).

8. АЧ 26/121—181, АЧ 35/415, 424. Автографы, копии и многочисленные разрозненные листы, с исправлениями Толстого, относящиеся к VIII главе трактата.

Рукописи, датированные рукой Толстого: АЧ 26/131, л. 9 — «6 мая [1892]. Л. Т.»; АЧ 26/133, л. 11 — «8 мая 1892. Лев Толстой»; АЧ 26/139, л. 14 — «12 мая 1892. Бегичевка. Лев Толстой»; АЧ 26/163 — «Москва. 21 января [1892]. Лев Толстой»; АЧ 26/171 — «Бегичевка. 10 март[а] 92 г. Л. Толстой».

На обложках рукописей пометы и даты переписчиков с 4 мая по 17 августа 1892 г.

Значительная часть чернового рукописного материала — ранние редакции VIII главы.

К числу их относится и рукопись АЧ 26/180 (без конца), заключенная в обложку с обозначением на ней рукою Толстого заглавия, утвердившегося за его произведением: «Царствие божие внутри вас». А в эпиграфе приводился текст, незначительно отличавшийся от печатного.

В рукописи АЧ 26/157 (л. 4 — автограф) Толстой записывает и тут же зачеркивает фразу о военном вооружении: выдуманы ⟨«самые ужасные взрывчатые бездымные вещества, скоро люди будут летать в баллонах и посыпать бомбами армии и города, людей, которых эти шуты гороховые объявят врагами...»⟩. Авторские высказывания о войне, содержащиеся в этой же рукописи, публикуем в виде вариантов №№ 5—7.

Полной, последней рукописью главы VIII является рукопись АЧ 35/415 (из папки № 127), сплошь испещренная авторскими исправлениями. С нее была списана копия, которая автором не правилась (рук. АЧ 26/181). После этого рукопись АЧ 35/415 вновь правилась автором, и эти авторские исправления были перенесены переписчиком в рукопись АЧ 26/181. С рукописи АЧ 35/415, после окончательной авторской правки ее, вторично была списана копия рукой Е. И. Попова, которая тоже автором не исправлялась (рук. АЧ 35/424).

9. АЧ 27/182—220, АЧ 35/416, 425. Рукописный материал относится в преобладающей своей части к IX главе, а в незначительной части — к VIII главе.

В рукописи АЧ 27/195, на последнем листе, дата и помета рукой М. Л. Толстой: «27 май 1892. Ясная Поляна». Исправив рукопись, Толстой дату и помету своей дочери зачеркнул, рукопись датировал своей рукой: «12 июня 1892. Ефремовский уезд».

На обложках рукописей даты и пометы, поставленные переписчиками с 26 мая по 8 сентября 1892 г.

В рукописи АЧ 27/197, являвшейся ранней редакцией IX главы, на первом листе рукой Толстого эта глава обозначена римской цифрой «IX». В окончательной редакции текст этой рукописи автор отнес к VIII главе.

В рукописи АЧ 27/218 (неполная, ранняя редакция) на первом листе рукой М. Л. Толстой обозначена IX глава римской цифрой «IX». В завершенной редакции текст этой рукописи Толстым был отнесен к VIII главе.

Полной, последней авторской рукописью IX главы являлась рукопись АЧ 27/216, которая в свою очередь была копией с рукописи АЧ 35/416

(папка № 127). Рукопись АЧ 35/416 носит следы большой авторской правки.

Обе рукописи (АЧ 27/216 и АЧ 35/416) Толстым правились разновременно. Сначала правилась им одна, и поправки с нее переписчиком переносились в другую; потом правилась автором другая, и с нее также переписчиком авторские поправки переносились в первую.

Рукопись АЧ 35/416 Толстой, после своих исправлений, закончил автографом, который в окончательной редакции вошел в конец IX главы трактата: «Огонь принес я на землю, — сказал Христос, — и как томлюсь, когда он возгорится».

И огонь этот начинает возгораться».

С последней авторской рукописи IX главы (АЧ 27/216) была переписана копия рукой Е. И. Попова (рук. АЧ 35/425, из папки № 128). Эта копия Толстым не правилась.

10. АЧ 28/221—264, АЧ 35/412, 413, 426. Черновой рукописный материал, заключающий в себе X главу трактата.

Рукописи, датированные рукой Толстого: АЧ 28/233, л. 11 — «10 марта 1892 г. Бегичевка. Лев Толстой»; АЧ 28/238 — «Ясн[ая] Полян[а]. Л. Толстой. 1892, 30 августа»; АЧ 28/246, л. 20 — «9 сентября [1892]»; АЧ 28/248, л. 6 — «20 сентября 1892. Ясн[ая] П[оляна]. Л. Толстой».

Обложки черновых рукописей с пометами и датами переписчиков с 29 мая 1892 г. по 27 июня 1892 г.

Рукопись АЧ 28/227 и копия с нее, с авторской правкой, АЧ 28/229 — ранние редакции X главы. В них текст этой главы более короткий, чем в завершенной редакции.

Далее следует отметить рукопись АЧ 28/232 (общая ученическая тетрадь), содержащую в себе две последние главы трактата — XI и XII. Эти главы Толстым написаны, видимо, главным образом до 9 сентября 1892 г., до встречи его с карательным поездом.

Но раньше этих глав Толстой написал рукопись АЧ 35/413, копией с которой являлась XI глава в рукописи АЧ 28/232.

Работая в 1892 г. над последними главами своего трактата, Толстой произвел перестановку целых глав, в результате чего XI глава в рукописи АЧ 28/232 вошла в X главу, во вторую ее половину, став точным продолжением рукописи АЧ 28/229, а XII глава превратилась в XI.

Рукопись АЧ 35/412 (из папки № 127) главы X уже отражает в себе это авторское слияние рукописи АЧ 28/229 с рукописным материалом главы XI (из рук. АЧ 28/232).

АЧ 35/412 — полная рукопись (с авторскими исправлениями) X главы, но еще отличающаяся от окончательного текста.

Последней авторской рукописью X главы, сплошь переписанной рукой Е. И. Попова, была рукопись АЧ 35/426 (из папки № 128). На первой странице этой рукописи рукой Е. И. Попова X глава обозначена римской цифрой «X».

11. АЧ 28/232, АЧ 29/265—279, АЧ 35/414, 427. Преобладающая часть рукописных материалов относится к XI главе, незначительная часть — к X главе.

Рукопись АЧ 29/265 (об. л. 26) датирована рукой Толстого — «25 с[ентября 1892]. Л. Т.».

Рукопись АЧ 35/414 (из папки № 127), переписана рукой Е. И. Попова и частично рукой Т. Л. Толстой, с большими исправлениями Толстого и с его текстовыми перестановками. На обложке этой рукописи первоначально стояла римская цифра «XII». Черным карандашом рукой Толстого эта цифра зачеркнута и заменена цифрой «XI». Это авторское исправление означало, что вследствие текстовой перестановки бывшая XII глава теперь стала XI главой.

Рукопись АЧ 35/414 — полная копия всей XI главы, но еще отличающаяся от окончательного текста.

В сравнении с рукописью АЧ 28/232 главы XI, бывшей первоначально главой XII, она является более ранней редакцией.

Последняя полная рукопись XI главы, сплошь переписанная рукой Е. И. Попова, — АЧ 35/427 (из папки № 128), с незначительной авторской правкой. На первом листе этой рукописи рукою Е. И. Попова поставлена цифра «XII» но, вследствие авторской текстовой перестановки, исправленная на «XI».

12. АЧ 30/280—321, АЧ 31/322—339, АЧ 32/340—360, 360а, 361, 362, АЧ 33/363, 363а, 364—395, АЧ 34/396—404. Черновые рукописные материалы (автографы, многочисленные копии и разрозненные листы с авторской правкой), заключающие в себе заключительную, XII главу «Царства божия внутри вас».

Рукописи с датами и пометами, поставленными рукой Толстого: АЧ 30/306 — «15 апреля 1893. Москва. Л. Т.»; АЧ 31/330, л. 50 — «11 марта 1893 г. Москва. Лев Толстой»; АЧ 31/337 — «Я[сная] П[оляна]. 1892. 4 ноября. Л. Т.» (л. 5); «28 сентября [1892]. Я[сная] П[оляна].Л. Т.» (л. 49); АЧ 32/341 — «Ясная Поляна. 26 февраля [1893]. Л. Т.» (л. 4); «10 апреля 1893. Москва. Л. Т.» (л. 7); АЧ 32/345, л. 5 — «19 апреля [1893]. М[осква]. Л. Т.»; АЧ 33/366, л. 38 — «Бегичевка. 15 февраля 1893 г.»; АЧ 33/395, л. 30 — «24 ноября 1892 г. Ясная Поляна. Л. Толстой», дату и помету Толстой зачеркнул и снова датировал и пометил своей рукой: «18 февраля 1893. Бегичевка». В рукописи АЧ 30/290 (об. л. 25) недатированное письмо Толстого к своей дочери Марии Львовне, переписывавшей наряду с другими XII главу «Царства божия внутри вас»: «Очень много писал и нужно завтра. Перерезанное не спутай» (см. т. 90).

Рукопись АЧ 30/295 заключена в обложку с надписью на ней рукою М. Л. Толстой: «27 ноября [1892]. Черновые».

Рукописи, относящиеся к последней стадии работы Толстого над XII главой «Царства божия внутри вас» — АЧ 32/361, 362 и АЧ 33/363а. В конце этих рукописей скопированы рукой Е. И. Попова авторские дата, помета и подпись: «14 мая 1893 г. Ясная Поляна. Л. Толстой». В рукописи АЧ 32/361 Толстой впервые текст заключительной, XII главы разбивает на шесть подглав. Рукописи АЧ 32/362 и АЧ 33/363а — полные, последние копии всей XII главы, с большой авторской правкой. Обе эти рукописи автором правились разновременно: его исправления, нанесенные в одной из этих рукописей, переносились переписчиком в другую, а исправления, нанесенные автором во второй рукописи, переписчиком переноси-

лись в первую. В рукописи АЧ 33/363а содержатся исправления рукой С. А. Толстой, перешедшие потом в печатный текст (см. «Историю писания и печатания»).

Из рукописей XII главы извлекаются варианты за №№ 9—14.

13. АЧ 37/443 (из папки № 130). Обложки рукописей «Царства божия внутри вас» с пометами и датами на них, поставленными рукой М. Л. Толстой в 1890—1891 гг.

14. АЧ 36/429—442. Копии одиннадцати первых глав трактата «Царство божие внутри вас», без авторских исправлений, переписанные рукой Т. Л. Толстой, Е. И. Попова и других переписчиков.

15. АЧ 35/428. Черновые рукописные материалы неоконченного «Послесловия» к трактату «Царство божие внутри вас» и конспективного изложения этого произведения по главам, составленного Е. И. Поповым, просмотренного и исправленного Толстым.

УКАЗАТЕЛЬ СОБСТВЕННЫХ ИМЕН

В настоящий указатель введены имена личные и географические, названия исторических событий, заглавия книг, названия статей, произведений слова, живописи, скульптуры, музыки. Кроме того, в указатель введены названия журналов и газет, если они употреблены самостоятельно, а не как библиографические данные.

Знак || означает, что цифры, стоящие после него, указывают на страницы текста не Толстого.

Августин Блаженный (354—430) — епископ, церковно-христианский богослов — 54.

Авель — по библейскому преданию младший сын Адама и Евы — 192.

Австрия — 82, 83, 115, 150, 248, 322.

Агентство Пинкертона («Армия Пинкертона») — частное агентство в США по борьбе с рабочим движением — 136.

Адам — 64.

Азия — 147, 203.

Академия наук (в Петербурге) — 16, 17, || 334, 366, 368.

Александр I Павлович (1777—1825) — 195.

Александр II (1818—1881) — || 348, 349.

Александр III (1845—1894) — || XXIV, 349.

Алексеев Петр Семенович (1849—1913) — врач, автор ряда популярных брошюр и статей о вреде пьянства — 336.

— «Для чего люди одурманиваются», статья — || 336.

Америка («Соединенные Штаты», «Американская республика») — 3—5, 9, 10, 20, 25, 109, 111, 131, 135, 136, 153, 211, 226, 251, 266, 270, 309, 310, 312, 313, || XIV, XXV, 334—336, 338, 339, 360—362, 369.

Анания — по рассказу «Деяний апостолов» (гл. 5), член первоначальной христианской общины в Иерусалиме; за попытку скрыть от апостолов деньги от продажи имения Анания и его жена Сапфира были поражены смертью — 27.

Англия — 82, 83, 115, 248, 266, || XXV, 343, 352, 354, 370.

Андерсен Ханс Кристиан (1805—1875) — || XXXII.

— «О новом царском платье» — 218, || XXXII.

Анненкова Леонилла Фоминична (1845—1914) — курская помещица, с Толстым познакомилась в 1886 г.; дружеские отношения с ним сохранила до конца его жизни — || 341.

Анненков Георгий Семенович (1848—1885) — славист и историк, занимавшийся исследованием истории протестантства в Чехии и Польше — || 334.

Апокалипсис — новозаветное библейское писание, содержащее предсказания о будущих судьбах мира и человечества — 55.

Аристотель (384—322 до н. э.) — 91, 105.

«Армия спасения» — реакционная филантропическая организация, основанная в 1865 г. в Лондоне английским проповедником Вильямом Бутсом — 63, 65.

Арнольд Готфрид (1666—1714) — немецкий писатель-богослов, историк протестантской церкви — 52, 53, 335 || 335 («Готлиб Арнольд»), 344.

—«Unparteiische Kirchen und Ketzer Historie» — 52, 53 (цит.), 54 (цит.), 295, || 344.

Арнольд Мэтью («Матью Арнольд») (1822—1888) — английский литературный критик и поэт, близкий по своему мировоззрению Толстому — 37.

Архив синодальной канцелярии (в Москве) — || XXIII.

Архив В. Г. Черткова (в Москве) — || XXXVII.

Астрахань — 220.

Афины — 127.

Африка — 37, 203, || XXXI.

«Баварский сумасшедший король» — см. Людовик II Оттон Фридрих Вильгельм.

Баллу Адин (Adin Ballou, 1803—1890) — американский писатель-богослов, сторонник учения о непротивлении злу насилием; выступал против рабства негров в Соединенных Штатах Америки — 8, 9, 15, 16, 18, 29, 294, 309, 310, || 333, 335, 336.

— «Переписка» — 9.

— «Christian non-resistance» («Христианское непротивление») — 9, 10 (цит.), || 335, 336.

— «Сколько нужно людей, чтобы преобразить злодейство в праведность» — 10 (цит.).

— «Катехизис непротивления» («Non-resistance catechism») — 10—14, 294, 309, 310, || 333, 336—339, 341, 342, 373.

Баранов Николай Михайлович (1837—1901) — нижегородский губернатор с 1882 по 1897 г. — 220, 247, || XXXIII, 357, 358.

Бегичевка, Рязанской губ. — || 346, 347, 352—357, 359, 377, 378, 380.

Беллами Эдуард (Bellamy Edward, 1850—1898) —американский писатель, автор утопического романа «Looking backward 2000—1887» («Взгляд назад 2000—1887») — 271.

Бельгия — 115.

Берлин — 181, || XII, 361, 362, 365—367.

Библиографическое бюро — издательство в Германии — || 368.

Библия — 15, 47, 63.

Биография Вильяма Гаррисона, составленная его сыновьями (Нью-Йорк, 1885—1889) — 8, || 334.

Бирон Эрнст Иоганн (1690—1772) — 247.

Бирюков Павел Иванович («Поша», 1860—1931) — близкий друг Толстого и его биограф — || 336, 356, 359.

Бирюков П. И., «Лев Николаевич Толстой. Биография», т. III, изд. 2-е, М. 1922 — || XXXVII, 357.

Бисмарк Отто фон Шёнгаузен (1815—1898) — 116.

Бичер-Стоу Гарриет (1812—1896), «Хижина дяди Тома» — || 351.

Бобрики, Тульской губ. — || XXXII, 356, 357, 364.

Бобринский Владимир Алексеевич («богач-помещик», «богатый малый», 1868—1921) — 225, 229, 230, 254, 323, || 356.

Болгария — 174.

Бондарев Тимофей Михайлович (1820—1898) — крестьянин области Войска Донского, автор книги «Торжество земледельца, или трудолюбие и тунеядство» — 37.

Бостон — 4, 310, 313, || 361, 364, 365.

Ботлер Иосиф (Butler, 1692—1752) — английский епископ, писатель-богослов — 56.

Брюссель — 108.

Буассье Гастон (1823—1908) — французский историк и филолог — || 337.

— «Etudes d'histoire réligieuse» («Очерки истории религии») — || 337.

Будда (Сакия Муни) — мифический основатель буддийской религии — 265.

Буланже Жорж (1837—1891) — французский генерал, реакционный политический деятель — 173, 240, 247, 248.

Булгаков Федор Ильич 1852—1908) — реакционный журналист, сотрудник «Нового времени», а с 1900 г. ответственный редактор — || 351.

Буткевич Тимофей Иванович — харьковский протоиерей — || XXIV.

Бутс Чарлз (Booth) («Чарльс Бут», 1840—1916) — английский общественный деятель; сторонник введения государственных пенсий для престарелых — 98, 297.

Бытия книга — первая книга из входящих в состав Библии — 11 (цит.).

Бычков Афанасий Федорович (1818—1899) — исследователь древнерусского языка, академик, в 1882—1896 гг. директор Публичной библиотеки в Петербурге — || 366.

Варфоломеевская ночь — массовое избиение католиками гугенотов-протестантов, произведенное по приказу короля Карла IX в Париже в ночь под праздник св. Варфоломея, 24 августа 1572 г. — 55.

Вашингтон (столица США)— 110.

Веселитская Лидия Ивановна (псевдоним В. Микулич, 1857—1936) — писательница, с Толстым познакомилась в Ясной Поляне 12 мая 1893 г. — || 361.

Ветхий Завет — 6, 11, 15, 21, 26, 27, 32, 60.

Византия — 309, 312.

Вильгельм II (1859—1941)— 162, 163, 173, 192, || XIX, XX, XXXII, 368.

Вильсон Жильберт-Льюис (Gilbert Lewis Wilson, 1858—1921) — американский христианский богослов, помощник и единомышленник Адина Баллу — 9, 310, || 335.

Виндзорский замок — старинный замок в Англии (летняя резиденция английских королей) с богатейшими собраниями произведений искусства — 112.

Вогюэ Мельхиор де (Melchior de Vogué, 1848—1910) — французский критик и беллетрист, с 1888 г. — академик, во Франции пользовался репутацией знатока русской литературы — 37, 127—129, 297, || XIX, 351.

— «A travers l'exposition. IX. Dernières remarques» — || 351.

Вольтер Франсуа-Мари (Voltaire, 1694—1778) — 54.

Воронежская губерния — || 354, 359.

Второзаконие — книга Ветхого Завета, приписываемая церковью Моисею — 11 (цит.).

«Газета А. Гатцука» — еженедельная газета, издававшаяся в 1880—1891 гг. А. А. Гатцуком (1832—1890).

Галилея — область в Палестине — 37.

Гальперин - Каминский Илья Данилович (1859—1935) — переводчик Толстого и других русских классиков на французский язык — || 361, 362, 366.

Ганзен Петр Готфридович (1846—1930) — датчанин, принявший русское подданство; лично знал Толстого, перевел ряд его произведений на датский язык — || 360.

Гапгуд Изабелла (Hapgood)— американка, лично знала Толстого, перевела на английский язык его книгу «О жизни» — || 360, 361.

Гарнет Констанция (Garnett) — английская переводчица — || 369.

Гаррисон Вендель-Филлипс (Wendel Garrison, 1844—1907) — сын Вильяма Гаррисона — 3, 8 («Гаррисон-сын»), 310, || 333, 334.

Гаррисон Вильям-Ллойд (William Garrison, 1805—1879) — американский прогрессивный общественный и политический деятель, писатель; борец за освобождение негров — 3, 4, 8, 15 16, 18, 29, 313, || 333, 334, 339.

— «Декларация чувств» («Declaration of sentiments») — 4, 8, 9, 15, 16 («провозглашение»), 294, || 333, 334, 336, 339, 341, 342, 373.

Ге Николай Николаевич (1857—1940) — старший сын художника, близкий знакомый Толстых, одно время последователь учения Толстого — || XIII, 345, 346, 354, 358.

Ге Николай Николаевич (1831—1894) — художник, друг Толстого — || 346.

Германия — 82, 115, 126, 139, 150, 162, 248, 266, || XIV, XIX, 367, 368.

Герцен Александр Иванович (1812—1870) — 152, 283, 284, 285, 348, || XXXIV, 348.

— «С того берега» — 284 (цит.), 285 (цит.), || XXXIV.

— «Полное собрание сочинений и писем», под редакцией М. К. Лемке, т. IX — || 348.

Герцик Евгений Васильевич (ум. 1920) — издатель — || 370, 371.

Гиббон Морган — член Международного конгресса мира в Лондоне в 1891 г. — 111.

Главное архивное управление Министерства внутренних дел (ГАУ) — || 359.

Гладстон Вильям Эварт (1809—1898) — английский реакционный государственный деятель, лидер либеральной партии — 173.

Голландия — 115.

Горбунов - Посадов Иван Иванович (1864—1940) — близкий друг и единомышленник Толстого, редактор «Посредника», автор многих статей о Толстом — || 341, 350.

Горький Алексей Максимович (1868—1936) — || XIII.

Государственный музей Л. Н. Толстого (ГМТ) — || 334, 340, 343, 347, 349, 350, 352, 355, 356, 359, 360, 362—367, 369, 373.

Греция — 52, 121.

Грот Николай Яковлевич (1852—1899) — профессор философии, редактор журнала «Вопросы философии и психологии» — || 360.

Грузия — 22, 23.

Гус Ян (1369—1415) — декан и ректор Пражского университета; чешский религиозный реформатор, вдохновитель национально-освободительного движения в Чехии — 54, 312.

Гусев Н. Н., «Летопись жизни и творчества Л. Н. Толстого» — || XXIII.

Гюго Виктор (Victor Hugo, 1802—1885) — 119, 127, || XIX.

— Сочинения — 127.

Давид (конец XI—начало X в. до н. э.) — по библейскому преданию, царь еврейского народа — 60.

Даймонд Ионафан (Dymond, 1796—1828) — член секты квакеров; автор книги «An Enquiry into the Accordancy of War with the principles of Christianity», London («Исследование о совместимости войны с принципами христианства») — 3, 19, («On war» — «О войне»), 29, 294, || 343.

Дамиен (Damien), в мире Жозеф де Вестер (1840—1889) — французский миссионер, добровольно поселившийся в 1873 г. среди прокаженных на острове Молокаи (Гавайские острова). Умер, заразившись проказой — 97 («Дамиан»).

Дания — 115.

Дарвин Чарлз Роберт (1809—1882) — 128.

Дейбнер Август — немецкий издатель — || 362, 367 — 370.

Делано Александра Павловна (Aline Delano) — || 361, 364, 365, 368, 369.

Деяния апостолов — книга Нового Завета, повествующая о жизни первых христианских общин, авторство ее приписывается евангелисту Луке — 21 (цит.), 43, 44, 291 (цит.), 295 («Собор учеников»).

Диллон Эмилий Михайлович (1854—1933) — англичанин, живший в 1880-х и 1890-х годах в России, переводчик Толстого на английский язык — || 359.

Дунаев Александр Никифорович (1850—1920) — директор Московского торгового банка. Познакомился с Толстым в 1887 году и сохранил с ним дружеские отношения до конца его жизни — || 355, 362.

Дусе (Charles-Camille Doucet) («Дусэ», 1812—1895) — французский драматург, с 1864 г. академик — 125, 297.

Евангелие — 1, 4, 6, 7, 10, 11, 12, 17, 18, 26, 28, 29, 32, 33, 36, 37, 41 («евангельское учение»), 39, 42 (цит.) — 46, 60, 62—65, 73, 74, 75, 78, 93 («учение евангельское»), 105, 108, 112, 147, 152, 169, 178, 183, 184 («не надо бояться тех, которые могут погубить...»), 186 (цит.), 195 (цит.), 219, 239, 243, 267 («евангельская любовь»), 269, 273 («евангельский закон»), 279 (цит.), 286,

295, 296, 311, 320, || 339, 347, 348, 353, 367, 372, 374, 378.

Европа — 8, 25, 62, 98, 99, 100, 102 —104, 107, 109, 110, 113, 126, 130, 151, 159, 164, 226, 251, 310, 312, 315, 316, 321 («европейское человечество»), 322, || XIX, XX, 351.

Егерия — нимфа в римской мифологии — 96.

Екатерина II (1729—1796)— 173, 190, 192, 247, 248, || XXXII, 386.

Елизавета Петровна (1709—1761) — 247.

Ефремовский уезд, Тульской губ. — || 378.

Женева — || XII, 370.

Жуковский Василий Андреевич (1783—1852) — 273, || 349, 358.

— «Собрание сочинений В. Жуковского» VI изд. — 273, || 358.

— «О смертной казни» (статья) — || 349, 358.

Журнал, основанный В. Л. Гаррисоном и называвшийся «Непротивляющимся» («Non-resistant») — 8, 310, 313.

Закаспийский край — 180.

Заккей — мытарь (сборщик податей), дом которого, по Евангелию, посетил Иисус Христос — 41, 79.

Зенон (ок. 336—264 до н. э.)— древнегреческий философ, основатель стоической школы в Афинах — 52.

Зиновьев Николай Алексеевич (1839—1917) — тульский губернатор с 1887 по 1893 г., позднее сенатор, член Государственного Совета — 225, 229 («начальник всей экспедиции»), 261, 264, 324, || XII, XXXII, 356, 357, 364, 365.

Золя Эмиль (Zola E., 1840—1902) — 126, 127, 297.

Зутнер Берта (1843—1914) — немецкая писательница — || 351.

— «Waffen nieder» — || 351.

Иаков — библейский патриарх — 192.

Иафет («Яфетово отродье») — по свидетельству Библии, сын патриарха Ноя — 91.

Иван IV Грозный (1530—1584) — 192, 195, || XXXII.

Иванцов-Платонов А. М., «Ереси и расколы первых трех веков христианства», — || 340, 341.

«Иверская» — часовня русско-православной церкви в Москве (ныне снесена) — 59.

Иерусалим — главный город древней Палестины — 43, 64, 174 («иерусалимский храм»).

Иисус Христос — 1—3, 5—7, 9—12, 14—18, 20—29, 31—36, 38—41, 43—46, 48—50, 52—61 («Христово учение»), 63—67, 71—73, 76—81, 85, 86, 92, 147—149, 156, 157, 161, 167, 169, 177, 178, 186, 191, 192, 195, 219, 242, 243, 246, 265, 270, 271, 282, 287, 291, 294—296, 299, 310—312, 314, 319—321, || XXXV, 340, 342, 343, 347—350, 354, 367, 374, 378.

Ингерзоль («Ингерзаль») — американский писатель-богослов, проповедник — 37, 38.

Индия — 150.

«Иностранная литература», журнал — || XXXV.

Иоанн, апостол — 21.

Иоанн Златоуст (347—407) — архиепископ в Константинополе; церковно-христианский писатель — 27, 56.

Ирландия — 37, 115, 150, || XXXI.

Исав — по библейскому сказанию, старший сын патриарха Исаака — 192.

Исаия — библейский еврейский пророк — 40.

Исход — книга Ветхого Завета, приписываемая церковью Моисею; повествует об уходе евреев из Египта — 11 (цит.).

Италия — || 366, 369.

Кавказ — 180.

Казанская губерния — 262.

Каиафа — прозвище иудейского первосвященника Иосифа; ярый противник Христа — 28, 192, 290.

Каин — по библейскому сказанию, старший сын Адама и Евы убивший своего младшего брата Авеля из зависти — 192.

Калигула (12—41) — римский император, сумасбродный деспот — 149.

Калмыкова Александра Михайловна (1849—1926) — деятельница народного образования. С Толстым познакомилась приблизительно в 1885 г. О своем знакомстве с ним написала воспоминания: «Встречи с Л. Н. Толстым» («Вестник литературы», 1921) — || 339, 340.

Калуга — 176.

Каприви Лео (1831—1899) — граф, германский реакционный военный и политический деятель, канцлер Германской империи в 1890—1894 гг. — 137, 162, 298, || XIX, XX.

Карл I (1600—1649) — английский король — 190.

Карл V (1500—1558) — император Римской империи в 1519—1555 гг., испанский король (под именем Карла I) в 1516—1556 гг.; в 1556 году удалился в монастырь — 195.

Каролинские острова — группа островов на Тихом океане — 115.

Карр Жан-Альфонс (Karr Jean Alphonce, 1808—1890) — французский писатель и журналист — 201.

Касаткин Николай Алексеевич (1859—1930) — художник, с 1925 г. — народный художник республики, был лично знаком с Толстым — || 361, 363.

Католический катехизис — 46 (цит.), 48 (цит.).

Киев — 178.

Китай — 150, 182, 189, 190.

Кларети Жюль (Claretie, 1840—1913) — французский беллетрист и драматург, с 1888 г. — академик — 126, 297.

Клюкин М. В. — московский книгопродавец — || 370.

Книга Царей (3-я) — входит в состав Ветхого Завета — 60.

Колумб Христофор (1451—1506) — 284.

Комаровский Леонид Алексеевич (1846—1912) — профессор международного права — 97 (цит.), 99 (цит.), 297.

Конгресс мира в Лондоне — 107—112, 115, || 351.

Конгресс мира в Париже — 115.

Конгресс мира в Риме — 113, 115, || 351.

Константин I Великий (род. ок. 274 — ум. 337) — римский император, провозгласивший христианство государственной религией. На месте древнегреческой колонии Византии основал в 330 г. город Константинополь, ставший (вместо Рима) столицей империи — 17, 26, 45, 50, 311, 312 («константиновский обман»), || XXIII, 340.

Константинополь (город) — || 353.

Конт Огюст (1798—1857) — французский буржуазный философ, основоположник позитивной философии — 71.

Конфуций (Кун-цзы, 551—479 до н. э.) — древнекитайский философ, основатель религиозно-философской системы, носящей название «конфуцианства» — 265.

Кромвель Оливер (1599—1658) — крупнейший деятель английской буржуазной революции XVII в. — 190.

Кузминская Татьяна Андреевна (1846—1925) — сестра С. А. Толстой — || 360, 365.

Кузминские Александр Михайлович и Татьяна Андреевна («Кузминские») — || 364.

Кузминский Александр Михайлович (1843—1917) — муж сестры С. А. Толстой, Т. А. Берс; в 1889—1893 гг. прокурор Петербургской судебной палаты, впоследствии сенатор — || 364, 365 («муж»).

Кюршнер Иосиф (Joseph von Kürschner, 1853—1902) — немецкий издатель — || 359—361, 364.

Лаван — библейский патриарх — 192.

Лао-Цзы («Лао-дзи») — древнекитайский философ, основатель религии таосизма — 265.

Лёвенфельд Рафаил (Löwenfeldt Raphael, 1854—1910) — немецкий литературный критик, переводчик Толстого на немецкий язык, написал ряд статей о нем, автор биографии Толстого — || XII, 360, 361, 362, 367.

«Лев Толстой и В. В. Стасов. Переписка 1878—1906», «Прибой», 1929— || 366, 369.

Левит — книга Ветхого Завета, приписываемая церковью Моисею — 11 (цит.).

Ленин Владимир Ильич (1870—1924) — || V, VII, VIII, XXXV.

— Сочинения — || V, VII, VIII, XXV, XXXV.

Леруа-Больe Анатоль (1842—1912) — французский буржуазный публицист и историк, профессор; или Леруа-Больe Пьер-Поль (1843—1916) — его брат, французский буржуазный экономист, финансист и публицист, профессор — 37 («Leroy Beaulieu»).

Лондон — 98, 99, 107, || XII, XXXII, 366, 367.

Лопухин И., «Некоторые черты о внутренней церкви» — || 340.

Лотарингия — провинция Франции — 150.

Людовик II Оттон Фридрих-Вильгельм («Баварский сумасшедший король», 1845—1886) — король Баварии с 1864 г. В результате развившегося душевного заболевания в 1886 г. был отстранен от управления государственными делами, покончил жизнь самоубийством — 173, 247, || 368.

Людовик XIV (1638—1715) — 102, 127.

Людовик XVI (1754—1793) — 190.

Лютер Мартин (1483—1546) — видный деятель Реформации, основатель лютеранского вероисповедания в Германии — 47, 54.

Лютеранский катехизис — 46 (цит.), 48 (цит.).

Массачусетс — штат в США — 9 («Массачусет»).

Михайловский Николай Константинович (1842—1904) — русский критик, публицист и социолог, либеральный народник — || V.

Моисей (конец XVI и начало XV в. до н. э.) — по библейскому преданию еврейский пророк, освободивший древних евреев от египетского рабства — 179, 202, 265, 311 («седалище Моисеево»).

Мольтке Хельмут Карл (1800—1891) — граф, немецкий фельдмаршал, реакционный военный писатель, сподвижник Бисмарка — 120, 125, || XIX.

Монако — 115.

Монтескьё Шарль-Луи (Montesquieu, 1689—1755) — французский писатель, виднейший представитель французского просвещения XVIII в. — 102, 138.

Монэта Е. Г. — член Международного конгресса мира в Лондоне в 1891 г. — 102, 297.

Мопассан Гиде (Maupassant Guy, 1850—1893) — 118, 120, 125, 129, 297, || XIX.

— «Sur l'eau» (очерк) — 118—122 (цит.), || 350.

Москва — 23, 59, 176, 178, 217, 226, || 336, 343, 347, 352, 353, 358, 359, 361, 362, 373, 377, 380.

«Московские ведомости» — русская газета, выходившая в 1756—1917 гг. С 1860-х гг. выражала взгляды крайней реакции; с 1905 г. — орган черносотенцев — || X.

Муравьев-Карский Николай Николаевич (1794—1866) — генерал-адъютант, с 1854 г. наместник Кавказа и главнокомандующий кавказских войск — 22.

— «Дневник» («Записки») — 22 (выписка из «Дневника»), || 345, 347.

Мэстр Жозеф де (Joseph de Maistre, 1754—1821) («Мэстр Иосиф») — французский государственный деятель, с 1803 по 1817 г. жил в Петербурге в качестве дипломатического представителя сардинского короля при русском дворе — 128.

Мюллер Макс (Max Müller, 1823—1900) — английский языковед, автор ряда трудов по языковедению и истории религий, профессор Оксфордского университета — 159.

Мюссе Даниэль (Daniel Musser), «Утверждение непротивления или разделение царства Христа и царства мира сего» — 19 («О непротивлении»), 20 («Мосер»), 294 («Мосер»), || 334.

Нагорная проповедь — проповедь Христа, изложенная в Евангелиях от Матфея и Луки, в которой дается краткое изложение сущности его учения — 25, 37, 60, 66, 73, 80, 147, 295, 310 («проповедь на горе»), || 352, 353.

Наполеон I Бонапарт (1769—1821) — 116, 121, 190, 237, 240, 247.
Наполеон III (Луи Наполеон Бонапарт, 1808—1873) — 247.
Неклюдов — орловский губернатор — 223—225 («несчастный губернатор»), 231, 261, || XXXIII, 357, 358, 364.
Нерон Клавдий Цезарь (37—68) — римский император — 131, 149, 250, || XIV.
Нижний - Новгород — 260.
Никейский символ — исповедание церковно-христианской веры, составленное на церковном соборе в малоазиатском городе Никее в 325 г. — 47, 66.
Никея (город в Малой Азии) — || 353.
Ницца — 150.
Новый Завет — вторая часть Библии — 6, 15, 21, 26, 27.
Ной — имя библейского патриарха — 11, 12, 64.
Нью-Йорк — || XII, 334.

Оболешевка, Орловской губ. — || 364.
Омск — 24.
Оптина пустынь, Калужской губ. — 62.
Орел (город) — 220, 222, 226, 227, 230, 234, 260, 263, 264, || 365.
Ориген (род. ок. 185 — ум. 254) — церковно-христианский богослов и философ, автор многочисленных богословских и философских сочинений — 1, 54.
Орловская губ. — || 365, 366, 372.

Павел, апостол — 112.
Павел I (1754—1801) — 247.
Париж — 83, 226, || XII, XXXII, 356, 361, 362, 365—367, 369.
Пасси Фредерик («Frederic Passy», 1822—1912) — французский экономист и общественный деятель. В 1868 г. основал «Международную, Лигу Мира». В 1901 г. он первый получил Нобелевскую премию мира — 99 (цит.), 297.
Первое послание апостола Павла к коринфянам — 1 (цит.), || 367, 372.
«Переписка Г. В. Плеханова и П. Б. Аксельрода», изд. Р. М. Плехановой, М. 1925, т. II — || VI.
«Переписка Л. Н. Толстого с Н. Н. Страховым», (ПС) — || XXXVII, 334, 335, 366.
Пермь — 176.
Петербург — 179, 180, 221, 226, 231, 270, || 334, 359, 360, 370, 372.
Петр, апостол — 21, 29, 45.
Петр I Великий (1672—1725) — 182, 192, || XXXII, 368.
Петр III (1728—1762) — 173, 190.
Петр Хельчицкий (1390—1460) — чешский религиозный писатель — 16—18, 54, 310, || XXIII, 333, 334, 366.
— «Сеть веры» — 16—18, 294, 312, || XXIII, 334, 335, 366, 368.
Пилат Понтий — римский прокуратор (правитель) в Иудее в 26—36 гг. н. э., при котором, по евангельскому сказанию, был распят Иисус Христос — 192, 286.
Пиренеи — 83.
Платон (427—347 до н. э.) — древнегреческий философ-идеалист, ученик Сократа — 52, 91, 105.
Плеханов Георгий Валентинович (1856—1918) — || VI, VIII.
— «Карл Маркс и Лев Толстой» — || VI.
Г. В. Плеханов «Искусство и литература» — || VI, VIII.
Победоносцев Константин Петрович (1827—1907) — государственный деятель, реакционер, с 1880 по 1905 г. обер-прокурор синода — || XXIII, XXIV, 349.
Покровский Егор Арсеньевич (1835—1895) — главный врач детской больницы в Москве, автор брошюры «Об уходе за малыми детьми», в которую Толстой написал вставку «О соске» (см. т. 27) — || 374.
Польша — 115, 150.
Попов Евгений Иванович (1864—1938) — близкий знакомый Толстого — || 336, 355, 358, 359, 361—364, 368, 373, 374, 376—380.
«Послания» (апостолов) — произведения ранней христиан-

ской литературы, включенные церковью во вторую часть Библии — Новый Завет — 43.

«Посредник» — издательство, основанное В. Г. Чертковым в 1885 г. по инициативе и с участием Толстого — || 336, 370.

Православный катехизис — 46 (цит.), 48.

Прага — 16, || 334.

Прессансе Эдмонд де (Pressensé, 1824—1891) — протестантский богослов-писатель и государственный деятель Франции — 52.

— «Histoire du Dogme» — 50.

— «Histoire de trois premiers siècles de l'Eglise Chretienne» («История трех первых веков христианской церкви») — || 340.

Пруссия — 181, 322.

Псалтырь (книга псалмов) — ветхозаветные религиозные песни; написание их, по преданию, приписывается древнееврейскому царю Давиду — 62.

Публичная библиотека в Петербурге — || 366.

Пугачев Емельян Иванович (род. ок. 1742—ум. 1775) — 173, 190, 247, 248, || 368.

Пыпин Александр Николаевич (1833—1904) — исследователь русской и зарубежной литературы и фольклора, с 1896 г. академик — 16, 17.

Пэн Вильям (1644—1718) — английский квакер, идеолог квакерского движения, основал в Северной Америке колонию квакеров под названием «Пенсильвания» — 3.

Равашоль Леон Леже («Равашоли») (1860—1892) — французский анархист, совершивший ряд убийств, был гильотинирован — 320.

Ревен Томас — участник Международного лондонского конгресса мира в 1891 г. — 111.

Рейн — 83.

Ренан Эрнест Жозеф (Renan, 1823—1892) — французский историк религии и философ-идеалист, с 1879 г. академик — 37, 71.

Репин Илья Ефимович (1844—1930) — || XXXV, 369.

Рим — 70, 127, 175, || XII, XXXII, 337.

Римская империя — 149.

Ришe Шарль (Richet, 1850—1935) — французский физиолог и психолог, автор многих работ по экспериментальной психологии, лично был знаком с Толстым — 271.

Робеспьер Максимильен-Мари-Изидор (1758—1794) — 190.

Род Эдуард (Edward Rod, 1857—1910) — швейцарский романист, критик и историк литературы — 122, 124, 125, 129, 297, || XIX.

— «Le sens de la vie» («Смысл жизни») — 122—124 (цит.), || XXV, 350.

Россия — 2, 5, 22, 23, 25, 59, 61, 62, 65, 82, 104, 115, 137, 151—153, 181, 190, 211, 213, 220—222, 226, 241, 245, 248, 251, 266, 274, 300, 322, || X—XIII, XXII, XXIII, XXXIII, 346, 351, 363, 364, 366, 369, 370, 372.

Рязанская губерния — 220, 262.

Саведж Д. (Savage D.) — американский писатель — 37 («Савадж»).

Савонарола Иероним (Girolamo Savonarola, 1452—1498) — итальянский христианский проповедник, писатель-богослов; за обличения духовенства по постановлению римского папы Александра VI был арестован и сожжен на костре — 54.

Самара — 177.

Сапфира — по книге «Деяний апостолов» (гл. 5), член первой христианской общины в Иерусалиме, жена Анании — 27.

Саратов — 220, 260.

Саффи (Saffi) Аурелио («Саффи Аврелий», 1819—1890) — итальянский буржуазный демократ, республиканец — 111.

Свербеев Дмитрий Дмитриевич (1845—1920) — тульский вице-губернатор в 1885—1891 гг., впоследствии курляндский губернатор — || 365.

«Свободное слово» — издательство В. Г. Черткова в Англии — || 355, 370—372.

Сенека Луций Анней (род. между 6 и 3 до н. э. — ум. 65 н. э.) — римский философ-стоик, политический деятель, писатель и оратор — 192.

Сербия — 181.

Сибирь — 181, || X.
Силоамская башня (в Иерусалиме) — по свидетельству Евангелия от Луки, разрушившись, погубила восемнадцать человек — 286.
Сильвестр I («Сильвестр») — римский папа в 314—335 гг.; по преданию, крестил императора Константина — 17, || XXIII.
«Символ веры» — исповедание веры, сформулированное в двенадцати пунктах, составлен на двух вселенских соборах: в малоазиатском городе Никее в 325 г. и в Константинополе в 381 г. — 40, 45, 60, 295, || 352, 353.
Симон Волхв — по книге «Деяний апостолов» член первой христианской общины, обращенный в христианство и отлученный от церкви апостолом Петром за то, что подкупом хотел постигнуть тайну рукоположения — 27.
Скобелев Михаил Дмитриевич (1843—1882) — русский генерал, видный военный деятель — 248.
Скотт-Голланд — 111.
Смирнов Евграф, «История христианской православной церкви. Курс III и IV классов духовных семинарий» — || 339.
— «История христианской православной церкви. Курс V класса духовных семинарий» — || 339, 340.
Содом — по библейскому сказанию (Быт. XIX, 1—29), город, покаранный богом землетрясением и огненным дождем за развращенность его жителей — 27.
Соколов Евдоким Платонович (1873—1919) крестьянин, работавший у В. Г. Черткова в качестве переписчика — || 354.
Соломон (XI—X вв. до н. э.)— по библейскому преданию, третий царь израильского народа, сын Давида — 74.
Сольсбери, маркиз Роберт-Сесиль («Салисбюри», 1830—1903) — английский политический деятель, вождь консервативной партии в палате лордов, впоследствии лидер всей консервативной партии — 173.
Сорбонна — || XXXV.
Спенсер Герберт (1820—1903) — английский буржуазный философ и социолог, один из основателей философии позитивизма — 71.
Стамбулов Стефан (1854—1895) — болгарский государственный деятель — 192.
Стасов Владимир Васильевич (1824—1906) — || XXXIV, 366, 369.
Стокгольм («Штокгольм») — || 364.
Страхов Николай Николаевич (1828—1896) — литературный критик, философ-идеалист, близкий знакомый Толстого — || X, XII, XIII, 334—336, 340, 344, 346, 354, 355, 359, 366, 373.
Страхов — Федор Алексеевич (1861—1923) — автор философских работ идеалистического направления. Познакомился с Толстым в конце 1880-х гг. Разделял взгляды Толстого — || XII.
Сютаев Василий Кириллович (1819—1892) — крестьянин дер. Шевелино, Тверской губ., религиозный мыслитель; Толстой называл его одним из главных своих учителей — 37.

Тамбов — 178, 220.
Тамбовская губерния — 22, || 345.
Тантал — в древнегреческой мифологии лидийский или фригийский царь, сын Зевса, хитрый и коварный враг богов. За преступления против богов был обречен им на вечные мучения в преисподней — 92.
Ташкент — 24.
Тверь — 177, 178, 180.
Тёрнер Карл Иванович (Charles Edward Turner, 1832—1903) — англичанин, профессор истории английской литературы в Александровском лицее, перевел на английский язык книгу Толстого «Соединение, перевод и исследование четырех евангелий» — || XX, 360.
Терновские Ф. и С., «Опыт руководства по церковной истории. Три первые века христианства» — || 340, 341.
Тертуллиан Квинт Септимий Флоренс (между 150 и 160 — ум. 222) — христианский богослов и писатель — 1, 54.
Тифлис — 22.

Тихон Задонский (1724—1783) — воронежский епископ, религиозный писатель и проповедник, с 1769 г. жил на покое в Задонском монастыре — 56.
Толстая Мария Львовна (1871—1906) — вторая дочь Л. Н. Толстого — || 337, 338, 340, 341, 343, 348, 355, 373, 375, 376, 378, 380.
Толстая Софья Андреевна («Соня», 1844—1919) — жена Л. Н. Толстого — || XXIII, 341, 364, 366, 371, 372, 381.
Толстая Татьяна Львовна (1864—1950) — старшая дочь Л. Н. Толстого — || 339, 356, 360, 362, 363, 369, 374, 379, 380.
Толстой Лев Львович («Лёва», 1869—1945) — третий сын Л. Н. Толстого — || 336, 340.
Толстой Лев Николаевич:
— «Власть тьмы» — || X.
— «Воззвание» («Полное собрание сочинений», юбилейное издание, т. 27) — || 352, 353.
— «Воскресение» — || X, XXIV.
— «В чем моя вера?» («Книга», «Моя книга») — 1—3, 16, 19, 25—27, 31, 35—37, 39, 59, 294, || VIII, IX, XXIII, XXXI, 333, 334, 338, 342—344.
— Дневники и Записные книжки — || X—XIII, XXI, XXV, XXVII—XXX, 335—346, 348, 350, 351, 353, 355, 362, 364.
— «Исповедь» — || XXIII.
— «Крейцерова соната» — || X.
— «Не могу молчать» — || VI.
— «Об искусстве» (статья 1889 г.) — || 344.
— «Обращение к людям братьям» — || 352, 353.
— «О жизни» — || XXIV.
— «О значении отказа от военной службы» — || 354.
— «Отец Сергий» — || 337.
— «Письма о голоде» — || X.
Письма Толстого:
Баллу Адину — || 335.
Бирюкову П. И. — || 335, 336, 338, 343, 344, 346, 361.
Вильсону Л. Ж. — || 335.
Гальперину-Каминскому И. Д. — || 365.
Ганзену П. Г. — || 360.
Гаррисону Венделю — || 333.
Ге Н. Н. (сыну) — || XIII, 345, 354, 358.
Ге Н. Н. (отцу) и Ге Н. Н. (сыну) — || 346.
Герцику Е. В. — || 370.
Гроту Н. Я. — || 360.
Делано А. П. — || 365.
Диллону Э. М. — || 359.
Дунаеву А. Н. — || 355, 362.
Золотареву В. П. — || 345.
Зутнер Берте — || 351.
Калмыковой А. М. — || 340.
Кенворти Джону — || XXIV.
Лёвенфельду Рафаилу — || 365, 366, 368.
Покровскому Е. А. — || 374.
Попову Е. И. — || 361.
Русанову Г. А. — || XXXIII, 343, 354, 357, 362.
Стасову В. В. — || 366, 369.
Страхову Н. Н. — || XII, XIII, 334, 335, 340, 344, 359.
Тёрнеру Чарлзу (Charles Turner) — || XX.
Толстой М. Л. — || 380.
Толстой С. А. — || 354.
Толстой Т. Л. — || 343.
Толстому Л. Л. — || XXX.
Толстым Л. Л. и М. Л. — || 362.
Файнерману И. Б. — || 345.
Хилкову Д. А. — || XIII, 336, 338, 353, 354, 361.
Черткову В. Г. — XIII, XXIX, XXXIV, XXXV, 334, 336—338, 341, 343, 345, 348, 352, 353, 355, 359—363.
Шмидт М. А. и Баршевой О. А. — || 344.
Шрёдеру Феликсу — || XXI, XXII, XXIV.
Янжулу И. И. — || 361.
— «Плоды просвещения» — || X.
— «Полное собрание сочинений, запрещенных в России», изд. «Свободное слово», 1902, т. VII — || IX.
— «Полное собрание сочинений». Юбилейное издание:
т. 27 — || 374.
т. 36 — || 334.
т. 50 — || 335, 336, 351.
т. 51 — || 336—344, 350.
т. 52 — || XII, XXI, XXII, XXVIII, XXIX, 344—348, 350, 351, 353, 355, 356, 362, 364.
т. 61 — || 361.
т. 63 — || 333, 349.
т. 64 — || 334—336.
т. 65 — || 335, 338, 340, 343—345, 374.
т. 66 — || XI—XIII, XX—XXII, XXIV, XXXIII, 346, 350, 351, 353—355, 357—363, 366, 369.

т. 67 — || XXX, 367.
т. 68 — || XXIV, XXX.
т. 69 — || XXX.
т. 72 — || 368.
т. 76 — || 370.
т. 84 — || X, 354—356, 365.
т. 86 — || 334.
т. 87 — || XIII, XXIX, XXXIV, 336—338, 341, 343, 345, 347, 348, 352—356, 359—364, 366.
т. 88— || 370.
т. 90 — || 355, 380.
— «Смерть Ивана Ильича» — || X.
— «Соединение, перевод и исследование четырех Евангелий» — || XXIV.
— «Так что же нам делать?», Женева, 1886 — || VI.
— «Христианство и патриотизм» — || XXII.
— «Царство божие внутри вас» — 1, 325, 326 («эта книга»), || V—VII, IX—XV, XVII—XXXV, 333—335, 337—339, 341—348, 350, 352—355, 357—371, 373—380.
— «Царство божие внутри вас», перевод И. Д. Гальперина-Каминского («Le salut est en vous») — || XII, 366.
— «Царство божие внутри вас», перевод на итальянский язык Софии Бер — || 366.
— «Царство божие внутри вас» изд. Августа Дейбнера (первопечатный текст) — || 367, 368, 371, 375.
— «Царство божие внутри вас», перевод Рафаила Лёвенфельда, изд. «Deutsche Verlagsanstalt» — || 367.
— «Царство божие внутри вас», перевод на английский язык А. П. Делано, изд. Вальтера Скотта — || 368.
— «Царство божие внутри вас», перевод на английский язык Констанции Гарнет, изд. Вильяма Гейнемана — || 368.
— «Царство божие внутри вас», изд. М. К. Элпидина — || 370.
— «Царство божие внутри вас», изд. «Свободное слово» (Christchurch, Hants, England), 1898 — || 370, 371, 375.
— «Царство божие внутри вас», изд. «Свободное слово» 1902 (Christchurch, Hants, England) — 370, 371, 375.
— «Царство божие внутри вас», изд. «Русское свободное слово» («Полное собрание сочинений, запрещенных русской цензурой, графа Л. Н. Толстого», тт. I—II) — || 370.
— «Царство божие внутри вас», изд. М. В. Клюкина — || 370.
— «Царство божие внутри вас», изд. «Посредника» — || 370.
— «Царство божие внутри вас», изд. Е. В. Герцика — || 370, 371.
— «Царство божие внутри вас», изд. Е. В. Герцика («Полное собрание сочинений, вышедших за границей. Напечатано, согласно указанию автора, с оригиналов В. Г. Черткова», т. V) — 370, 371.
— «Царство божие внутри вас», изд. С. А. Толстой («Собрание сочинений Л. Н. Толстого», изд. 12-е, ч. 14-я) — || 371.
— «Царство божие внутри вас», изд. В. М. Саблина («Собрание сочинений Л. Н. Толстого», т. VI) — || 371.
— «Царство божие внутри вас», изд. И. Д. Сытина («Полное собрание сочинений Льва Николаевича Толстого», под редакцией и с примечаниями П. И. Бирюкова, т. XV) — || 371.
Троицкий, «Нагорная беседа» — 31.
Тула — 176, 241, || 355.
Тульская губерния — 220, 222, 227, || 365, 366, 372.
Турция — 5, 82, 83, 104, 115, 182, 211.

Узловая станция Сызрано-Вяземской ж. д. — XXXII, 356, 364.

Фаррар Фредерик-Вильям (1831—1903) — английский писатель-богослов, проповедник — 31, 32, 34, || XXXI.
Федор — «в первые времена христианства воин», отказавшийся носить оружие и казненный за это — 321.
Фенелон Франсуа де Салиньяк де ла Мот (1651—1715) — французский писатель, с 1693 — академик, с 1695 г. — архиепископ, автор ряда философских, богословских и беллетристических произведений — 56.
Феоктистов Евгений Михайлович (1829—1898) — в 1883—

1896 гг. начальник Главного управления по делам печати — || 370.

Ферри Энрико (Ferri, 1856—1929) — итальянский криминалист, профессор уголовного права — 98 (цит.), 297.

Филадельфия — || 333.

Фокс Джордж (1624—1691) — основатель в XVII в. английской религиозной секты квакеров, сын ткача — 3, 312.

Фома Кемпийский (1380—1471) — средневековый философ-мистик, августинский монах, родом из Кемпена (Германия), автор известной книги «О подражании Христу» — 56.

Фотий (820—891) — патриарх Константинопольский, распря которого с его соперником за обладание патриаршим престолом Игнатием послужила внешним поводом к разделению римско-католической и православной церквей — 47.

Франс Анатоль (Anatole France, 1844—1924) — французский писатель — || XXXV.

Франциск Ассизский (р. 1181 или 1182 — ум. 1226) — католический монах, родом из Ассизи (Италия), основатель ордена францисканцев — 56.

Франциск Сальский («Франциск de Lobes», 1567—1622) — женевский епископ, основатель ордена салезианок, названного по его имени — 56.

Франция («Французская республика») — 83, 99, 102, 113, 115, 131, 135, 150, 153, 155, 181, 211, 248, 266 — || XIV, XXI.

Хам — по библейскому сказанию, младший сын патриарха Ноя — 91.

Хамовники — район Москвы — 247.

Харьков — 177, 178.

Херсонская губерния — 23.

Хилков Дмитрий Александрович (1857—1914) — бывший гвардейский офицер; одно время разделял взгляды Толстого — || XIII, 336, 338, 353, 354, 361.

Хомяков Алексей Степанович (1804—1860) — русский поэт, философ-идеалист и один из наиболее видных представителей идеологии славянофилов — 46, 47.

Чернигов — 220.

Чертков Владимир Григорьевич (1854—1936) — близкий друг, единомышленник Толстого и издатель его сочинений — || XXIX, XXXIII, 340, 341, 343 — 345, 347, 348, 352—356, 358—360, 362—364, 370, 371, 374—377.

Чехия — 115, 150.

Чингис-хан (ок. 1155—1227) — 131, 152, 223, || XIV, 348, 349.

Чистяков Матвей Николаевич (1854—1920) — управляющий хутором В. Г. Черткова Ржевск, Воронежской губ., в 1891—1892 гг. вместе с Толстым помогал голодающим — || 347, 348, 352, 353.

Швейцария — 115, 181, 322.

Швеция — 181, 322.

Шиллер Иоганн Фридрих (Schiller, 1759—1805) — 309.

Шильонский замок — старинный замок в Швейцарии на Женевском озере — 181.

Шлиссельбургская крепость под Петербургом — 37.

Штраус Давид Фридрих («Страус», 1808—1874) — немецкий философ, богослов, историк и публицист — 71.

Штуттгарт — || XII, 367.

Эдвардс Пасмор — лорд, мэр Лондона — 112.

Эйфелева башня — в Париже — 37, 287, || XXXI.

Элпидин Михаил Константинович (1835—1908) — русский эмигрант, организовавший в Женеве издательство для печатания запрещенных в России произведений — || 362, 370.

Эпиктет (ок. 50—ок. 138 н. э.) — римский философ-стоик — 192.

Эпикур (341—270 до н. э.) — древнегреческий философ — 52.

Юзовский завод — металлургический завод в Екатеринославской губернии, построенный в 1869—1870 гг. англичанином Джоном Юзом — 251, 260.

Юлий Цезарь, Гай (100—44 до н. э.) — государственный деятель древнего Рима, полководец — 14 («корона Цезаря»), 116 («Кесарь»).

Янжул Иван Иванович (1846—1915) — профессор Московского университета по кафедре финансового права, с 1895 г. академик — || 360, 361.

Ясная Поляна, Тульской губ. — || 334—337, 340, 341, 344—346, 348, 350, 352, 354, 355, 359, 361, 362, 364, 368, 370, 375, 378, 380.

«Aus fremden Zungen» — журнал немецкого издателя Иосифа Кюршнера — || 363.

Bartlett J. D. — участник Международного конгресса в Лондоне в 1891 г. — 100, 297.

Broglïe A. de, «L'Eglise et l'Empire romain an IV-e siècle», I (А. де Брогль, «Церковь и Римская империя в IV веке») — || 340.

«Deutsche Verlagsanstalt» — немецкое издательство — || 367.

Defourny — католический священник, участник Международного лондонского конгресса в 1891 г. — 101, 297.

Felix Schroeder, «Le Tolstoïsme», — || XXIV.

«Figaro» — французская газета — || 366.

«Forum» — американский журнал — 31.

Hausrath A., «Neutestamentliche Zeitgeschichte» (Гаусрат, «История Нового Завета») — || 340.

Jeanne Marie Bouvières de la Moth Guyon, «La Sainte Bible» (Жанна-Мария Бувьер де ла Мот-Гюйон, «Святая библия») — || 340.

Camp Maxime du — участник международного лондонского конгресса мира в 1891 г. — 114, 297.

«Crimes of Christianity» («Преступление христианства») — брошюра — || 341.

Lawson Wilfrid — участник Международного лондонского конгресса мира в 1891 г. — 100, 297.

«La paix par le droit» — французский журнал — || XXI, XXII.

«New basis of church life» («Новые основы церковной жизни») — статья неизвестного автора в американском журнале «Arena», 1890, октябрь — 73.

«Peace Herold» — французский журнал — 181.

Perrin et C° — французское издательство — || 366.

Poiret P., «L'oeconomie divine», Amsterdam, 1687 (Пуаре, «Божественная экономия») — || 340.

«Revue des Revues» — французский журнал — 107, 113, 125, 128, 297.

«Religio-Philosophical journal» — американский журнал — 15. Wilson F. Jowet — участник Международного конгресса мира в Лондоне в 1891 г. — 100, 297.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие. V
Редакционные пояснения XXXVI

СОЧИНЕНИЯ

Царство божие внутри вас 1
Оглавление 294

ВАРИАНТЫ

Царство божие внутри вас 309

КОММЕНТАРИИ

Н. В. Горбачев

История писания и печатания трактата «Царство божие внутри вас» 333
Текстологические примечания 371
Описание рукописей 373
Указатель собственных имен 382

ИЛЛЮСТРАЦИИ

Л. Н. Толстой. Рисунок И. Е. Репина. 1891 г. между стр. XXXVIII и XXXIX. Черновая редакция начала XII главы между стр. 220 и 221.

Редактор С. А. Розанова.
Технический редактор Л. М. Сутина.
Корректор А. Н. Кашин.

Сдано в набор 15/XII 1956 г. Подписано к печати 24/VIII 1957 г. Бумага 68×100¹/₁₆. 25 печ. л. 30,75 усл. печ. л. уч.-изд. л. 25,33 + + 3 вкл. = 25,5. Зак. № 1851. Тираж 5 000.

Гослитиздат.
Москва, Б-66, Ново-Басманная, 19.

Министерство культуры СССР.
Главное управление полиграфической промышленности. 2-я типография «Печатный Двор» им. А. М. Горького.
Ленинград, Гатчинская, 26.

Настоящее юбилейное издание первого полного собрания сочинений Л. Н. Толстого печатается на основании постановлений Совета Народных Комиссаров СССР от 24 июня 1925 г., 8 августа 1934 г. и 27 августа 1939 г.